

Е. А. Лукашева

ПРАВО
МОРАЛЬ
ЛИЧНОСТЬ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Е.А.Лукашева

ПРАВО МОРАЛЬ ЛИЧНОСТЬ

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
В. М. ЧХИКВАДЗЕ



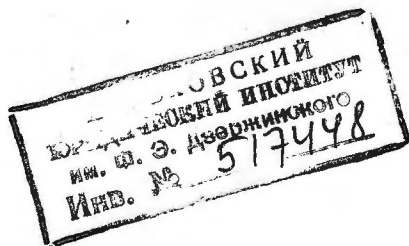
МОСКВА
«НАУКА»
1986

В монографии исследуются общее и специфичное в праве и морали, закономерности их взаимодействия, их значимость для формирования личности. Показан генезис правовых и моральных норм, их место в развитии и становлении культуры человечества.

Особое внимание уделено вопросам взаимодействия права и морали в условиях социалистического общества, влияния морального прогресса на возрастание роли общенародного права в жизни общества, раскрытию моральной ценности права, его гуманизма и социальной справедливости, нравственным критериям совершенствования правовых основ государственной и общественной жизни.

Рецензенты:

Г. В. МАЛЬЦЕВ, В. С. НЕРСЕСЯНЦ



Всестороннее совершенствование социалистического общества неотделимо от воспитания нового человека, строящего свою жизнь на основе важнейших нравственных ценностей — добра, чести, совести, справедливости, гуманизма, гражданской ответственности, социальной ответственности. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии М. С. Горбачев подчеркнул: «Социализм — это общество высокой нравственности. Нельзя быть человеком идейным, не будучи честным, совестливым, порядочным, требовательным к себе»¹.

В новой редакции Программы КПСС указано, что достижение нового качественного состояния общества требует не только совершенствования экономических отношений, но и глубоких перемен в сфере труда, материальных и духовных условий жизни людей, активизации всей системы политических и общественных институтов, углубления социалистической демократии, самоуправления народа². Решение всех этих задач неразрывно связано с возрастанием роли человеческого фактора, формированием нового человека, воспитанием в нем высокой гражданской ответственности, политической, идейно-нравственной убежденности.

Особое место в формировании духовного мира личности, ее сознания и культуры, активной жизненной позиции принадлежит праву и морали, которые являются важнейшими социальными регуляторами, включенными в систему общественных отношений, целенаправленно воздействующими на их развитие и совершенствование и тем самым на преобразование сознания личности.

Право и мораль — важнейшие элементы человеческой культуры, всегда выступающие в тесном взаимодействии, характер которого определяется конкретно-историческими условиями и социально-классовой структурой общества. Такое взаимодействие объективно обусловлено, так как генезис и реальное бытие права и морали определяются едиными сферами общественных отношений, в которых разветвляются сложные и подчас противоречивые связи данных социальных регуляторов.

В социалистическом обществе эти связи объективируются в важной закономерности — возрастании морального потенциала советского общенародного права, этических основ законности. Право и законность — это явления не только политико-юридические, но и социально-этические. Правовая жизнь общества не может развиваться вне моральных категорий гуманизма и социальной справедливости,

¹ См.: Правда, 1986, 26 февр.

² Там же, 7 марта.

совести и чести, добра и человеческого достоинства, свободы и ответственности. Органическая включенность этих нравственных идеалов и принципов в реальные правовые связи и отношения — свидетельство повышения моральной ценности права. «Нравственное измерение» права — неотъемлемое условие его дальнейшего развития и совершенствования, усиления его личностной, гуманистической ориентации. Возрастание нравственных начал социалистического права — одно из проявлений социального прогресса, который невозможен без упрочения этических аспектов общественных отношений.

Вся сфера действия права должна быть «пространством моральности». Несовершенство законодательства, правоприменительной деятельности, нарушение законности и правопорядка неизбежно влекут за собой дисфункции в сфере нравственного сознания и нравственных отношений, и, подрывая уважение к праву, оборачиваются большими нравственными потерями. Поэтому постоянный учет уровня и состояния морального сознания — важный фактор повышения эффективности действия права и упрочения законности. Соотношение права и морали — это не односторонний процесс влияния морали на право, это та связь, которая взаимно обогащает и развивает правовые и нравственные отношения. Социалистическое право оказывает большое воздействие на нравственное формирование личности, воспитание дисциплинированности и организованности, уважения к политическим и правовым институтам.

На современном этапе развития нашего общества особую актуальность приобретает борьба с антиподами социалистической морали, порождающими безответственность, нечестность, отступления от принципов социалистического образа жизни. Апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС подчеркнул, что «партия и впредь будет вести самую решительную борьбу со всеми негативными явлениями, чуждыми социалистическому образу жизни, нашей коммунистической морали»³.

Хищения социалистической собственности, очковитирательство, приписки, бесхозяйственность, неуважение к правам личности, невыполнение договорных и иных обязательств всегда имеют своей основой моральную ограниченность, этическую неразвитость определенной части людей и отдельных социальных групп. В преодолении этих явлений, несовместимых с принципами социалистического образа жизни, важная роль принадлежит праву, которое закрепляет не только юридические, но и нравственные ценности и идеалы и тем самым способствует их утверждению в реальных общественных отношениях.

Тесное взаимодействие права и морали определяет необходимость усиления связи правового и идейно-нравственного воспитания личности. Только такая связь может формировать стойкие правовые убеждения, способствовать повышению нравственной зрелости личности, а в конечном счете — совершенствованию социалистических общественных отношений. Усвоение принципов и норм социалисти-

³ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 года. М., 1985, с. 13.

ческой морали — необходимое условие формирования уважения к праву, превращения его требований во внутреннюю потребность и привычку каждого.

Проблема соотношения права и морали имеет важное значение и в связи с резким обострением идеологической борьбы, противоборством двух социальных систем. Моральные проблемы века — социальная справедливость, гуманизм, обеспечение мира и уважения достоинства личности выдвинуты сегодня на передние рубежи общественной жизни и находятся в центре международной классовой борьбы. Научно-техническая революция еще более поднимает значимость нравственных проблем в связи с возрастанием ответственности государственных деятелей, ученых, всего человеческого сообщества за предотвращение использования величайших достижений науки и техники во вред человечеству, за сохранение мира, здоровой окружающей среды для нынешнего и грядущих поколений.

Приращение нравственных ценностей социализма занимает особое место в арсенале наших идейных противников, усиливших в последнее время критику реального социализма с позиций «нравственных» критериев.

Современный этический релятивизм, отрицающий объективную природу моральных ценностей, стремящийся подменить подлинные моральные ценности мнимыми, выступает в авангарде борьбы против марксистско-ленинской этики, моральных ценностей социализма, принципов социалистического образа жизни. Он взят на вооружение буржуазными идеологами, а также ревизионистами, которые выдвигают концепции «этического», «гуманного» социализма, противопоставляют их марксистско-ленинскому учению о закономерностях возникновения и развития социалистического строя, обвиняют его в «аморальности», в игнорировании интересов личности. Эти приемы не новы. Еще в первые годы существования Советской власти В. И. Ленин писал: «Часто представляют дело таким образом, что у нас нет своей морали, и очень часто буржуазия обвиняет нас в том, что мы, коммунисты, отрицаем всякую мораль. Это — метод подменять понятия, бросать песок в глаза рабочим и крестьянам»⁴.

Для разоблачения лживых измышлений буржуазной пропаганды об «этическом безразличии» марксизма-ленинизма, об «аморальности» реального социализма важно рассмотрение всех аспектов социалистического образа жизни с позиций моральных ценностей. Исследование правовых аспектов социалистического образа жизни раскрывает подлинно гуманную, этическую сущность социалистического права и законности, их нравственную ценность, моральные критерии всей правовой системы развитого социализма.

В связи с широко развернувшейся на Западе кампанией «борьбы» за права человека, в которой широко используются обвинения стран социализма в попрании принципов гуманизма и справедливости, игнорировании интересов личности, особую значимость приобретает раскрытие этических основ взаимоотношений государства и личности, правового статуса, системы прав, свобод, обязанностей.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 309.

В советской юридической литературе взаимодействие права и морали получило освещение в ряде монографий и статей, в учебной литературе. Среди них следует отметить прежде всего работы: юристов М. П. Карева (поставившей ряд важных теоретических проблем, связанных с исследованием природы и сущности права и нравственности как важнейших социальных регуляторов), Е. А. Якубы, Ю. А. Агешина⁵; философов Я. З. Хайкина, Е. М. Пенькова, М. И. Бобневой⁶; этиков (затронувших в своих работах некоторые аспекты данной проблемы) О. Г. Дробницкого, А. И. Титаренко, А. А. Гусейнова и др.

Особая значимость моральных ценностей в правовой жизни социалистического общества, а также вовлечение нравственных проблем в современную идеологическую борьбу определяют необходимость повышения внимания к этическим основам социального действия права.

В данной работе сделана попытка рассмотреть общие методологические аспекты соотношения права и морали, а также особенности их взаимодействия в условиях развитого социализма.

— Право и мораль — социальные регуляторы, структурно-функциональная характеристика которых раскрывается через понятие нормативности. Однако понятие нормативности как универсального свойства общественных отношений все еще недостаточно разработано не только в юридической, но и в других общественных науках. Поэтому в монографии особое внимание уделено исследованию данного понятия, необходимого для анализа общего и особенного в правовых и нравственных регуляторах. Это помогает раскрыть гносеологические и онтологические аспекты права и морали, соотношение в них объективного и субъективного, должного и сущего, исследовать значение ценностей и оценок в правовой и нравственной жизни общества, проблему истинности правовых и моральных норм.

Особый интерес представляют принципиально новый характер взаимодействия права и морали в социалистическом обществе, возрастание нравственной ценности социалистического права и законности, роль нравственных критериев в совершенствовании правовых основ государственной и общественной жизни, утверждении принципов гуманизма и социальной справедливости.

Автор выражает глубокую благодарность рецензентам — доктору юрид. наук., проф. Г. В. Мальцеву и доктору юрид. наук., проф. В. С. Нерсисянцу за ценные критические замечания, сделанные при подготовке рукописи к печати

⁵ См.: Карева М. П. Право и нравственность в социалистическом обществе. М., 1951; Якуба Е. А. Право и нравственность как регуляторы общественных отношений при социализме. Харьков, 1970; Агешин Ю. А. Политика, мораль, право. М., 1982.

⁶ См.: Хайкин Я. З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. М., 1972; Пеньков Е. М. Социальные нормы — регуляторы поведения личности. М., 1972; Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978.

ПРАВО И МОРАЛЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ

Глава I

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

1. НОРМАТИВНОСТЬ КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ СВОЙСТВО ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТИЯ

Исследование проблемы взаимодействия права и морали следует, на наш взгляд, начинать с генезиса и социальной сущности нормы, выявления ее места в системе общественных отношений, в социальной деятельности людей. Нормативная структура — один из важнейших признаков правовой и моральной систем, поэтому рассмотрение социальной природы нормативности будет способствовать раскрытию как общего, присущего праву и морали, так и специфики данных социальных регуляторов.]

Понятие нормы, нормативности неотделимо от социальной деятельности людей, от их общественных отношений, от их общественного бытия. Норма не есть нечто стоящее вне общественных отношений, над ними, она органично вплетена в деятельность людей и выражает наиболее типичные и устойчивые общественные связи и отношения. Поэтому исследование нормы сопряжено с анализом общественных отношений, деятельности индивидов как способа их социального бытия, с личностным подходом к природе нормативности. «Предпосылки, с которых мы начинаем,—писали К. Маркс и Ф. Энгельс,—не произвольны... Это действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью»¹. Как видно из данного положения, исходная позиция марксистско-ленинской методологии состоит в выявлении социальной сущности индивидов, которая раскрывается в их деятельности; зависимости этой деятельности от материальных условий жизни индивидов. Основоположники марксизма при изучении природы общественных отношений и предметно-практической деятельности людей исследовали прежде всего сущность человека, рассматривая ее как совокупность всех общественных отношений². К. Маркс подчеркивал, что «именно личное, индивидуальное отно-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 18.

² Там же, с. 3.

шение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создало — и повседневно воссоздает — существующие отношения³. Этот личностный смысл К. Маркс придает и характеристике общества: «Что же такое общество, какова бы ни была его форма? Продукт взаимодействия людей»⁴. Вместе с тем общество «не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу»⁵.

Вся история есть единый, закономерный процесс, который предстает как деятельность людей. Материалистическое объяснение истории есть объяснение самой деятельности людей, всегда сознательной по своей форме, объективной по своему содержанию, направленной в конечном счете не только на производство средств существования, но и на совершенствование людей, гуманизацию истории⁶.

Из этого вытекает, что исследование генезиса и социальной природы какого-либо явления не должно ограничиваться констатацией его обусловленности материальными условиями жизни общества. Необходимо раскрытие его связей с деятельностью человека, с его потребностями и целями, без чего любое социальное явление теряет смысл, превращаясь в абстрактную схему.

Характер общественных связей и отношений детерминирует характер социальной организации общества, которая может быть раскрыта только через деятельность людей, индивидов. Это положение подчеркивал К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе», отмечая, что «главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно»⁷.

Из этого следует, что изучение предметной практической деятельности людей — необходимая предпосылка исследования общественных отношений, социальной организации общества. Общественные отношения и деятельность неотделимы друг от друга, это явления взаимосвязанные, хотя и нетождественные. Общественные отношения выступают в качестве формы человеческой деятельности. Положение К. Маркса о том, что материальные отношения людей «суть лишь необходимые формы, в которых осуществляется их материальная и индивидуальная деятельность»⁸, применимо к характеристике всех видов общественных отношений — и социальных, и политических, и правовых, и моральных. Все эти виды общественных отношений выступают как формы различной по характеру социальной деятельности людей.

³ Там же, с. 440.

⁴ Там же, т. 27, с. 402.

⁵ Там же, т. 46, ч. I, с. 214.

⁶ См.: Федосеев П. Н., Ильичев Л. Ф. О некоторых методологических проблемах исторического материализма. — *Вопр. философии*, 1984, № 6, с. 10.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 1.

⁸ Там же, т. 27, с. 403.

Общественные отношения возникают только в процессе взаимодействия людей, обмена деятельностью и ее результатами. Люди «не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»⁹.

Категория «отношение» раскрывает универсальную зависимость индивидов друг от друга, порождаемую универсальностью потребностей, средств потребления, производительных сил индивидов, созданной универсальностью обмена¹⁰. Люди не просто «относятся» друг к другу; за этим отношением всегда стоят интересы человека, его потребности в общении, во взаимном обмене материальными и духовными ценностями. В постоянном и активном взаимодействии человека с миром — природой и обществом — осуществляется его индивидуальное развитие, реализация его потребностей и способностей. «Обмен веществ, энергии, информации и даже самих человеческих свойств в этом процессе взаимодействия имеет универсальный характер для бытия и сознания»¹¹.

Подчеркивая прочно вошедший в научный обиход вывод об универсальности явлений обмена для социального взаимодействия, Г. В. Мальцев показывает механизмы взаимного учета действий членами общества, которые направлены на обеспечение процессов сбалансирования и выравнивания общественных отношений, и отмечает важность таких принципов социального общения, как взаимность и эквивалентность¹². Учет взаимных действий, обменные отношения в материальных и духовных сферах органически присущи общественным отношениям. Характер такого учета и характер социального обмена не произвольны, они определяются достигнутым уровнем производительных сил, способом производства в целом. Порядок сбалансированности взаимных обменных действий не является постоянной величиной для всех общественно-экономических формаций. В любом обществе он определяется не только уровнем производства и потребления, но и классовой структурой, состоянием культуры данного общества, его традициями, социально-психологическими состояниями и настроениями.

Но для каждого общества процесс социального взаимодействия связан с обменом, каждому обществу присущ свой характер обмена, объективирующийся в устойчивых, повторяющихся формах и общественных связях.

Объективный характер социального взаимодействия людей, связанного с обменом деятельностью, не означает, что оно находится вне сферы сознания. Социальная деятельность людей неотделима

⁹ Там же, т. 6, с. 441.

¹⁰ Там же, т. 46, ч. I, с. 476.

¹¹ Афанасьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968, с. 326—327.

¹² Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право. М., 1977, с. 52—53.

от их сознания, которое, отражая объективные процессы общественного развития, является предпосылкой и регулятором человеческой деятельности. Регулятивная роль сознания проявляется в его воздействии на деятельность людей и тем самым на всю систему общественных отношений, выступающую как результат социальной деятельности.

Действуя сознательно, люди вместе с тем не свободны в выборе характера деятельности. Они должны считаться с объективной действительностью, с исходными предпосылками человеческого существования. Ставя перед собой определенные цели, люди не могут не учитывать той объективной детерминации, которая предстает перед ними как общественная необходимость. «Человек,— писал В. И. Ленин,— в своей практической деятельности имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность»¹³. Этот объективный мир порождает и цели человека, и его потребности; он определяет характер человеческой деятельности.

Детерминированность социальной деятельности объективными законами общественного развития вовсе не сводит к нулю роль сознания и воли людей. Марксизм-ленинизм придает огромное значение сознательной деятельности людей, ее воздействию на развитие общественных отношений. В объективной обусловленности социальной деятельности людей и ее сознательном целенаправленном характере содержится диалектическое противоречие, которое преодолевается в процессе общественного развития. В. Н. Сагатовский справедливо подчеркивает это фундаментальное противоречие социальной реальности «между идеальными представлениями о должном, свободой выбора, которую осуществляет субъект, строящий и пытающийся реализовать свои программы, и материальным сущим с его собственной объективной необходимостью, которая создает предпосылки появления и детерминирует условия реализации программ человеческой деятельности»¹⁴.

Отмеченное противоречие дает основание для понимания социальной реальности как естественноисторического развития общества, которое не сможет реализоваться без целенаправляющей деятельности субъекта. В этом проявляется диалектика объективного и субъективного, материального и идеального в общественных явлениях.

Социальная деятельность и общественные отношения опосредованы сознанием и поэтому выступают как вторичное, производное от материальных условий жизни общества, от бытия. Но эта характеристика корректна только в рамках основного гносеологического вопроса, раскрывающего первичность бытия и вторичность явлений, связанных с сознанием. Рассмотрение онтологических аспектов социальной деятельности и отношений показывает наличие в них неразрывного единства материального и духовного, объективного и субъективного, общественного и личного. В. И. Ленин критико-

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 169—170.

¹⁴ Сагатовский В. Н. Общественные отношения и деятельность.— *Вопр. философии*, 1981, № 12, с. 71.

вал А. Богданова за попытки отождествлять общественное бытие и сознание. Вместе с тем он подчеркивал, что за пределами гносеологического исследования «оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой»¹⁵. В. И. Ленин отмечал, что «различие идеального от материального тоже не безусловно»¹⁶, что «различие субъективного от объективного есть, но и оно имеет свои границы»¹⁷.

• В системе общественных отношений следует выделять производственные, экономические отношения, которые складываются объективно, независимо от сознания людей. Но независимость этих отношений от сознания людей отнюдь не означает, что они развиваются помимо сознания и воли людей. Эта независимость означает лишь то, что конечный результат таких отношений является, как правило, иным, чем тот, который преследовали индивиды в своей конкретной предметной деятельности. Деятельность, поведение людей в производстве «исходят от сознательной воли и особых целей индивидов, тем не менее совокупная целостность этого процесса выступает как некоторая объективная связь, возникающая стихийно; хотя она и проистекает из взаимодействия сознательных индивидов, но она не заключена в их сознании и в целом им не подчинена»¹⁸. Как видно из данного положения, объективная связь индивидов в процессе производства также порождена их деятельностью. Поэтому «нельзя рассматривать производственные отношения независимыми от производственной деятельности людей, ибо они не обладают отдельностью своего бытия, будучи элементом системы социальной деятельности как способа существования социальных систем, объектов»¹⁹. Отсюда вытекает, что вся система общественных отношений, в том числе и отношения производственные, является результатом деятельности индивидов, наделенных сознанием и волей, преследующих свои цели.

Социальное взаимодействие индивидов в процессе производства, обмена, распределения неизбежно приводит к столкновению сознаний и воль участников социального общения, интересов индивида и социального целого. Известно, что «история — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»²⁰. Однако «история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна рав-

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 259.

¹⁶ Там же, т. 29, с. 104.

¹⁷ Там же, с. 90.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 141.

¹⁹ Маргулис А. В. К характеристике методологических аспектов общесоциальной теории. — *Вопр. философии*, 1982, № 12, с. 77.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 102.

подействующая — историческое событие... Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей, каждый из которых хочет того, к чему его влечет физически конституция и внешние, в конечном счете экономические, обстоятельства (или его собственные, личные, или общесоциальные), что эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую, — из этого все же не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в нее»²¹.

«Социальное взаимодействие людей объективно проявляется в повторяющихся актах производства, обмена, распределения, в потребности упорядочить многообразные общественные связи и отношения. Такая потребность появляется одновременно с возникновением труда и обмена на самых ранних этапах развития общества. «На известной, весьма ранней ступени развития общества возникает потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинился общим условиям производства и обмена»²².

«Общими правилами охватываются многократно повторяющиеся акты деятельности людей, повторяющиеся связи и устойчивые формы отношений. Многократная повторяемость определенных актов деятельности — это особая черта исторического процесса. «Постоянное изменение вещей и смена качеств включает в себе одновременно и повторение определенных явлений и качеств — момент устойчивости и относительного покоя данного качества в количественном изменении и абсолютном беспокойстве вещей»²³.

В. И. Ленин подчеркивал, что «закон есть прочное (остающееся) в явлении»²⁴. Если лишить общественное развитие свойства повторяемости, то весь естественноисторический процесс предстал бы как механическое нагромождение неповторяемых событий и действий, в которых нет места закономерным связям и устойчивым формам социального взаимодействия. «Закономерность социального процесса... есть не что иное, как *повторяемость и законы этой повторяемости*, отношение отдельного и общего в историческом процессе, устойчивая связь и единство, в котором повторение одних явлений с необходимостью влечет за собой повторение других. Без этого повторения не было бы ни социальной закономерности, ни закономерности вообще»²⁵.

Повторяемость явлений и событий выявляет внутреннюю закономерность их развития. Одной из форм выражения этих закономерностей является *нормативность* явлений, процессов, связей, которая выражает объективно необходимые способы взаимодействия явле-

²¹ Там же, т. 37, с. 395—396.

²² Там же, т. 18, с. 272.

²³ Живкович Л. Теория социального отражения: Пер. с сербо-хорват. М., 1969, с. 281.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 136.

²⁵ Живкович Л. Указ. соч., с. 281.

ний и событий как результата предметной практической деятельности людей. [С. Лем в статье «Модель культуры» высказывает интересную мысль о том, «что полоса свободы, которую мир оставляет в распоряжении эволюционирующего общества, уже выполнившего долг адаптации, т. е. набор непрременных заданий, заполняется комплексами поведения, поначалу случайными. Однако со временем они застывают в процессах самоорганизации в такие структуры норм, которые формируют внутрикультурный образец «человеческой породы», навязывая ему схемы долженствования и повинностей»²⁶]

Нормативность выступает не только формой объективно необходимых связей и способов взаимодействия людей, но и формой развития всех природных процессов. Процесс взаимодействия людей охватывает как их отношения между собой (производство, обмен, потребление), так и их отношения к природе (развитие производительных сил). Поэтому закономерные связи, возникающие в процессе этого универсального взаимодействия, приобретают универсальную форму нормативности, которая органически присуща всему процессу естественноисторического развития общества. В. И. Ленин отмечал, что открытие повторяемости общественных явлений, исследования реальной основы этой повторяемости позволили перейти от описания общественных явлений к их строго научному анализу²⁷. Повторяемость общественных явлений лежит и в основе закономерностей социальной деятельности людей, предопределяя объективно присущие этой деятельности свойства. Таким свойством социальной деятельности людей, их общественных отношений является нормативность, которая выступает как формы взаимодействия людей, эмпирически складывающиеся на основе исторически определенного способа производства и приобретающие относительную стабильность и устойчивость. В. И. Ленин отметил, что «практическая деятельность людей миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом»²⁸.

Идеологическим структурам предшествует практическая деятельность людей в ее эмпирически складывающемся нормативном выражении. «Действительными людьми в их действительном общении,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— созданы эмпирические отношения, и уже потом, задним числом, люди эти отношения конструируют, изображают, представляют себе, укрепляют и оправдывают...»²⁹

Данное положение имеет важное методологическое значение, поскольку в нем подчеркнута первичность эмпирических отношений и вторичность процесса «конструирования», «изображения» этих отношений. Одним из способов конструирования, укрепления и оправдания фактически сложившихся социальных отношений является их

²⁶ Лем С. Модель культуры.— *Вопр. философии*, 1969, № 8, с. 51.

²⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 137.

²⁸ Там же, т. 29, с. 172.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 222.

субъективное осознание и выражение в идеальных нормативных системах. Эти нормативные системы не есть изобретение сознания, они выступают как субъективное, идеальное отражение реально существующей нормативности социальных связей и отношений.

Объективная нормативность общественных отношений, формирующаяся в процессе социальной деятельности людей, их социального общения, — одна из важных закономерностей развития общественного бытия, его универсальное свойство. Нормативность по своей природе противоречива, поскольку *«общественные отношения»* — это как объективированная, унаследованная, так и совокупная живая, чувственная и т. п. *деятельность людей*, выступающая в качестве сотрудничества многих индивидов *в связи с их отношением друг к другу»*³⁰. Поэтому каждое поколение людей застаёт уже сформировавшиеся нормативы и вместе с тем в процессе социальной деятельности формирует новые. «...Уже с самого начала обнаруживается материалистическая связь людей между собой, связь, которая обусловлена потребностями и способом производства и так же стара, как сами люди, — связь, которая принимает все новые формы, а следовательно представляет собой «историю», вовсе не нуждаясь в существовании какой-либо политической или религиозной нелепости, которая еще сверх того соединяла бы людей»³¹.

Связь людей, определяемая способом производства и принимающая все новые и новые формы, проявляется в нормативности их поведения. Социальная норма генетически порождена системой общественных связей и отношений и в силу этого обладает, по выражению М. И. Бобневой «объективной властностью». Как правильно отмечает М. И. Бобнева, во всей обширной социологической и социально-психологической литературе нет работ, прямо ставящих вопрос об «объективной властности норм», т. е. о той властности, которая определяется реальными условиями существования групп или общностей и социального поведения людей, не зависящих от каких бы то ни было типов «конвенций» или «авторитетности», субъективных волей, желаний, ожиданий и предпочтений индивидов и общностей³².

Возникновение социальных норм и их развитие выражают тенденцию общества к самоподдержанию, проявляющуюся в процессе обмена материальными и духовными благами. Объекты обмена выступают в качестве тех ценностей, которые человек стремится получить, освоить, и поэтому обменные отношения приобретают нормативно-ценностный характер, а повторяющиеся, устойчивые связи, возникающие в процессе обмена деятельностью, благами материального и духовного характера, становятся привычными эталонами социального поведения.

³⁰ Перфильев М. Н. Общественные отношения: Методологические и социологические проблемы. Л., 1974, с. 107.

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 28—29.

³² См.: Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978, с. 42.

Так формируется объективная нормативно-ценностная система, аккумулирующая сложившиеся относительно стабильные социальные связи. Эта система противоречива по своей природе, поскольку существование в обществе различных классов и социальных групп порождает различные нормативно-ценностные связи, которые нередко (особенно в условиях антагонистических общественно-экономических формаций) взаимно противоречивы. Относительная стабильность социальных связей приходит в противоречие с динамично развивающимися общественными отношениями. Причем реально действующие и объективно детерминированные нормы вступают в противоречие не только с идеально-субъективными представлениями различных классов о ценности и справедливости, но и с групповыми социальными нормами, формирование которых происходит также в процессе эмпирически развивающихся общественных отношений. Преодолению противоречивости способствует «объективная власть» социальных норм, сохраняющаяся до тех пор, пока существуют породившие их условия производства, распределения и обмена.

Противоречивость развития объективной ценностной нормативной системы не снижает ее значимости в поддержании стабильности и устойчивости конкретной социальной системы, в осуществлении этой системой саморегуляции.

Объективная нормативность — один из важнейших факторов социального развития, одна из форм фиксации закономерных способов человеческой деятельности. Можно согласиться с положением чехословацкого философа В. Брожика, согласно которому «объективная ценностная система существует как предпосылка общественного существования человека, как общественное бытие и его проявление»³³.

Объективный характер социальных норм определяется следующими обстоятельствами:

- а) социальные нормы возникают из объективной потребности социальных систем в саморегуляции, в поддержании стабильности и порядка;
- б) норма возникает в процессе деятельности людей, объективно обусловленной способом производства;
- в) норма неотделима от отношений обмена, характер которых также детерминирован способом производства и распределения;
- г) материальные и духовные блага, выступающие объектом обменных отношений, не произвольны, а заданы существующими экономическими и социально-культурными условиями.

Таким образом, объективные социальные нормы — это повторяющиеся и устойчивые социальные связи, возникающие в процессе социальной деятельности людей по обмену материальными и духовными благами и выражающие потребность социальных систем в саморегуляции.

Исследование общества, его структур с позиций нормативности как объективного свойства социального бытия человека — важный

³³ Брожик В. Марксистская теория оценки. М., 1982, с. 137.

путь выявления закономерностей предметно-практической деятельности людей. Эта проблема еще только начинает привлекать внимание ученых-обществоведов. Следует согласиться с мнением А. В. Дроздова, что в число существенных признаков, характеризующих общественные отношения и могущих войти в определение общественных отношений, необходимо включить нормативность, организационную оформленность³⁴.

Категория нормативности универсальна для всех видов общественных отношений, поэтому без ее исследования нельзя понять во всем объеме естественноисторический процесс развития общества, деятельностные и личностные аспекты этого процесса. Представляется очень интересным и заслуживающим поддержки предложение В. Брожика о том, что поскольку норма объективно является точкой пересечения многих процессов, то «само понятие нормы необходимо ввести в систему философских категорий диалектического и исторического материализма, подвергнуть его изучению в контексте широких системных взаимосвязей»³⁵.

✓ Категория нормы — важное средство познания всех видов общественных отношений, поэтому при изучении ее природы следует опираться на данные политической науки, этики, социологии, правоведения, психологии, эстетики и т. д. Тем не менее до недавнего времени генезис и природа нормативности как универсальной формы развития общественных отношений слабо изучались общественными науками. В значительной мере с этим связаны противоречивые позиции относительно природы социальных норм и способов их бытия.

Последнее десятилетие проблемы общего понятия социальных норм привлекли внимание ученых-обществоведов. Появились интересные работы Е. М. Пенькова³⁶, М. И. Бобневой³⁷, В. Брожика³⁸. Среди юристов исследованию общего понятия «социальная норма» уделили внимание В. Н. Кудрявцев³⁹, А. М. Яковлев⁴⁰, Е. А. Якуба⁴¹, И. М. Бачиашвили⁴² и др.

Однако, несмотря на возросший интерес к проблеме социальных норм, ряд важных вопросов по-прежнему остается неразработанным. К их числу относится прежде всего вопрос о природе нормы. А от его правильного решения зависит определение границ (пределов)

³⁴ См.: Дроздов А. В. Человек и общественные отношения. Л., 1966, с. 28, 29.

³⁵ Брожик В. Указ. соч., с. 133.

³⁶ Пеньков Е. М. Социальные нормы — регуляторы поведения личности. М., 1972.

³⁷ Бобнева М. И. Указ. соч.

³⁸ Брожик В. Указ. соч.

³⁹ Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982, с. 15—20.

⁴⁰ Яковлев А. М. Право и объективные социальные нормы. — Труды ВНИИСЗ. М., 1974, т. 1, с. 19—35.

⁴¹ Якуба Е. А. Право и нравственность как регуляторы общественных отношений. Харьков, 1970, с. 73—96.

⁴² Бачиашвили И. М. Соотношение правовых и неправовых норм в процессе регулирования социалистических общественных отношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981.

нормотворчества, способов воздействия норм на сознание и поведение людей, соответствия институциональных систем объективной логике общественного развития.

2. МОДИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТИВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ В ИДЕАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ СИСТЕМЫ

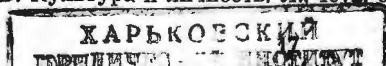
Как уже говорилось, объективные социальные нормы отвечают потребностям общества в саморегуляции, в поддержании устойчивости и порядка общественных отношений. Эта потребность субъективно осознается классами, группами, индивидами; результатом такого осознания является стремление взять под защиту одну группу норм, сохранить или «перекрыть» действие других норм, приспособить определенные нормативные системы к наиболее оптимальному обслуживанию общеклассовых или групповых интересов. Такое субъективное осознание социальной значимости объективных социальных норм играет чрезвычайно важную роль в установлении в обществе ценностных эталонов и стандартов, усилении воздействия социальных норм на сознание и поведение людей, распространении и усвоении социального опыта, понимании универсальной зависимости индивидов, преодолении противоречий между классами, социальными группами и индивидами.

Социальная система в ее нормативном выражении первична по отношению к индивиду, который должен усваивать и реализовывать формы отношений и связей, сложившиеся в обществе. Личность как универсальный компонент социальной системы⁴³ — носитель ее социально-типичных черт и, вместе с тем, индивидуального своеобразия и неповторимых личностных свойств. Субъективное осознание объективной нормативности и выражение осознанного в определенных формах способствуют ускорению перевода социального в индивидуальное, нарастанию и усилению эффекта нормативных средств опосредования отношений личности и социального целого. Результатом такого осознания является и более или менее четкая фиксация социальных норм, причем формы этой фиксации различны — это и писанные правила, и формально определенные предписания, и знаковые системы, и символы.

Ранее уже отмечалось различие позиций в понимании генезиса и природы социальных норм. Можно определить три подхода к решению данного вопроса. Первый подход состоит в констатации объективной природы нормы, возникающей в повторяющихся общественных отношениях и выражающей их внутренние закономерные связи. Сторонники данной точки зрения выводят социальную норму из деятельности людей. «Деятельность „нормирована“ изначально, нормы присутствуют в той или иной степени на всех ее этапах»⁴⁴, — пишет Э. В. Соколов. О. Г. Дробницкий, исследуя процесс становления норм, отмечает, что из стихийного взаимодей-

⁴³ См.: Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980, с. 279—292.

⁴⁴ Соколов Э. В. Культура и личность. Л., 1972, с. 136.



ствия индивидов могут рождаться нормативы, которые становятся образованием качественно иного порядка. Фактически складывающееся взаимодействие людей образует общепринятую форму поведения, которая становится «нормой», «правилом», принудительным образцом и эталоном для индивида и массы людей⁴⁵. Объективность социальных норм подчеркивается М. И. Бобневой⁴⁶, С. Анисимовым⁴⁷, В. Брожином⁴⁸ и др.

✓ Интересно исследована объективная природа социальных норм А. М. Яковлевым, который отмечает, что в социальной действительности существуют обычные повторяющиеся отношения, подпадающие под понятие объективной нормы. Подобную совокупность действий, образующих значительное большинство среди данного рода действий и характеризующихся высокой степенью однородности составляющих их сторон или элементов, целесообразно обозначить понятием «объективная социальная норма»⁴⁹.

✓ Наряду с этим существует и иная позиция, согласно которой норма является элементом общественного и индивидуального сознания. Подчеркивая объективную детерминированность нормы, сторонники такой позиции считают норму продуктом специализированной идеологической деятельности различных субъектов нормотворчества. Так, Е. М. Пеньков пишет, что социальная норма выступает как элемент общественного и индивидуального сознания, имеющего свои особенности, проявляющиеся в соответствующем реальном поведении людей, в их общественных отношениях (нравственных, правовых, семейных)⁵⁰. Такую же позицию занимает И. Попелова⁵¹. Эту точку зрения разделяют и большинство юристов (Н. В. Витрук, Н. И. Козюбра, А. А. Ушаков, И. М. Бачиашвили и др.), которые рассматривают право, правовые нормы как элемент, сферу общественного сознания. «В широком гносеологическом плане, — отмечает Н. И. Козюбра, — правовые нормы, несомненно, относятся к сфере общественного сознания»⁵².

✳ Есть еще одна позиция, представленная В. Н. Кудрявцевым, который считает, что большей частью уже сложившиеся в жизни нормы реального поведения генетически предшествуют правовым, нравственным или иным предписаниям. Однако возможна и другая ситуация, при которой сначала издается нормативное предписание (например, правовой акт), а затем оно реализуется в фактическом поведении⁵³.

⁴⁵ См.: Дробницкий О. Г. Понятие морали. М., 1974, с. 237.

⁴⁶ Бобнева М. И. Указ. соч., с. 42—48.

⁴⁷ См.: Анисимов С. Мораль как сторона человеческой деятельности. — В кн.: Структура морали и личность. М., 1977, с. 66—67.

⁴⁸ Брожин В. Указ. соч., с. 85 и др.

⁴⁹ Яковлев А. М. Указ. соч., с. 21.

⁵⁰ См.: Пеньков Е. М. Указ. соч., с. 47—48.

⁵¹ Попелова И. Этика: О исторической и современной проблематике нравственной теории. М., 1965, с. 569.

⁵² Козюбра Н. И. Социалистическое право и общественное сознание. Киев, 1979, с. 36.

⁵³ Кудрявцев В. Н. Указ. соч., с. 17—18.

Как видно из изложенного, расхождения в понимании природы и сущности социальных норм начинаются с весьма важного вопроса об объективном или субъективном их характере (отсюда и различный подход к генезису социальных норм, взаимосвязи объективного и субъективного).

Этот вопрос имеет важное методологическое значение для определения подлинного места социальной нормы в системе общественных отношений, пределов ее воздействия на социальную деятельность людей, границ нормотворчества.

На наш взгляд, следует различать реально существующие процессы — формирование объективных норм как устойчивых социальных связей, возникающих в результате закономерной повторяемости явлений, и процесс более или менее адекватного субъективного осознания этих норм и их выражения в различных системах правил, предписаний, знаковых системах и символах. Такое различение позволяет глубже исследовать генезис социальных норм, выявить многообразные формы их бытия и, в конечном счете, показать единство объективного и субъективного в нормативных системах.

Выше уже приводилось положение К. Маркса о первичности эмпирических отношений и вторичности процесса их конструирования. Можно привести еще одно важное рассуждение К. Маркса, развивающее это положение: «Размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается *post festum* (задним числом), т. е. исходит из готовых результатов процесса развития»⁵⁴.

В целом поведение, деятельность людей объективно нормирована, в противном случае, как уже отмечалось, общество превратилось бы в хаотическое нагромождение разовых актов поведения и случайных событий.

Ф. Энгельс в письме к В. Боргиусу подчеркнул, что люди сами делают свою историю и в процессе такой деятельности их стремления перекрещиваются. Но во всех «обществах господствует поэтому *необходимость*, дополнением и формой проявления которой является *случайности*, — опять-таки в конечном счете *экономическая*»⁵⁵.

Нормативность социального бытия человека — непреложное условие функционирования социальной системы. Она пробивает себе дорогу через все случайности еще на той стадии развития человеческого общества, когда сознание практически еще не отделилось от предметной деятельности людей. Известно, что «производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»⁵⁶. Точно так же вплетены в язык реальной жизни и социальные нормы. Так, на примере истории права

⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 85.

⁵⁵ Там же, т. 39, с. 175.

⁵⁶ Там же, т. 3, с. 24.

К. Маркс и Ф. Энгельс показывают, что в наиболее ранние и примитивные эпохи «индивидуальные, фактические отношения в их самом грубом виде и являются непосредственно правом. С развитием гражданского общества, т. е. с развитием личных интересов до степени классовых интересов, правовые отношения изменились и получили цивилизованное выражение. Они стали рассматриваться уже не как индивидуальные отношения, а как *всеобщие*»⁵⁷.

Способность человеческого сознания к абстрагированию, возникающая в процессе социокультурного развития человечества, создала возможность для познания, обобщения и формулирования нормативов, эмпирически уже существующих. Поэтому социальные нормы — это прежде всего результат социальной деятельности людей, конденсатор уже сформировавшихся устойчивых социальных связей, которые усваиваются и субъективно осознаются общественным и индивидуальным сознанием.

Специальная нормотворческая деятельность, связанная с осознанием и различными формами закрепления и выражения действующих объективных норм, — это закономерный процесс, выделяющийся на более высоких стадиях развития общества, когда возникает потребность создания идеальных соционормативных комплексов, выражающих интересы и потребности различных классов и слоев общества. Идеологизированное оформление данных комплексов направлено на создание условий для наиболее эффективного функционирования объективных норм, выражающих интересы и потребности экономически господствующих классов. И это, как правило, успешно достигается, поскольку субъективная деятельность господствующих классов дополняется объективной обусловленностью приоритета именно такого рода норм.

Рассматривая социальные нормы как «плоды» общественного сознания, И. Попелова и другие сторонники данной позиции правильно подчеркивают объективную обусловленность процесса создания норм⁵⁸. Но констатация этого факта недостаточно. Общественное и индивидуальное сознание отражает в процессе нормотворчества не просто аморфные общественные отношения, социальную деятельность, а такие отношения и деятельность, которые уже сформировались в блоки устойчивых связей и форм. Они спонтанно возникают в результате «перекрещивающихся сил» сознаний и воли в процессе обмена деятельностью и являются антиподом хаоса, произвольности, абсолютной свободы. Стихийность данного процесса отнюдь не означает его негативного влияния на общественное развитие. В. И. Ленин отмечал, что стихийность движения есть признак его глубины, прочности его корней, его неустрашимости⁵⁹.

Общественное сознание не изобретает нормы, оно, по выражению К. Маркса, «задним числом» конструирует, изображает и оправдывает⁶⁰ уже сложившиеся формы человеческих связей.

⁵⁷ Там же, с. 336—337.

⁵⁸ Попелова И. Указ. соч., с. 566.

⁵⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 217.

⁶⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 222.

Игнорирование этого факта приводит подчас к утверждениям, что норма (имеется в виду норма как результат субъективной деятельности человека) порождает общественные отношения. Так, Е. А. Якуба отмечает, что распространение и утверждение четких развитых нравственных взглядов приводит к возникновению нравственных норм. «...Диалектика процесса такова, что возникновению отношений всегда предшествует появление и распространение взглядов и норм»⁶¹. «...Правовые и нравственные отношения — не что иное, как результат процесса реализации норм»⁶².

Приведенные положения Е. А. Якуба показывают, что акцент сделан на первичности социальных норм относительно общественных отношений. Такая позиция находит широкое распространение в правоведении. По всей вероятности, это обусловлено особой формой выражения и объективизации правовых норм в системе нормативно-правовых актов, создающей преувеличенное представление о возможностях нормы порождать общественные отношения. Генезис норм трактуется в субъективном плане; сторонники такой позиции идут не от общественного отношения к норме, а от нормы к общественному отношению.

✓ Для правильного решения вопроса о природе социальных норм необходимо, на наш взгляд, преодолеть чисто гносеологический подход к проблеме сознания, рассматривая его не только как инструмент познания, но и как необходимый элемент любой деятельности. Тогда нормы предстанут не как продукт общественного сознания, не как форма, существующая «над» общественными отношениями, рядом с ними, а как феномен, вплетенный в реальную ткань общественных отношений, сознательной социальной деятельности людей.

Излишняя «гносеологизация» сознания, сведение его только к познавательным процессам правильно были выделены Л. П. Буевой на совещании по проблеме человека, проведенном журналом «Вопросы философии», в качестве одного из недостатков современных исследований. Другой недостаток — сознание (как в учебных курсах истмата, так и в научных исследованиях) нередко становится самостоятельным объектом исследования, существующим на манер гегелевского духа в отрыве от реальных субъектов исторического действия, его носителей. Человек трактуется как тощая абстракция — как познающий, размышляющий, философствующий, но реально не действующий субъект⁶³.

Безусловно, общественное сознание подключено к формированию социальных норм, но оно подключено к этому процессу в реальной предметной практической деятельности людей, в которой диалектически сочетается объективное как необходимость, и субъективное как проявление сознаний и воля участников общественных отношений.

⁶¹ Якуба Е. А. Указ. соч., с. 46.

⁶² Там же, с. 101.

⁶³ См.: Материалы совещания по проблеме человека в журнале «Вопросы философии». — *Вопр. философии*, 1980, № 7, с. 106.

Рассмотрение социальных норм как «плодов» общественного сознания вытекает из чрезмерной «гносеологизации» сознания и его недооценки в действительных характеристиках человека. Такой подход связан и с тем, что «вторичная» стадия нормативного бытия рассматривается в качестве исходной и единственной. Эта стадия, которой предшествует гносеологическая, познавательная деятельность общественного сознания, — важная форма существования социальных норм. И идеальные нормы, возникающие в результате данной деятельности, — это *явление сущности* объективных социальных норм.

Разумеется, в процессе субъективного познания объективных норм могут быть допущены и нередко допускаются искажения их подлинной сущности, неточное их отражение и воспроизведение. Однако в целом идеальные системы норм более или менее адекватно отражают и фиксируют объективные процессы в их единстве и противоречивости, динамике и стабильности.

Необходимость нормотворчества как способа создания идеальной системы норм, выражающих объективно сложившиеся общественные связи, определяется потребностью общества в управлении деятельностью людей, социальными процессами. Управление предполагает организацию, стабильность, целенаправленное регулирование общественных отношений, которое соответствовало бы объективным закономерностям общественного развития, интересам экономически господствующего класса. Подлинно научное управление обществом возможно лишь в социалистическом обществе. Однако и в досоциалистических общественно-экономических формациях господствующие классы путем эмпирического поиска и отбора всегда стремились к утверждению норм, которые отвечали бы их потребностям и интересам.

✱ Общество — сложный социальный организм, управление которым невозможно без искусственно создаваемых социальных нормативных подсистем. Все происходящие в нем процессы (производство материальной жизни, порождение новых потребностей, деятельность людей и отношения между ними) общество опосредует *искусственными подсистемами*, которые функционируют и развиваются по своим собственным законам. «Социальная система, включая в себя развивающиеся искусственные подсистемы, вынуждена управлять своей деятельностью с помощью искусственно же создаваемых программ» ⁶⁴

✱ Искусственные подсистемы — это ценностные ориентиры, которые отражают объективно сложившиеся нормы социального бытия. Мир нормативных явлений — это не спокойное поле, где все упорядоченно, согласованно; этот мир противоречив и при своей относительной стабильности исторически неустойчив. Противоречивы нормы различных классов и групп, противоречивы отношения между новыми нормами и устаревшими, противоречива сама социальная реальность, в процессе которой формируются объективные норма-

⁶⁴ Сагатовский В. Н. Указ. соч., с. 71.

тивные комплексы. Поэтому перед субъектами нормотворчества стоит сложная задача — создать единую, внутренне непротиворечивую нормативную подсистему, которая способствовала бы управлению социальной системой в соответствии с интересами и целями господствующего класса. К созданию таких подсистем применимо положение Ф. Энгельса о праве: «В современном государстве право должно не только соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть *внутренне согласованным* выражением, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий». А для того чтобы этого достичь, точность отражения экономических отношений нарушается все больше и больше»⁶⁵.

В этой связи возникает вопрос о способах отражения общественным сознанием объективной нормированности социального бытия. Это отражение является идеологическим процессом, и поэтому оно может давать искаженные, неточные суждения об отражаемом объекте. Такая трактовка идеологии, идеологического была высказана Ф. Энгельсом применительно к характеристике этого явления в буржуазном обществе. «Идеологизированное» воспроизведение тех или иных реальных отношений в условиях антагонистических общественно-экономических формаций всегда было связано со стремлением господствующих классов выдать свой классовый интерес за всеобщий, монополизировать какие-то способы человеческого поведения, какие-то социальные блага (особые кодексы чести дворянства; преимущества и привилегии, даваемые рождением; и т. д.). «Это сугубо целенаправленное и специфическое духовное освоение фактических отношений, осуществлявшееся в течение многих веков почти целиком на эмпирическом уровне и с классово определенных позиций»⁶⁶.

Подлинно научное отражение объективной действительности возникает в социалистической общественно-экономической формации, развитие которой опирается на знание объективных законов и умелое их использование.

Вопрос о механизме осознания и перевода исторически сложившихся социальных связей и форм в нормативные идеальные системы (процесс нормотворчества) затрагивает ряд важных проблем, охватывающих способы отражения нормативной реальности общественным сознанием, гносеологические аспекты такого отражения, роль и место оценки в формировании ценностных суждений, возможность применения категорий «истина» или «ложь» к нормам — результатам субъективной модификации объективных нормативных комплексов.

При рассмотрении этих проблем возникает чисто терминологическая трудность, связанная с тем, что в данной работе генетически выделяются две системы норм — объективных, т. е. вырастающих из предметно-практической деятельности людей, и субъективных,

⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 418.

⁶⁶ Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976, с. 62.

возникающих в результате субъективного более или менее адекватного отражения этих норм. Следует подчеркнуть, что такой подход не означает «удвоения» той или иной нормативной системы, в конечном счете объективные и субъективные нормы выступают в диалектическом единстве. Речь идет о выявлении генетических истоков социальных норм, стадий их становления и формирования и необходимости любого «нормоустанавливающего субъекта» считаться с реально формирующимися фактическими нормами.

Учитывая прочно сложившуюся традицию считать нормой результат творчества человека в его различных модификациях, в данном параграфе мы воспользуемся терминологией В. Брожика, который терминологически различает «ценностные предметности» (объективные социальные нормы) и «идеальные ценности» (нормы)⁶⁷.

Процесс нормотворчества — субъективной духовной деятельности людей — неразрывно связан с познанием, являющимся способом освоения реальной действительности посредством абстрагирования и обобщения. Познание имеет своим предметом многообразные стороны и свойства социальной действительности. В этой связи отмечается наличие различных способов (функций) познания социальной реальности. Так, Л. Живкович выделяет в обобщающем и модифицирующем отражении три вида: *логико-познавательное*, раскрывающее сущность (истину) явлений в форме абстрактных понятий и законов; *эстетическое*, которое также открывает эту сущность и изображает ее в форме характерных и типичных единичностей; *нормативно-оценочное* отражение, которое обобщает и подводит под общие правила и оценочные понятия единичные поступки людей, т. е. оценивает эти акты поведения с точки зрения тех или иных общих принципов и общественных «ценностей»⁶⁸.

Позиция Л. Живковича, включающего нормативно-оценочные отражения в общую систему познания, представляется убедительной. Вызывает возражение лишь его понятие нормативно-оценочного отражения как обобщения и подведения под общие правила и оценочные понятия единичных поступков людей. Суть нормативно-оценочного отражения, на наш взгляд, состоит в том, чтобы модифицировать в идеальной нормативной системе с позиций классовых интересов (либо интересов всего общества) те «предметные ценности», которые сложились в реальной практической деятельности людей, и сделать эту модифицированную систему критерием оценки действий, которые будут возникать впредь как непрерывная цепь взаимосвязанных человеческих поступков. Особенность нормативно-оценочного отражения состоит в том, что оно не только фиксирует «сущее», но и определяет «должное», «желательное», «возможное». Будущие поступки соизмеряются, оцениваются в соответствии с имеющимися уже эталонами поведения.

Нормативно-оценочное отражение тесно связано с гносеологическим (логико-познавательным) отражением. Гносеологическое отра-

⁶⁷ См.: Брожик В. Указ. соч., с. 136.

⁶⁸ См.: Живкович. Указ. соч., с. 60.

жение раскрывает суть предмета или явления, а нормативно-оценочное трансформирует знания о сущности предмета или явления под углом зрения его ценности, значимости для удовлетворения потребностей и интересов людей. Но так как социальное бытие человека нормировано, то гносеологическое отражение, раскрывая сущность предметного мира, помогает выявлять значимость объективной нормативности как закономерного свойства социальной реальности. Гносеологическое отражение дает возможность точнее вычлениить из обширного множества явлений те, которые подлежат нормативно-оценочному отражению. Грань между этими видами отражения весьма условна, оба вида отражения взаимозависимы и самым тесным образом связаны. Как правильно отмечает Н. И. Козюбра, противопоставления этих форм отражения, допускаемые подчас философами и юристами, приводят к упрощенному пониманию нормативно-оценочного отражения как низшей формы интеллектуальной деятельности по сравнению с научной. В действительности нормативно-оценочное отражение представляет собой «сложный, диалектически противоречивый процесс, протекающий в одних и тех же с научным познанием формах и подчиненный одним и тем же общим законам познавательной деятельности»⁶⁹.

Познавательный характер оценочной деятельности отрицают подчас на том основании, что оценки субъективны и связаны с ценностными представлениями, выражающими в идеологизированной произвольной форме интерес субъекта. На таком утверждении построены ценностно-релятивистские и ценностно-нигилистические концепции⁷⁰.

Наиболее четко такая позиция сформулирована в классическом труде Р. Б. Перри «Общая теория ценностей». Он отмечает, что, поскольку многие точки зрения по-своему всегда обоснованны и поскольку от них в значительной степени зависит результат оценки, создается впечатление, что оценочные суждения не могут иметь когнитивного характера и если и свидетельствуют о чем-то, так только об этих субъективных позициях⁷¹.

Несомненно, любые взгляды и оценки всегда несут на себе печать своеобразия и неповторимости психологии индивида либо социальной группы, определяемую своеобразием условий их жизнедеятельности. Но они всегда социальны по своей природе, поскольку возникают и формируются в процессе взаимодействия людей, определяемом особенностями экономического строя данного общества. Поэтому при всем своеобразии взглядов и оценок в результате их взаимодействия вырабатывается та «равнодействующая», которая отражает социально-типичное и может быть использована при выработке наиболее универсальной в данной ситуации оценки сложившихся социальных связей и отношений. Результатом такой оценки и являются идеальные нормы, которые предстают как определенные интеллектуальные символы познания объективной реальности.

⁶⁹ Козюбра Н. И. Указ. соч., с. 88.

⁷⁰ См.: Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право, с. 106—109.

⁷¹ Цит. по: Брожик В. Указ. соч., с. 79.

В процессе нормотворчества осуществляется своеобразная «новация», которая известным образом деформирует существующие связи и отношения. Этот процесс правильно рассматривается И. Сабо применительно к праву: своей деятельностью, отмечает он, государство создает и не создает право, ибо «по своему содержанию как общественное отношение право исторически уже „имеется“ и выступает как „данное“ в виде уже сложившихся отношений собственности и политических отношений»⁷². «Новация», явившаяся результатом правотворчества, деформирует действительный характер отношений собственности и политических отношений, т. е. превращает их в нечто иное. Такую деформацию И. Сабо считает «необходимой чертой права», однако в эксплуататорском обществе к ней добавляется еще и деформация, которая маскирует при помощи правовой формы подлинный характер общественных отношений⁷³.

Это свойство «новаций» деформировать объективную реальность следует учитывать при оценке гносеологических характеристик нормативно-оценочного отражения. Но оно не лишает нормативно-оценочное отражение действительности познавательного характера.

Деформация отражаемых объектов, явлений, «предметных ценностей» осуществляется благодаря активно классовому характеру нормативно-оценочного отражения, стремлению придать форму всеобщей значимости тем нормам, которые в наибольшей мере выражают потребности и интересы господствующего класса, и предельно ограничить нежелательные для него формы поведения. Вместе с тем такая деформация имеет определенные границы, поскольку игнорирование реально существующих объективных норм или приблизительное их моделирование ведут к омертвлению идеальной системы норм, лишают ее жизнеспособности.

Деформация, возникающая в процессе нормативно-оценочного отражения, связана не только с «диктатом» классовых интересов, но и с природой самого отражения в целом. Она неизбежна не только в нормативно-оценочном, но и в логико-познавательном отражении, осуществляемом в форме абстракций, понятий, категорий и законов. Поскольку логико-познавательное отражение фиксирует в этих формах наиболее типичное, повторяющееся, абстрагируясь от единичного и случайного, то оно неизбежно ведет к определенной схематизации, огрублению воспроизводимого в понятии явления⁷⁴. «Человек, — писал В. И. Ленин, — не может охватить = отразить = отобразить природы *всей*, полностью, ее „непосредственной цельности“, он может лишь *вечно* приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т. д. и т. п.»⁷⁵. Такой обобщающий характер свойствен не только логико-познавательному, но и нормативно-оценочному отражению, и в этой их спо-

⁷² Сабо И. Основы теории права. М., 1974, с. 175.

⁷³ Там же, с. 176.

⁷⁴ См.: Васильев А. М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976, с. 84.

⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 164.

способности абстрагироваться от случайного, нетипичного, нехарактерного, заложена неизбежность большей или меньшей степени деформации, огрубления отражаемого.

Как видно, та и другая формы отражения неотделимы от классового подхода к отражаемым процессам и явлениям, от обобщающего абстрагирующего метода освоения действительности. Зная и учитывая эти особенности гносеологического отражения, мы не лишаем его способности познания и духовного освоения окружающего мира. Так же и нормативно-оценочное отражение, обладая свойством известной деформации объективной реальности, не теряет способности быть средством познания социального бытия, методом его освоения. Результаты и логико-познавательного, и нормативно-оценочного отражения всегда связаны с модификацией социальной реальности и не являются зеркальным отражением, «слепком» с социального бытия. Поэтому в широком смысле нормативно-оценочное отражение можно рассматривать как один из аспектов гносеологического отражения.

Системы идеальных норм, возникающие в результате нормативно-оценочного отражения, несомненно, несут когнитивную нагрузку, содержат не только формулировки «должного», но и знание о «сущем». Не случайно, нормативные идеальные системы (мораль, право, религия) — ценный источник познания экономической структуры общества, его политического режима, уровня культуры, характера взаимоотношений общества, государства и личности и т. д.

Разумеется, нормативно-оценочное отражение является подлинно научным лишь в социалистическом обществе. Но и в предшествующих общественно-экономических формациях представители различных классов, социальных групп создавали идеальные нормативные системы не произвольно, а на основе наблюдения, эмпирического отбора наиболее приемлемых для своих классовых целей образцов поведения. И эта деятельность была формой познания и духовного освоения социальной действительности, оставившей истории высокие образцы нормотворчества (римское право, кодекс Наполеона, некоторые заповеди христианской религии, прошедшие через века нормы общечеловеческой морали, нормы гостеприимства, правила приличия и т. д.).

Великий оратор и политик Древнего Рима Цицерон говорил, что многообразную картину нашей древности можно найти «как во всем гражданском праве вообще, так и в книгах понтификов, и в XII таблицах», что «для всякого, кто ищет основ и источников права, одна книжица XII таблиц весом своего авторитета и обилием пользы превосходит все библиотеки всех философов»⁷⁶.

Признавая когнитивный характер нормативно-оценочной деятельности, следует различать оценку как этап, предшествующий суждению ценности, и ее результат — идеальные ценностные нормы. Эти две стадии ценностно-нормативного отражения тесно связаны, но не тождественны. Познание свойств и специфики тех или

⁷⁶ Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972, с. 112, 113.

иных объективных социальных норм еще не отвечает на вопрос, как такая норма будет соответствовать интересам социального субъекта, в частности класса, социальной группы и т. д. Для этой цели познannую норму следует сравнивать с группой других норм, действующих в пределах того же комплекса. Результатом такого сравнения объективных реальностей является «субъективный образ» — «суждение ценности», которое становится эквивалентом сравниваемого. Причем характер этого суждения всегда отвечает интересам и потребностям социального субъекта.

Оценка, таким образом, всегда выступает *субъективной формой* отражения объективных социальных норм. Поэтому для каждого социального субъекта она будет иметь свой ценностный смысл и каждый субъект будет подходить со своими критериями оценки к данным объективным нормам. Сопоставление объективной нормы со взглядами, представленными ценностными идеалами субъекта, вырабатывает критерий оценки как основу ценностного суждения.

Если познание раскрывает сущность или свойства предмета или явления, то оценочное отражение отвечает и на вопрос: каким образом познанные объекты будут удовлетворять потребности и интересы познающего и оценивающего социального субъекта? Оценка привносит в познание заинтересованность социального субъекта в таких формах связей и отношений, которые в результате сравнения оказались более предпочтительными. Оценка — это сознательное вмешательство социального субъекта в стихийно складывающийся процесс общественного регулирования. Такое вмешательство не произвольно, оно основано на познании объективно необходимых форм связей и отношений, которые подвергаются сравнению для установления их полезности или вредности. Поэтому оценка является одновременно и способом познания окружающей действительности, поскольку познание и оценка, как уже отмечалось, — два аспекта сознательного отражения объективной реальности.

Результатом оценочного познания выступает ценностное суждение, дающее представление об объекте в системе тех общественных связей, которые либо необходимы для познающего и оценивающего субъекта, либо противоречат его потребностям. «Ценностное суждение — это логическая форма оценочного познания. Предметом оценочного познания является отношение объективного мира к нашим потребностям, его способность или неспособность удовлетворить их... Суждение ценности — это одновременно и форма познания, и «пассивная» форма нормативного регулирующего сознания. Это единство познавательного и регулятивного относится ко всем суждениям ценности (утилитарным, политическим, правовым, моральным, эстетическим)»⁷⁷. Из ценностных суждений вырастает идеальная норма, которая становится критерием оценки будущих форм поведения.

⁷⁷ Кобляков В. П. Об истинности моральных суждений. — *Вопр. философии*, 1968, № 5, с. 66—67.

Таким образом, процедура нормативно-оценочного отражения включает оценки (т. е. сравнение данной типичной ситуации с иными и выявление ее пользы либо вреда для субъекта познания), вынесение ценностного суждения и, наконец, трансформацию ценностного суждения в идеальную норму.

Специфика нормативно-оценочного познания заключается, как уже отмечалось, не только в раскрытии свойств и качеств познаваемого объекта, но и в выявлении их места в системе общественных связей и отношений, его «предметной ценности» для класса, социальной группы, общества, индивида. Процесс оценки и вынесения ценностного суждения носит гносеологический характер, он фиксирует сущее, и на его основе формулирует норму — должное. Все стадии этого процесса самым тесным образом связаны, их разграничение чисто условно, в реальной жизни они тесно слиты и весьма трудно поддаются размежеванию.

Это обстоятельство следует особо подчеркнуть, поскольку система идеальных норм является результатом познания объективной реальности и способна давать информацию о тех «социальных фактах», которые лежат в ее основе. Поэтому идеальным социальным нормам, как и иным способам познания объективной реальности, присущи свойства «истинности» или «ложности».

В данной связи трудно согласиться с позицией ряда авторов, считающих, что к социальной норме неприменимы критерии «истинности» или «ложности». Такие утверждения связаны, на наш взгляд, с абсолютизацией логической формы социальной нормы как предскриптивного высказывания, суждения деонтической модальности. Отсюда отрицание познавательного содержания социальных норм, сведения их лишь к суждениям о должном (а такое суждение не обладает познавательным значением, оно выполняет лишь регулирующую, мотивирующую функцию).

Положение о неприменимости к социальным нормам свойств «истинности» или «ложности» было выдвинуто одним из основателей деонтической логики — Й. Йоргенсоном. Затем оно было поддержано рядом философов и этиков.

В советской юридической литературе вопрос о возможности применения критериев «истинности» или «ложности» к социальным нормам также стал предметом обсуждения. Некоторые авторы (А. Ф. Черданцев, Н. Г. Романенко и др.) отрицают возможность применения данных критериев к юридическим нормам. «Именно потому, что нормы не слепок, не копия действительности, а инструмент активного на нее воздействия, они не являются ни истинными, ни ложными»⁷⁸. А. Ф. Черданцев выводит эту особенность из особой логико-семантической формы отражения правом действительности, отличной от логических форм познания. Эта форма и определяет то, что нормы права как таковые не могут быть ни истинными, ни ложными⁷⁹.

⁷⁸ Черданцев А. Ф. Специфика правового отражения. — Правоведение, 1973, № 2, с. 104.

⁷⁹ См.: Там же, с. 108.

Отрицание характера «истинности» и «ложности» правовых норм уже было подвергнуто убедительной критике в юридической литературе. Полемизируя с А. А. Ивиным, полагающим, что нормы многих видов стоят вне категории истины и поэтому построение логической теории норм означает выход логики за пределы «царства истины», в котором она находилась до недавних пор⁸⁰, Р. О. Халфина убедительно показала этапы формирования идеальной модели поведения, подчеркнув, что «на каждом из этапов формирования нормы определенное суждение, представление соотносится с реальностью и, следовательно, может быть истинным или ложным, от чего в конечном счете зависит действительность нормы, достижение цели, которой она призвана служить»⁸¹.

Н. И. Козюбра, исследуя общие и особенные свойства гносеологического и нормативно-оценочного отражения социальной реальности, показал, что результаты нормативно-оценочного познания — нормы — в силу присущей им абстрактности рождаются с логическим понятием, хотя и не могут быть отождествлены с ним (рациональное представлено в норме не в таком чистом виде, как в понятии). И, несмотря на то что они выступают как определенная разновидность логического суждения, облачаемого в нормативную форму, ошибочно было бы противопоставлять в *гносеологическом плане* результаты научного и нормативно-оценочного, в том числе правового познания⁸².

На наш взгляд, критикуемая точка зрения может быть оспорена и с других позиций. Она является симптоматичной для современного этапа развития, характеризующегося взаимопроникновением понятий и методов различных общественных наук. Например, юридическая наука все шире применяет социологические, социально-психологические, математические и иные методы. Это весьма позитивный и перспективный процесс. Вместе с тем он сопровождается и определенными издержками, связанными с недостаточно корректным использованием выводов и понятий смежных наук, с перенесением на юридическую почву приемов и методов, которые неизбежно ведут к обеднению и огрублению юридических явлений. Так, в частности происходит в правоведении в связи с использованием выводов формальной и деонтической логики. Когда А. А. Ивин пишет, что построение логической теории норм означает выход логики за пределы «царства истины», он прав, поскольку для него нормы — это логические прескриптивные суждения, строящиеся по принципу «если А, то В». С позиций формальной логики такие суждения не фиксируют сущего, а содержат лишь предписания, и к ним действительно неприменимы формально-логические предикаты «истина» или «ложь». Формально-логическое суждение типа «если ты нару-

⁸⁰ См.: Ивин А. А. Логика норм. М., 1973, с. 41.

⁸¹ Халфина Р. О. Критерий истинности в правовой науке. — Сов. государство и право, 1979, № 9, с. 23.

⁸² См.: Козюбра Н. И. Указ. соч., с. 95—96; см. также: Васильев А. М. Указ. соч., с. 51.

пишь правила уличного движения, то будешь нести ответственность» — это прескриптивное суждение, которое не фиксирует и не может фиксировать сущего. Но такой вывод «работает» лишь в сфере формально-логической. За ее пределами он теряет смысл. Социальная норма — это явление, несводимое только к формально-логическим характеристикам. Она обладает и оценочными, аксиологическими, социологическими, социально-психологическими характеристиками, выступая результатом познания мира реальных общественных связей и отношений.

Безусловно, с точки зрения формальной логики норма может выступать как веление, требование (это достаточно распространенный, но не единственный способ выражения нормы). Поэтому если рассматривать норму лишь как формально-логическую категорию, то вполне правомерно говорить о неприменимости к ней предиката «истины» или «лжи» (опять-таки как формально-логических категорий). Однако сторонники данной точки зрения допускают подмену чисто логических категорий «истины» и «лжи» гносеологическими и именно в этом проявляется научная некорректность данного подхода, ведущая к утверждениям, что нормы фиксируют не то, что есть, а лишь то, что должно быть⁸³.

Сложный процесс создания идеальных социальных норм связан с всесторонним познанием социальной реальности, поэтому норма выступает как характеристика не только того, что должно быть, но и того, что уже есть, т. е. не только «должного», но и «сущего». Как правильно отмечает В. Н. Кудрявцев, «нормальное явление или процесс — это прежде всего реально существующая разновидность повторяющихся событий, причем наблюдаемых с достаточно высокой частотой. Норма, следовательно, отражает не только желаемое или предписываемое, но и прежде всего реализуемое в объективной действительности»⁸⁴.

При решении вопроса о применении критерия истинности в гносеологическом аспекте надо исходить из всего комплекса характеристик нормы, которая: всегда выражает оценку социальной реальности, общественных отношений и связей, подлежащих правовому воздействию; фиксирует ценностные характеристики связей и отношений, охраняемых ею; выступает как компонент психологического воздействия на поведение людей. Формально-логический способ выражения социальной нормы не должен заслонять ее глубинного содержания, в котором всегда диалектически сочетаются элементы сущего и должного. В марксистско-ленинской диалектике содержатся глубокие положения о взаимосвязи должного и сущего, о недопустимости противопоставления этих категорий. Отрыв категории должного от сущего неизбежно деформирует представление о предмете или явлении. С позиций чисто логического анализа возможно условное разграничение сущего и должного. Однако социальные

⁸³ См.: Горский Д. Г. Истина и ее критерии. — *Вопр. философии*, 1962, № 2, с. 125; Черданцев А. Ф. Указ. соч., с. 103.

⁸⁴ Кудрявцев В. Н. Указ. соч., с. 15—16.

нормы входят в единую систему, сочетающую в себе стабильность и динамизм, фиксирующую сущее и развивающую его. Если считать социальные нормы чистыми велениями, лишенными элементов сущего, то трудно представить себе функционирование нормативной системы, оторванной от живой ткани реальных общественных отношений.

Возможность познания и оценки социальных норм в категориях истинности с точки зрения их соответствия объективным процессам общественного развития — важный способ совершенствования нормативной системы. Выводить за пределы таких оценок идеальные социальные нормы (тем более правовые, являющиеся результатом специфической правотворческой деятельности) на том основании, что они являются суждениями с деонтической модальностью, неверно. В этой связи следует отметить, что даже у «чистых» логиков подобные выводы сформулированы менее категорично, чем у юристов. Так, А. А. Ивин отмечает, что «по меньшей мере некоторые нормы стоят вне категории истины»⁸⁵.

Юристы должны учитывать все богатство и многогранность одного из важнейших понятий юридической действительности — правовой нормы. Представители смежных общественных наук далеко не всегда глубоко чувствуют специфичность правовой материи, что приводит их подчас к ошибочным выводам, например, утверждению, что признаком истинности правовой нормы является ее включенность в нормативный источник. «Норму можно рассматривать как истинную, если она встречается в кодексе, и как ложную, если она противоречит, по крайней мере, одной норме, встречающейся в кодексе»⁸⁶. Разумеется, все юристы понимают, что включенность нормы в нормативный акт далеко не всегда свидетельство ее «истинности». Возможно неточное познание объективной реальности, неизбежна утрата «истинности» рядом норм в связи с динамично развивающимися общественными отношениями. «Истинность» правовых, как и любых других социальных норм, подтверждается либо опровергается социальной практикой. Норма — это одновременно и способ воздействия на объективную реальность, и информация о ней.

Сторонники формально-логической оценки социальных норм выдвигают и другие аргументы против возможности их признания в качестве «истинных» или «ложных»: нормы не соответствуют никаким объективным фактам и не могут быть верифицированы. Возражая против подобных утверждений, В. П. Кобляков правильно отмечает, что общетеоретической посылкой такого решения является отстаиваемое рядом философов и логиков мнение о том, что истинность и ложность являются лишь свойством описательных суждений (высказываний) и что абсолютизация этого положения приводит к разрыву «живой ткани» духовной жизни, ее внутренней

⁸⁵ Ивин А. А. Указ. соч., с. 49.

⁸⁶ Горский Д. П., Нарский И. С., Ойзерман Т. И. Истина как процесс и результат познания. — В кн.: Современные проблемы теории познания диалектического материализма. М., 1970, т. 2, с. 45.

логики, к одностороннему анализу социальных норм и их связи с практикой⁸⁷.

Следует отметить, что идеальные социальные нормы — результат ценностной модификации объективных норм, они не конструируют действительность произвольно. Поскольку перед ними стоит задача активного воздействия на общественные отношения, они должны «считаться» с миром реально существующей нормативности. Применительно к праву это четко сформулировал К. Маркс: «Поистине нужно не иметь никаких исторических познаний, чтобы не знать того факта, что во все времена государи вынуждены были подчиняться экономическим условиям и никогда не могли предписывать им законы. Как политическое, так и гражданское законодательство всего только выражает, протоколирует требования экономических отношений»⁸⁸.

Данное положение подчеркивает значение тех реальных условий, которые стоят за социальной нормой и диктуют тот, а не иной способ поведения. Что же касается формально-логического требования верификации как чувственно-эмпирического способа проверки тех или иных логических структур, то, как правильно отмечает В. П. Кобляков, такое понимание принципа верификации ограничено. Во многих случаях для проверки истинности тех или иных положений мы опираемся на совокупный общественный опыт, к тому же в опосредованной форме⁸⁹. Социальную практику в качестве критерия проверки истинности социальных норм называют Р. О. Халфина⁹⁰, Н. И. Козюбра⁹¹.

По нашему мнению, представители общественных наук, в частности правоведения, должны очень продуманно переносить в свою науку приемы исследования и категории иных наук, в частности категории логики.

Признавая известную пользу применения логических методов в юридической науке, В. А. Туманов правильно отмечает, что «далеко не каждая правовая проблема нуждается в проверке или изложении с помощью модных формальнологических приемов», что гипертрофия формальнологических методов объективно ведет к умалению социологического, исторического и иных подходов⁹². Более того, как правило, перевод утверждений какой-либо науки на формальный язык современной логики ведет к потере известной части ее содержания. Простой перевод известного с одного языка на другой, с содержательного на формальный, ничего существенного не дает⁹³.

А. М. Васильев, раскрывая значение для теории права ленинского положения о совпадении (тождестве) диалектики, логики и теории познания, отметил, что это положение еще не привлекло доста-

⁸⁷ См.: Кобляков В. П. Указ. соч., с. 62—63.

⁸⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 112.

⁸⁹ См.: Кобляков В. П. Указ. соч., с. 64.

⁹⁰ См.: Халфина Р. О. Указ. соч., с. 24—25.

⁹¹ См.: Козюбра Н. И. Указ. соч., с. 97—98.

⁹² Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология. М., 1971, с. 208.

⁹³ См.: Копнин П. В. Логические основы науки. Киев, 1968, с. 31—32.

точного внимания правоведов, в результате чего нередко учитывается только один из подходов к характеристике мышления — формально-логический. Однако с момента возникновения марксистской диалектической логики формальная логика сохранила свое значение лишь в качестве специальной науки о приемах выводного знания. «С потерей формальной логикой значение основного метода мышления потерпела крушение и формально-догматическая юриспруденция, поскольку ее подход к изучению правовых явлений не выходил за рамки умозрительных конструкций, построенных на формально-логических приемах»⁹⁴.

Мы так подробно остановились на критике позиции, связанной с отрицанием возможности применения к социальным нормам категории «истины» или «лжи», потому что она вытекает из догматизации норм, в частности правовых, из отрыва их от реальной ткани общественных отношений, превращения их в формально-логические конструкции, лишенные социологического и социально-психологического смысла, обеднения самого понятия нормативности. Такой подход к оценке норм представляется неплодотворным, поскольку с точки зрения классовых интересов, интересов общества, личности нормативные системы должны олицетворять «набор ценностей», объективно необходимых обществу, классу, личности для удовлетворения их потребностей. Ценностный смысл нормативных идеальных комплексов неотделим от их оценки как истинных или неистинных способов познания объективной реальности.

Идеальные нормы — это открытая система, для нее характерны отпадение одних ценностей, возникновение новых, но данные процессы происходят не в силу произвола «законополагающего субъекта» (имеется ввиду субъект модификации социальных норм), а по мере изменений связей и отношений объективной реальности. Именно эта объективная реальность выражает единую общественно-историческую природу любого типа нормативов, является их источником в широком смысле. Что же касается источника (субъекта) модификации объективных норм, «нормосозидательной инстанции»⁹⁵, то он различен для разных видов социальных норм: государство, партия, массовые движения, организации могут формулировать политические нормы; правовые нормы формулируются государственными органами или санкционируются ими; моральные нормы — обществом, классом, социальными группами, различными профессиональными объединениями и т. д. Все это — субъективные способы ценностного освоения нормативности социального бытия, занимающие важное место в процессе управления социальной деятельностью людей, в удовлетворении потребности социальных систем в саморегуляции. Субъективное ценностное осознание мира объективных норм — активный способ воздействия на развитие общественных отношений. Осознание норм и их модификация в идеальных нормативных системах способствуют усилению их действия. Стихий-

⁹⁴ Васильев А. М. Указ. соч., с. 54.

⁹⁵ См.: Дробницкий О. Г. Указ. соч., с. 330.

ная саморегуляция трансформируется в целенаправленное воздействие на сознание и поведение людей, на массовую практическую деятельность, ускоряет процесс социализации личности.

Искусственно создаваемые ценностные системы являются эффективным средством социального управления лишь в том случае, если при их создании не была превышена граница допустимой деформации отражаемых общественных отношений. Жизненность ценностных систем определяется истинностью отражения бесконечного многообразия объективных норм с позиций интересов и потребностей отражающего субъекта.

Объективная нормативная система, как уже отмечалось, противоречива, поскольку материальные условия существования различных классов и социальных групп создают возможности формирования различных форм взаимосвязей, различных способов поведения. Она противоречива и потому, что стабильности и повторяемости общественных отношений противостоят динамизм и изменяемость, вытекающие из формирования новых объективно складывающихся потребностей. В противоречивости объективной нормативной системы заложена неизбежная противоречивость идеальной ценностной системы. Эта противоречивость дополняется, как уже отмечалось, особенностями нормативно-оценочного отражения, связанными с неизбежной «деформацией» отражаемых отношений. В этой «деформации» заложено стремление к преодолению реальной противоречивости нормативных систем.

Противоречивость (большая или меньшая) идеальных ценностных систем неизбежна, она имеет, как уже отмечалось, и объективные, и субъективные корни. Однако жизненность и эффективность идеальной нормы заложена в ее максимальной «приближенности» к объективной норме, ее адекватному отражению. Это определяет их трансформацию в единую социальную норму, суть которой заключается в усилении ее социального действия, превращении в эффективное средство социального управления процессами и явлениями.

Такая социальная норма — неразделимое единство объективного и субъективного. Объективное в норме — ее органическая включенность в общественные отношения, социальное взаимодействие людей. Она генетически порождена общественными отношениями, социальной деятельностью людей. Это не «плод» общественного сознания, а глубинная форма устойчивых социальных связей и отношений, неотъемлемый продукт предметно-практической деятельности людей. В то же время она и субъективна, поскольку является результатом духовного ценностного освоения реального нормативного мира как специализированной цивилизованной формы человеческой деятельности, способа модификации объективных проявлений нормативности общественных отношений. Но в нормах есть и иная «субъективность», так сказать, «низшего» порядка. Уже отмечалось, что социальная деятельность невозможна вне сознания и воли людей, и это практическое обыденное сознание включено в процесс формирования социальной нормы.

Субъективность нормы, состоит также в том, что идеальные ценностные системы «осваиваются» социальной и индивидуальной психологией людей, включаются в сознание, психологию классов, социальных групп, индивидов, возвращаясь в мир реальных общественных отношений. Чем активнее «осваиваются» идеальные нормы сознанием людей, тем эффективнее их воздействие на общественные отношения.

Таким образом, «объективная властность» социальных норм подкрепляется субъективной целенаправленной деятельностью людей по созданию идеальных нормативных систем и их использованию для развития общественных отношений в соответствии со своими интересами и потребностями. Однако ни одно из таких проявлений «субъективности» не является продуктом автономного сознания, отключенного от предметной практической деятельности людей. Это и создает синтез объективного и субъективного в социальной норме, прошедшей процесс нормативно-ценностного освоения. Даже если объективная норма еще не получила массового или официального признания и распространения, в ней присутствует элемент субъективности, связанный с непосредственным практическим сознанием взаимодействующих субъектов.

Единство объективных и субъективных норм нельзя понимать как тождество. Процесс осознания не порождает норм, которые «один к одному» соответствовали бы реально существующим объективным нормам. Объективная норма — это наиболее общая характеристика функционирующих общественных связей. Так, каждая форма объективно требует порядка и урегулированности производства, обмена и распределения. Уже на ранних этапах развития общества эти отношения принимали устойчивые формы, которые воспринимались как обычаи, право и т. д. Такой процесс становления норм, объективирующих необходимый порядок организации производства, обмена, распределения, идет непрерывно. Он находит выражение в правовых идеальных нормах различных по форме, по степени конкретности, по диапазону действия, по характеру выраженных в них предписаний. Характеризуя этот процесс, К. Маркс писал: «Сперва появляется оборот, а лишь потом из него развивается *правовой порядок*... Это фактическое отношение, возникающее лишь благодаря самому обмену и в обмене, получает позднее *правовую форму* в виде договора и т. д.»⁹⁶ Урегулированность и порядок К. Маркс рассматривал как форму общественного упорочения данного способа производства, придания ему устойчивости и независимости от простого случая и произвола. Если такая «форма просуществовала в течение известного времени, она упорочивается как обычай и традиция и, наконец, санкционируется как положительный закон»⁹⁷.

Так, объективно необходимой нормой становится на известном этапе развития цивилизации охрана жизни и здоровья человека.

⁹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 393.

⁹⁷ Там же, т. 25, ч. II, с. 356—377.

Это — общая объективная предпосылка огромного количества правовых и моральных норм, запрещающих убийство, нанесение телесных повреждений и т. д., различных для разных этапов развития человечества, для разных регионов и с различной степенью жесткости нравственных и юридических санкций. Конкретные формы и способы выражения данной общей объективной нормы различны, но нельзя представить себе общество, достигшее определенной стадии культуры и цивилизации, которое игнорировало бы требования такой объективной нормы.

Подчеркивая роль законодателя в познании объективных форм развития общественных отношений, К. Маркс отмечал: «Законодатель же должен смотреть на себя как на естествоиспытателя. Он не *делает* законов, он не изобретает их, а только формулирует, он выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений. Мы должны были бы бросить упрек законодателю в безграничном произволе, если б он подменил сущность дела своими выдумками»⁹⁸. Это положение в равной степени относится к деятельности любого «нормоустанавливающего» субъекта, который должен прежде всего познавать реально действующие формы социальных отношений. В этой связи возникает вопрос о так называемом опережающем⁹⁹ нормативно-оценочном отражении, в результате которого якобы могут быть созданы идеальные нормы и ценности, еще не имеющие аналогов в объективной реальности. На наш взгляд, нет и не может быть отражения, не опирающегося в своей глубинной основе на какие-либо социальные факты, которые могут проступать как тенденция, как зарождающийся процесс и т. д. Само познание объективной реальности (и гносеологическое, и нормативно-оценочное) состоит не только в ее пассивном отражении. Оно необходимо для того, чтобы на его основе прогнозировать социальное развитие, в том числе и развитие нормативных комплексов. Но из этого не следует, что возможно создание нормы, не имеющей какой-либо реальной основы в системе общественных отношений и способной «порождать» новые общественные отношения. «Идеально-преобразующая активность социального субъекта реальна лишь тогда, когда она осуществляется как процесс реализации материальной возможности в сознании, как мысленная переработка существующего в прообраз предстоящей предметно-практической материальной деятельности»¹⁰⁰.

Нередко законодатель пытается ускорить исторический процесс, включая в законодательные акты нормы, для которых еще не созрели реальные условия. Однако закон не всесилен и любые попытки опередить социальную реальность посредством создания идеальной правовой нормы не могут иметь успеха. Творческая роль социалистического права состоит не в том, что оно «творит» общественные

⁹⁸ Там же, т. 1, с. 162.

⁹⁹ См.: Козюбра Н. И. Указ. соч., с. 144—168.

¹⁰⁰ Творческая природа социалистического общественного сознания. М., 1980, с. 15.

отношения, а в том, что на основе всестороннего познания социальной реальности оно путем установления четкого порядка и урегулированности создает простор для развития именно тех объективных норм, которые необходимы рабочему классу и всему обществу, обеспечивает осуществление их интересов и потребностей, прогрессивных целей социалистического общества. В этом процессе важное значение имеет применение адекватных правовых средств, стимулирующих поведение людей, соответствующее идеальным моделям, созданным законодателем¹⁰¹.

Эффективность идеальных правовых норм неотделима от их соответствия объективным социальным нормам, включенным в бытие. «Именно развитие социальной действительности,— правильно подчеркивает Д. А. Керимов,— ставит вопрос о необходимости возникновения, изменения или отмены правового регулирования соответствующих общественных отношений и тем самым является причиной, порождающей правовую возможность, а затем ее реализацию, превращение в действительность правовой жизни»¹⁰².

Трудно согласиться с положением Н. И. Козюбры об «опережающем» отражении правом достигнутого уровня развития общественных отношений. Представляется, что речь у него идет о другом — о прогнозировании, предвидении правового развития, что является, разумеется, не функцией права, а функцией юридической науки, общественного сознания, которые должны выявлять объективные закономерности и тенденции правового развития социалистического общества. Абстрактно-нормативный характер права отнюдь не рассчитан на «проникновение в будущее», эта форма приспособлена для регулирования существующих отношений. Изменение отношений влечет за собой и изменение абстрактной правовой формы. «Обобщенность» правовой нормы едва ли следует рассматривать как гносеологический источник предвидения, гносеологическую предпосылку перехода отражательной функции сознания в преобразовательную¹⁰³. Обобщенность нормы связана с тем, что норма рассчитана на регулирование однотипных повторяющихся поступков. То, что возникнет в будущем, вызовет к жизни новые идеальные нормы. Но эти нормы вырастают из общественных отношений уже существующих, сами по себе они не могут быть источником предвидения. Такая функция не вытекает из природы социальных норм. А. М. Яковлев справедливо подчеркивает, что игнорирование объективных социальных норм законодателем ведет к стремлению возложить на право несвойственные ему функции изменения объективных социальных закономерностей и в этом случае на реальный социальный эффект подобной правовой нормы рассчитывать трудно¹⁰⁴.

А. М. Яковлев, исследуя свойства объективной социальной нормы, рассматривает ситуации когда: а) правовая норма как бы со-

¹⁰¹ См.: Научные основы советского правотворчества. М., 1981, с. 49.

¹⁰² См.: Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972, с. 345.

¹⁰³ См.: Козюбра Н. И. Указ. соч., с. 149.

¹⁰⁴ См.: Яковлев А. М. Указ. соч., с. 32.

здает новый вид социального поведения; б) правовая норма полностью перестраивает объективную социальную норму (пример первого рода — всеобщая мобилизация во время войны; пример второго рода — законодательная отмена многоженства). Оценивая эти ситуации, он правильно пишет, что во всех подобного рода случаях право лишь по видимости «творит действительность», на самом деле опирается либо на объективно существующее согласие, всеобщую (в антагонистическом обществе — классовую) волю, которая должна быть выражена законодательно (как в первом случае с мобилизацией), либо на серьезные социально-политические, культурные преобразования, создающие реальную почву для изменения правовых норм (как во втором случае)¹⁰⁵. А. М. Яковлев пишет о возможных случаях «радикальной перестройки» законодательным путем существующих социальных норм, но такая перестройка, во-первых, нетипична для нормального общественного развития, а во-вторых, она опирается на уже достигнутые социально-экономические и политические изменения общественного строя¹⁰⁶.

Е. Б. Пашуканису принадлежит заслуга глубокого марксистского анализа взаимодействия общественного отношения и нормы. Он подчеркивает, что в материальной действительности общественному отношению принадлежит примат над нормой. «Норма как таковая, т. е. логическое содержание, или прямо выводится из существующих уже отношений, или, если она издана как государственный закон, представляет собой только симптом, по которому можно судить с некоторой долей вероятности о возникновении в ближайшем будущем соответствующих отношений. Но для того, чтобы утверждать объективное существование права, нам недостаточно знать его нормативное содержание, но нужно знать, осуществляется ли это нормативное содержание в жизни, т. е. в социальных отношениях»¹⁰⁷.

В. Н. Кудрявцев, отмечая зависимость идеальных норм от сложившихся форм поведения, допускает возможность и иной взаимосвязи (в частности, в праве) между поведением и нормой, когда на основе анализа общественных потребностей сначала создается нормативный правовой акт, а затем он реализуется в фактическом поведении. «Надо признать,— пишет В. Н. Кудрявцев,— что если бы правовые нормы всякий раз создавались только на базе сложившихся форм поведения, их творческая роль была бы ограничена. Между тем советский закон призван не только закреплять и охранять уже сложившиеся общественные отношения, но и способствовать зарождению новых, к которым законодатель сознательно стремится,— разумеется на основе объективно существующих для этого предпосылок»¹⁰⁸. Как уже отмечалось, творческая роль права невозможна вне объективно существующих потребностей, и это обстоятельство

¹⁰⁵ См.: Там же, с. 25.

¹⁰⁶ См.: Там же.

¹⁰⁷ Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980, с. 79—80.

¹⁰⁸ Кудрявцев В. Н. Указ. соч., с. 18.

ство подчеркивает В. Н. Кудрявцев. Но объективная потребность, как и социальное бытие, не существует вне социальной деятельности людей, она вырастает из этой деятельности. «Объективно существующие предпосылки», предшествующие изданию правового нормативного акта,— это реальные общественные связи и отношения — даже тогда, когда речь идет о предпосылках материальных, а не только политических, культурных, демографических и т. д. Представляется, что творческая роль закона состоит не в создании новых общественных отношений, а в умении уловить на основании научно точного отражения объективной реальности уже зародившиеся общественные отношения, определить тенденции их развития и обеспечить протекание этого процесса специфическими юридическими формами. В. Н. Кудрявцев правильно указывает, что в некоторых случаях общественная практика не может существовать, пока нет соответствующего юридического акта (например, в сфере действия государственного, финансового, уголовного законодательства) ¹⁰⁹. Но такая ситуация соответствует объективным нормам, суть которых состоит в том, что «правовая природа вещей» ¹¹⁰ должна получать законодательное закрепление, поскольку на определенном этапе развития общества урегулированность и порядок невозможны без четкой законодательной фиксации форм организации политической власти, определенных способов контроля за распределением финансовых государственных средств, охраны общества от «анормальных» актов поведения и т. д.

Учет диалектического взаимодействия объективного и субъективного в социальных нормах важен при раскрытии природы любых нормативных идеальных систем. Но особенно он важен для определения природы права, поскольку идеальные правовые нормы, как правило, являются результатом специализированной деятельности определенных субъектов правотворчества. Это порождает подчас неправильное теоретическое осмысление генезиса права, которое связано с отрывом норм права от породивших их общественных отношений. Отсюда вытекают утверждения о том, что главная особенность права — быть особой формой отражения общественного бытия ¹¹¹, что «вместилищем» права выступает особая часть общественного сознания, ибо юридические правила существовать реально иначе не могут, если под правом понимаются не правоотношения, не реальные действия людей ¹¹².

Разумеется, и А. А. Ушаков, и П. М. Рабинович, и все другие сторонники такой позиции пишут об объективной обусловленности права, его определяемости материальными условиями жизни общества и т. д. В пределах основного вопроса философии такой подход к природе права как явлению вторичному по отношению к бы-

¹⁰⁹ См.: Там же.

¹¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 122.

¹¹¹ См.: Ушаков А. А. Право — субъективный образ объективного мира. — Правоведение, 1973, № 2, с. 91.

¹¹² См.: Рабинович П. М. Право как явление общественного сознания. — Правоведение, 1972, № 2, с. 107, 108.

тию, несомненно, правилен. Но, как справедливо отмечается в нашей литературе, для определения природы права недостаточно его рассмотрения в рамках основного вопроса философии, необходим его онтологический и социологический анализ¹¹³.

Марксистский подход к анализу любого процесса требует выявления его соотносимости с общественными отношениями, с социальной деятельностью людей, вне которой невозможно само социальное бытие человека. Без категории *деятельности, отношения* не может быть понята природа сознательного, духовного.

Подход к праву как явлению, порожденному общественным сознанием, не раскрывает его глубинной объективности, заложенной в самой природе общественных отношений. Право по своему генезису не отличается от всех других видов социальных норм, которые органично вплетены в реальные общественные отношения и вырастают из них.

Позиция этиков относительно генезиса моральных норм выражена достаточно четко. «Историческое накопление социального опыта и его кристаллизация в социально-необходимых, обязательных для человека нормах поведения совершается в самой стихии жизненного бытия, повседневной практики и обыденного сознания общности»¹¹⁴.

С. Анисимов правильно подчеркивает, что нельзя понять природу морали, если рассматривать ее автономно, в отрыве от практической деятельности людей, от их реального поведения во всем его многообразии. «Вне поведения нет морали, иначе пришлось бы допустить существование каких-то моральных феноменов до или вне человеческой деятельности, неких „моральных ценностей“, имеющих автономное существование в бытии в виде явлений, заложенных в „автономном“ сознании индивида, которые не зависят от его поведения, а лишь „проявляют себя в нем“»¹¹⁵.

Критикуя утверждение о том, что мораль «проявляет» себя в поведении, С. Анисимов выделяет главное свойство бытия морали: «...она существует, живет и движется в самой структуре поведения, представляя собой существенное и неотрывное ее свойство»¹¹⁶.

При выявлении генезиса правовых норм юристы, как правило, не учитывают «вплетенность» норм в живую ткань общественных отношений. Особый характер «институализации» правовых норм создает иллюзию «творчества» правовых установлений законодателем и ведет к отрыву этих установлений от породивших их общественных отношений, к игнорированию объективных свойств права как явления, вырастающего из социальной практики, из социальной деятельности людей.

С. С. Алексеев, правильно усматривая объективность права в определяемости его содержания экономическим базисом, обществен-

¹¹³ См.: Недбайло П. Е. Объективное и субъективное в праве.— Правоведение, 1974, № 1, с. 46.

¹¹⁴ Дробницкий О. Г. Указ. соч., с. 259.

¹¹⁵ Анисимов С. Указ. соч., с. 67.

¹¹⁶ Там же.

ным бытием, потребностями общественного развития, а также в его независимости от индивидуального сознания, допускает вместе с тем ошибочное, на наш взгляд, утверждение. «Разумеется,— пишет он,— право неизменно остается продуктом сознания людей... Люди могут повлиять на существование права, его свойства и закономерности лишь одним путем — путем издания новых, отмены или изменения действующих юридических норм»¹¹⁷. Не совсем ясно в данном контексте, о каких «свойствах» и «закономерностях» права может идти речь, если они зависят от законодателя, от издания, отмены или изменения правовых норм. Получается, что не закономерности права влияют на деятельность законодателя, а, напротив, эта деятельность влияет на существование права, его свойства и закономерности. Данное утверждение С. С. Алексеева противоречит его правильному и глубокому положению о том, что «само существование юридической науки, ее авторитет и место среди других наук во многом зависят от того, насколько полно раскрыто объективное в самом ее предмете — в праве»¹¹⁸.

А. А. Ушаков считает, «что законодатель буквально творит право (даю закон), подобно тому как ученый творит науку, а художник искусство», что «сознание законодателя творит «бесплотный» мир правовых норм», в связи с чем, может быть, следует именовать право «законодательной формой общественного сознания»¹¹⁹.

При такой постановке вопроса объективное содержание права сводится, по сути дела, к чистому декларированию его определенности социально-экономическими условиями общества. В данном случае право отрывается от социальной деятельности людей и существует «автономно» в общественном сознании, поэтому его, по сути дела, можно свести к знаковым выражениям. С таким подходом согласиться нельзя. Известно, что сознание существует лишь в деятельности человека, а не «над» нею, «рядом» с нею. Если связь сознания и деятельности в праве понимать не как состояние общественных отношений, массовой социальной практики, а лишь как сознание законодателя и его деятельности по созданию права, то это ведет к неизбежному обеднению существеннейших социальных связей и, стало быть, к деформации представлений о свойствах права, суть которой состоит в подмене генетических зависимостей «общественные отношения — право» зависимостями «общественное сознание — право».

В нашей литературе высказывались возражения против рассмотрения права как элемента, продукта и т. д. общественного сознания. Еще С. Ф. Кечекьян отмечал, что правовые нормы и правоотношения не сводятся к сфере сознания, а составляют социальную реальность¹²⁰.

¹¹⁷ Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971, с. 63.

¹¹⁸ Алексеев С. С. Объективное в праве.— Правоведение, 1971, № 1, с. 117.

¹¹⁹ Ушаков А. А. Указ. соч., с. 91, 94, 99.

¹²⁰ См.: Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958, с. 11.

Д. А. Керимов, возражая против включения права в сферу общественного сознания, отмечает, что право «как определенная система правовых норм, действующих в обществе, является объективной реальностью»¹²¹. По мнению А. А. Пионтковского, сведение права лишь к совокупности норм означает отказ от рассмотрения реальной жизни права как определенного общественного явления¹²².

Глубоко и интересно раскрыл диалектическое взаимодействие в праве материалистического и идеологического, объективного и субъективного Г. В. Мальцев, подчеркнув особую важность единства общественного отношения с идеологической ценностью (нормой), которая обеспечивает правильность и системность общественного отношения, а в конечном счете его совместимость с соответствующим способом производства¹²³.

Отмечая неотделимость права от общественных отношений, В. С. Нерсесянц показывает, что развитие права, правовых норм — это процесс социально-исторического формирования общих критериев, правил, масштабов, образцов, стандартов и их в конечном счете кристаллизация в соответствующие нормы действия и взаимодействия людей¹²⁴.

Л. С. Мамут рассматривает право как комплекс объективно складывающихся специфических связей и качеств субъектов социального общения, который проявляется в виде определенного порядка общественных отношений¹²⁵.

Как видно из приведенных положений, в юридической науке весьма активно утверждается тенденция к рассмотрению права в реальности его бытия, его генетической связи с общественными отношениями, социальной деятельностью людей. Только на такой основе возможен правильный, реалистичный подход к решению вопроса о пределах законодотворчества, о способах познания «правовой природы вещей»¹²⁶, к которой должен приспосабливаться закон, о путях адекватного отражения в правовых идеальных ценностях объективных правовых норм. Специфичная форма «институционализации» правовых норм не должна создавать иллюзии об их первичности относительно общественных отношений. В праве, как и в иных нормативных системах, необходимо отличать объективно складывающийся процесс формирования норм от их осознания и выражения в знаковых системах и символах. Совершенно очевидно, что, характеризуя право как систему норм, которые установлены либо санкционированы государственной властью, мы

¹²¹ Керимов Д. А. Философские проблемы права, с. 181; см.: *Он же*. Конституция СССР и развитие политико-правовой теории. М., 1979, с. 170 и след.

¹²² См.: Пионтковский А. А. Актуальные вопросы общей теории социалистического права. — В кн.: Проблемы социалистического государства и права в современный период. М., 1969, с. 103.

¹²³ См.: О понимании советского права: «Круглый стол» «Советского государства и права». — Сов. государство и право, 1979, № 7, с. 71.

¹²⁴ См.: Там же.

¹²⁵ См.: О понимании советского права: «Круглый стол» «Советского государства и права». — Сов. государство и право, 1979, № 8, с. 62.

¹²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 122.

фиксируем внешние признаки данного общественного явления, один из аспектов его бытия. Эти внешние свойства права, действительно, являются продуктом общественного сознания. Однако следует неизменно учитывать значение предшествующего этапа — фактического правообразования, — который, как правильно отмечает В. С. Нерсисянц, не следует смешивать с формальным процессом законодотворчества (с официальным признанием и формулированием норм права в качестве норм закона, с приданием нормам права законной силы)¹²⁷.

Таким образом, модификация социальных объективных норм в идеальные ценностные системы — важный фактор социального управления общественными процессами. Эффективность такого управления зависит от точности отражения объективных норм в общественном сознании «нормоустанавливающего субъекта», от адекватности форм и способов их выражения в идеальных нормативных системах.

3. ГЕНЕЗИС СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ И КУЛЬТУРА

Социальные нормы — неотъемлемый элемент культуры, их становление и развитие связано со становлением и развитием культуры человечества. Поэтому рассмотрение генезиса социальных норм в социокультурном контексте представляет несомненный интерес.

Теория культуры привлекает в последние годы пристальное внимание философов, социологов, психологов, которые в своих исследованиях рассматривают различные аспекты этой сложной проблемы, затрагивающей по существу все стороны человеческой деятельности, и дают различные, подчас взаимоисключающие, определения понятия культуры¹²⁸. Однако широкая разработка теории культуры создала условия для формирования общей социально-философской концепции культуры, рассмотрения ее в контексте социального развития общества. В настоящее время можно выделить общие подходы к понятию культуры, в рамках которых возможно решение социокультурных проблем. Это, во-первых, признание непосредственной связи культуры с предметно-преобразующей деятельностью человека. Во-вторых, признание в качестве центральных проблем культуры, определяющих ее существо: а) соотношение объективно-общественного и субъективно-личностного в историческом процессе; б) соотношение нормативно-ценностной и творческой характеристик жизнедеятельности людей¹²⁹.

Из этих посылок сформировалась получившая наибольшее распространение позиция, согласно которой в основу понимания куль-

¹²⁷ См.: О понимании советского права: «Круглый стол» «Советского государства и права». — Сов. государство и право, 1979, № 7, с. 71.

¹²⁸ См.: Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969; Ион Э. Проблемы культуры и культурная деятельность. М., 1969; Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973; Соколов Э. В. Указ. соч.; Межуев В. М. Культура и история. М., 1977; и др.

¹²⁹ См.: Культура — человек — философия: к проблеме интеграции и развития. — Вопр. философии, 1982, № 1, с. 36.

туры положена исторически активная творческая деятельность человека, а следовательно, развитие самого человека в качестве субъекта этой деятельности¹³⁰. Такая позиция выдвигает на первый план личностный аспект культуры. Этот аспект позволяет рассмотреть естественнo-исторический процесс развития общества как результат деятельности человека, породившей различные материальные и духовные ценности, в процессе которой шло преобразование и развитие самого человека, его интересов и потребностей, в свою очередь влиявших на изменение характера человеческой деятельности. Смысл марксистско-ленинской концепции культуры — в развитии и самоопределении человека, в его индивидуализации и социализации.

В процессе общественного производства (материального и духовного) человек преобразует не только объективный мир, но и самого себя¹³¹. Общественные связи и отношения как результат социальной деятельности людей формируют человека с его сложной системой ценностей, интересов и потребностей. «Культуру с этой точки зрения можно определить как самосозидание, самопроизводство человека в конкретных формах его общественно-преобразовательной (материальной и духовной) деятельности»¹³². В таком контексте история, общество получают «личностное» измерение, все многообразные проявления культуры выступают как результат живого человеческого творчества, предметной практической деятельности людей.

Поскольку деятельность человека невозможна без нормирования, без создания эталонов, масштабов поведения, организующих его деятельность, то эти нормы, эталоны органически включены в культуру. Нормы являются результатом культурного творчества и вместе с тем способом организации культурной деятельности человека. Такой подход дает возможность раскрыть социокультурный смысл норм и ценностей, их участие в развитии культурных процессов, противоречивость норм, относящихся к различным этапам культурного развития общества, а также преемственность норм, ценностей и традиций как один из способов исторического становления культуры. Культура порождает нормы и развивается далее в определенных нормативных границах, пока в процессе способов человеческой жизнедеятельности, новых связей и отношений не сформируются новые нормы, отвечающие достигнутому уровню потребностей и интересов общества.

Нормативная характеристика — один из важных аспектов культуры. Ценности и нормы дают яркое представление о сущности культуры общества, о положении личности в нем, о границах и формах ее деятельности, о той мере свободы, которой располагала личность для культурного творчества. «Созданная, развиваемая и защищаемая каждым обществом, система целей, норм и ценностей,

¹³⁰ См.: Там же.

¹³¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 188—189.

¹³² Культура — человек — философия: к проблеме интеграции и развития. — *Вопр. философии*, 1982, № 1, с. 38.

конкретизирующихся в реальных программах действия, в свою очередь, определяет своеобразные „рамки“, параметры и способы общественного взаимодействия людей, формы развития их социальных качеств. В этом смысле культура (как материальная, так и духовная) представляет собой исторически конкретные масштабы человеческой деятельности и развития...»¹³³

Нормативная функция культуры¹³⁴ раскрывается через целенаправленность, организованность человеческой деятельности; она является результатом кристаллизации социального опыта в общезначимых формах предметно-практической деятельности человека. В определенном смысле культуру можно понимать как способ самоорганизации социальной деятельности людей посредством норм и ценностей. При таком подходе будет выделен соционормативный срез культуры, который может быть рассмотрен в качестве формы организации культурного развития.

Личностный подход, который лежит в основе понимания культуры, определяет необходимость рассмотреть процесс становления социальных норм в соотношении со становлением человеческой индивидуальности. Одним из важнейших компонентов культуры является особого рода отношение, свойственное только человеку, — отношение к самому себе. Животное не относится к себе, оно не выделяет себя из природы¹³⁵.

Возникновение культуры связано с выделением человека из животного царства, осознанием им своего отношения к себе; что, в свою очередь, неизбежно порождает отношение к подобным себе — другим людям. Это отношение — обособление и индивидуализация — является предпосылкой возникновения социального регулирования, а затем его перехода к более высокой стадии. Д. Ж. Валеев отмечает следующие этапы «обособленного общения»: первыми субъектами общественных отношений выступают роды и племена (человек еще не выделен из коллектива); далее из сообщества выделяются возрастные группы (старики, дети и т. д.) в связи с осознанием их особой роли в жизни коллектива; возникает парная семья; наконец, появляются специфические обычаи, в которых выражаются требования к отдельным индивидам¹³⁶. Это положение представляется спорным. Несомненно, все указанные формы обособления очень важны для развития регулирования, но человек с большей или меньшей степенью обособленности был представлен в системе регулирования уже в начальных стадиях (ведь применение санкций было индивидуализировано). Даже для самых примитивных форм социального регулирования необходим хотя бы минимум обособленности и индивидуализации человека.

¹³³ Буева Л. П. Человек и общественный прогресс. — *Вопр. философии*, 1982, № 2, с. 28.

¹³⁴ См.: Соколов Э. В. Указ. соч., с. 135—142.

¹³⁵ Культура — человек — философия: к проблеме интеграции и развития, с. 39.

¹³⁶ См.: Валеев Д. Ж. Обычное право и его генезис. — *Правоведение*, 1974, № 6, с. 75—76.

В самом первичном зародышевом состоянии возникновение нормы связано с утилитарными рефлексивными суждениями о полезности либо вредности того или иного поведения для рода, племени, орды. Синкретичность, нерасчлененность сознания людей первобытного общества, определявшиеся нерасчлененностью бытия, нерасчлененностью деятельности, обусловили и нерасчлененность тех первичных социальных норм, которые появились на ранних стадиях развития человечества. Эти нормы получали различное наименование в научной литературе (нормы морали, обычаи, традиции, нормы права и т. д.). Представляется наиболее удачным термин «мо-нонормы», применяемый к самым ранним формам социальных норм и характеризующий синкретичность правил поведения в первобытном обществе.

Существуют различные теории причин происхождения этих норм. Одна из них — изживание зоологического индивидуализма животных предков человека. Противоположная точка зрения состоит в том, что нормы вырастают из инстинктов животных предков человека, что коллективистские нормы связаны со стадными инстинктами животных. Третья точка зрения состоит в том, что хотя нормы и имеют своим истоком стадные инстинкты и навыки, но возникнуть они могли только в социальных условиях¹³⁷. Данная позиция представляется наиболее убедительной, поскольку она учитывает биосоциальную природу человека. Как отмечает А. И. Першиц, в пользу такого понимания природы мононорм свидетельствуют и косвенные данные палеоантропологии и археологии, позволяющие судить о степени социальности первобытного человека.

Вопрос о причинах возникновения социальных норм поднимается буржуазной антропологией. В этой связи представляет интерес философско-антропологическая концепция западногерманского ученого А. Гелена, поскольку она пытается раскрыть природу нормативных регуляторов, исходя из несовершенства биологической природы человека, предопределяющего его культурную деятельность. А. Гелен отмечает, что именно биологическая организация человека определила культурную сферу его деятельности, в которой проявляются его нравственность и духовность. Нестабильность и ограниченность инстинктивной оснащенности человека приводят к возникновению «социальных регуляций». Но природа этих регуляций заложена во врожденных склонностях человека, во врожденных диспозициях и установках, реализующихся в сфере культуры. Гелен отмечает значение культурно-исторического развития человека, давая ему антропологическое истолкование. Навыки социального поведения он выводит из инстинкта взаимности, врожденной склонности человека действовать в соответствии с интересами другого.

Существование этических норм и принципов Гелен объясняет чувствами миролюбия и солидарности, возникшими в доисторическую эпоху на основе внутренней морали рода или первобытной

¹³⁷ См.: Першиц А. И. Проблемы нормативной этнографии. — В кн.: Исследования по общей этнографии. М., 1979, с. 215—216.

семьи. Отсюда современная этика рассматривается Геленом как идеализированная семейная этика, устанавливающая всеобщую взаимосвязь людей.

Отмечая общественно-историческую обусловленность человеческого поведения, Гелен подчеркивает вместе с тем биоантропологическую природу институциональных форм культурно-исторической деятельности, обеспечивающих нормальное функционирование человеческих сообществ. Институты как стереотипные структуры, объективно сложившиеся модели поведения упорядочивают жизнедеятельность людей, восполняя то, что человек не смог бы достичь в силу ограниченной инстинктивной оснащенности, обеспечивая человеку такие же стабильные жизненные структуры, какими природа наделила животное¹³⁸.

Гелен гипертрофирует навыки и инстинкты, которые заложены в человеке природой. С его точки зрения, вся культурная и нравственная жизнь предопределяется установками и диспозициями, коренящимися в инстинктах человека. Социальные факторы, определяющие объективно необходимые формы взаимодействия людей, им по сути дела, отрицаются.

Несомненно, в своем первоначальном выражении социальные нормы были продиктованы инстинктивным стремлением человека противостоять враждебным силам природы. Но в основе возникновения мононорм прежде всего лежали экономические причины. Участвуя в производстве и потреблении, человек должен был прийти к выводу о необходимости урегулированности и порядка. Поэтому цель мононорм состояла прежде всего в обеспечении упорядоченности экономических отношений производства и распределения. Вполне понятно, что мононормы не были результатом целенаправленной деятельности людей, а формировались стихийно в системе кровнородственных связей и отношений (рода, племени и т. д.). «Социальные нормы и обычаи, характерные для культур, скорее производят впечатление, что формировал их добрый старый естественный отбор, действовавший не на генетической, а на общественно-психологической основе, и использовавший в качестве сырья вместо мутаций и рекомбинаций случайно возникавшие обычаи и привычки»¹³⁹.

Появление мононорм является свидетельством эволюции человеческого сознания, длившейся несколько сот тысячелетий, чтобы не только приобрести способность фиксировать конкретные, единичные факторы окружающей действительности, но и суметь их обобщить, выделив из огромной массы эмпирических явлений существенные, типичные, повторяющиеся. Появление зачатков обобщающего, абстрактного мышления было крупным шагом в культурно-историческом развитии человечества. «Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выде-

¹³⁸ См.: Григорян Б. Т. Философская антропология. М., 1982, с. 86—102.

¹³⁹ Лоренц К. Эволюция ритуала в биологической и культурной сферах.— Природа, 1969, № 11, с. 48.

ляет, категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею»¹⁴⁰. Эти зачатки абстрактного мышления сделали возможным создание внутренних правил поведения человека (в кровнородственной семье) и внешних (во взаимоотношениях с другими общностями). В исследованиях М. Бунге, М. Макай, Ж. Пиаже утверждается, что в примитивных обществах не было норм, а существовали две логические формы — суждения рефлексии (X есть полезно, X есть не полезно) и каузально-гипотетические суждения (если сделать X, появится Y). Простейшие варианты суждений рефлексии и гипотетических суждений отражали простейшие причинные связи и свидетельствовали о нерасчлененности «стадного сознания»¹⁴¹.

Преобразование человеческого сознания, которое произошло с переходом к родовому строю, сделало возможным выявление более сложных связей и зависимостей и на их основе кристаллизацию определенных, экономически и социально-психологически детерминированных норм поведения. Эти нормы еще не могут быть четко классифицированы как нормы морали или нормы обычного права. По своему характеру это скорее всего обычаи, выражающие устойчивые привычки, убеждающие своей целесообразностью. Они концентрировали стихийно складывавшиеся представления о полезном и вредном для рода или племени и в конечном счете были связаны со становлением общественного труда. Целью таких норм было поддержание и сохранение кровнородственной семьи.

Многие исследователи считают, что эти регуляторы отношений людей в первобытных общинах носили нравственный характер. «Моральные правила — нормы поведения — вырастали из стихийной потребности людей держаться вместе и действовать сообща — потребность, унаследованная от наших животных предков, живших стадами и поэтому обладавших стадными инстинктами»¹⁴². Как нормы морали оценивает правила, действовавшие в первобытном обществе, и В. Ф. Зыбковец, считая «табу» выражением нравственности первобытного человека¹⁴³. Представляется, что «родовые» нормы содержали в зачаточном состоянии представление о добре и зле, так как они предусматривали правила взаимопомощи, взаимозащиты, эндогамии. Но в целом это были жесткие предписания, продиктованные необычайно трудными условиями существования человека, примитивному сознанию которого противостояли суровые силы природы, необходимость обороняться от враждебных племен. Отсюда и чрезвычайно жесткие санкции за нарушение данных норм. Серьезные проступки влекли за собой побои, увечья, а в особо тяжких случаях даже смерть или изгнание из рода, что, по сути дела,

¹⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 85.

¹⁴¹ Кобляков В. П. Указ. соч., с. 64.

¹⁴² Токарев С. А. Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972, с. 278.

¹⁴³ См.: Зыбковец В. Ф. Наука и религия о происхождении нравственности. М., 1959, с. 18.

было равноценно смерти¹⁴⁴. Поэтому, как уже отмечалось, рассмотрение правил первобытного общества как мононорм, в которых еще четко не проступают ни признаки морали, ни признаки религии, ни правовые свойства в силу синкретичности сознания первобытного человека, определяемой синкретичностью бытия, в наибольшей степени передает их характер и социальное назначение — поддержание целостности общины, рода, орды¹⁴⁵. Правильно отмечается, что, углубляясь в природу «родовых» норм, можно обнаружить в них переплетение самых разнообразных элементов. Разделение на право и обязанность, право и нравственность в этих нормах весьма затруднительно. Значение норм приобретают производственные навыки; все торжественные события обставляются обрядами и церемониями¹⁴⁶, свидетельствующими о зарождении религиозных норм.

Для мононорм характерным было то, что они никогда не давали преимуществ одному члену рода перед другим, т. е. закрепляли «первобытное равенство», характерное для потестарных обществ¹⁴⁷. Но суть этого равенства состояла в поглощении человека сообществом, в жесточайшей регламентации всей его деятельности, в консервативности и застойности форм, закрепляющих существующие связи и отношения. Эта «нормативная избыточность» свойственна обществам с относительно бедной культурой, для которых важнейшей задачей является поддержание равновесия, «социостаза». «В результате скрупулезной регламентации или чрезмерно жесткого нормирования поведения искусственно суживается разнообразие действий и мыслей, тормозится культурное творчество, общество плохо приспосабливается к изменениям»¹⁴⁸, поэтому взаимодействие традиций и инноваций весьма сложно. Б. В. Поршнев, отмечая внутреннюю поработанность человека первобытного общества, подтверждает эти выводы исследованиями Тамаса Штрелова, проживавшего среди австралийского племени аранда. По наблюдению этого исследователя, религиозная традиция и «тирания» стариков (ее хранителей) сковывали всякое творчество и воображение туземцев, приводили к апатии и умственному застою¹⁴⁹. К этим выводам приходят и другие исследователи — С. А. Токарев, А. И. Першиц, А. Элькин и др.

Поэтому идеализация первобытного равенства, демократии в потестарных обществах, системы регуляции поведения членов пер-

¹⁴⁴ См.: Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М., 1982, с. 106.

¹⁴⁵ О. Г. Дробницкий считает простейшей формой всякой нормативной регуляции обычаев, выражающий синкретное единство различных нормативных систем — права, морали, традиции, ритуала. См.: Дробницкий О. Г. Указ. соч., с. 265.

¹⁴⁶ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Исторические типы государства и права. М., 1971, с. 70—71.

¹⁴⁷ Термин «потестарный» утвердился для обозначения процессов властвования в доклассовых обществах. См.: Кубель Л. Е. Потестарная и политическая этнография. — В кн.: Исследования по общей этнографии, с. 243.

¹⁴⁸ Соколов Э. В. Указ. соч., с. 141.

¹⁴⁹ Поршнев Б. В. Социальная психология и история. М., 1966, с. 197.

вобытных сообществ связана с игнорированием полного поглощения человека общиной, отсутствия свободы выбора, застойности традиций и обычаев, суть которых состояла в создании своего рода гомеостаза, недопущения каких-либо перемен. К. Маркс, раскрывая положения личности в патриархальной общине, писал, что эти общины «ограничивали человеческий разум самыми узкими рамками, делая из него покорное орудие суеверия, накладывая на него рабские цепи традиционных правил, лишая его всякого величия, всякой исторической инициативы»¹⁵⁰.

Однако возникновение мононом было свидетельством грандиозной эволюции человечества, выпавшего из животного царства. Сам факт появления норм — это признак сугубо человеческого бытия, его социальности. Через освоение мононом культивировались формы поведения, которые были необходимы человеческому сообществу для дальнейшего прогресса. Ведь даже самые консервативные и жесткие социальные нормы пришли на смену стадным инстинктам и свидетельствовали об осознании человеческими сообществами особенности своего существования по отношению к остальному миру и необходимости поддержания и сохранения своей общности. В рамках первобытной морали, обычаев, традиций, выраставших из мононом, происходило становление человеческой социальности.

На последнем этапе распада первобытнообщинного строя в эпоху классовообразования возникают нормы права.

Данный период связан с крупными общественными разделениями труда, ростом его производительности, которые создали возможность появления избыточного продукта и сосредоточения общественных богатств в руках уже сформировавшейся привилегированной верхушки, осуществлявшей функцию управления в родовых организациях. Этот процесс всесторонне охарактеризовал Ф. Энгельс: «Увеличение производства во всех отраслях — скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле — сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания ее. Вместе с тем оно увеличивало ежедневное количество труда, приходившееся на каждого члена рода, домашней общины или отдельной семьи. Появилась потребность в привлечении новой рабочей силы. Война доставляла ее: военнопленных стали обращать в рабов... Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых»¹⁵¹.

Переход к классовому обществу и его государственной организации связан с дифференциацией социальных норм. Но процесс такой дифференциации с относительно четкой фиксацией норм морали, норм права, религиозных норм происходил постепенно и был характерен не для всех нормативных систем. Развитие социальных нормативных систем в условиях рабовладельческого строя проходи-

¹⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 9, с. 135.

¹⁵¹ Там же, т. 21, с. 161.

лю под сильнейшим влиянием религии, оказавшей огромное воздействие на культуру всех регионов мира.

В системе социальных норм, действовавших в том или ином государстве, убедительное отражение находила не только его экономика, политическая структура, но и культура в ее соотношении с личностью, раскрывающая место и роль человека в социальных связях данного общества. Для этого периода характерно развитие правовых систем, которые в своем первоначальном выражении были тесно связаны с нормами морали, религии. По сути дела, нет ни одной системы древнего писаного права, не включавшей религиозных предписаний и ритуальных правил. Например, в законодательном акте рабовладельческой эпохи — Законах XII таблиц — есть немало элементов, которые могут быть отнесены к религиозному ритуалу. Особенно же сильное влияние религии носило законодательство древних восточных государств: Законы Моисея, древнее право персов, Законы Хаммурапи и др.

Хотя религия возникает позднее первичных форм социальной регуляции (мононорм, обычаев), она быстро проникает во все поры регулятивных механизмов. Это ясно прослеживается на развитии одной из древнейших правовых систем — индусском праве. Индусская религия, представлявшая собой систему педантично разработанных правил, детально регламентирующих всю общественную жизнь, предписывала определенный образ жизни и поведения, исключала возможность разумной оценки обычаев и традиций. Наряду с другими социальными причинами (экономическая и национальная раздробленность, замкнутость общин) это в значительной мере повлияло на аморфность, обезличенность человека, испытывавшего безусловную власть общины, касты. «Поведение древнего индийца тысячами регулировалось религиозно-нравственными установками, которые по мере развития классовых отношений медленно уступали место нормам права, а в большинстве случаев срастались с ними»¹⁵². Важным этапом в формальном закреплении правовых норм стало создание дхармашастр, в которых тесно переплетались нормы морали, обычного права и религии. Они так выражали формирующуюся классовую мораль. «Тб есть добродетель, — записано в Апастамбе, — что люди умные из дважды рожденных каст хвалят, а то, что они порицают, есть грех».

Отход от принципа примитивного первобытного равенства отражается на изменении ряда древних обычаев, которые господствующие классы подчиняют своим интересам. Так, внутреннее расслоение первобытной общины, появление социальных различий привело к исчезновению такого известного всем первобытным народам обычая, как талион. В классовом обществе продолжала использоваться лишь форма талиона, ибо идея равного воздаяния уступила место другой идее, согласно которой цена крови бедного меньше цены

¹⁵² Крашенинникова Н. А. Индусское право: история и современность. М., 1982, с. 43.

крови богатого. Именно в таком трансформированном виде талион был узаконен во многих правовых системах древности¹⁵³.

Не меньшее влияние религия оказывала и на нормативные системы мусульманских государств. Мусульманская доктрина исходит из того, что все нормы, действующие в обществе, ведут свое происхождение от древних источников, среди которых главное место занимают Коран и сунна — собрания преданий о высказываниях и поступках пророка Мухаммеда. Все нормы шариата, в том числе и правовые, определяются этим источником. Отсюда и особый характер мусульманского права, включавшего наряду с правовыми нормами правила нравственности и религиозного культа. Лишь на более поздних этапах мусульманское государство начинает отграничивать нормы, определяющие основы веры и отправление религиозных обязанностей, от правил поведения людей в отношениях между собой. «Такие правила, не потеряв полностью связи с религиозным сознанием, приобрели в первую очередь характер правовых норм, поскольку в той или иной форме они поддерживались государством»¹⁵⁴.

Как видно из приведенных примеров, в государствах, где влияние религии было особенно сильным, дифференциация социальных регуляторов происходила замедленными темпами. Даже такие характерные для классового общества нормы, как нормы права, оказались тесно вплетенными в единую нормативную систему с преобладающими в ней религиозными постулатами.

Нормативные системы Древней Греции и Древнего Рима также были далеко не свободны от религиозных влияний. Но в этих государствах отсутствовали такие завершенные религиозные доктрины, как в буддизме или исламе (имеется в виду, разумеется, дохристианская эпоха). Например, в Древней Греции не было культовой общности, религия опиралась в основном на культовые мифы. Этим объясняется возникновение на самых ранних стадиях развития государственности атеистического свободомыслия (в трагедиях Эсхила, в эпосе Гомера и т. д.). В римской религии, испытавшей на себе сильное влияние греческой религии, в образованных кругах почитание богов также отступало перед свободолобием, сильным воздействием греческой передовой культуры¹⁵⁵.

Религии этих обществ не подавляли личность в такой степени, как буддизм, мусульманство, поэтому личность выступала в них более обособленно и индивидуализированно. В меньшей мере они тормозили дифференциацию социальных норм, их трансформацию. Так, одна из важных категорий греческого права «дикайон», выражавшая ранее справедливость как моральную категорию, постепенно стала категорией правовой. В праве Афин уже были деталь-

¹⁵³ Там же, с. 47.

¹⁵⁴ Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право как объект общей теории права. — Сов. государство и право, 1979, № 1, с. 29.

¹⁵⁵ См.: Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1976, с. 382, 415, 420, 423, 443 и др.

но регламентированы права и обязанности полноправных граждан и ограниченных в правах иностранцев. Это привело к появлению заинтересованности личности в решении политических дел. Суровым наказанием было как полное, так и частичное лишение гражданских прав в качестве санкции за преступные действия¹⁵⁶. Право носило писанный характер, а законом считалось то, что одобрили граждане на Народном собрании.

В Римском государстве на основе равенства свободных была создана одна из совершеннейших форм права классового общества, состоящего из товаропроизводителей, основанного на частной собственности¹⁵⁷. Эта система права по мере дальнейшего развития общественных отношений совершенствовалась, пополнялась новыми институтами.

На этих примерах видно, что чем менее общество сковано религиозными доктринами, тем четче отделена правовая система от морали и религии¹⁵⁸, тем больше возникает условий для индивидуализации личности, ее участия в общем культурном прогрессе. Речь идет, разумеется, о представителях господствующего класса, а не о рабах, которые полностью исключались из участия в жизни государства.

Тем не менее рабовладельческий строй, несомненно, был шагом вперед на пути культурного прогресса, он дал миру великие творения античности — литературу, философию, искусство. Он оставил и огромную правовую ценность — римское право, явившееся на многие столетия уникальной правовой формой, приспособленной к регулированию товарных отношений. Он дал также идеи демократии, прав человека, гражданства, которые возникли в древних политических и явились выражением прогрессивной мысли, развивающейся вопреки узкоклассовым интересам антагонистического общества.

Социально-культурный прогресс общества был и прогрессом его нормативных форм. Развитие нормативных форм конкретно-исторического общества можно проследить через эволюцию личностного аспекта культуры, который наиболее четко проявляется в развитии такого важнейшего социального института, как права человека.

Этот институт избран не случайно. В нем сконцентрированы все важнейшие социальные нормы и принципы — не только правовые, но и моральные, политические, религиозные, философские, — которые в различные эпохи придавали этому институту своеобразную окраску в соответствии с экономическим строем и культурой общества. Культурный прогресс общества невозможен, если он не вносит принципиально нового в положение личности, если человек не

¹⁵⁶ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права, с. 174—175.
¹⁵⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 500; т. 20, с. 105.

¹⁵⁸ Кстати, нельзя не отметить, что в период поздней Римской империи (домината), когда христианство стало государственной религией, религиозная принадлежность оказывала прямое влияние на правоспособность и дееспособность лица: нехристианам, язычникам запрещалось вступать в некоторые правоотношения.

получает с каждой новой ступенью развития минимум свободы, хотя бы классово-исторически ограниченной, но все же расширяющейся от одной общественно-исторической формации к другой. Этот важнейший аспект культурного прогресса можно проследить на возрастании гуманного начала в морали, праве, религии, философии по мере естественноисторического развития общества. Античный раб — свободнее первобытного дикаря. Средневековый крепостной свободнее античного раба, а наемный рабочий буржуазного общества — свободнее средневекового крепостного. Подлинное освобождение трудящихся, утверждение гуманистического начала принес социализм. И хотя развитие общества по пути свободы не было поступательным наращиванием только прогрессивных начал, исторический прогресс — явление, объективно детерминированное, которое пробивает себе дорогу через все случайности и хаотические нагромождения социального развития.

Положение К. Маркса о том, что право не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества¹⁵⁹, полностью применимо к определению сущности прав человека на различных этапах общественно-исторического развития. В нем в значительном мере заложен ответ на вопрос, почему в пределах одной экономической формации в различных регионах мира существовали различные традиции в подходе к институту прав человека.

Права человека, их генезис, социальные корни, назначение — одна из «вечных» проблем социально-культурного развития человечества, прошедшая через тысячелетия и неизменно находившаяся в центре внимания политической, правовой, этической, философской и религиозной мысли. В различные эпохи эта проблема, неизменно оставаясь политико-правовой, приобретала то религиозное, то этическое, то философское звучание, в зависимости от социальной позиции эксплуататорских классов, заинтересованных в обосновании и оправдании существующего классово ограниченного распределения прав и обязанностей в обществе.

Закрепление социальных позиций классов и групп в системе прав и обязанностей всегда определялось не только социально-экономическими причинами, но и имело глубинные социально-психологические и социокультурные предпосылки. Исследование природы прав человека в контексте культуры позволяет связать их с исторической деятельностью человека, раскрыть их значимость для развития самого человека, социализации личности, дать личностное измерение культурному развитию, проследить преемственность норм и ценностей, определявших границы свободы человека и выражавших демократические устремления передовой мысли. «Культура — это творческая, созидательная деятельность человека, как прошлая, воплощенная, опредмеченная в ценностях, традициях, нормах и т. д., передающих от поколения к поколению исторический опыт человечества, так и прежде всего настоящая, основывающаяся

¹⁵⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 19.

на распределении этих ценностей, норм и пр., т. е. актуализирующая содержание этого опыта в творческих способностях индивидов в процессе преобразования человеком его собственного предметного мира и мира его общественных отношений»¹⁶⁰.

Процесс исторического творчества человека в значительной мере зависит от объема его прав и свобод, определяющих его социальные возможности, обеспечивающих характер жизнедеятельности, систему связей, взаимодействий, отношений людей в обществе. Поэтому проблема прав человека всегда была предметом острых классовых битв, которые велись за обладание правами, расширение прав, фиксировавших положение человека в обществе.

Человек не может существовать и развиваться без социальных притязаний на определенный набор благ (материальных и духовных), необходимых для его нормальной жизнедеятельности. Эти притязания и выступают как права человека, которые не являются его «естественными», «прирожденными» свойствами; они строго детерминированы характером экономического, политического строя, соотношением классовых сил и уровнем культуры общества. В условиях классового общества эти притязания законодательно закрепляются государством в системе юридических прав, свобод, обязанностей. «...Юридически признанная свобода,— писал К. Маркс,— существует в государстве в форме закона... Законы — это положительные, ясные, всеобщие нормы, в которых свобода приобретает безличное, теоретическое, независимое от произвола отдельного индивида существование. Свод законов есть библия свободы народа»¹⁶¹.

Законодатель не может произвольно определять объем прав и свобод; этот объем всегда обусловлен уровнем экономического развития общества. Ведь сами по себе права и свободы вырастают из общественных связей и отношений, они органично включены в их структуру, ибо взаимодействие людей всегда объективно предстает в виде связи их прав и обязанностей. Поэтому законодатель не может сконструировать права, свободы и обязанности, они объективно порождаются социально-экономическими условиями развития общества, формами взаимодействия людей в конкретно-исторических условиях.

Как уже отмечалось, права и свободы человека, будучи определенным нормативным измерением его социокультурной деятельности, способствуют развитию его социальных качеств, его историческому творчеству. Поэтому они выступают как одна из величайших культурных ценностей. Отсюда вытекает важность аксиологической характеристики прав человека в качестве элемента культуры.

В исследованиях культурологов нередко отрицается значимость аксиологических характеристик различных явлений культуры, оценочного отношения к культуре в целом. Аргументы сторонников та-

¹⁶⁰ Культура — человек — философия: к проблеме интеграции и развития, с. 37.

¹⁶¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 63.

кой позиции сводятся к тому, что в понятие культуры как способа человеческого существования, человеческой деятельности, объективированной в различных результатах, включаются и позитивные, и негативные элементы. Поэтому их ценностная характеристика неоправдана. Положительная либо отрицательная оценка того или иного элемента культуры не дает оснований включать либо не включать данный элемент в само понятие культуры.

Такой подход нам представляется правильным лишь при объектной, предметно-описательной характеристике понятия культуры. Но рассматривая культуру в целом и ее отдельные элементы с позиций исторического прогресса, мы неизбежно подключаем к исследованию оценочный момент, тем самым не только констатируя наличие тех или иных элементов культуры, но и рассматривая их в качестве ценностей с позиций исторической перспективы. Поэтому и при характеристике прав человека как элемента культуры следует, на наш взгляд, не только констатировать наличие таких прав в культурах различных исторических периодов, но и рассматривать их место в иерархии ценностей, давать их оценку с позиций социального прогресса.

Права и обязанности — это универсальный способ взаимодействия людей. Создание в процессе развития культуры институализированной системы прав человека является важнейшим механизмом, обеспечивающим функционирование культуры. В этом процессе активно участвуют нормы морали, обычаи, традиции и т. д., которые целенаправленно регулируют межличностное и межгрупповое общение людей. Если культура выражает специфически характерный для людей способ деятельности, то права человека выступают как нормативно выраженный способ взаимодействия людей друг с другом и с обществом в целом.

Методологическую основу социокультурной характеристики прав человека составляет исторический подход. Уместно напомнить положение В. И. Ленина о том, что в общественной науке важно «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹⁶³. Такой подход к проблеме позволяет определить путь ее исследования в аспекте «история — современность». Становление и развитие института прав человека убедительно раскрывает пути человечества в познании и объективации свободы. «Всемирная история, — писал Гегель, — это прогресс в сознании свободы, прогресс как в смысле познания объективной истины, так и внешней объективации достигнутых ступеней познания свободы в государственно-правовых формах»¹⁶⁴.

Важное условие правильного познания природы прав человека заключается в ее сопоставлении с каждым этапом исторического

¹⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

¹⁶⁴ Гегель. Соч. М.; Л., 1934, т. 8, с. 98, 99.

развития, который вносит свою интерпретацию в социальные позиции, относящиеся к данной проблеме. Здесь прежде всего важно учитывать жесткую детерминированность прав человека экономическими условиями жизни общества, его классовой структурой, противоборством политических сил, уровнем культуры определенного региона на каждом конкретно историческом этапе развития той или иной общественно-экономической формации. Развитие прав человека и их реализация в законодательстве в значительной мере зависят также от духовной атмосферы, духовной культуры общества, порождающей своеобразие политической мысли, которая никогда не была нейтральной в вопросе о положении человека в обществе, всегда составляющем один из основных элементов классового интереса.

Права человека как определенные требования (притязания), направленные на создание минимума необходимых жизненных условий человеческого существования, возникли еще при первобытнообщинном строе. Эти притязания опирались на выработанные практикой обычаи, традиции, ритуальные предписания и ставили своей целью обеспечить взаимодействие членов первобытного сообщества (рода, племени и т. д.). На этом этапе развития общества отсутствовала дифференциация прав и обязанностей. Поэтому действовавшие нормы воспринимались в качестве правил, равных для всех и необходимых для организации человеческого общежития.

С расколом общества на классы представляемые гражданам права стали соразмеряться с их имущественным положением, что обеспечило сосредоточение прав в руках экономически господствующего класса. Обязанности соответственно были возложены на представителей неимущих классов. Такое размежевание прав и обязанностей — политическое признание различий в имущественном положении, характеризующее низшую ступень государственного развития¹⁶⁵, низшую стадию культуры классового общества.

Однако уже на этой стадии государственного развития впервые возникла гражданская идея, т. е. идея гражданина с определенным комплексом прав и обязанностей. Рождение этой идеи относится к VI—V вв. до н. э. и связано с тем регионом мира, где сформировалась наиболее высокая духовная культура — политическая мысль, формы государственной организации, искусство, литература и т. д. Речь идет об античных полисах, в частности Афинах и Риме.

Полис — первая в истории человечества форма сообщества, которую можно определить как гражданский коллектив. Один из наиболее глубоких исследователей истории древнего полиса — С. Л. Утченко отмечает: «Благодаря именно этим своим особенностям полис сумел выработать и затем передать в наследство грядущим поколениям огромное духовное богатство, идеи гражданства, демократии, республиканизма»¹⁶⁶.

Вполне понятно, что сложившиеся в условиях древнего полиса идеи гражданства, гражданственности и демократии претерпели

¹⁶⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 172.

¹⁶⁶ Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима. М., 1977, с. 41.

весьма существенную трансформацию за более чем двухтысячелетнюю историю своего существования и развития.

Для правильной трактовки первоначальной идеи гражданства следует учитывать, что в условиях древних полисов прав гражданства были лишены не только рабы, составляющие подавляющее большинство в этих государствах, но и некоторые категории свободных. Кроме того, институт гражданства знал градации — граждане по рождению и лица, получившие гражданство. Институт гражданства носил замкнутый, классово ограниченный характер, охранялся законодательством, т. е. властью.

Однако уже в своем первичном, начальном звучании утверждение прав человека было крупным шагом в области развития духовной культуры человечества на его пути познания свободы. При всей их классовой ограниченности, вытекающей из социальных позиций классов в условиях рабовладельческого общества, права человека были прогрессивны по своей природе, создавая у лиц, обладавших статусом гражданина, чувство причастности к решению общегосударственных дел.

Сама по себе идея гражданства явилась и программой борьбы для угнетенных, бесправных классов, и эта борьба неизбежно должна была впоследствии вылиться в движение эксплуатируемых за равноправие. Как отмечал Ф. Энгельс, «должны были пройти и действительно прошли целые тысячелетия, прежде чем из первоначального представления об относительном равенстве был сделан вывод о равноправии в государстве и обществе, и этот вывод даже стал казаться чем-то естественным, само собой разумеющимся»¹⁶⁷.

Идеи о правах человека и гражданина органично включались в политические и философские концепции представителей античности. Уже прогрессивная политическая мысль древних демократий выдвигала идею равноправия (Перикл, Демосфен). В этой связи интересно высказывание Демосфена в речи «Против Лептина»: «Закон устраняет все противоречащее ему, чтобы относительно каждого (обстоятельства) среди существующих имелся один закон, чтобы закон не приводил в смущение рядовых граждан и чтобы они не оказывались бы в невыгодном положении сравнительно с тем, кто знает все законы. Закон должен быть таким, чтобы всем давать одно и то же ясное и полное знание о том, что является правом»¹⁶⁸.

Демокрит выдвигает идею о долге гражданина как этической категории, который состоял в заботе каждого гражданина о благополучии полиса. По его мнению, связи между гражданами и полисом коренятся в этических, а не правовых началах и носят характер нравственного, а не правового отношения¹⁶⁹.

Характерно, что в древних полисах с гражданством были связаны прежде всего политические права: свобода, право на решение

¹⁶⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 104—105.

¹⁶⁸ Цит. по: Бергер А. К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966, с. 337, 338.

¹⁶⁹ См.: Нерсисянц В. С. Политические учения Древней Греции. М., 1979, с. 78.

государственных дел, участие в правосудии и т. д. При этом такими правами наделялись лишь те, кто не занимался физическим трудом. Труд был постыдной обязанностью, выполнение которой исключало человека из сферы гражданства и равенства.

При всей замкнутости и ограниченности гражданства древних полисов такой институт мог быть порожден лишь высоким уровнем культуры, выступая в то же время как средство функционирования этой культуры, ее дальнейшего развития и обогащения. Не случайно в ту эпоху идея и институт гражданства были характерны лишь для такой уникальной формы государственного устройства, как полития.

В это же время в других регионах мира возникали иные идеи и концепции относительно положения личности в обществе и государстве. Например, политические воззрения одного из виднейших древнекитайских легистов — Шан Яна (390—338 гг. до н. э.) — обосновывали абсолютизацию царской власти, установление тотального контроля над личностью, способы превращения подданных в слепые орудия царей, средства унификации мышления и всеобщего оглупления народа как обязательного направления государственной деятельности¹⁷⁰. Подобные доктрины были характерны для деспотических государственных режимов древности, органично вытекая из общего строя их экономических отношений и характера культуры.

Разложение рабовладельческого строя и формирование феодального общества внесли изменения в концепции прав человека. Важным шагом по пути развития свободы явилось устранение из социальной структуры полностью бесправных.

Разумеется, нет необходимости напоминать о сосредоточении всей полноты прав в руках господствующего класса, однако было бы упрощением представлять себе феодальное общество как общество сплошного беззакония и произвола. Феодальное общество было строго ритуализировано, все действия его членов должны были соответствовать традиции, обычаю, предписанию закона, опиравшимся на «освященную» старину. Роль закона по сравнению с эпохой рабовладения возрастала, что связано как с идеей «божественного» происхождения права, так и с жестким традиционализмом феодального строя. «Для удержания своего господства, для сохранения своей власти помещик должен был иметь аппарат, который бы объединил в подчинении ему громадное количество людей, подчинил их известным законам, правилам,— и все эти законы сводились в основном к одному — удерживать власть помещика над крепостным крестьянином»¹⁷¹.

В глубоком и интересном исследовании А. Я. Гуревича «Категории средневековой культуры» на основе анализа обширных материалов — юридических документов, литературных источников, народных преданий и т. д. — убедительно раскрывается своеобразие

¹⁷⁰ См.: Политические учения: история и современность. М., 1976, с. 28.

¹⁷¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 77.

концепции права и неразрывно с ней связанного правового положения личности в условиях феодализма.

Личность в условиях феодального строя была еще недостаточно индивидуализирована, все стороны ее деятельности были ритуализированы, подчинены праву и обычаю, которые в значительной мере формировали саму личность. Особенность положения личности в эпоху средневековья состояла в том, что член феодального общества всегда от кого-то зависел, между тем как значительные слои этого общества считались юридически свободными. «Как свобода не исключала зависимости, так и зависимость не означала отсутствия всяких прав. Средневековое общество — общество, знающее широкий диапазон градаций свободы и зависимости»¹⁷².

Таким образом, феодальное общество строилось, с одной стороны, на отношениях господства и подчинения (никто в нем не свободен полностью, и каждый имеет своего господина). С другой стороны, формирование корпораций внутри этого общества (рыцарских орденов, монашеских орденов, объединений торговцев, ремесленников), нивелируя индивидуальность личности, делало ее равной среди сочленов данной корпорации. Это равенство также было жестко регламентировано законами и обычаями, однако в корпоративном равенстве были заложены основы тех требований равноправия, которые явились одним из лозунгов грядущей буржуазной революции.

Корпорация воспитывала своих членов в духе равенства и взаимного уважения прав, сплачивала их для защиты своих прав и интересов от посягательств со стороны внешних сил. Средневековое право защищало статус человека, которым он пользовался в качестве члена какого-либо ордена или объединения. Оно способствовало воспитанию чувства сословного либо профессионального достоинства и равенства с членами данного объединения. Характерно, что в этот период происходит изменение социально-психологического отношения определенной части граждан к труду. Цеховой ремесленник должен был честно трудиться и производить товары только высокого качества. Недобросовестная и непрофессиональная работа неизбежно влекла за собой исключение их цеха. Появляется понятие шедевра — «образцового продукта». Возникает чувство гордости за свой цех, понятие трудового достоинства и его отстаивание перед патрициями и дворянством. Ремесло становится мастерством. Так в эпоху средневековья трансформируется представление о труде как о постыдном занятии, недостойном человека, сложившееся в рабовладельческую эпоху. Христианская религия немало способствовала этой перемене, расценивая труд как необходимый способ существования личности. Ансельм Ланской (XII в.) ставит вопрос: «Нерожден ли человек для труда, как птица для полета»¹⁷³. Религия способствовала также и повышению оценки человеческой личности, выдвигая идею ее совершенствования для спасения души.

¹⁷² Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 176.

¹⁷³ Там же, с. 178, 190 и др.

Возникновение корпоративного равенства и чувства трудового достоинства были условиями, формировавшими требования равенства и братства всех членов общества, явившиеся впоследствии лозунгами буржуазной революции.

Говоря о положении личности в условиях феодального общества и отмечая ее историческую прогрессивность по сравнению с эпохой рабовладения, нельзя, конечно, забывать о тех жестких условиях зависимости угнетенных классов, которые создавались сословно-классовой сущностью феодального права, дополняемой и прямым произволом феодалов. Следует учитывать и характерное для феодальных государств отсутствие единой правовой системы и общих для данного государства источников права, решающую роль обычного, преимущественно местного права (например, Франция, Германия, Италия и др.). Но даже в этих условиях в период феодализма идея равенства всех перед законом начинает пробивать себе дорогу. Так, в феодальном правовом документе — Великой Хартии Вольностей 1215 г., в ст. 39, которую многие исследователи называют «перлом» истории Англии, записано: «Ни один свободный человек не может быть арестован, или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен вне закона, или изгнан, или каким-либо иным образом обездолен, и мы не пойдем на него, и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных ему и по закону страны»¹⁷⁴. Вполне понятно, что это положение не распространялось на крепостных, но нельзя не оценить прогрессивность самой идеи, заключенной в этой статье, которая ставила известные преграды феодальному произволу и развивала идею равенства, хотя и в ограниченной классово-сословной интерпретации.

Социальная революция, ведущая к смене одной общественно-экономической формации другой, всегда определяет не только новый характер государственной власти, но и новые позиции по отношению к праву, законности и органично из них вытекающей проблеме правового положения личности в обществе.

Крупным историческим прогрессивным шагом в этом направлении явилась буржуазная революция, которая устранила сословные ограничения для буржуазии и осуществлялась под идеологическим воздействием «юридического мировоззрения», сменившего теологическое мировоззрение средних веков. Ф. Энгельс в статье «Юридический социализм» убедительно показал подлинную классовую сущность этой идеологии буржуазии, где место догмы, божественного права заняло право человека, а место церкви — государство¹⁷⁵.

Буржуазия шла на свержение феодального строя с лозунгами равенства, законности, справедливости, которые должны были активизироваться в правах человека нового, буржуазного общества, ибо в условиях буржуазных революций справедливость была тождественна равноправию. Требования равноправия определялись условиями экономического развития класса буржуазии, скованного рам-

¹⁷⁴ Конституции буржуазных государств Европы. М., 1957, с. 39.

¹⁷⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 496, 498.

ками феодальных привилегий. И когда экономическое развитие общества выдвинуло требование освобождения от феодальных оков и установления правового равенства, такое требование неизбежно должно было принять всеобщий характер, распространившись не только на буржуазию, но и на другие классы общества. Поскольку в этот период ряд государств находились на одинаковой ступени экономического развития, «то естественно, что требование равенства приняло всеобщий, выходящий за пределы отдельного государства характер, что свобода и равенство были провозглашены *правами человека*»¹⁷⁶.

Развенчав идеи «вечной справедливости», якобы лежащие в основе политической и правовой структуры буржуазного общества, Ф. Энгельс показал фальшь и лицемерие буржуазных лозунгов равенства и свободы. Они были необходимы для привлечения трудящихся в качестве союзников на сторону буржуазии в период проведения буржуазной революции. Но пролетариат, с помощью которого буржуазия совершила социальный переворот, потребовал, чтобы равенство политическое было дополнено равенством социальным и экономическим. И это требование сразу же показало ложь и несостоятельность лозунгов буржуазии, которая не могла оплатить векселя, выданные народу в период проведения революции. Буржуазная революция была бы невозможна «без того, чтобы эти плебеи не вкладывали в революционные требования буржуазии такой смысл, которого там не было, не делали из равенства и братства крайних выводов, ставивших буржуазный смысл этих лозунгов прямо на голову, ибо этот смысл, доведенный до крайности, обращался в свою противоположность. Эти *плебейские* равенство и братство должны были быть только мечтой в такое время, когда речь шла о том, чтобы создать нечто *прямо противоположное* им, и, как всегда, по иронии истории, это *плебейское* понимание революционных лозунгов стало самым мощным рычагом осуществления этой противоположности: *буржуазного* равенства — перед законом и братства — в эксплуатации»¹⁷⁷.

Объем прав и свобод, предоставленных трудящимся после утверждения власти буржуазии, отражает трусливую, половинчатую, непоследовательную позицию буржуазии в революции. С одной стороны, устранить господство феодалов буржуазия могла, лишь опираясь на поддержку трудящихся масс. С другой стороны, она боялась их революционности и стремилась заключить сделку с феодалами, пойти с ними на компромисс, дабы революция «не зашла слишком далеко». Это особенно наглядно видно на примере буржуазных революций в Германии 1848 г. и России 1905 г.

В ходе революции 1848 г. немецкая буржуазия, которая выдвигала свои требования при поддержке народа, не могла и не смела посягнуть на королевскую власть и, испугавшись революционного движения народных масс, пошла на сделку с короной. Революция

¹⁷⁶ Там же, т. 20, с. 107.

¹⁷⁷ Там же, т. 37, с. 126—127.

в Германии не была доведена до конца, буржуазия не добилась политического господства, не уничтожила абсолютистского режима. «Революция представляла законное основание прав народа,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— на основании революции он предъявлял свои буйные притязания. Революция была векселем, переведенным народом на буржуазию. Благодаря революции буржуазия пришла к власти. В день прихода ее к власти исполнился срок платежа по этому векселю. Буржуазия должна была *опротестовать* этот вексель»¹⁷⁸. В результате правовой титул революционного народа был уничтожен и найдена легальная почва, консервативной буржуазии. «„Почва законности“ означала просто, что революция не обрела своей почвы, а старое общество не утратило своей почвы...»¹⁷⁹

Права и свободы, завоеванные в революции 1848 г., несмотря на их незначительный объем, были уничтожены после ее разгрома, оформленного антидемократической Конституцией 1850 г.

В тех государствах, где буржуазия выступала как более последовательный носитель революционно-демократических идей, она более последовательно провозглашала и устанавливала буржуазные права и свободы. Так, французская буржуазия была вынуждена пойти на союз с народом, поскольку без этого она не смогла бы преодолеть упорное сопротивление дворянства, стремившегося сохранить остатки феодальных отношений. Опираясь на поддержку народа, который буржуазия сплотила вокруг себя, выдвинув требования уничтожения сословного неравенства, феодальных привилегий, требования свободы слова, совести, печати, неприкосновенности частной собственности, личности и жилища граждан и т. д., она уничтожила феодальный строй, создав условия для развития буржуазного строя.

В первый же период французской революции (1789—1792 гг.) был издан ряд законодательных актов, воплотивших прогрессивные лозунги и устремления буржуазии и всего народа: Декларация прав человека и гражданина 1789 г., Конституция 1791 г., новый уголовный кодекс. Так закладывались правовые основы новой буржуазно-демократической законности, которая была исторически прогрессивным явлением. Однако эта законность и провозглашенные буржуазией права и свободы существовали недолго. Французская буржуазная революция, для которой на первых этапах развития были характерны колебания и переход власти из рук крупной буржуазии к средней, а затем, с июня 1793 г., к мелкой буржуазии, в конечном итоге завершилась компромиссом между буржуазией и дворянством. Этот компромисс нашел отражение в Хартии 1814 г., закрепившей конституционную монархию. Все последующее развитие характеризуется ликвидацией буржуазно-демократических принципов, свертыванием и ограничением тех прав и свобод, которые были декларированы буржуазией в конституциях и законодательных актах.

¹⁷⁸ Там же, т. 6, с. 120.

¹⁷⁹ Там же, с. 121.

Эти примеры показывают, что буржуазные права и свободы носят преходящий и классово ограниченный характер. Они становятся для буржуазии ненужным балластом, когда трудящиеся массы, используя полученные права и свободы, начинают спланиваться и вести борьбу против буржуазии. Провозглашенный буржуазией принцип законности в какой-то мере ограничивает господство буржуазии и создает условия для организации и сплочения рабочего класса, для классовой борьбы пролетариата против буржуазии, борьбы, «которая может в известные исторические периоды идти на почве буржуазной законности, но которая неизбежно приводит к развязке, к прямой схватке, к дилемме: «разбить вдребезги» буржуазное государство или быть разбитым и задушенным»¹⁸⁰. Отсюда стремление буржуазии освободиться от созданной ею буржуазно-демократической законности, от провозглашенных ею прав и свобод. «Эпоха использования созданной буржуазией законности сменяется эпохой величайших революционных битв, причем битвы эти по сути дела будут разрушением всей буржуазной законности, всего буржуазного строя, а по форме должны начаться (и начинаются) растерянными потугами буржуазии избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимой законности»¹⁸¹.

Однако нельзя не видеть значительной социальной ценности буржуазно-демократических прав и свобод, которые продвинули человечество на пути к свободе, явились большим вкладом в сокровищницу человеческой культуры. К. Маркс высоко оценил прогрессивную роль Северной Америки и Франции в «открытии» прав человека¹⁸². Вскрывая классовую ограниченность буржуазно-демократических прав и свобод, нельзя забывать об их ценностном значении, высоком социокультурном смысле как важного этапа развития социальной свободы. Эти права и свободы создали условия для сплочения и борьбы рабочего класса за создание таких социальных условий, при которых эти права станут подлинной реальностью.

Отношение классов и партий к проблеме прав и свобод человека далеко выходит за рамки чисто правовых проблем. Это всегда один из важнейших программно-политических вопросов, часть более общего вопроса о власти того или иного класса, использующего права и свободы в интересах своего классового господства. Вот почему в современных условиях эта проблема приобретает острейшее идеологическое звучание.

Несостоятельность современного буржуазного общества находит яркое проявление, в частности, в невозможности гарантировать и реализовать элементарные права, необходимые человеку для его нормальной жизнедеятельности, такие, как право на труд, национальное равноправие и т. д.

Лишь в условиях социалистического строя, уничтожившего эксплуатацию, утвердившего народовластие, сформировавшего новую

¹⁸⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 12—13.

¹⁸¹ Там же, с. 16.

¹⁸² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 399.

культуру, вобравшего все ценное, что было создано человечеством, возможны провозглашение и гарантированность широкого комплекса прав и свобод, включающего в единстве экономические, политические, социально-культурные и личные права.

Опыт СССР и других социалистических государств оказал и продолжает оказывать огромное влияние на идеологическую борьбу трудящихся за права и свободы, на возрастание политической и правовой культуры народов различных регионов мира. Весьма показательным в этом отношении является принятие Всеобщей декларации прав человека, международных пактов о правах человека, Заключительного акта по безопасности и сотрудничеству в Европе. Перечень прав, содержащийся в этих документах, — убедительное свидетельство влияния социалистических идей на мировое общественное мнение. Эти документы — показатель того, что человечество достигло нового уровня культуры, при котором стали возможны договоренность и международное сотрудничество в области обеспечения основных прав человека.

Однако подлинная культура государства состоит в том, чтобы провозглашенные в этих международно-правовых актах права и свободы стали неотъемлемым элементом внутреннего законодательства государств, ратифицировавших эти документы. Пока государство не реализовало свои международные обязательства, т. е. не трансформировало права и свободы, зафиксированные в международных пактах, во внутреннее законодательство, эти права остаются лишь благим намерением, фикцией¹⁸³. Набор прав и свобод, провозглашенный в международных пактах о правах человека, призван обеспечить подлинное историческое культурное творчество индивидов, направленное на преобразование окружающего мира. Это творчество несовместимо с природой буржуазного строя, его культурными характеристиками, связанными с отчуждением личности и ее духовным порабощением.

Даже беглый обзор становления и развития института прав и свобод человека показывает их социокультурную природу, их органическую включенность в важнейшие культурные ценности исторического прогресса. Вполне понятно, что, оценивая права и свободы человека в разные исторические эпохи, надо рассматривать их в широком культурно-историческом контексте, в целостности общественных отношений, не применяя к их характеристике современные оценки, не игнорируя мировоззрения людей, живших в различные эпохи. «Идея принципиальной ценности и равноценности человеческой личности, — писал Е. Б. Пашуканис, — имеет свою длинную историю: через стоическую философию она вошла в обиход римских юристов и в учение христианской церкви, а затем в доктрину естественного права. Существование рабства в Древнем Риме не помешало Сенеке прийти к убеждению, что „если тело может быть несвободным и принадлежать господину, то душа всегда остается *sui juris*“»¹⁸⁴.

¹⁸³ См.: Чхиквадзе В. М. Гуманизм, мир, личность. М., 1981, с. 272.

¹⁸⁴ Пашуканис Е. Б. Указ. соч., с. 145.

Весь путь человечества — это борьба за достижение свободы. «Свобода настолько присуща человеку, что даже ее противники осуществляют ее, борясь против ее осуществления; они хотят присвоить себе как драгоценнейшее украшение то, что они отвергли как украшение человеческой природы. Ни один человек не борется против свободы, — борется человек, самое большее, против свободы других. Во все времена существовали, таким образом, все виды свободы, но только в одних случаях — как особая привилегия, в других — как всеобщее право»¹⁸⁵.

¹⁸⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 55.

Глава II

ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧНОЕ В ПРАВЕ И МОРАЛИ

1. ЕДИНСТВО СФЕР ДЕЙСТВИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ПРАВА И МОРАЛИ

В системе социального регулирования важная роль принадлежит праву и морали. Назначение правовых и нравственных норм, возникающих непосредственно в общественных отношениях и фиксирующих специфические способы взаимодействия людей, состоит в целенаправленном воздействии на поведение людей, обеспечивающем интересы классов либо общества в целом. Вместе с тем это различные социальные регуляторы, каждый из которых обладает своей спецификой. Выявление общего и специфичного в праве и морали имеет большое познавательное и практическое значение для изучения способов их воздействия на сознание и поведение людей, форм их взаимовлияния и взаимодействия.

Как уже отмечалось, исходным при анализе сущности тех или иных социальных норм является их включенность в структуру общественных отношений. Поэтому, рассматривая взаимосвязи права и морали, общее и специфичное в этих системах социальной регуляции, необходимо прежде всего ответить на вопрос: вытекает ли их общность из характера общественных отношений, или каждая из этих систем имеет свою сферу общественных отношений, определяющую специфику возникающих в данной сфере социальных норм? Ответ на поставленный вопрос является необходимым условием раскрытия сущности права и морали.

Какова природа общественных отношений, порождающих правовые формы взаимодействия людей и определяющих ~~каждую~~ сущность права? В основе марксистского анализа права лежит понимание его детерминированности экономическими условиями жизни общества, отношениями производства. Именно в этих отношениях коренится «правовая природа вещей», всеобщим и подлинным вы-

разителем которой должен быть закон. «Правовая природа вещей не может поэтому приспособляться к закону — закон, напротив, должен приспособляться к ней»¹.

Право, как известно, возникает на определенном этапе исторического развития, когда образование новых производственных отношений приводит к перераспределению собственности внутри общества, к ее сосредоточению в руках небольшой его части, т. е. в условиях расслоения общества на классы, формирования частной собственности. Различные социальные позиции классов по отношению к средствам производства определяют характер отношений собственности, которые, как подчеркивал К. Маркс, являются лишь юридическим выражением производственных отношений². Подчеркивая значение объективных основ права, К. Маркс в «Капитале» отмечает, что «это юридическое отношение, формой которого является договор, — все равно закреплен ли он законом или нет, — есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением»³.

Из этих положений следует, что отношения собственности в условиях классового общества объективно приобретают правовую форму, т. е. создают определенную систему взаимосвязей участников социального общения в процессе производства, которая должна быть субъективно осознана и получить законодательное выражение. Отношения собственности в классовом обществе — это по своей природе правовые отношения, объективно требующие законодательного закрепления. Объективные правовые нормы, фиксирующие социальное взаимодействие участников производственных отношений, проявляются как отношения собственности и предшествуют закону, призванному закрепить то, что характеризуется как «правовая природа вещей». Объективные правовые нормы и правовые отношения выражают классовые интересы, позволяющие придать правовым отношениям «цивилизованное» выражение, «всеобщий» характер⁴. Объективно возникающие, с естественноисторической необходимостью складывающиеся на базе соответствующего способа производства, правовые формы (и нормы) общения предшествуют закону. «Они порождены и санкционированы объективными законами общественного производства до того, как получают официальную санкцию в государственном законе»⁵.

Формирование отношений собственности неотделимо от становления политической власти в обществе, образования государственности. Отношения собственности с необходимостью требуют создания специальных органов для осуществления политической власти

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 122.

² См.: Там же, т. 13, с. 7.

³ Там же, т. 23, с. 94.

⁴ Там же, т. 3, с. 336—337.

⁵ Нерсисян В. С. Из истории правовых учений: два типа правопонимания. — В кн.: Политические и правовые учения: Проблемы исследования и преподавания. М., 1978, с. 27.

экономически господствующего класса, которые придают официальный характер *всеобщности* объективно складывающимся правовым формам отношений членов общества.

«Отношения собственности и политической власти составляют «ядро» общественных отношений, кристаллизующихся в объективных правовых нормах, субъективным отражением которых выступает законодательство государства.» Как правильно отмечает И. Сабо, основными общественными отношениями, показывающими в разрезе всю общественную структуру и составляющими стержень, вокруг которого происходит трансформация всех иных общественных отношений в правоотношения, являются производственные отношения; они находят отражение в праве через политические отношения, но прежде всего через отношения собственности⁶.

Марксистское правопонимание связано с выделением основного, наиболее глубоко заложенного слоя юридической надстройки — отношений собственности, которые наиболее близко соприкасаются с базисом⁷ и являются выражением единства материального и идеального, объективного и субъективного в праве. Вокруг этих отношений группируется множество других социальных способов взаимодействия индивидов, формирующихся в процессе социального управления, труда, семьи, охраны существующих политических, экономических и иных отношений.

Отношения собственности и политической власти налагают свой отпечаток на самые разнообразные общественные связи, и это определяет широкий диапазон государственно-правовых отношений в классовом обществе. Вне правовых характеристик оказываются сравнительно небольшие сферы общественных отношений, регуляторами которых в «чистом» виде выступают нормы морали, религии, неправовые обычаи и традиции. Конкретное соотношение правового и неправового в том или ином обществе определяется, разумеется, не только экономическими причинами, но и его историческими особенностями, социокультурными факторам и т. д. Однако при всех возможных модификациях такого соотношения отношения собственности и политической власти с необходимостью выступают как правовые, их развитие протекает в рамках объективно складывающихся правовых форм социального взаимодействия членов общества.

Возникая в сфере отношений собственности и политической власти, правовые нормы имеют тенденцию выходить далеко за их пределы, охватывать все более широкие области социального взаимодействия людей. Это определяется стремлением господствующих классов подчинить развитие всех общественных отношений своим целям; отсюда — использование наиболее четких способов регулирования общественных отношений, придание им официального и общеобязательного характера. Поэтому правовые нормы действуют в самых широких параметрах предметной практической деятельно-

⁶ См.: Сабо И. Основы теории права. М., 1974, с. 170.

⁷ Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980, с. 83.

сти людей, оставляя «свободным» сравнительно небольшой круг общественных отношений (отношения дружбы, взаимопомощи, любви, сострадания и т. д.). Именно к этому кругу отношений сводят подчас действие моральных регуляторов.

• На наш взгляд, это позиция неверная, поскольку мораль и за пределами данной сферы отношений имеет самое широкое поле действия. Мораль — система исторически определенных взглядов, норм, принципов, оценок, убеждений, выражающихся в поступках и действиях людей, регулирующих их отношения друг к другу, к обществу, определенному классу, государству и поддерживаемых личным убеждением, традицией, воспитанием, силой общественного мнения всего общества, определенного класса либо социальной группы. Критериями таких норм, оценок, убеждений выступают категории добра, зла, честности, благородства, порядочности, совести. С таких позиций даются моральная интерпретация и оценка всех общественных отношений, поступков и действий людей.⁸

• Исследуя сущность морали, этики отмечают, что мораль возникает из социальной потребности в согласовании поведения индивида с интересами социально целого, в преодолении противоречия между интересами личности и общества. Мораль выступает как нормативное осознание такого рода противоречий, как ответ на эту социальную потребность⁹. Представляется, что данное положение следует дополнить указанием на значимость морали не только для преодоления противоречий между личностью и обществом, но и для согласования межличностных контактов, урегулирования межличностного общения. Такой подход к оценке функций морали в обществе позволяет показать ее «универсальный» «всепроникающий» характер.⁹

Действительно, моральное регулирование предстает в относительно «чистом» виде, в сравнительно узкой сфере межличностного общения (дружба, любовь, взаимопомощь), хотя и здесь оно исторически никогда не действовало изолированно от религиозных норм, обычаев, традиций и т. д. Практически мы не можем назвать ни одной сферы общественных отношений, в которой в «химически чистом» виде действовал бы тот или иной вид социальных норм. Взаимодействие социальных регуляторов неизбежно в любой области жизнедеятельности людей. Однако, выделяя относительно самостоятельное поле действия моральных норм, мы не должны забывать о важнейшем их свойстве — *универсальности*, способности проникать в самые различные сферы общественных отношений, в том числе экономические, политические, трудовые и т. д. И это понятно, так как моральные нормы ориентированы на категории добра, чести, совести, долга, достоинства, личной ответственности и т. д.⁹ Данные категории в той или иной классовой интерпретации высту-

⁸ См.: Харчев А. Структура морали и предмет этики. — В кн.: Структура морали и личность. М., 1977, с. 14; Рыбакова Н. В. Моральные отношения и их структура. Л., 1974, с. 18.

⁹ См.: Дробницкий О. Г. Понятие морали: Историко-критический очерк. М., 1974, с. 283.

пают в качестве критериев оценки поведения людей во всех сферах их деятельности. Это свойство морали — «способность незримо проникать, пронизывать самые различные социальные отношения, в том числе экономические, окрашивая их в различные тона с помощью оценок, ориентаций, императивов и т. д.»¹⁰, подчеркивается рядом этиков — А. Харчевым¹¹, Н. Н. Крутовым¹², Л. М. Архангельским¹³, О. Г. Дробницким¹⁴.

Таким образом, и право, и мораль обладают способностью проникать в самые различные области общественной жизни. Ни право, ни мораль не ограничиваются предметно обособленной сферой социальных отношений. Они связаны с поведением людей в широких областях их социального взаимодействия. Учитывая это, а также принимая во внимание «универсальность» морали, ее «вездесущий», «всепроникающий» характер¹⁵, можно сделать вывод о том, что нельзя разграничивать право и мораль по предметным сферам их действия. Как уже отмечалось, право возникает и действует прежде всего в таких специфических сферах, как отношения собственности и политической власти. Однако они не обособлены от морали. В то же время, действие права также выходит далеко за пределы указанных отношений. Поэтому следует подчеркнуть, что право и мораль не имеют специфических предметно или пространственно обособленных сфер общественных отношений, а действуют в едином «поле» социальных связей. Отсюда общность, тесное взаимодействие норм права и морали.

Основоположники марксизма, раскрывая материальную детерминированность права и морали, тем самым указывали истоки диалектики взаимодействия и противоречивости этих социальных регуляторов. Отмечая связь права с экономикой, они подчеркивали, что содержание правового отношения дано непосредственно экономическим отношением¹⁶, что «производственные отношения индивидов должны выражаться также в качестве правовых и политических отношений»¹⁷.

Ф. Энгельс отмечал, что «люди, сознательно или бессознательно, черпают свои нравственные воззрения в последнем счете из практических отношений, на которых основано их классовое положение, т. е. из экономических отношений, в которых совершаются производство и обмен»¹⁸; и «если нравственное сознание массы объявляет какой-либо экономический факт несправедливым, как в свое

¹⁰ Титаренко А. Моральное отчуждение и личность при империализме. — В кн.: Структура морали и личность. М., 1977, с. 155.

¹¹ См.: Харчев А. Структура морали и предмет этики. — В кн.: Структура морали и личность, с. 23.

¹² См.: Крутов Н. Н. Мораль в действии. М., 1977, с. 21—22.

¹³ См.: Архангельский Л. М. Социально-этические проблемы теории личности. М., 1974, с. 7.

¹⁴ См.: Дробницкий О. Г. Понятие морали, с. 229.

¹⁵ См.: Там же.

¹⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 94.

¹⁷ Там же, т. 3, с. 360.

¹⁸ Там же, т. 20, с. 95.

время рабство или барщину, то это есть доказательство того, что этот факт сам пережил себя, что появились другие экономические факты, в силу которых он стал невыносимым и несохранимым»¹⁹.

Тесная связь права и морали, определяемая едиными сферами общественных отношений, не означает, что во всех исторических условиях они «работают» одинаково, взаимно дополняя и подкрепляя друг друга. Реальная картина соотношения права и морали может быть выявлена лишь в результате конкретно-исторического анализа. Известно, что в антагонистических общественно-экономических формациях каждый класс имеет свою систему морали, определяемую условиями его жизни, в то время как система права всегда выражает интересы экономически и политически господствующего класса. Поэтому взаимодействие морали различных классов с правом протекает по-разному. Мораль господствующих классов поддерживает правовые нормы и принципы, а мораль угнетенных классов не нейтральна к праву, она противоборствует закреплённым в праве социальным позициям господствующих классов, связанным прежде всего с обладанием собственностью и политической властью. Взаимодействие моральных систем с правом в зависимости от их классовой принадлежности может быть позитивным и негативным; оно либо повышает, либо ограничивает «правовую энергию». «... Мы утверждаем, — писал Ф. Энгельс, — что всякая теория морали являлась до сих пор в конечном счете продуктом данного экономического положения общества. А так как общество до сих пор двигалось в классовых противоположностях, то мораль всегда была классовой моралью: она или оправдывала господство и интересы господствующего класса, или же, как только угнетенный класс становился достаточно сильным, выражала его возмущение против этого господства и представляла интересы будущности угнетенных»²⁰.

Однако независимо от характера взаимодействия права и морали основное «поле» их функционирования едино — это сложные, многообразные общественные отношения. Общность права и морали, порожденная едиными общественными отношениями, дополняется общностью их функционального назначения — право и мораль формируют эталоны и стандарты, включаемые в ценностно-нормативную ориентацию общества. Предписания права и морали вырастают из деятельности людей, образуя «связный ряд форм общения»²¹, приобретающих в результате многократной повторяемости нормативный характер и выступающих регуляторами поведения людей.

Правовая и нравственная регуляции включены в единую систему ценностно-нормативной ориентации классowego общества, в которой определяющее место принадлежит политическому сознанию, политическим программам, политике. Особенность политических

¹⁹ Там же, т. 21, с. 184.

²⁰ Там же, т. 20, с. 95—96.

²¹ Там же, т. 3, с. 72.

регуляторов состоит в том, что они реализуют свои функции как непосредственно, так и через все иные формы социального регулирования, прежде всего через право и мораль. Поэтому общность права и морали в классовом обществе вытекает также и из их политической природы. Вопрос о политической природе права и морали заслуживает специального рассмотрения.

Основоположники марксизма-ленинизма связывали политику с отношениями между классами, с организацией государственной власти, с методами и задачами осуществления этой власти²². Из этого вытекает, что политическое сознание — это система взглядов, идей, норм, представлений относительно характера и структуры государственной власти, форм и методов ее деятельности, регулирования отношений между классами, использования государственных механизмов для управления социальными процессами в интересах господствующего класса. В области политического сознания вырабатываются те общие принципы, ценностные ориентиры, нормы, которые выступают в качестве необходимого условия протекания политического процесса, политических связей и отношений, институализации политической системы. Эти принципы, ориентиры, нормы являются прежде всего осознанием и выражением классового интереса. Вместе с тем, будучи системой знаний о политических связях и зависимостях, институтах, нормах и т. д., политическое сознание есть еще и отношение (позитивное или негативное) к политической реальности, которое органически срастается с деятельностью группы и индивидов классовой общественно-экономической формации²³.

Классовый интерес группирует вокруг себя все системы ценностно-нормативной ориентации — политические, правовые, этические, эстетические, религиозные. Но политическая ценностно-нормативная система наиболее концентрированно выражает этот интерес, поскольку она непосредственно регулирует социальные отношения, связанные с политической властью. Эти отношения определяют характер взаимодействия классов, социальных групп, индивидов во всех иных сферах жизнедеятельности людей в классом обществе.

Вокруг политической власти сталкиваются противоборствующие силы антагонистических классов в эксплуататорском обществе, различные классовые системы ценностно-нормативной ориентации. Правовые и моральные регуляторы в зависимости от их классовой характеристики взаимодействуют с политическими ценностными системами либо в направлении их утверждения, либо противоборствуя им.

Политическая сущность права выступает наиболее рельефно, поскольку оно выражает волю господствующего класса, направленную прежде всего на упрочение государственной власти. Причем даже лишённые на первый взгляд политических характеристик пра-

²² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 72.

²³ См.: Мамут Л. С. Политические учения как объект историко-теоретического исследования. — В кн.: Политические учения: история и современность. М.: 1976, с. 17.

вовые отношения — семейные, обязательственные и др. — всегда в конечном итоге приобретают политическую окраску. И несмотря на то что в любой правовой системе можно найти отдельные нормы, институты, удаленные от непосредственно политических задач, в целом право глубоко политично по своей сути; политическая характеристика — неотъемлемое свойство права, поскольку «все юридическое в основе своей имеет политическую природу»²⁴.

В моральных системах политическая сущность выступает менее наглядно. Тем не менее мораль в условиях классового общества также всегда имеет политическое наполнение. Она не обладала бы способностью к эффективному регулированию общественных отношений, если бы ее категории были абстрагированы от политической реальности. Категории добра, зла, честности, благородства менялись не только вслед за изменением экономических условий, но и под влиянием политических идей, норм, принципов. Например, категория чести в условиях феодализма иная, чем в буржуазном обществе. Феодальная честь направляла поведение человека по «вертикали», а не по «горизонтали»; она охраняла социальный статус индивида в вассальной иерархии, прямо ориентируя индивида на внешние, сословно-иерархические санкции, пресекая всякую мысль о поведении, «не положенном по статусу». «Исторически мораль, расширяя сферу своего регулятивного воздействия, начинает заполнять эту нормативную „пустоту“ лишь с торжеством буржуазных отношений, провозглашавших абстрактное равенство всех индивидов»²⁵. В общей структуре морального сознания буржуазного типа требованию «чести» принадлежит более скромная роль; стержневое место занимают требования «честности» и «долга» в буржуазной интерпретации²⁶.

Следует подчеркнуть, что все политические отношения всегда подлежат моральной оценке (политические акции государства, внутренняя и внешняя его политика, деятельность политических лидеров и т. д.). Поэтому «политизация» морали — неизбежный процесс классового общества.

Таким образом, и правовая и моральная системы политически насыщены и это объединяет их, придает им целенаправленность, способствующую обеспечению классовых либо общенародных интересов.

2. СТРУКТУРА ПРАВОВОЙ И МОРАЛЬНОЙ СИСТЕМ

Общность права и морали вытекает и из их структурной характеристики. Правовая и моральная системы — многомерные образования. Поэтому их социальное действие раскрывается в единстве всех входящих в них элементов: общественных отношений, общественного сознания, норм. Г. В. Мальцев правильно подчеркивает, что

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 635.

²⁵ Титаренко А. И. Структуры нравственного сознания: Опыт этико-философского исследования. М., 1974, с. 84—85.

²⁶ Там же, с. 127.

нормативно-регулятивные системы имеют «сложную и динамичную структуру, объединяющую отношения; нормы и идеи в комплекс, который, собственно, и составляет содержание этих систем»²⁷. Нормативно-регулятивный характер права раскрывался через анализ взаимодействия норм права, правоотношений, правосознания А. А. Пионтковским, С. Ф. Кечебяном, В. П. Казимирчуком и др. Исследуя взаимодействие правовой и моральной систем, Е. А. Якуба, Я. З. Хайкин раскрывают структуру данных систем также через общественные отношения, общественное сознание, нормы²⁸.

В этической литературе существует традиция рассмотрения норм морали в единстве с общественными отношениями и моральным сознанием. О. Г. Дробницкий выделяет три элемента морали — моральное сознание, нравственное отношение, моральная деятельность²⁹. Н. В. Рыбакова, Л. Архангельский считают мораль общественным отношением³⁰, С. Анисимов отмечает, что мораль в своем существовании включена в систему социальной деятельности³¹.

«Моральные взгляды и представления, — пишет А. А. Гусейнов, — надо брать в единстве с реальными нравственными отношениями. Это верно и тогда, когда речь идет об отдельных индивидах, и тогда, когда речь идет о большой группе людей»³².

Такой подход к характеристике социального регулятора представляется плодотворным, поскольку он позволяет раскрыть его реальную жизнь, которая разворачивается лишь в системе общественных отношений. С данных позиций норма выступает не просто как знаковый символ, но и как нормированная социальная деятельность.

Нельзя, однако, не обратить внимания на то, что структура моральной системы раскрывается различными авторами неоднозначно. Представляется, что наиболее полную характеристику системы социального регулирования дает ее рассмотрение в единстве общественных отношений, общественного сознания и норм.

Норма фокусирует в себе общественные отношения и общественное сознание. Общественные отношения, как известно, выступают формой социальной деятельности людей³³; они нормативно структурированы, являются предпосылкой и способом бытия социальных норм. Нормативность характерна и для различных форм сознания — политического, правового, морального, эстетического. Эти формы сознания на основе практической деятельности людей вырабатывают общие принципы, ценности, оценки, суждения, кото-

²⁷ Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право. М., 1977, с. 222.

²⁸ См.: Якуба Е. А. Право и нравственность как регуляторы общественных отношений. Харьков, 1976; Хайкин Я. З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. М., 1972.

²⁹ См.: Дробницкий О. Г. Моральное сознание и его структура. — *Вопр. философии*, 1972, № 2, с. 32.

³⁰ Рыбакова Н. В. Указ. соч., с. 18; Архангельский Л. Моральное сознание и нравственные отношения. — В кн.: Структура морали и личность, с. 56.

³¹ См.: Структура морали и личность, с. 10.

³² Гусейнов А. А. Социальная природа нравственности. М., 1974, с. 24.

³³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 1—3.

рые влѣтаются в реальные общественные отношения, выступая регулятором поведения людей. Известно, что вне регулирующей роли сознания невозможно поведение, деятельность людей. Поэтому норма является славом общественных отношений и сознания, она органично проникает в отношения и сознание, и в этом заключается ее энергия как социального регулятора. Все элементы правовой и моральной систем возникают не поэтапно, не последовательно; процесс их возникновения предполагает диалектику деятельности, сознания, закономерностей повторения «связного ряда форм общения». Правильно отмечает Л. Архангельский: «Вопрос о том, что первично в рамках морали: нравственные отношения или моральное сознание, просто некорректен. Между тем и другим существует как прямая, так и обратная связь... Живая практика человеческих отношений выступает базой соответствующего морального сознания»³⁴. Поэтому, выделяя в правовой системе правовые отношения, правосознание, правовые нормы, а в моральной системе — нравственные отношения, моральное сознание, нравственные нормы, мы неизменно должны учитывать сложную диалектику взаимодействия элементов внутри каждой системы. Вместе с тем, выявляя общее в указанных системах, следует учитывать, что, как уже отмечалось выше, общественные отношения, входящие в данные системы, в своей основе не подлежат предметному разграничению. Правосознание и правовые нормы, нравственное сознание и нравственные нормы действуют в едином поле общественных отношений, отражая различные их стороны специфическими для каждого из этих регуляторов средствами. Единство общественных отношений с необходимостью определяет общность правовой и моральной систем. Констатация такого единства не означает игнорирования специфики каждой из этих систем, определяемой их ориентацией на различные стороны поведения и сознания людей. Следует неизменно учитывать диалектику единой человеческой деятельности, проявляющуюся в диалектике правосознания и морального сознания, правовых и нравственных норм. В равной мере неправильно как разрывать и противопоставлять аспекты деятельности, связанные с различными формами общественного сознания, так и рассматривать их в качестве однопорядковых, нерасчлененных³⁵.

Выделяя в правовой и моральной системах наряду с общественными отношениями нормы и соответствующие им формы сознания, следует учитывать условность такого разграничения, поскольку сознание также нормативно. Нормативная роль правосознания долгое время отрицалась некоторыми юристами, полагавшими, что признание нормативности правосознания способно «принизить» нормативность права как государственно-властного предписания. Поскольку мораль не имеет специальной, официально установленной формы выражения, то у этиков нормативность морального сознания не вызывает сомнения; более того, они признают тождественность мо-

³⁴ Архангельский Л. Моральное сознание и нравственные отношения, с. 58.

³⁵ См.: Кругов Н. Н. Указ. соч., с. 21.

ральных норм и нравственного сознания. Так, С. Уткин³⁶ отмечает, что «в совокупности моральные нормы и понятия составляют нравственное сознание, которое обнаруживается в поступках и поведении людей»³⁶. Эту позицию разделяют А. Ф. Шишкин³⁷ и ряд других этиков.]

Вполне понятно, что в моральной системе весьма трудно отграничить нравственное сознание от моральных норм, поскольку мораль — неинституализированная система. Она не имеет специальной «нормоустанавливающей инстанции», специализированных официальных форм выражения. Моральные нормы фиксируются в моральном языке в виде требований, предписаний, направленных на преодоление противоречий между личностью и обществом, а также в отношениях между индивидами. В зависимости от конкретно-исторических условий они могут иметь самые различные формы выражения: это и религиозные заповеди, и определенные обычаи, традиции, ритуалы, и устные предания, легенды, пословицы, поговорки.]

Кстати, разграничение сознания и норм нелегко провести и в политической системе регулирования. Трудность состоит в том, что политические идеи, требования, принципы нормативны, хотя они и не всегда фиксируются в официальных документах. Ряд основополагающих политических идей, норм содержится в трудах политических мыслителей, в политических концепциях, произведениях выдающихся политических деятелей и т. д.

Разграничение правовых взглядов и правовых норм также, на наш взгляд, нельзя свести к простой формуле: правовые взгляды предшествуют образованию норм, которые издает или санкционирует государство.] Легко различать правовое сознание и законодательные предписания. Однако правовая норма и принцип правосознания, суждение, ценностный ориентир не столь просто поддаются разграничению в различных социально-экономических формациях. В условиях феодализма в ряде государств действовал неписаный правовой обычай; в мусульманских системах социального регулирования правосознание сливается подчас с нормами мусульманского права; то же характерно и для системы индусского права.

Нельзя игнорировать и то, что правовые нормы зачастую формируются задолго до их законодательного закрепления и механизм их функционирования как повторяющихся форм взаимодействия людей близок к регулирующей роли правосознания.] Поэтому мы можем отметить, что общее в правовой и моральной системах определяется не только общностью входящих в них общественных отношений, но и характером взаимодействия внутренних структурных элементов этих систем, прямыми и обратными связями между отношениями, сознанием, нормами, диалектикой взаимопереходов одних элементов в другие.] Только учет сложных параметров внутренних взаимосвязей элементов каждой системы помогает

³⁶ Уткин С. Очерки по марксистско-ленинской этике. М., 1962, с. 79.

³⁷ См.: Шишкин А. Ф. Основы марксистской этики. М., 1961, с. 8.

проследить единство этих систем, определяемое их ориентацией на различные аспекты единых общественных отношений.

Такая интерпретация понятия правовой и моральной систем имеет большой познавательный смысл, поскольку она объединяет в единый механизм материальное (общественные отношения) и духовное (соответствующие формы сознания), синтезируемые в устойчивых формах взаимодействия людей (правовых и нравственных нормах).

В юридической литературе существуют и иные понятия правовой системы. Ю. А. Тихомиров выделяет в правовой системе: а) цели и принципы правового регулирования; б) основные разновидности правовых актов и их объединения; в) системообразующие связи, обеспечивающие взаимодействие всех элементов системы³⁸. На наш взгляд, такой набор элементов скорее подходит для структурной характеристики системы законодательства, так как нормативный элемент представлен в ней не правовыми нормами, а юридическими актами. К тому же цели и принципы системы выводятся автором за пределы нормативности. Поэтому не совсем ясно, какую нагрузку (научную или практическую) несет введение такого понятия правовой системы.

С. С. Алексеев понимает правовую систему шире. Он включает в нее право в его институционном выражении, акты применения права, законодательную деятельность, судебную и иную юридическую практику, активные формы господствующего правосознания, субъективные права и обязанности, санкции, т. е. правовую действительность³⁹. По нашему мнению, подобный набор элементов ведет к отождествлению понятий правовой системы и механизма правового регулирования либо правовой надстройки в целом. Это признает и сам С. С. Алексеев, отмечая, что в правовую надстройку, помимо перечисленных элементов, включаются негосподствующая правовая идеология и все формы правосознания⁴⁰. С. С. Алексеев не объясняет, почему негосподствующая правовая идеология и все формы правосознания не включены в правовую систему. Ведь в реальной жизни все элементы данной системы «работают» в сложном взаимодействии с господствующими и негосподствующими формами правосознания и правовой идеологии, поэтому выводить их за пределы системы неоправданно. Если принять во внимание это обстоятельство, то понятие правовой системы идентично правовой надстройке и его введение не вносит ничего нового в сложившиеся представления о правовой действительности.

Смысл введения понятия правовой и моральной систем в единстве общественного сознания, общественных отношений и норм состоит в показе реальной жизни права и морали, взаимодействия

³⁸ См.: Тихомиров Ю. А. Правовая система развитого социалистического общества.— Сов. государство и право, 1979, № 7, с. 33.

³⁹ См.: Алексеев С. С. Право и правовая система.— Правоведение, 1980, № 1, с. 31—32.

⁴⁰ См.: Там же, с. 33.

надстройки и социального бытия. В такой трактовке объективность правовых и нравственных отношений выступает в единстве с субъективностью правового и морального сознания с его ценностными ориентациями, мотивацией, целеполаганием. Это позволяет проследить, как система правовых и нравственных отношений не только реализует, но и порождает новые правовые нормы, новые притязания социальных субъектов, показать внутреннее единство социальных регуляторов, действующих в нерасчлененном едином поле социальных взаимосвязей людей.

Можно возразить на это, что С. С. Алексеев также включает в понятие правовой системы юридическую практику. Если под практикой понимаются только законодательная деятельность, юридические правоприменительные акты, а также субъективные права и обязанности, образующие правоотношение, то такое понимание не охватывает широты и многообразия социального действия права. С. С. Алексеев, вводя категорию правовой системы, считает, что она охватывает то, что принято характеризовать как «широкое понимание права». Однако категория правовой системы в такой интерпретации не может соответствовать так называемому широкому пониманию права прежде всего из-за различий в понимании природы нормативности. С. С. Алексеев считает, что понятию «нормативное» в правовой действительности соответствуют государственно-властные нормативные предписания, веления, конституируемые и объективируемые в законах, иных правовых актах»⁴¹. С подобным утверждением вряд ли можно согласиться. Нормативность — неотъемлемый признак права, однако она возникает не только благодаря государственно-властным предписаниям, а в результате многократно повторяющихся социальных связей и взаимодействий, детерминированных экономическими условиями жизни общества. Речь идет о нормативности самих общественных отношений, которая предшествует государственно-властной деятельности, фиксирующей эту нормативность, придающей ей официальное выражение. При такой трактовке нормативности едва ли можно согласиться с выделением наряду с правом как юридическим феноменом «непосредственно-социальных прав», их характеристикой как разноплановых социальных явлений, относящихся к разным срезам социальной жизни.

Каков же критерий отнесения тех или иных состояний, притязаний (право на революцию, право наций на самоопределение, права человека) к сфере непосредственно-социальных прав? Только один — отсутствие государственно-властной формы их закрепления. Но такое закрепление зависит от конкретных исторических условий, от уровня классовой борьбы, состояния политических и иных отношений. Непризнание, например, права народов на жизнь, социально-экономических и других прав, отнюдь не означает, что эти права расположены «в иной плоскости».

⁴¹ Там же, с. 31.

И непосредственно-социальные права и юридические права — однопорядковые явления, действующие в едином поле общественных отношений. С. С. Алексеев правильно пишет о том, что непосредственно-социальные права — это фактические права, которые, по словам Маркса, существуют налицо⁴², обретаются в самой действительности. Но ведь реальное государственно-властное предписание невозможно до тех пор, пока фактические права нормативно не выкристаллизуются в практических отношениях. И речь идет не о перемещении прав из одной плоскости в другую, а о том, что если государство хочет оставаться на позициях прогресса, то оно не может и не должно в каждый конкретный исторический период игнорировать в своей законодательной деятельности фактически сложившиеся нормы, выражающие объективно необходимую для данного этапа общественного развития меру свободы. Такой подход не является результатом «неоправданной юридизации непосредственно-социальных явлений»; он ориентирует на то, что признание такого рода прав не может зависеть от желания или нежелания законодателя, а должно закономерно вытекать из развития общественных отношений в каждый конкретный исторический период. Если, например, государство США не признало до сих пор права граждан на труд, то отнюдь не потому, что оно лежит «в другой плоскости» и является не юридическим, а «непосредственно социальным правом». Такое игнорирование одного из основных прав человека нельзя признать законным, так как оно противоречит «правовой природе вещей», идее свободы, невозможной без гарантированности работы для каждого.

Объективная нормативность — важное свойство общественных отношений, с которым не может не считаться законодатель. И подчеркивая значимость объективных основ права, нельзя исходить лишь из его юридической сущности, следует учитывать диалектическое единство его социологических и юридических параметров, без чего неизбежна его односторонняя характеристика. Можно согласиться с В. О. Тененбаумом, отмечая, что «узкое» определение права раскрывает лишь его юридическую сущность. «Но едва только возникает необходимость выявить социальную сущность права, показать его генезис и историческую обусловленность, обнаруживается, что существующее определение не охватывает всего процесса развития правовой нормы и приобретения ею качества нормативности до того, как она будет воплощена в законе или ином нормативном акте, поскольку по существу оно отождествляет происхождение нормы с происхождением закона: их источником признается воля господствующего класса. Это справедливо для закона, но едва ли верно по отношению к норме»⁴³.

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что возражения против категории «правовая система», по сути дела отождествляемой с правовой надстройкой, обусловлены тем, что она не несет

⁴² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 128.

⁴³ Тененбаум В. О. О сущности права. — Правоведение, 1980, № 1, с. 36.

новых возможностей познания правовой реальности. Для того чтобы раскрыть жизнь права, необходимо рассматривать его не только в надстроечном аспекте, но и в контексте реальных общественных отношений, человеческой деятельности. Отсюда и возникает необходимость в понятии «правовая система», включающем в себя правосознание, правоотношения, нормы и дающем возможность проследить формирование объективных норм и их функционирование в общественных отношениях, взаимосвязь правосознания и правовой деятельности, выявить закономерности действия всех социальных регуляторов, единство в них объективного и субъективного.

3. ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ПРАВОВОГО И МОРАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Общее в праве и морали обусловлено также и тем, что и правовые, и моральные нормы всегда являются фиксацией сущего и формулированием на его основе должного. В связи с тем что формирование этих норм начинается в общественных отношениях, они фиксируют ту реальность, которая их породила. Однако назначение социальных норм заключается не только в фиксации сущего, но и в формулировании должного, желаемого, необходимого с точки зрения общества, класса, социальной группы. К стихийному процессу формирования социальных норм подключается активная духовная деятельность людей, выдвигающая на основе познания социальной практики развития общественных отношений требования должного. В своей основе должное всегда исходит из сущего, но оно объективно предстает как новый этап его развития. В этом и состоит диалектическое противоречие во взаимосвязях должного и сущего, определяющее социальную роль ценностно-нормативных регуляторов, ориентирующих не только на поддержание сущего, но и на его развитие, придание ему нового качества. Поэтому, как правило, каждый новый исторический тип права и системы морали не только поддерживают породившие их условия, но и выступают средством их развития, объективно являясь факторами прогресса.

Должное предстает в качестве активного средства освоения объективной реальности, призванного организовать поведение людей, заставить их поступать определенным образом независимо от личных интересов и устремлений. Это обусловлено тем, что правовые и нравственные требования, выражая всеобщую необходимость социального развития, тем не менее адресованы конкретным индивидам и социальным общностям, интересы которых могут противоречить объективной необходимости.

Взаимодействие должного и сущего — характерное свойство нормативно-ценностных систем, сообщающее им способность регулировать общественные отношения⁴⁴. В этой связи вызывает возражение положение А. А. Гусейнова, рассматривающего соотношение

⁴⁴ См.: Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982, с. 15; Нерсисянц В. С. Право и закон. М., 1983, с. 342.

должного и сущего как специфический предмет нравственной регуляции⁴⁵. Соотношение должного и сущего, их противоречивые связи являются универсальным свойством всех нормативных систем; и диалектическое противоречие между должным и сущим способствует практическому освоению объективной реальности, социальному прогрессу. В этом заложено ценностное свойство нормативности как активного деятельностного способа освоения мира.

Такой способ отражения общественных отношений, в котором выражено диалектическое противоречие и единство должного и сущего, характерен не только для морали, но и для права. Это очень важно подчеркнуть, поскольку в современных буржуазных теориях права (в частности, в так называемой аналитической теории права) намечается тенденция к пониманию права как определенной логической формы выражения должного, оторванного от социальной реальности, от правовой действительности⁴⁶.

Выше уже отмечалось единство должного и сущего в любой социальной норме. И хотя язык права и логическая форма изложения правовой нормы выглядят наиболее концентрированным выражением должного, правовая норма, как и любая другая социальная норма, — это не только предписывающее суждение, но и информация о сущем. Регулятивные свойства правовых и моральных норм неотделимы от их познавательного значения.

Структура должного предстает в качестве системы прав и обязанностей, без которых невозможно социальное действие ценностных регуляторов, так как должное как требование определенного поведения — это не только система императивов, предъявляемых к индивиду либо общности, но и притязания субъектов социального общения на определенный порядок отношений. Система требований, императивов создает социальную связь в виде прав и обязанностей (юридических либо моральных). Правовые требования «соблюдай закон», «не воруй», выражаемые в системе юридических обязанностей, не могли бы оказывать эффективного воздействия на поведение людей, если бы им не корреспондировали юридические права, притязания на охрану соответствующего правопорядка и возможности в случае нарушения определенных требований восстановить законный строй общественных отношений. Моральные требования «уважай достоинство человека», «делай добро» не только являются моральной обязанностью, но и создают моральное право личности рассчитывать на уважение со стороны других людей, на их доброе отношение.

Поскольку должное всегда объективируется через права и обязанности, это создает их реальные связи с сущим, с реальными общественными отношениями, в которых всегда в конечном счете взаимодействуют права и обязанности их участников. Поэтому

⁴⁵ См.: Гусейнов А. А. Указ. соч., с. 29—43.

⁴⁶ См.: Künz K.-L. Die analytische Rechtstheorie: Eine «Rechts» theorie ohne Rechts. Systematische Darstellung und Kritik.— B.: Duncker A. Humboldt, 1977.

должное нельзя рассматривать только в качестве требования определенного поведения, сформулированного как обязанность; ему всегда сопутствуют притязания, выражающие социальные ожидания должного поведения.

В сложные противоречивые связи должного и сущего включается и противоречивое взаимодействие прав и обязанностей. Подобные противоречия в одинаковой степени присущи праву и морали как системам ценностно-нормативной регуляции. Нормы права и морали, фиксируя сущее и формулируя должное в системе прав и обязанностей, становятся эталонами оценки деятельности, поведения людей.

Нормативно-оценочное отражение социальной реальности неизменно (стихийно или сознательно) направлено на создание системы социальной ориентации, отвечающей интересам класса (общества в целом). Формулирование должного связано с оценкой существующих общественных взаимосвязей и стремлением упорядочить их, исключить нежелательные формы поведения, целенаправленно воздействовать на деятельность людей в интересах заинтересованной социальной общности. Нормы права, как и нормы морали, — это ценности, которые не существуют абстрактно вне живой практической деятельности людей. Материализуясь в общественных отношениях, правовые и нравственные нормы выступают их эквивалентом, дающим представление о системе правовых и нравственных ценностей данного общества.

Формирование должного всегда связано с оценкой фактического поведения, выражающей субъективную заинтересованность класса, общества, социальной группы в определенных эталонах, нормах для обеспечения своих интересов. Поэтому формулирование должного как ценности, идеала, образца невозможно без оценки, которая помогает из многочисленных форм общественных связей и взаимодействий отобрать наиболее соответствующие задачам и целям, стоящим перед классом, обществом, социальной группой. Должное, выраженное в норме, — это одновременно и результат оценки, и эталон для оценок определенных форм поведения в дальнейшем. В связи с этим нормы выступают в качестве своеобразной системы оценок объективной реальности, представляя собой синтез ценности и оценки. Однако право и мораль выдвигают нетождественную систему оценок социальной реальности. Общественные отношения оцениваются с различных позиций, критериями оценок выступают различные категории. Моральные оценки универсальнее, шире и богаче по своему содержанию. Каковы критерии моральных оценок?

Универсальные категории морали — добро и зло. Еще Кант отмечал, что единственные объекты практического разума, которые выступают в форме моральных императивов, — это объекты доброго и злого. «Доброе же или злое всегда означает отношение к воле, поскольку она определяется законом разума — делать нечто своим объектом»⁴⁷

⁴⁷ Кант И. Соч.: В 6-ти т. М., 1965, т. 4, ч. 1, с. 383.

Добро и зло как основные категории морали выдвигаются этиками в качестве свойств, определяющих ее специфику, выступающих такими оценочными критериями, при которых мир предстает в «черно-белом изображении». «Нравственность возникает и существует постольку, поскольку оказывается возможным классифицировать социальные явления, прежде всего действия людей, с точки зрения их общественной значимости как положительные или отрицательные, как добро или зло»⁴⁸. Эту же мысль развивает А. И. Титаренко, отмечая, что противоположность «добра» и «зла» является общей ценностной дихотомией морального сознания. Она выражает диалектику функционирования закрепленной в обществе системы нравственных отношений и морального сознания, выступая внутренним источником их «самодвижения». Любая моральная оценка и ориентация немыслимы без явного или подразумеваемого членения на «добро» и «зло». «Нравственность вообще есть ценностная ориентация поведения, осуществляемая через дихотомию „добра“ и „зла“»⁴⁹.

Наиболее общие категории добра и зла являются реакцией на противоречивые связи между обществом и личностью, а также между индивидами. Затем появляется необходимость оценки всех социально значимых действий, способствующих преодолению возникающих противоречий, организации общественных отношений в интересах определенной социальной общности. Через призму категорий добра и зла оцениваются и другие моральные понятия — «совесть», «честь», «честность», «порядочность» и др. Содержание категорий добра и зла исторически менялось, каждая стадия общественного развития формировала свои конкретные понятия добра и зла. Эти понятия выступают движущей пружиной развития моральных норм и моральных отношений, выражаясь в богатой палитре конкретных нравственных ориентаций, требований, запретов, предписаний. С возникновением государства и права эти оценки распространились и на мир государственно-правовых явлений. В области политики, государства, права практически нет отношений, которые были бы за пределами оценок с позиций добра и зла и основанных на них иных моральных категорий. Рассматривая взаимоотношения права и морали, можно отметить, что все правовое подлежит моральным оценкам, и прежде всего классификации в категориях добра и зла. Такое оценочное отношение — одна из форм связи правовых и моральных систем. Мораль выступает одной из сторон правовых отношений, поскольку эти отношения затрагивают коренные интересы людей и подлежат не только юридическим, но и моральным оценкам.

Выше уже отмечалось, что у морали есть «чистое» поле действия (межличностные отношения дружбы, любви, взаимопомощи и т. д.). А есть ли у права сфера действия, не подлежащая моральным оценкам?

⁴⁸ Гусейнов А. А. Указ. соч., с. 23.

⁴⁹ Титаренко А. И. Структуры нравственного сознания, с. 161, 168; см. также: Он же. Специфика и структура морали. — В кн.: Мораль и этическая теория: Некоторые актуальные проблемы. М., 1974, с. 46.

Нам представляется, что право в целом полностью подлежит моральным оценкам (позитивным либо негативным, одобряющим либо осуждающим). А. А. Гусейнов правильно отмечает, что мораль «выглядит как система оценок со знаками «плюс» или «минус», отражающая действительность сквозь призму одобрений и осуждений через противоположность добра и зла»⁵⁰. Природа права как явления, возникающего и функционирующего в процессе социального взаимодействия людей, в реальных общественных отношениях, определяет его нравственное содержание, поскольку практически не существует социальных связей, которые в конечном счете не подлежали бы моральным оценкам, а стало быть, и моральному регулированию.

Исследуя вопрос о взаимодействии права и морали, большинство советских правоведов отмечают, что все, регулируемое правом, так или иначе регулируется моралью, т. е. подлежит моральной оценке. Иную позицию занимает П. Е. Недбайло, который считает, что «имеются такие области общественных отношений, регулирование которых является безразличным в нравственном отношении в силу того, что они не требуют нравственной оценки, где достаточным является лишь правовое воздействие. К ним относятся, например, порядок осмотра места происшествия, правила ведения судебных протоколов, нотариальное засвидетельствование документов, процессуальные сроки, сроки созыва сессий Совета, многие действия по управлению и пр.»⁵¹.

Разумеется, в любой правовой системе можно встретить нормы, включающие организационные, технические правила, не несущие этической нагрузки. Законодательное установление формы протокола судебного заседания или порядка нотариального засвидетельствования документов не затрагивает каких-либо моральных ценностей. Однако введение любых юридических правил и предписаний преследует цель упорядочения общественных отношений, внесения четкости и определенности во взаимоотношения субъектов права, что не может быть безразлично для морали. Включение подобных организационно-технических правил в юридические нормы вытекает из социального опыта, свидетельствующего о целесообразности создания такого строя юридических отношений, в котором субъект права четко знал, как и при каких обстоятельствах надо поступать, что помогает избежать путаницы и случайности в сложных человеческих отношениях. Поэтому соблюдение любых юридических норм не может быть безразличным для морали. Возможно существование сравнительно небольшой группы норм, не подлежащей моральной оценке. Однако и в этом случае в моральных категориях может оцениваться не само организационно-техническое правило, а отношение к его соблюдению. В целом же право — категория социально-этическая; оно всегда органично включает мораль класса, волю которого выражает, а также взаимодействует в той или иной форме с моралью других классов и социальных групп общества.

⁵⁰ Гусейнов А. А. Указ. соч., с. 23.

⁵¹ Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М., 1960, с. 32—33.

[При вывлении общего, присущего праву и морали, следует принимать во внимание не большее или меньшее число правовых норм, не подлежащих напрямую моральным оценкам, а главную закономерность во взаимоотношениях морали и права, состоящую в том, что мораль неотделима от права, является одной из сторон правовых отношений. Моральность права — проявление его ценностной характеристики.] Право как явление, противостоящее беззаконию и произволу, выполняет социальную миссию упорядочения общественных отношений. Оно возникает тогда, когда формируются новые производственные отношения, при которых моральное регулирование не в состоянии скоординировать отношения личности и общества и появляется потребность в более жестких формах воздействия на данные отношения. Эта исторически необходимая форма социального регулирования по своей природе не только правовая, но и моральная, поскольку юридическая регламентация общественных отношений при всей ее классовой направленности является выражением справедливости, детерминированной материальными условиями жизни общества, создающей препятствия хаосу, произволу, анархии. Следовательно, с позиций исторического прогресса право является моральной ценностью, содержание которой развивается и углубляется от одной общественно-исторической формации к другой. Подлинно моральная природа права во всем ее богатстве раскрывается в социалистической общественно-экономической формации, где происходит сближение и усиление взаимодействия правовых и нравственных регуляторов.

Итак, правовая система в целом подлежит моральным оценкам — вся правовая действительность может быть рассмотрена сквозь призму добра, зла, совести, чести в их исторически изменчивой классовой интерпретации. Однако применимы ли правовые оценки к моральным явлениям? Для ответа на этот вопрос надо выделить наиболее общий критерий правовых оценок, которые конкретизируются затем в системе иных правовых категорий и оценок.

Исторически право возникает как бы для компенсации «недостаточности» морали, которая обнаруживается с возникновением частной собственности и политической власти. Право становится мерой, масштабом поведения людей, регулируя его в интересах политически господствующего класса, волю которого оно выражает. Это измерение поведения правовой нормой, т. е. оценка с точки зрения его *правомерности*, выступает в качестве основной, наиболее общей оценочной правовой категории. Оценивая социальные явления как правомерные или противоправные, мы применяем наиболее общий классификатор для определения их места в правовой реальности. Возможна ли оценка мира моральных явлений в категории правомерности? Мне представляется, что общественные отношения, порождающие правовые и нравственные нормы, взаимопереходящи; выше отмечалось, что моральные отношения в их «чистом» виде — это лишь часть обширных сфер социальных связей, в которые включена мораль. Но именно к этой части моральных отношений неприменимы правовые оценки, т. е. данная область в силу своей

особой природы, связанной с интимными сторонами духовной жизни человека, не может быть объектом внешнего вмешательства. Это было очень точно отмечено Гегелем: «Моральная сторона и моральные заповеди, как касающиеся воли в ее самой настоящей субъективности и особенности, не может быть предметом положительного законодательства»⁵². Оценка других сфер нравственных отношений с позиций правомерности возможна, хотя далеко не всегда она сообщает дополнительную энергию развитию моральных отношений. Трудность применения правовых оценок к моральным явлениям связана с определенной сложностью выделения морального аспекта общественных отношений. Выше приводилось положение Ф. Энгельса, согласно которому если нравственное сознание объявляет какой-то факт несправедливым, то это означает, что этот факт пережил себя⁵³.

И хотя «в нравственном негодовании, как бы оно ни было справедливо, экономическая наука может усматривать не доказательство, а только симптом»⁵⁴, такая нравственная оценка фиксирует противоречия социального развития, актуализирует задачу изменения социальных фактов — экономических, политических, правовых. Правовое сознание угнетенных классов в условиях эксплуататорских общественно-экономических формаций может оценивать как неправомерные узаконенные формы отношения к ним эксплуататорских классов. В такой критической оценке формируются представления о правовой организации общественных отношений, которая сделает невозможным эксплуатацию и попрание человеческого достоинства.

Оценка каких-либо действий как противоправных может быть констатацией их аморальности. Известно положение К. Маркса о том, что «если законодательство не может декретировать нравственность, то оно еще в меньшей степени может провозгласить правом безнравственность»⁵⁵. Но эти положения также требуют классовой интерпретации, так как представления о правомерности и нравственности всегда классово определены, и оценка зависит от классового положения оценивающего субъекта. Рабство было социально оправдано с позиций права и морали класса рабовладельцев; с позиций угнетенных классов оно было безнравственно, вызывало протесты и восстания. Прогрессивная борьба против угнетения и эксплуатации имеет не только политический смысл, но и нравственную направленность. Однако она объявляется противоправной представителями господствующих классов. Поэтому в принципе к определенным аспектам моральных отношений применение правовых оценок возможно, однако всегда необходимо учитывать, с позиций каких классов и в каких конкретных условиях применяется эта оценка. Сфера применения правовых оценок к морали значительно

⁵² Гегель. Соч. М.; Л., 1934, т. 7, с. 233.

⁵³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 184.

⁵⁴ Там же, т. 20, с. 153.

⁵⁵ Там же, т. 1, с. 162.

уже, чем моральных оценок к праву. И это понятно, так как моральные оценки универсальны, а правовые ограничены определенными сферами действия. Учитывая специфику морали с ее оценочными категориями, можно сказать, что в применении правовых оценок к моральным аспектам общественных отношений просто зачастую нет необходимости, поскольку все правовое должно быть морально, но далеко не все моральное может быть правовым.]

Рассматривая проблему правовых и моральных оценок, подчеркивая их специфичность, необходимо отметить важное обстоятельство, сближающее право и мораль: универсальные моральные категории добра и зла, правовые категории правомерности и противоправности конкретизируются в общей для этих социальных регуляторов категории *справедливости*. Эта категория подчас объявляется этиками как специфически моральная, а юристами — как специфически правовая. Однако социальная справедливость — это оценочная категория, пронизывающая все общественные отношения, в том числе правовые и нравственные. М. С. Явич, отмечая взаимосвязь права и морали, правильно пишет, что «одна из важнейших этических категорий — справедливость — одновременно и юридическая категория»⁵⁶. В. Н. Кудрявцев отмечает, что «право утрачивает свое нравственное значение, если оно не обеспечивает справедливость»⁵⁷. Именно с позиций классовой справедливости оцениваются общественные отношения, производится отбор фактически складывающихся способов социального взаимодействия людей, определяются пределы свободы и способы ее нормативного выражения. Именно идеи социальной справедливости наиболее тесно сопряжены с классовым интересом. Господствующие позиции занимают те формы поведения, которые считаются справедливыми с точки зрения экономически и политически господствующего класса. Идеалы справедливости имеют глубокие материальные истоки — существующую систему производства и распределения.

Марксистское понимание справедливости всегда носит социально-классовую интерпретацию. Нет и не может быть единой абстрактной справедливости, существующей для всех исторических этапов развития общества. Справедливость — выражение экономических отношений, которые диктуют ее определенные эталоны. Эту мысль неоднократно подчеркивал К. Маркс: «Что такое справедливое распределение? Разве буржуа не утверждают, что современное распределение „справедливо“? И разве оно не является в самом деле единственно „справедливым“ распределением на базе современного способа производства?»⁵⁸. Ф. Энгельс, подчеркивая экономическую детерминированность понятий справедливости, писал, что ответ на вопрос о справедливости того или иного явления следует искать не в науке о морали или о праве, не в сентиментальных чувствах

⁵⁶ Явич Л. С. Право развитого социализма: Сущность и принципы. М., 1978, с. 23.

⁵⁷ Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978, с. 111.

⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 16.

гуманности, справедливости, милосердия. «То, что справедливо с точки зрения морали или даже права, может оказаться далеко не справедливым в социальном плане. Социальная справедливость или несправедливость определяются лишь одной наукой, а именно наукой, которая имеет дело с материальными фактами производства и обмена — наукой политической экономии»⁵⁹. Поэтому предмет социальной справедливости выступает как «единство материальных общественных отношений обменного и распределительного типа с совокупностью действующих критериев — норм, ценностных масштабов, институтов, идеалов и т. п., при помощи которых эти отношения постоянно приводятся в соответствие с социально-классовой природой данного общества, его сущностью, основными целями и глобальными тенденциями развития»⁶⁰.

Следовательно, идея справедливости, вырастая из реальных общественных отношений, разворачивается в систему классово определенных оценок, масштабов, эталонов поведения. Детерминированность представлений о справедливости существующей системы производства определяет различие этих оценок, масштабов, эталонов в зависимости от места того или иного класса в исторически определенном способе производства; она обеспечивает условия для закрепления эталонов, отвечающих интересам экономически господствующего класса; она же формирует моральные представления о нормах, правилах, эталонах поведения в зависимости от позиции классов в системе производства. Различия в представлениях классов о справедливости, порождаемые их разными позициями в системе производства, определяют противоборство классов, способствуют формулированию правовых и моральных притязаний и требований угнетенных классов, которые всегда были неотъемлемым элементом революционной борьбы.

Социальная справедливость как категория, вырастающая из отношений производства, распределения и обмена, — ценностный критерий права и морали. К. Маркс отмечал, что справедливость юридических форм определяется тем, насколько они соответствуют способу производства, адекватны ему⁶¹. Право как юридическая форма выражения отношений производства может представлять ценность для господствующего класса, если оно соответствует его идеалам о справедливости; конкретизируемым в наборе эталонов и норм. Справедливость в ее социально классовой интерпретации является оценочным критерием, определяющим способность права активно защищать интересы господствующего класса, служить средством определения классово обусловленных границ свободы, выступать в качестве ценностных ориентиров поведения, официальных общеобязательных правил, обеспечиваемых специфическими средствами государственного принуждения.

⁵⁹ Там же, с. 255.

⁶⁰ Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право, с. 77.

⁶¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 373.

Моральные оценки также вырастают из противоположных позиций классов, и в соответствии с этим они либо оправдывают и поддерживают существующие отношения, либо, являясь критическим способом освоения действительности, противодействуют им.

Категория справедливости в ее первоначальном виде была выражена как принцип равного воздаяния, нашедший свое выражение в талионе (равном воздаянии), выступавшем на ранних стадиях общественного развития и как моральная и как правовая мера. «Если приложить к его характеристике те представления о формах социальной справедливости, которые имеются у нас, то обнаружится синкретная природа талиона. Его, например, в строгом смысле слова нельзя назвать ни правовым, ни моральным установлением. Он содержит в зачаточном виде и то, и другое»⁶². По мере классового расслоения общества, положившего конец примитивному равенству, талион утрачивает свой первоначальный смысл.

А. А. Гусейнов проследил историческую трансформацию талиона в «золотое правило» нравственности — «поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе», — первое упоминание которого относится к VI—V вв. до н. э. и которое проходит через всю историю этической мысли. В соответствии с талионом действия и поступки людей как бы были «внешне заданы», т. е. действия индивида или общности должны быть эквивалентом действий, совершенных представителями другой общности (рода, племени, общины). Кровная месть, ответное нападение, уничтожение такого же количества людей, скота, посевов, которое было совершено враждебной стороной, — все это соответствовало примитивному пониманию воздающей справедливости⁶³.

«Золотое правило» регламентирует действия человека «изнутри» — если хочешь, чтобы в отношении тебя было проявлено добро, совершай сам добрые поступки (не совершай злых). Оно свидетельствует о росте индивидуального сознания, исторической активности личности. Это правило, разумеется, по-своему интерпретировалось господствующим классом, извращавшим его гуманную природу, тем не менее оно оставило заметный след в нравственном развитии человечества, в становлении понятий о справедливости.

Г. В. Мальцев, раскрывая природу справедливости, отмечает, что в ее основе лежит принцип обмена, взаимного учета действий; «социальный процесс взаимодействий выступает как переход вещественных и духовных объектов от одного субъекта к другому, как обоюдное наделение друг друга определенными жизненными условиями»⁶⁴.

Социальная природа справедливости как взаимного воздаяния, взаимного обмена равными поступками не могла найти универсального воплощения в регулятивных системах антагонистических общественных формаций. Она действовала в ограниченном объеме

⁶² Гусейнов А. А. Указ. соч., с. 67—68.

⁶³ См.: Там же, с. 63—86.

⁶⁴ Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право, с. 43.

в общении равных — в правовом общении представителей господствующего класса, моральном общении представителей конкретной социальной общности. В межклассовых отношениях рабовладельческого и феодального общества она не находила и не могла найти даже сугубо формального выражения.

Тем не менее идея справедливости как «взаимного воздаяния» сыграла свою позитивную роль в качестве оценочного критерия правовых и моральных систем различных общественно-экономических формаций, так как в ней были заложены представления о таких образцах поведения, которые ставили бы участников социального общения в равные условия. Не случайно во многих правовых системах древности господствующие классы использовали форму талиона, извращая его первоначальное содержание. Идея равного воздаяния стала толковаться таким образом, что цена крови бедного меньше, чем богатого, цена крови женщины иная, чем у мужчины и т. д. Однако сохранение формы талиона объяснялось, по всей вероятности, внешней привлекательностью идеи «справедливого воздаяния», хотя и лишившейся своего изначального смысла.

Вся история этической и политико-правовой мысли, историко-культурное развитие человечества свидетельствуют о том, что справедливость всегда привлекалась в качестве оценки действующих правовых институтов и нравственных предписаний. Проблема права, морали и справедливости — это одна из вечных проблем человеческого мышления, имеющая тысячелетнюю историю. Начиная от религиозно-мифических воззрений древности и до наших дней апелляция к справедливости неизменно присутствовала при оценке социально-этических и правовых отношений. Но такие оценки мифифицировались, облакались в покровы религии, отношения покровительства, «отцов и детей», «взаимных обязанностей» индивидов, принадлежавших к различным классовым и социальным группам.

Так, с древних времен эксплуатация в странах Востока принимает облик системы «взаимных обязанностей», в которой вождь, брахман, помещик, торговец, ростовщик проявляли «отеческую заботу» или оказывали нижестоящим «слабым» людям различного рода услуги (одалживали зерно, деньги, помогали в трудные минуты, молились и т. д.). Считалось справедливым оплачивать эти услуги не только трудом и натурой, но и моральной признательностью, которая связывала человека с его «благодетелем»⁶⁵.

Феодальные повинности и платежи в Европе приобрели характер «законности», отступление от которой рассматривалось и крестьянином, и феодалом как действие «аморальное». Это происходило в силу патриархальной, «патерналистской» формы угнетения при феодализме, предполагавшей, хотя и неравные, но двусторонние обязанности: крепостной обязан выполнять определенные повинности в пользу феодала, а феодал «обязан» защищать своих крепостных от насилия и грабежей других феодалов, помогать при

⁶⁵ См.: Ерасов Б. С. Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1982, с. 26.

неурожаях и т. д. «Взаимное воздаяние» как нормативный принцип действует формально, выражая «неравную меру воздаяния лицам и сословиям, определяемую социальным статусом (корпоративным, классовым), который они занимали»⁶⁶.

Буржуазное общество, провозгласившее свободу и равенство, стремилось обеспечить прежде всего свободу товаровладельцев в экономическом обмене. «... В обмене, покоящемся на меновых стоимостях, свобода и равенство не только уважаются, но обмен меновыми стоимостями представляет собой производительный, реальный базис всякого равенства и всякой свободы. Как чистые идеи, равенство и свобода представляют собой всего лишь идеализированные выражения обмена меновыми стоимостями; будучи развиты в юридических, политических, социальных отношениях, они представляют собой все тот же базис, но в некоторой другой степени»⁶⁷.

«Эквивалентность взаимного воздаяния» в условиях буржуазного общества рассматривается в качестве высшего критерия справедливости. «Этот трафарет оценки выходит за рамки собственно экономических отношений. В обыденном моральном сознании он применяется почти по всей области социально-нравственных отношений, вплоть до самых интимных (любовь, дружба и т. п.)»⁶⁸. «Взаимное воздаяние», перенесенное на буржуазную почву, предстает как своекорыстный расчет, скрупулезное калькулирование принципов человеческого общения, извращающие саму идею справедливости.

Должны были пройти века для того, чтобы трудящиеся преодолели мистифицированные представления о справедливости, навязываемые им идеологией господствующих классов, и повели борьбу за подлинную справедливость, основой которой являются утверждение социалистической собственности, народовластия и социального равноправия как необходимое условие достижения правовых и нравственных идеалов угнетенных классов.

Только социалистическое общество воплощает идеалы справедливости, которые выступают ценностными характеристиками права и морали, оценочными критериями социальной деятельности классов и индивидов.

4. СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Право и мораль как социальные регуляторы неизменно имеют дело с проблемами свободной воли индивида и его ответственности за свои действия. Это не отвлеченные теоретические проблемы; они обладают огромным общественно-практическим смыслом, раскрывая место и роль исторической активности личности в сложной системе социальных связей, детерминированных экономическим строем общества.

⁶⁶ Титаренко А. И. Структуры нравственного сознания, с. 41.

⁶⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 191.

⁶⁸ Титаренко А. И. Структуры нравственного сознания, с. 15.

«Свобода воли» — так традиционно обозначается эта проблема; она имеет важное значение для определения отношения человека к внешнему миру, для его ориентации в сфере морали и права. Данная проблема привлекала пристальное внимание общественной мысли, прежде всего философской, этической, правовой. Сложились направления, утверждавшие автономию морали (и, стало быть, воли), их абсолютную независимость от внешних факторов (кантианство, интуитивизм и др.). Наряду с этим были представлены и гетерономные теории морали, объяснявшие ее происхождение чисто внешними факторами, не связанными с волей человека (утилитаризм, гедонизм).

Односторонность указанных теорий обусловила их неспособность объяснить характер деятельности человека и его ответственность за свои поступки. Игнорирование социальной детерминации приводило к априорным построениям, либо создававшим иллюзию независимости воли индивида от внешнего мира, либо делавшим ее простым слепком с внешних обстоятельств.

Великий философ и этик Кант создал теорию свободной воли и моральности человека, занявшую важное место во всей истории этической мысли и сохранившую свою значимость и теперь. Кантовское учение о морали исходит из автономии воли, которая есть единственный принцип морали. С автономией воли неразрывно связана идея свободы, поэтому, отмечает Кант, «мы свели в конечном счете определение понятия нравственности к идее свободы»⁶⁹.

Нравственная свобода личности состоит в определении принципов поведения, вытекающих из «самозаконодательства» личности в форме категорического императива. Категорический императив, будучи принципом должного, независим от законов «естественной необходимости» (сущего). Человек «как явление», часть природы, подчиняется законам причинности, зависит от внешней необходимости. Но его действия как «вещи в себе» совершаются в «умопостижимом мире», и эти действия выражают должное, рационально понятую необходимость, к которой приспособляются эмпирические условия. Определяемость воли человека разумом делает ее свободной от законов естественной необходимости.

Но свобода и необходимость на первый взгляд не противоречат друг другу, «они существуют рядом друг с другом». «Следовательно, философия должна предположить, что нет настоящего противоречия между свободой и естественной необходимостью одних и тех же человеческих поступков, ибо она так же не может отказаться от понятия природы, как и от понятия свободы»⁷⁰. Однако этого противоречия избежать нельзя, если человек, считающий себя свободным, будет представлять себя в одном и том же отношении и тогда, когда он называет себя свободным, и тогда, когда в отношении того же поступка он признает себя подчиненным закону природы.

⁶⁹ Кант И. Соч., т. 4, ч. 1, с. 292.

⁷⁰ Там же, с. 301.

Следовательно, Кант разрывает естественную необходимость и свободную волю. Вместе с тем, согласно его теории, свободная воля — не есть сфера произвольных установлений. Выбор человека только тогда имеет моральное значение, когда избранная им максима поведения может стать «всеобщим законодательством»⁷¹. Априорность, формализм моральных построений Канта, отрицание причинной обусловленности воли не должны заслонять высокий гуманный пафос его концепции, состоящий в «самообязывании» человека, в свободном выборе своих принципов поведения, в совершении поступков в соответствии с внутренним убеждением, в отстаивании значимости человека, личности. Подлинная свобода состоит в том, *«чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился к нему только как к средству»*⁷².

Автономия морали и следование моральному долгу — эти идеи кантовской этики оказали огромное воздействие на дальнейшее развитие этико-философской и правовой мысли.

Гуманистическую направленность автономной воли высоко оценил Гегель. «Выставление того принципа, что свобода есть последний стержень, вокруг которого вращается человек, высочайшая вершина, которой ни на что не приходится глядеть снизу вверх, так что человек не признает никакого авторитета, и ничто, в чем не уважается его свобода, его не обязывает, — выставление этого принципа представляет большой шаг вперед»⁷³. Сила кантовского учения, по мнению Гегеля, состоит в том, что «человек обретает в самом себе безусловно прочный, устойчивый центр»⁷⁴.

Гегелю принадлежит огромная заслуга в решении вопроса о свободе и необходимости. Он раскрыл связь свободы и воли и показал, в чем состоит суть свободной воли. «Воля без свободы, — писал Гегель, — представляет собой пустое слово, и точно так же и свобода действительна лишь как воля, как субъект»⁷⁵. Но эта свободная воля не означает произвола, возможности совершать любые поступки. Она есть познание необходимости, ибо необходимость слепа, лишь поскольку она не понята. «Когда мы слышим, что свобода состоит вообще в возможности делать все, чего хотят, то мы можем признать такое представление полным отсутствием культуры мысли; в этом представлении еще нет ни малейшего даже намека понимания того, что такое есть в себе и для себя свободная воля, право, нравственность и т. п.»⁷⁶

Гегель связывает «развитие круга нравственной необходимости», понимаемой широко как реальный мир общественных явлений, с учением об обязанностях. Причем в отличие от субъективно-идеалистической кантовской трактовки долга Гегель отмечает, что

⁷¹ Там же, с. 274.

⁷² Там же, с. 270.

⁷³ Гегель. Соч. М.: Л., 1935, т. 11, с. 444.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же, т. 7, с. 32.

⁷⁶ Там же, с. 44.

эти обязанности вытекают не из «пустого принципа моральной субъективности», а диктуются теми обстоятельствами, в которых человек находится⁷⁷.

В мир нравственности входит и право, ближайшим местом и исходным пунктом которого является свободная воля, «так что свобода составляет ее субстанцию и определение, и система права есть царство реализованной свободы, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа»⁷⁸. Отмечая заслуги Гегеля в решении проблем свободной воли, Ф. Энгельс указал, что «Гегель первый правильно представил соотношение свободы и необходимости»⁷⁹.

Марксизм развил гегелевский подход к соотношению свободы и необходимости, дав этой проблеме материалистическую интерпретацию. Он раскрыл неразрывную связь объективных условий человеческого существования, выступающих как необходимость, с одной стороны, и внутренним миром человека с его потребностями, интересами, целями, определяющими характер и направленность человеческой воли при принятии решения и свободном выборе, — с другой. Марксистская доктрина ни в какой мере не отрицает и не принижает значения воли и разума человека, она отрицает лишь произвольность воли, ее независимость от объективных условий жизни общества.

В. И. Ленин указывал: «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»⁸⁰.

Дискуссии, ведущиеся и сегодня вокруг проблем свободной воли, ее границ и условий, — свидетельство их актуальности, этической значимости. Противники марксистской трактовки свободы воли отрицают возможность применения принципа причинности к объяснению действий человека. По их мнению, именно принцип детерминизма уничтожает мораль, делает беспредметным понятие моральной ответственности, лишая всякой ценности сомнения и муки совести и превращая наказание в произвол.

В действительности же детерминизм позволяет дать реальный анализ активности человеческой воли в единстве с условиями, в которых эта воля проявляется. К. Маркс писал, что «мораль зиждется на автономии человеческого духа»⁸¹, однако это не нивелирует социального детерминизма в объяснении ее свойств, не сводит эту автономию к произволу.

Свобода воли — это одно из главных звеньев взаимодействия индивида со сложной системой социальных отношений, в которые он включен и которые обуславливают его поведение. Многообразие

⁷⁷ См.: Там же, с. 183—184.

⁷⁸ Там же, с. 31.

⁷⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 116.

⁸⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 159.

⁸¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 13.

связей внешнего мира предопределяет различные возможности человеческой деятельности, но эти возможности не произвольны; они «заданы» человеку условиями и обстоятельствами внешнего мира. Человек воспроизводит их в своей деятельности и способствует дальнейшему развитию объективных условий своей жизни. Социальная система, элементом которой выступает индивид, не может безразлично, нейтрально относиться к характеру его действий, способам его включения в общественные связи и отношения. Поэтому она выдвигает набор правил, норм, стандартов, эталонов поведения для ориентирования человека в сложном мире социальных явлений. В этих ориентирах обозначены параметры зависимости индивида от общества, класса, социальной группы. Отсюда вытекает его заинтересованность в поддержке и одобрении своего поведения определенной социальной общностью.

Система ценностной ориентации не произвольна, в ней фиксируется общественная необходимость. В связи с этим вся социальная действительность предстает перед человеком как система ценностных ориентиров, выражающих объективную необходимость в определенном характере деятельности. Однако необходимость не означает жесткой детерминации форм поведения; в ее пределах возможен свободный выбор различных вариантов поведения, принятие решения, выражающего субъективное отношение человека к окружающему миру. Нормативный мир противостоит не свободе человека; он противостоит его абсолютной свободе.

Ценностно-нормативная ориентация — это связующее звено между объективной необходимостью и субъективной свободой человека, а сама свобода — это личностный аспект взаимосвязи индивида с социальной системой, раскрывающий внутреннюю детерминацию поведения, которая определяет выбор и принятие решения.

Право и мораль как важнейшие элементы ценностной ориентации человека не могли бы ни возникнуть, ни существовать, если бы человек не был наделен свободной волей. Они обращены к разуму и воле человека, помогая ему адаптироваться к сложному и изменчивому миру общественных отношений.

Однако если человек обладает свободной волей, он может и должен не только принимать решение о совершении определенных действий, но и нести ответственность за свои действия. И это понятно, так как мир предстает перед ним не как хаотическое нагромождение человеческих действий, а как определенная система эталонов, ориентируясь на которые он должен избрать свой вариант поведения. Поэтому свобода человека неотделима от его ответственности за свои действия. Свобода и ответственность — это пружины исторической активности человека, способ его существования в правовых и нравственных отношениях. Исходя из этого, Ф. Энгельс отмечает невозможность «рассуждать о морали и праве, не касаясь вопроса о так называемой свободе воли, о вменяемости человека, об отношении между необходимостью и свободой»⁸².

⁸² Там же, т. 20, с. 115.

Признание права и морали как сферы человеческой свободы вытекает из марксистского анализа *границ* этой свободы, определяемых объективно необходимыми условиями жизни общества. Необходимость не бывает однозначной, она сложна, противоречива и объемна, и свобода — это не отсутствие необходимости, а известный объем возможностей субъекта совершать действия в параметрах необходимости⁸³.

• Свобода человека определяется рядом условий. Прежде всего она вытекает из возможности выбора, которую ей предоставляет объективная действительность. Там, где нет выбора, свобода исчезает.

• Условием свободы является также способность человека принимать решение, избирать определенную форму поведения. Воля неразрывно связана со всеми элементами системы психической регуляции человека. Вместе с тем воля представляет собой такой компонент психической регуляции, который приводит в движение всю эту систему. Воля связана с деятельностной стороной сознания, но это не значит, что сфера воли — только внешняя объективированная деятельность индивида. Без воли невозможно движение сознания, невозможен процесс мышления, необходимые для осознания потребностей, выявления интереса и цели, формирования мотива. Воля не определяет содержания интереса, мотива, цели; это содержание детерминировано общественными потребностями, но она — движущая сила рациональных (познавательных) и эмоциональных процессов сознания. Раскрывая сущность волевой деятельности, Гегель писал: «Не надо представлять себе, что человек является, с одной стороны, мыслящим, а с другой стороны, волящим, что у него в одном кармане мышление, а в другом воля...». Развивая далее это положение, Гегель характеризует различие между мышлением и волей как различие между теоретическим и практическим отношением. Но воля и мышление «не представляют собою двух способностей, так как воля есть особый способ мышления: она есть мышление как перемещающее себя в наличное бытие, как влечение сообщить себе наличное бытие»⁸⁴. Интересны замечания В. И. Ленина в конспекте «Науки логики»: «Очень хорош § 225 Энциклопедии, где „познание“ („теоретическое“) и „воля“, „практическая деятельность“ изображены как две стороны, два метода, два средства уничтожения „односторонности“ и субъективности и объективности»⁸⁵.

Воля опосредствует весь процесс мышления, но свое наиболее активное выражение она получает в деятельности как объективированном выражении сознания. Воля — активная, действенная сторона сознания; она непосредственно связана с социальной активно-

⁸³ См.: Мораль и этическая теория: Некоторые актуальные проблемы. М., 1974, с. 256.

⁸⁴ Гегель. Соч., т. 7, с. 32—33.

⁸⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 190.

стью человека, его включенностью в систему правовых и моральных отношений.

Свобода воли определяется не только внешними детерминантами, но и внутренними психологическими условиями личности. Без этого нельзя понять характер свободной воли человека, а также степень этой свободы. Слагаемые свободной воли — не только спектр возможностей, продиктованный необходимостью, но и волевая позиция индивида по отношению к внешнему миру.

Внешние факторы, т. е. совокупность определенных общественных отношений, всегда причинно обуславливают действия, поступки человека. Сознание человека, отражая эти внешние факторы, регулирует его поступки, т. е. дает целевую направленность человеческим действиям, определяемую обстоятельствами внешнего мира. Внешнее воздействие всегда преломляется через внутренние психические условия, через механизм психической регуляции. Учет особенностей индивидуального сознания, психологии человека позволяет ответить на вопрос о том, почему при наличии одних и тех же внешних условий волевое поведение разных людей и даже одного и того же человека бесконечно многообразно. Свободу воли человека невозможно понять без учета и анализа не только объективной необходимости, но и внутреннего психологического состояния личности.

Право и мораль как проявление объективной необходимости включены в систему объективных связей и выступают в качестве необходимости в регулировании поведения человека. Осознание этой необходимости в общей системе объективных связей дает возможность человеку совершать поступки в соответствии с требованиями правовых и моральных норм. Чем глубже понимает человек эту общественную необходимость, тем более сознательно, добровольно и свободно соблюдаются им требования правовых норм. Уяснение связей между явлениями внешнего мира и требованиями, предъявляемыми человеку, дает ему возможность избирать наиболее правильный вариант поведения.

Положение о детерминированности человеческих поступков, о воздействии внешних причин через посредство внутренних психологических свойств личности имеет важное значение для оценки волевого поведения человека в правовых и нравственных отношениях. Поскольку право и мораль включены в систему реальных общественных отношений, т. е. тех внешних условий, которые воздействуют на сознание человека, они, как и все другие внешние воздействия, детерминируют волевую деятельность человека, преломляясь через его сознание. Поэтому детерминированность поведения человека определяется не только свойствами права и морали (в этом случае очень легко было бы добиться точной обусловленности поведения человека требованиями норм), но и особенностями сознания человека, его психологии.

Детерминированность воли не только внешними причинами, но и внутренними психологическими факторами подчеркивалась классиками марксизма-ленинизма. Ф. Энгельс писал, что действия людей

нельзя объяснить из их мышления, их надо объяснять потребностями, которые при этом отражаются в голове, осознаются⁸⁶. Вместе с тем побудительные силы этой деятельности должны пройти через голову человека, должны превратиться в побуждения его воли, для того чтобы он стал действовать⁸⁷.

Таким образом, условиями свободной воли являются возможность выбора, предоставляемая индивиду объективной необходимостью, с одной стороны, и способность человека ориентироваться в сложной системе общественных отношений — с другой. Чем выше способность человека правильно оценивать объективную необходимость, тем свободнее он в своем выборе.

В этой связи возникает вопрос: можно ли оценивать как свободный противоправный или аморальный поступок человека? Иными словами, речь идет о качественном критерии моральной и правовой свободы. В этом вопросе ни у юристов, ни у этиков нет единой позиции.

В этической литературе высказываются положения, согласно которым нельзя признать свободным поведение, основанное на ложно понятой моральной необходимости, на извращенной моральной идее. Более того, не являются свободными и такие действия, когда правильно познанные и ясно сознаваемые требования морали не стали органическими элементами сознания личности, не превратились в прочные убеждения⁸⁸. Аналогичные позиции относительно несвободы действий, связанных с нарушениями закона, высказывают Д. А. Керимов и Н. А. Беляев: поскольку свобода проявляется в действиях, соответствующих объективным закономерностям, то «правонарушения в социалистическом обществе не могут рассматриваться как поступки личности, действующей свободно»⁸⁹.

Представляется, что отрицание свободной воли как предпосылки противоправных и аморальных поступков лишает смысла и проблему социальной ответственности за такие действия. В юридической литературе подвергалась справедливой критике подобная позиция. И. С. Самощенко и М. Х. Фарушкин правильно отмечают, что следует различать свободу воли как возможность выбора определенного варианта поведения и свободу воли в соотношении с объективными законами развития природы и общества⁹⁰. Марксизм-ленинизм учит, что осознание закономерностей общественного развития, необходимости и неодолимости их действия становится основой для активного использования этих законов в интересах че-

⁸⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 493.

⁸⁷ См.: Там же, т. 21, с. 307—308.

⁸⁸ См.: Анисимов С. Ф. Об объективной обусловленности морального выбора. — В кн.: Моральный выбор. М., 1980, с. 52—53. См. также: Архангельский Л. М. Категории марксистской этики. М., 1963, с. 145.

⁸⁹ Беляев Н. А., Керимов Д. А. Личность и законность. — В кн.: Человек и общество. Л., 1966, вып. 1, с. 130. См. также: Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. М., 1950, с. 34—42.

⁹⁰ См.: Самощенко И. С., Фарушкин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971, с. 21—24.

ловека и преобразования мира, делает человека свободным. «Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека,— два класса законов, которые мы можем отделить один от другого самое большее в нашем представлении, отнюдь не в действительности. Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела»⁹¹. Как видно, это положение Энгельса относится не только к законам природы, но и к законам социальной жизни, овладение которыми дает возможность человеку принимать решения со знанием дела.

Однако свободу в *философском смысле*, связанную с преобразующей деятельностью классов либо общества в целом, нельзя смешивать со свободой воли в *психологическом смысле*, когда речь идет о выборе и принятии решения конкретным индивидом, поскольку нельзя каждый акт его деятельности рассматривать как познание объективных законов природы и общества и их использование. Представляется правильным мнение В. Г. Асеева о том, что «в психологическом плане в отражаемую человеком действительность включается лишь та ее часть, которая находит более или менее адекватное отражение в практической деятельности, в сознании и в мотивации данного человека на данной стадии его психического развития»⁹². Мы не можем требовать от человека познания всех законов развития общества и их использования в своих целях. Такая задача посильна лишь коллективным субъектам исторического процесса — классам, обществу, авангардной его части и т. д. Вместе с тем следует, разумеется, учитывать, что уровень свободы личности всегда определен уровнем свободы общества.

Ф. Энгельс в связи с трактовкой свободы воли подчеркивает значение величайших научных открытий человечества, отмечая, что эта свобода «является необходимым продуктом исторического развития», что «каждый шаг вперед на пути культуры был шагом к свободе»⁹³. Он отмечает, что эти открытия ведут к развитию тех производительных сил, при помощи которых «только и становится возможным осуществить такое состояние общества, где не будет больше никаких классовых различий, никаких забот о средствах индивидуального существования и где впервые можно будет говорить о действительной человеческой свободе, о жизни в гармонии с познанными законами природы»⁹⁴.

В упразднении общественных классов, устранении товарного производства, создании планомерной, сознательной организации общества, высокой ступени развития производства Ф. Энгельс ви-

⁹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 116.

⁹² Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976, с. 134.

⁹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 116.

⁹⁴ Там же, с. 117.

дел условия, при которых человечество может совершать скачок из царства необходимости в царство свободы⁹⁵. Эти положения Ф. Энгельса показывают, что познание классами объективных законов и их использование в интересах прогресса являются основой свободного развития индивида, его способности оценивать действительность и принимать решение со знанием дела. Было бы упрощением считать, что любой поступок человека имеет своей предпосылкой мысленную оценку им всех объективных процессов общественного развития, поскольку нельзя каждый акт его поведения рассматривать как познание объективных законов природы и общества и их использование. Однако чем выше культура общества, чем более глубоко познает оно подлинные законы общественного развития, тем выше сознание и культура членов общества, тем более сознательно индивид может принимать волевые решения. Об этом писал Ф. Энгельс: «Первые выделявшиеся из животного царства люди были во всем существенном так же несвободны, как и сами животные; но каждый шаг вперед на пути культуры был шагом к свободе»⁹⁶. Подлинную свободу общества и индивида Ф. Энгельс связывает с построением коммунизма, когда объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится их собственным свободным делом⁹⁷.

Как видно из этих положений, в своих действиях человек связан тем уровнем свободы, который достигнут в обществе.

В социалистическом обществе, развивающемся в соответствии с научно познанными объективными закономерностями, созданы условия для формирования социалистического сознания, для всестороннего развития личности, что повышает ее возможности в правильной оценке и общего характера общественных отношений, и конкретных обстоятельств, по поводу которых должно быть принято решение.

Принятие решения и деятельность — волевые акты, которые объективируют сознание личности и дают представление о его уровне, состоянии, направленности. Индивид может руководствоваться правильно или извращенно понятыми интересами, ставить перед собой истинные или ложные цели, руководствоваться правомерными и моральными либо противоправными и аморальными мотивами; однако в любом случае он свободен в выборе того или иного образца поведения. Он свободен потому, что объективная действительность создает условия для правильного выбора; свободен потому, что сам избрал этот, а не иной вариант поведения; свободен потому, что общество всегда дает индивиду представление о необходимом поведении в системе своей ценностно-нормативной ориентации и от его сознания и воли зависит — совершить поступок в соответствии с нормативными требованиями класса (общества) или вразрез с ними.

⁹⁵ См.: Там же, с. 291—295.

⁹⁶ Там же, с. 116.

⁹⁷ Там же, с. 295.

Любой волевой акт — это свободное решение. Другое дело — «качество», направленность свободной воли. Она может отвечать потребностям и интересам класса (общества), может противоречить им. Но и здесь при оценке волевого акта надо исходить из конкретной исторической обстановки. Действия передовых представителей рабочего класса в условиях капиталистического строя, противоречащие буржуазным законам и законности, — это свободные волевые действия высокого морального и политического смысла. Совершение правонарушений в условиях социалистического строя — проявление низкого уровня сознания, порочной ориентации и направленности личности.

При оценке деятельности индивидов в правовой и моральной сферах следует ставить вопрос не о свободе или несвободе воли (поскольку все сознательные действия — результат свободного решения), а о ее качественном состоянии, о структуре мотивов и целей, лежащих в основе волевого акта. Свободное решение — это волевой акт конкретного человека с его психической организацией, ценностно-нормативной ориентацией, установкой, направленностью, которые детерминированы условиями его жизни и с необходимостью определяют характер и содержание принятого решения. «Чем свободнее суждение человека по отношению к определенному вопросу, с тем большей необходимостью будет определяться содержание этого суждения; тогда как неуверенность, имеющая в своей основе незнание и выбирающая как будто произвольно между многими различными и противоречащими друг другу возможными решениями, тем самым доказывает свою несвободу, свою подчиненность тому предмету, который она как раз и должна была бы подчинить себе»⁹³.

Указание на то, соответствует ли поступок данного индивида прогрессивным интересам общества или нет, свидетельствует о ценностной ориентации воли, а не о ее свободе или несвободе. Свобода воли индивида как его способность принимать решение со знанием дела в правовых и моральных отношениях — это его оценочное отношение к данной конкретной ситуации, к интересу и цели, которые направляют его поступок, к норме права и морали, предписывающей типичный для этой ситуации вариант поведения. Разумеется, свобода воли предполагает и более широкое знание и понимание процессов общественного развития. Чем более глубоким знанием и пониманием этих процессов обладает индивид, тем более правильные, отвечающие интересам общества правомерные действия он совершает. Однако и отклоняющееся поведение есть свободное решение индивида, вытекающее из структурных особенностей его личности.

Иногда поведение, идущее вразрез с типичными интересами индивида, основанное на неправильно понятых интересах, называют «безвольным». В действительности сознательного «безвольного», неволевого поведения нет и быть не может. Структура волевого акта

⁹³ Там же, с. 116.

включает не только принятие решения, процессы, предшествующие этому принятию, но и степень устойчивости принятого решения, а также сознательное усилие, которое тем более необходимо, чем менее привлекательна цель. «Степень проявления волевого усилия определяется силой потребности, отразившейся в голове человека, характером требований действительности, их жизненной значимостью и сложившимся в процессе жизнедеятельности и воспитания отношением к ним личности, степенью сопротивления людей и обстоятельств, на которые направлено волевое усилие»⁹⁹. При определении структуры волевого акта правомерного либо отклоняющегося поведения следует различать степень его интенсивности (по устойчивости решения и по характеру волевого усилия), его направленность (по характеру потребностей, интересов, мотивов, ценностно-нормативной ориентации личности). В конечном счете структура волевого акта определяется не только особенностями механизма психической регуляции данного поступка, но и всей структурой личности с цельностью ее мировоззрения, убеждений, установок.

Поэтому очевидно, что для характеристики поведения человека в правовой и моральной сферах недостаточно указания на свободную волю, необходима содержательная характеристика волевого акта в единстве рациональных и эмоциональных компонентов.

Итак, право и мораль всегда обращены к свободной воле индивида. Вместе с тем они выступают как «мерила» этой свободы, определяя границы свободного поведения личности. Но в этой общности уже заложены свойства, определяющие специфику регулятивного воздействия права и морали. Право выступает в качестве формальной конкретно-исторически обусловленной меры свободы. Эта «мера свободы» — наиболее широкий ориентир, приобретающий существование, независимое от произвола отдельных индивидов. Закон как выражение права в классово-организованном обществе выступает юридической формой признания определенной меры свободы¹⁰⁰. Это назначение закона подчеркивал К. Маркс: «Законы — это положительные, ясные, всеобщие нормы, в которых свобода приобретает безличное, теоретическое, независимое от произвола отдельного индивида существование. Свод законов есть библия свободы народа»¹⁰¹. Речь идет не об абстрактной свободе, а о тех масштабах свободы, которые строго детерминированы конкретным способом производства, классовой структурой, социально-культурным развитием общества. Известно, что право не может быть выше, чем экономический уровень и обусловленное им культурное развитие общества¹⁰². В соответствии с этим параметры свободы строго детерминированы социальными позициями классов в системе производства. «Право по своей сущности и, следовательно

⁹⁹ Говалев А. Г., Мясищев В. Н. Психические особенности человека. Л., 1957, т. 1. Характер, с. 153.

¹⁰⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 62.

¹⁰¹ Там же, с. 63.

¹⁰² См.: Там же, т. 19, с. 19.

но, по своему понятию — это исторически определенная и объективно обусловленная форма свободы в реальных отношениях, мера этой свободы, формальная свобода»¹⁰³.

Право в силу своей природы очерчивает свободу внешних действий человека, оставаясь нейтральным по отношению к внутренним мотивам его поведения. Иное дело мораль, которая не только определяет границы внешней свободы, но и требует внутреннего самоопределения личности. И в этом смысле мораль — не формальный определитель свободы. Моральная свобода означает, что «человек может сделать предъявленные ему извне веления предметом самостоятельного размышления и самостоятельного решения, „внутренне мотивировать“ и оправдать свои действия», что он способен поступать по внутреннему убеждению и противопоставлять свою волю стихии внешних обстоятельств¹⁰⁴. «Самообязывающий» характер моральной свободы подчеркивает А. А. Гусейнов, отмечая, что нравственная свобода — субъективно-личностный аспект нравственных отношений¹⁰⁵.

Фиксируя внимание на этом различии права и морали как определителей границ свободы, В. С. Нерсисянц подчеркивает: «Говоря о праве как мере (норме, форме) свободы, мы имеем в виду меру этой свободы в сфере поведения людей, их внешних действий, но не находящуюся вне правовой сферы свободу внутренних усмотрений, самоопределений и решений морально независимой и автономной личности»¹⁰⁶.

Различие характера свободы в правовой и нравственной сферах определяет и различия в характере правовой и нравственной ответственности.

Следует отметить, что социальная ответственность неизменно присутствует в структуре любых общественных отношений — политических, правовых, моральных, религиозных, организационных. Объективная нормированность этих отношений существует как «императивное свойство бытия, когда оно в своей развитости, определенности и необходимости, т. е. в своей оформленности, выступает как критерий и мерило самого себя и всего остального»¹⁰⁷.

«Императивное свойство бытия» проявляется как должное в развитии общественных отношений, а реальность должного обеспечивается объективной необходимостью ответственности, т. е. осознания и понимания совершения действий в соответствии с должным. Поэтому нормативность как единство сущего и должного, как «императивное свойство бытия» неотделима от ответственности. Норма — это не только мера свободы, но и мера ответственности. Однако в различных сферах (в частности, в правовых и моральных

¹⁰³ Нерсисянц В. С. Право и закон, с. 342—343.

¹⁰⁴ Дробницкий О. Г. Понятие морали, с. 291.

¹⁰⁵ См.: Гусейнов А. А. Указ. соч., с. 90—91.

¹⁰⁶ Нерсисянц В. С. Право и закон, с. 349.

¹⁰⁷ Там же, с. 342.

отношениях) формы фиксации и проявления свободы и ответственности различны.

Правовые нормы, возникающие в процессе практической деятельности людей, в конечном счете всегда связаны с государством. Государство «освящает» границы формальной свободы в правовой сфере, либо санкционируя сложившиеся нормы, либо выражая их в законодательстве. Учитывая, что правовые нормы возникают и функционируют прежде всего в отношениях, имеющих первостепенную значимость для обеспечения интересов политически и экономически господствующего класса, этот класс стремится к более или менее четкой фиксации границ свободы, в пределах которых поведение людей отвечает его интересам и целям. Государство заинтересовано в соблюдении меры поведения, очерченной правом (в *правомерности* действий), но сама формальность этой меры делает ее безразличной к внутренней мотивации, сопровождающей правомерные действия индивида. Заинтересованность государства в определенных стандартах поведения выражается не только в формальной фиксации границ свободы индивидов, но и в установлении меры ответственности (санкции) в случае нарушения правовых предписаний. Такая мера всегда имеет четко обозначенные параметры; мотивы правонарушений могут в какой-то мере учитываться правом, но главное в юридической ответственности — это внешние действия, связанные с соблюдением установленной формальной меры свободы. «Лишь постольку, поскольку я *проявляю* себя, поскольку я вступаю в область действительности, — я вступаю в сферу, подвластную законодателю. Помимо *своих действий* я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом»¹⁰⁸.

В условиях развитого правопорядка нормы права получают в той или иной форме официальное признание и защиту. Тем самым под правовую ответственность подводятся четкие законодательные основания, вписится определенность в установление социальных последствий неправомерных действий. Требования должного, содержащиеся в юридических нормах, становятся критериями оценки поведения людей.

Должное выступает как обязанность индивида считаться с очерченной в норме мерой свободы, не преступать ее. Юридическая ответственность возникает там, где должное приобретает в той или иной форме (обычая, судебного прецедента, нормативно-правового акта) государственное признание. Она существует как отношение зависимости человека от государства, выражаемое в его способности осуществлять свободную оценку и выбор, ориентируясь на правовые эталоны, а также претерпевать неблагоприятные последствия, являющиеся результатом отступления от зафиксированных в правовой норме стандартов поведения. Юридическая ответственность — это составной элемент правовых связей, правовых отношений (в широком их понимании), формирующихся в обществе.

¹⁰⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 14.

Отмечая значимость официального признания юридической ответственности, нельзя вместе с тем отрицать, что она существует даже на «дозаконной» стадии развития правовых отношений. К. Маркс отмечал, что договор — это форма юридического отношения, независимо от того, закреплён он законом или нет¹⁰⁹. Но договорная форма отношения невозможна без ответственности сторон. «Дозаконные» правовые отношения предполагают ответственность как объективную необходимость должного поведения. Разумеется, официальное признание и юридическая защита определенных императивов неизмеримо поднимают роль ответственности, делают ее определенной и четкой. Однако не следует забывать, что за официально зафиксированной формой юридической ответственности кроется объективная необходимость определенных форм поведения. И юридическую ответственность нельзя сводить только к санкциям правовых норм. Юридическая ответственность — это долженствование, необходимость определенного поведения.

Если мы связываем ответственность со свободой (а иного подхода к ответственности быть не может), то она наступает тогда, когда в сложной и противоречивой ткани общественных отношений возникает требование должного и человек получает возможность на основе всестороннего учета окружающих его условий, собственного психологического склада, конкретной ситуации избрать для себя вариант поведения либо в границах свободы, отведенных для него нормой, либо за их пределами. И в том, и в другом случае возникают отношения юридической ответственности: в первом — как осознание необходимости совершать должное (это зачастую не кратковременный акт, а длящееся отношение); во втором — как неблагоприятные последствия нарушения «меры» права.

Иной подход к юридической ответственности (ее «привязка» лишь к результатам неправомерного поведения) чрезвычайно сужает сложнейшие связи свободы и ответственности, снижает ее социальный потенциал. Активность человека означает его свободу в выборе, возложении на себя ответственности (исторически и классово обусловленной для каждого этапа развития). Человек проявляет неизмеримо большую свободу, сообразуясь с действующими в обществе эталонами, чем в случае их нарушения. Чем выше уровень свободы в обществе, тем более очевидна значимость правомерного выбора и ответственности за его реализацию. Ответственность возникает вместе со свободой выбора, она существует как неизбежный результат выбора (позитивного и негативного). Отсюда и различные формы юридической ответственности (позитивной и ретроспективной).

В советской юридической литературе широко дискутировался вопрос о понимании юридической ответственности. В результате дискуссии четко определились две позиции: одна — связывает юридическую ответственность лишь с наказанием, применением санкций юридических норм к лицам, допустившим противоправные дейст-

¹⁰⁹ См.: Там же, т. 23, с. 94.

вия¹¹⁰ (ретроспективная ответственность); другая — связывает возникновение юридической ответственности с наличием обязанностей (позитивная ответственность) и применением санкций в случае их невыполнения (ретроспективная ответственность)¹¹¹.

Сторонники первой позиции считают, что понятия позитивной и ретроспективной ответственности могут быть применены лишь к моральной и политической ответственности, но их нельзя распространять на юридическую ответственность, так как это приведет к размыванию ее сугубо правового смысла.

На наш взгляд, представляется неправильным утверждение, согласно которому юридическая ответственность отличается от моральной тем, что она возникает лишь в ситуациях, порождаемых нарушением требований законодательных предписаний, а моральная ответственность, связанная с осознанием долга, существует как позитивная ориентация на выполнение моральных требований. Представляется, что разграничение юридической и моральной ответственности следует искать на ином пути. Юридическая ответственность возникает в правоотношении, понимаемом широко — как система правовых связей, вытекающих из установления прав и обязанностей. Она связана с наличием такого порядка, который требует четкого осознания необходимости выполнения действий, предусмотренных в законодательстве и выраженных в системе обязанностей. Юридическая ответственность всегда сопряжена с обязанностями и существует постольку, поскольку такая обязанность установлена. Ответственность включена в механизм социального действия права, и ее возникновение нельзя связывать лишь с нарушением обязанности. В последнем случае она переходит в особую стадию, которая в правовой среде существует потенциально, но ее реальное действие связано с нарушением обязанности и применением санкции. Юридическая ответственность — это особое правовое состояние, предполагающее наличие обязанности, закрепленной в законе, понимание необходимости ее выполнения, а также возможность наступления неблагоприятных последствий (применения санкций) в случае нарушения обязанности.

Моральная ответственность, как и правовая, возникает как реакция на должное, выраженное в обязанности. Она органично включена в структуру моральных отношений, и ее смысл состоит в стабильной ориентации человека на моральные ценности общества, класса, группы, в совершении поступков в соответствии с ценностными моральными ориентирами, а также в претерпевании неблагоприятных последствий в случае отступления от моральных норм.

Таким образом, состояние правовой и моральной ответственности возникает вместе с возникновением обязанности; и в правовой и в моральной сферах применимы понятия позитивной и ретроспективной ответственности.

¹¹⁰ См.: Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974, с. 316—317.

¹¹¹ См.: Назаров Б. Л. Социалистическое право в системе социальных связей. М., 1976, с. 245 и сл.; Кудряцев В. Н. Право и поведение, с. 109—110.

Различия между правовой и моральной ответственностью начинаются с характера оценки действий человека. Выше отмечалось, что право выступает как формальная мера свободы, и ответственность человека в правовой сфере означает понимание необходимости действовать в пределах этой меры. Мотивы правомерного поведения (сознание важности и необходимости юридических требований, боязнь неблагоприятных последствий, конформность и т. д.) безразличны для права. Так, нельзя объявить поведение человека противоправным, если по внешним результатам оно соответствует требованиям законодательства, но дефектно по содержанию мотивации. Если человек соблюдает правопорядок из боязни неблагоприятных последствий, нельзя охарактеризовать его действия как противоправные.

Нравственная ориентация обеспечивает моральность поведения, которая раскрывается не только через этически верные действия, но и через внутреннюю моральную мотивацию, выражающую интериоризированные нравственные ценности. Н. Н. Крутов правильно подчеркивает значимость субъективного аспекта моральных отношений, отмечая, что «моральное поведение» в наиболее точном смысле данного термина — это поведение, которое «не только соответствует требованиям морали по своим результатам, объективному значению, но и продиктовано моральными мотивами»¹¹².

Моральная ответственность раскрывает осознание личностью жизненной важности, духовной и практической значимости нравственных ориентиров, выработанных социальной общностью, их реализацию в практическом поведении, обеспечивает нравственно обоснованные поступки, объективно необходимые для нормального развития социальных связей и взаимодействий. Оценивая действия людей в сфере нравственных отношений, следует учитывать не только то, *как* человек действует, но и *почему* он совершает эти действия, какова субъективная сторона поступков. Так, нельзя оценить как моральное поведение человека, связанное, например, с оказанием помощи другому лицу, продиктованным корыстными соображениями.

Следовательно, если моральная ответственность — социальное состояние, определяемое глубоким убеждением в важности и правильности действий, предусмотренных нравственными нормами, то юридическая ответственность может основываться не только на таких убеждениях, но и на боязни неблагоприятных последствий. Предъявить более высокие требования к внутренним мотивам, побуждающим человека к правомерному поведению, возможно только по мере продвижения общества к коммунизму, в связи с ростом социалистического сознания, определяющим реальность постановки задачи — сделать уважение к праву внутренним убеждением каждого человека. Однако все предшествующее правовое развитие не представляло таких требований к мотивам выполнения нормы права.

Таким образом, различия правовой и моральной ответственности

¹¹² Крутов Н. Н. Указ. соч., с. 13.

прослеживаются на стадии их «позитивного» состояния. Но наиболее ярко эти различия проявляются в стадиях ретроспективной ответственности, когда речь идет о социальной реакции на противоправный или аморальный поступок.

✓ Юридическая ответственность в отличие от моральной всегда конкретно определена, и нарушение правовой обязанности влечет за собой применение санкций, четко зафиксированных в законодательстве. Оценка характера противоправных действий осуществляется в соответствии с правовыми санкциями.

— Моральные санкции, как правило, не зафиксированы формально, они выражены в моральном языке, моральных принципах, представлениях и поэтому менее определены, чем правовые. ✓

✓ Различны и субъекты, реагирующие на правонарушения и аморальные поступки и применяющие санкции (юридические и нравственные). Применение санкций в случае правонарушений осуществляется государством в лице его органов; субъекты, применяющие санкции в случае нарушения моральных предписаний и запретов, могут быть самыми различными: социальная общность (класс, социальная группа); отдельные индивиды, выражающие осуждение аморального поступка; организация (например, религиозная община, профессиональный цех и т. д.). ✓

✓ Различен и характер моральных санкций, применяемых к лицу, совершившему аморальный поступок: словесное осуждение, исключение из той или иной группы или организации, бойкотирование и пр. Мир моральных явлений многообразен, и моральные санкции адаптированы применительно к определенным сферам общественных отношений, характеру тех или иных социальных общностей, а главное, к конкретно-исторической эпохе, условиям места и времени.

Применение правовых санкций осуществляется на основе оценки, содержащихся в правовых нормах, с общих позиций правомерности либо противоправности; в основе моральных санкций лежат оценки с позиций добра, зла, чести, бесчестия и пр. (других способов «самоподдержания» у морали нет). ✓

✓ Таким образом, моральная и юридическая ответственность имеют общие и специфические характеристики. ✓

✓ Общее в правовой и моральной ответственности состоит в том, что и та, и другая возникают в результате «императивного свойства бытия», представляющего как необходимость, как должное и получающего нормативное выражение в виде обязанности (правовой или моральной). Обязанность определяет социальные позиции участников общественных отношений, выражаемые как состояние ответственности, характеризующее в качестве позитивного социального отношения лица к совершаемым поступкам, а также осознания необходимости претерпевать неблагоприятные последствия в случае отклонения от правовых или моральных эталонов. Правовая и моральная ответственность неотделимы от свободной воли индивида, от его способности ориентироваться в правовых и нравственных отношениях и принимать решения о совершении тех или иных действий.

Различия в правовой и моральной ответственности состоят: в характере мотивации («экстровертность» правовых мотивов и поступков и «интровертность» моральных); в различии характера правовых и моральных санкций и оценочных категорий, лежащих в их основе; в различии субъектов, применяющих эти санкции.

Отмечая различия в правовой и моральной ответственности в зависимости от значимости внутренней психологической структуры поступка, его мотивации (оценка в правовой сфере внешних действий; в моральной — не только поведения, но и внутренней этической обоснованности поступка), не следует абсолютизировать эти различия. Для оценки поступков в праве бывают далеко не безразличны их мотивы (например, мотивы нарушения уголовно-правовых запретов). А выявить подлинные мотивы морального поступка не всегда просто, поскольку внутренний мир человека подчас трудно доступен для понимания и оценки, для выявления единства внешних действий и внутренней нравственной мотивации. Поэтому этически правильные поступки нередко являются единственным мерилom моральности личности (подлинной или мнимой), состояния моральной ответственности индивида. Вместе с тем не учитывать этих различий между правом и моралью, правовой и моральной ответственностью нельзя, так как правовая ответственность в целом ориентирована прежде всего на оценку внешних действий человека, а моральная — на оценку единства внешних действий и внутренней этически обоснованной мотивации.

Различия в характере ответственности, связанные со спецификой правовых и моральных санкций, являются более жесткими, и именно они «подводят» к выявлению тех специфических закономерностей бытия права и морали, которые определяют своеобразие каждого из этих социальных регуляторов.

5. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА БЫТИЯ ПРАВА И МОРАЛИ

Специфика права определяется его связью с государством. Как уже отмечалось, правовые нормы возникают непосредственно в общественных отношениях, однако институализированный характер, «цивилизованное», выражение они получают в законодательстве государства. Институализированный характер права является важным признаком, отличающим его от норм морали.

Моральные нормы, возникающие в процессе жизнедеятельности людей, не имеют специальной «законополагающей инстанции». Трансляция социально-нормативного опыта осуществляется в ходе межличностного и массового взаимодействия людей, передается от поколения к поколению. Таким же образом осуществляется и социальный контроль, который в институализированных регулятивных системах выполняют учреждения¹¹³.

Однако следует отметить, что и этот признак институализации правовых норм не является абсолютным для всех времен и право-

¹¹³ См.: Дробницкий О. Г. Понятие морали, с. 260, 331 и др.

вых систем. История права свидетельствует о том, что право далеко не всегда носило институализированный характер. Как правильно отмечает Г. В. Мальцев, отсутствие на ранних стадиях существования права «формальной юридической институализированной нормы в виде закона вовсе не говорит о том, что правовой нормы тогда не было. Она органически вытекала из совместных действий участников производства и обмена, из самого общественного отношения, предполагалась в нем как его собственный императив и санкция»¹¹⁴.

✓ В древневосточных государствах право не являлось четкой системой: так называемые законы представляли сборники случаев из судебной практики, почти не содержащих общих или абстрактных положений¹¹⁵/

✓ И на более поздних стадиях правового развития право не всегда носило институализированный характер. Р. Давид, анализируя процесс становления европейского права, пишет, что до XIII в. действовало преимущественно обычное право. Наряду с немногочисленными законами существовали германские, славянские и другие обычаи, которые могут быть квалифицированы как юридические. Были весьма немногочисленные попытки письменно зафиксировать существующее право (Эдикт Теодориха, составленный в 500 г.; Книга судей, составленная в 654 г.). Существовавшим нормам спонтанно следовало в своих взаимоотношениях население того или иного района, а роль общественной власти, способной заставить уважать эти нормы, была невысока¹¹⁶.

Можно сослаться на практику применения в феодальной Франции в период с X по XV в. кутюмов (обычаев), которые отличались большим разнообразием и исчислялись сотнями. Наряду с кутюмами, применявшимися на территории провинций, действовали кутюмы различных городов, поселков и даже частей некоторых городов. Лишь в XIII в. были сделаны попытки изложить кутюмы в сборниках обычаев, составлявшихся юристами-практиками.

«Общее право» Англии создавалось королевскими судами, которые не имели в своем распоряжении писаных общих источников права и решали дела, руководствуясь обычным правом. Практика королевских судов, закрепленная в судебных протоколах, постепенно становилась источником права. Как видно, «общее право» не является институциональным образованием в том традиционном понимании, которое связывает институциональность с властными актами законодателя.

✓ Учитывая своеобразие различных исторических правовых систем с точки зрения их официального выражения, нужно тем не менее подчеркнуть, что институционализация является существенным признаком «цивилизованного бытия» правовых норм, придающим им

¹¹⁴ Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право, с. 233.

¹¹⁵ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Исторические типы государства и права. М., 1971, с. 169—170.

¹¹⁶ См.: Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1967, с. 55—57.

весьма важные для такого рода социальных регуляторов формальную определенность, характер официальных государственно-властных предписаний.

17 **У**Связь права с государством и в генезисе, и в бытии — наиболее существенный признак права, определяющий его специфику и позволяющий разграничить его с моралью. Право и государство являются ответом на объективную потребность защиты интересов господствующего класса. Мораль — более древняя форма социального регулирования, существовавшая еще в доклассовом обществе. В условиях классового образования она не могла уже удовлетворять потребности в регулировании новых по своему характеру социальных отношений между общностями, занимавшими различные позиции по отношению к собственности.

МЕсли возникновение морали было связано с потребностью преодоления противоречий между личностью и обществом, между различными социальными общностями, то возникновение права связано с потребностью преодоления противоречий между классами. Однако четкие различия между правом и моралью начали проступать лишь по мере усиления процесса классового образования и становления государственности. Как уже отмечалось, и моральным, и правовым нормам генетически предшествовали монономы. Процесс их дифференциации был вызван усложнением социальных отношений, возникновением новых форм взаимодействия между личностью и обществом, а также между различными социальными общностями. Данный процесс протекал не однолинейно, и взаимосвязи между правовыми и моральными нормами неизменно сохранялись независимо от степени их дифференциации. Этому способствовало и огромное влияние религиозного мировоззрения и религиозной нормативности, органично включенной во всю систему нормативной регуляции. Господствующие классы заботились о религиозном обосновании власти; божественная поддержка власти распространяется и на санкции, которыми эта власть наделяла правовые нормы ¹¹⁷.

Процесс кристаллизации правовых норм начинается тогда, когда в результате роста производительности труда появляется прибавочный продукт, являющийся предпосылкой возникновения имущественного неравенства и социальной дифференциации. При оценке процесса становления права следует учитывать, что он протекал одновременно с процессами классового образования и развитием государственной власти. В этнографической и юридической литературе правильно отмечается, что нельзя подходить к развитию данных процессов по упрощенной схеме — вначале возникают классы, их антагонизм приводит к появлению государства, которое

¹¹⁷ См.: Рейснер М. Идеологии Востока: Очерки восточной теократии. М.; Л., 1927, с. 66; Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве. 2-е изд. М., 1911, с. 85—86; Мэн Г. С. Древний закон и обычай. М., 1884, с. 20—37; Даррест Р. Исследования по истории права. СПб., 1894, с. 47—61, 65—69 и др.; Еллинек Г. Социально-этическое значение права, неправды и наказания. М., 1910, с. 131—133.

установило правовые нормы¹¹⁸. «Все эти процессы шли параллельно, диалектически взаимодействуя и стимулируя друг друга, хотя процесс классовообразования и был определяющим»¹¹⁹.

Диалектическим взаимодействием данных процессов определяется своеобразие связи правовых и государственных компонентов в различных регионах мира: иногда правовая норматика на ранних этапах классовообразования была более развита, чем государственные институты в период их становления; в других регионах, где создавались условия для ускоренной политизации институтов властвования, государство оказывало активное влияние на процесс формирования правовых норм. Особенности формирования правовых норм и государственных институтов определяются конкретно-историческими условиями того или иного раннеклассового общества, а также временными факторами. «Неравномерность общественного развития, т. е. разновременность прохождения различными отрядами человечества определенных исторических этапов, является... одной из фундаментальных закономерностей»¹²⁰. Можно предположить, что время становления права и государства оказывало влияние на приоритет либо государственных, либо правовых начал в раннеклассовом обществе. Однако независимо от того, какие из этих начал получили большее развитие на ранних этапах полигенеза в том или ином регионе мира, следует подчеркнуть их неразрывную связь, невозможность раздельного существования государства и права.

✓ Период становления правовых норм характеризовался резким ужесточением санкций, защищающих собственность. Причем юридические санкции в период становления права были значительно жестче санкций развитого классового общества¹²¹. В этом проявляется стремление не только защитить собственность, но и определить социальные позиции членов общества в зависимости от их отношения к собственности, «приучить» индивидов к новому порядку общественных связей, порожденных классовой дифференциацией.

✓ В жесткости правовых санкций некоторые исследователи видят один из существенных признаков, отличающий право от морали. Данное положение представляется спорным, поскольку древние формы моральных предписаний были также подкреплены весьма жесткими санкциями. Это в значительной степени определяется жесткостью религиозных запретов, отразившихся на характере этических воззрений и предписаний. Уже в общинно-родовую эпоху религиозные верования были призваны закреплять моральные нормы, наделяя их не только реальными, но и сверхъестественными

¹¹⁸ См.: Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право, с. 232—235; Венгеров А. Б. Значение археологии и этнографии для юридической науки.— Сов. государство и право, 1983, № 3, с. 32.

¹¹⁹ Першиц А. И. Проблемы нормативной этнографии.— В кн.: Исследования по общей этнографии. М., 1979, с. 219.

¹²⁰ Венгеров А. Б. Значение археологии и этнографии для юридической науки.— Сов. государство и право, 1983, № 3, с. 35.

¹²¹ См.: Першиц А. И. Указ. соч., с. 221.

санкциями (например, система запретов (табу) или обычаи инициаций юношей, посредством которых им внушались нормы племенной морали, подкрепляемые авторитетом предков или духа — патрона инициаций, а позже и авторитетом племенного бога)¹²². Поэтому, когда возникала потребность в установлении новых правил поведения, их связывали с мифологией для придания им характера религиозных предписаний с соответствующими санкциями¹²³.

У Примером жесткости моральных санкций было наказание за нарушение экзогамных запретов. Так, у австралийцев, у ведда, у сенов нарушение норм экзогамии каралось смертью либо изгнанием из рода, что было равносильно смерти; юноша, разгласивший тайну инициаций, также карался смертью¹²⁴. А. И. Першиц рассматривает такого рода предписания как мононормы. Однако представляется, что дифференциация мононорм начиналась значительно раньше появления правовых норм. На более поздних стадиях развития первобытнообщинного строя уже можно говорить об относительной дифференциации мононорм на моральные, религиозные, ритуальные и обычные. Эта дифференциация предшествовала вычленению правовых норм. Поэтому нарушение экзогамных запретов или тайны инициаций можно рассматривать как отступление от норм первобытной морали, снабженных жесткими санкциями.

Жесткость моральных санкций отчетливо проступает и на более поздних стадиях в условиях классового общества. Например, нарушение предписаний рыцарской либо корпоративной морали в феодальном обществе имело весьма тяжкие последствия для индивида, подвергавшегося изгнанию из ордена либо корпорации; жесткими были наказания за нарушение кодекса самурайской чести и т. д.

Проводя различия между правовыми и моральными санкциями, следует учитывать конкретно-исторические условия, в которых действуют эти регуляторы. Большая жесткость правовых санкций по сравнению с моральными — это не универсальное отличие, действовавшее во все эпохи и во всех обществах. Степень жесткости моральных санкций, как и правовых, была различной в разные периоды у различных народов; кроме того, моральные запреты становились правовыми, а правовые — моральными.

Нельзя рассматривать в качестве абсолютного и такой признак отличия правовых норм от моральных, как формальная определенность санкций. Исследования этнографов показывают, что зачастую моральные запреты имели фиксированную шкалу санкций. Так, при нарушении экзогамных запретов в ситуациях кровного родства виновный карался смертью. Если же родство не было кровным, по отношению к нарушителю применяли исключение из племени или

¹²² См.: Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1976, с. 548.

¹²³ См.: Элькин А. Коренное население Австралии: Пер. с англ. М., 1952, с. 114; Вундт В. О. Развитие этических воззрений. М., 1886, с. 13—20.

¹²⁴ См.: Першиц А. И. Указ. соч., с. 218.

суровое физическое наказание¹²⁵. У готтентотов за нарушение экзогамии мужчину пытали и вешали, женщину сжигали¹²⁶.

Представляется, что наиболее ярко отличие права и морали прослеживается на предписаниях, связанных с охраной собственности. ~~Выше отмечалось~~ установление жестких санкций за нарушение отношений собственности, возникающих в классовом обществе. «Если раньше вора увещевали и лишь упорного подвергали экзекуции, то теперь в зависимости от тяжести содеянного и статуса сторон за кражу взимают многократное возмещение, разоряют, обращают в рабство, калечат, убивают»¹²⁷. Характерно, что уже на поздних стадиях родового строя проводится различие между воровством у своих соплеменников и воровством у представителей чужого рода. Если воровство у представителя чужого рода приравнивалось к взятию добычи у неприятеля, то воровство в своей общности рассматривалось как действие, опасное для мира и спокойствия, и поэтому к виновным применяли изгнание (например, индусы и кельты). М. Ковалевский, изучая обычное право осетин в историко-сравнительном аспекте, отмечает, что осетинские обычаи дают возможность познакомиться с процессом зарождения тех понятий, благодаря которым воровство из действия безразличного по своему характеру постепенно становится преступлением¹²⁸.

Е. Б. Папуканис правильно заметил, что «юридическое общество получает свою специфическую характеристику исторически прежде всего на фактах правонарушений. Понятие кражи определяется раньше, чем понятие собственности»¹²⁹. [Действия, к которым ранее применялись моральные или религиозные санкции, постепенно переходят в сферу правового регламентирования.] Этот процесс связан с образованием частной собственности, стремлением оградить ее от посягательств.]

Становление права как охранителя собственности господствующего класса сопровождается трансформацией ряда идей, лежащих в основе нравственного регулирования общественных отношений. Так, в психике членов первобытнообщинного строя укоренилась реакция на «обиду», т. е. враждебный акт чужой общности, выражающийся в мести обидчику, которая являлась условием самосохранения общности и успешной ее борьбы за существование. Месть была не только долгом, но и делом чести. «Кровная» или «родовая» месть осуществлялась из чувства морального долга перед своими сородичами и перед убитым. На ранних этапах она не была связана с материальными расчетами.

Месть в условиях первобытнообщинного строя приобретала подчас разрушительный характер, родовые междоусобия переходили из поколения в поколение и нередко вели к истреблению враждую-

¹²⁵ См.: Элькин А. Указ. соч., с. 114.

¹²⁶ См.: Першиц А. И. Указ. соч., с. 218.

¹²⁷ Там же, с. 221.

¹²⁸ См.: Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. М., 1886, т. 2, с. 162.

¹²⁹ Папуканис Е. Б. Указ. соч., с. 159.

щих родов. Постепенно из обычая кровной мести исторически возникло право, содержащее уголовно-правовые санкции.

Возникающие правовые системы не могли не считаться со сложившимся обычаем мести, они стремились лишь ограничить пределы мести, закрепить в законе те ограничительные начала, которые были продиктованы экономическими потребностями общества и интересами господствующего класса¹³⁰.

Исследуя процесс замены кровной мести наказанием, осуществляемым государством, французский компаративист Р. Даррест писал: «Первым словом, произнесенным древним законодателем, была отмена частной мести... Частная месть... была воспрещена как религией, так и законом... и прямо заменена наказанием, налагаемым от имени общества»¹³¹. Причем в основе такой системы наказания лежала классово трансформированная идея эквивалента, «равного воздаяния», которую Е. Б. Пашуканис называет «первой чисто правовой идеей»¹³². Представляется, однако, что эта идея развилась из первобытного спонтанно формирующегося представления людей о справедливости. Поэтому она осуществлялась не только в правовых понятиях и воззрениях, а прежде всего в этических и религиозных.

В новых условиях «представление о враждебном акте оказывается неразрывно связанным с представлениями о его материальных последствиях. Эта связь оказывает громадное влияние на всю дальнейшую историю развития морали и права... Материалистический принцип оценки всякого враждебного действия приобретает все более господствующее влияние, давая содержание реакции на „обиду“ в ее новом значении»¹³³.

И хотя идеи мести прочно коренились в психике человека, правовые системы древности стремились внести в них определенность и упорядоченность, которые проявлялись в том, что наряду с талионом была введена система композиций, т. е. денежного возмещения ущерба, понесенного потерпевшей стороной в результате того или иного уголовно-правового деяния. Таким образом, месть за обиду была переведена на язык расчетов, что полностью отвечало потребностям развивающейся хозяйственной жизни. Характерно, что при установлении «тарифов» за понесенный ущерб учитывалось социальное положение сторон.

Суровость санкций ряда норм первобытной морали не знала исключений и применялась в равной мере ко всем членам рода или племени, не давая преимуществ одним членам перед другими. Санкции правовых норм ориентированы на дифференцированный подход к членам общества в зависимости от их классового положения. Например, цена крови богатого была неизмеримо выше цены

¹³⁰ См.: Косвен М. Преступление и наказание в догосударственном обществе. М.; Л., 1925, с. 15—31.

¹³¹ Даррест Р. Указ. соч., с. 19.

¹³² Пашуканис Е. Б. Указ. соч., с. 160.

¹³³ Косвен М. Указ. соч., с. 35.

крови бедного. Это соответствовало идее «равного возмездия» классового общества, в котором четко обозначилось социальное неравенство.

Размер компенсации по законодательству ряда стран во много раз превосходил сумму понесенного ущерба. Так, из свода Бишну видно, что размер вознаграждения в 11 раз превышал стоимость похищенного, в германских и скандинавских правдах стоимость похищенного помножалась на 2 либо на 3; у осетин размер вознаграждения превышал сумму похищенного от 3 до 7 (в случае невозможности уплаты возмещения допускалось временное закабаление тех, кто был не в состоянии уплатить иначе, как трудом)¹³⁴. Такие санкции — свидетельство классовой ориентации новых нормативных регуляторов — правовых норм, которые были призваны обеспечить интересы экономически господствующего класса.

Вместе с тем сам процесс возникновения правовых норм с их идеей наказания убедительно свидетельствует о том, что они являются трансформацией определенной группы моральных норм, для которых была характерна идея возмездия за зло и поощрения за добрые дела. Идея возмездия за грех, за зло вытекала из религиозного обоснования морали и заключалась в том, что боги выступали как творцы и покровители нравственного мира и поэтому они карали тех, кто нарушал установленные моральные предписания и запреты. Идея возмездия воспринимается и древним правом, поскольку оно также самым тесным образом было связано с религией¹³⁵. М. Ковалевский на основе применения историко-сравнительного метода показал зарождение системы правовых санкций, вытекавших из идеи возмездия или идеи устрашения¹³⁶.

Исторически обусловленные системы санкций, их трансформация дают богатый материал для изучения взаимодействия правовых, нравственных, религиозных начал в воздействии на поведение людей. Г. Еллинеку принадлежит интересное замечание о значимости исследования системы наказания для выявления состояния культуры народа: «Если история не сохранила нам от какого-нибудь народа ничего другого, кроме его уголовного права, мы в состоянии определить только по нему степень его моральной и интеллектуальной культуры, как естествоиспытатель по найденной кости может реконструировать скелет погибшего животного»¹³⁷.

Идея возмездия воспринимается древним правом, приобретая классовое звучание, направленное прежде всего на обуздание, устрашение эксплуатируемой части общества, лишенной собственности, прав и привилегий. Разумеется, правовой трансформации подвергается лишь часть моральных норм, которую можно было приспособить к защите собственности и охране привилегий политически господствующего класса. Нормы, защищающие вновь возник-

¹³⁴ См.: Ковалевский М. Указ. соч., т. 2, с. 161—163.

¹³⁵ См.: Вундт В. Указ. соч., с. 13—20.

¹³⁶ См.: Ковалевский М. Указ. соч., т. 2, с. 173.

¹³⁷ Еллинек Г. Указ. соч., с. 129—130.

шие отношения социального неравенства, сохраняют и свое моральное содержание. Правовые санкции за воровство подкрепляются его моральным осуждением. Наряду с этим в правовых системах возникают и такие нормы, которые не были известны доклассовому обществу.

Поэтому развитие права было связано не только с трансформацией моральных норм, приспособлением религиозных предписаний, но и с возникновением принципиально новых институтов, свидетельствующим об обогащении форм социального регулирования, их адаптации к новым общественным отношениям.

В политически организованном обществе раскрываются преимущества правовой формы социального регулирования, связанной с государством. Государство не только формулирует и придает официальную силу правовым предписаниям, но и обеспечивает их применение теми принудительными средствами, которые имеются в его распоряжении. И в этом проявляется специфика правовой формы регулирования общественных отношений. Эта мысль предельно четко выражена В. И. Лениным, отметившим, что «право есть ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права»¹³⁸.

В отличие от права мораль располагает иными «защитительными» механизмами — силой общественного мнения, социально-психологических стереотипов, традиций и привычек духовно-практической жизни людей. Ту функцию социального контроля, которую в правовой сфере осуществляют институализированные нормы и специальные учреждения, в морали осуществляют межличностные и массовые взаимоотношения, т. е. практические моральные отношения с их реакциями на нарушение правил и запретов.]

Однако различие в способах обеспечения норм права и морали не дает оснований для выводов о том, что мораль менее «защищена», чем право. Исторический опыт свидетельствует, что механизмы «самоподдержания» морали весьма эффективны и успешно обеспечивают моральные требования применением этических санкций, подчас весьма неблагоприятных для виновного. Сила моральных санкций убедительно раскрывается на примере традиционных обществ. Глубокий консерватизм и застойность традиционного сознания обеспечивают искоренение всяких отклонений от сложившихся норм, которые могли бы нарушить уверенность в прочности существующего порядка. Индивид окружен системой запретов традиционной общности; их цель состоит в установлении жесткого внутреннего контроля и внушения страха перед неотвратимостью наказания. Одной из важных форм социального принуждения выступает «моральный террор», опирающийся на мифологическое и религиозное сознание. Локальная солидарность традиционной общности, всецело подчиняющая индивида, — одна из исходных ценностей массового сознания, обеспечивающая социализацию индивида. Нормы традиционного общества противостоят индивиду, принимают характер независимых от человека установлений, навязыва-

¹³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 99.

ются ему силой обычая, заветами предков, божественным волеизъявлением. Б. С. Ерасов, характеризуя массовое сознание традиционных обществ, подчеркивает, что «именно с невысокой ступенью развитости личного начала многие исследователи связывали преобладание в этих культурах моральной ориентации на чувство стыда, а не чувство вины... Вина связана с озабоченностью индивида своей внутренней правотой, а стыд — с озабоченностью оценкой его достоинств другими»¹³⁹. «Культура стыда» ориентирует сознание индивида исключительно на его общность. Достоинство и бесчестие соотносятся с внешними формами контроля: осуждением, наказанием, насмешкой или же одобрением, похвалой и т. д.¹⁴⁰

Значимость и сила моральных санкций проявляется во всех общественно-экономических формациях, свидетельствуя о зависимости индивида от моральных оценок тех общностей, в которых протекает его жизнедеятельность. Поэтому едва ли правильно ставить вопрос, какие из санкций более эффективны — правовые или моральные. Эти виды санкций органичны для своей системы регуляции, и они выполняют свою функцию поддержания той или иной системы регуляции.

Необходимо учитывать взаимодействие правовых и моральных санкций. Если эти санкции относятся к регулятивным системам одного класса, они дополняют и укрепляют друг друга, правовое наказание поддерживается моральным осуждением. При противоречивости правовой и моральной систем регулирования создается ситуация, когда мораль негосподствующих классов далеко не во всех случаях поддерживает применение правовых санкций, признает их справедливыми. Поэтому взаимодействие правовых и моральных санкций может быть и со знаком «плюс» и со знаком «минус» в зависимости от социально-классовых позиций оценивающих субъектов.

Таким образом, специфика права наиболее ярко проявляется в его связи с государством, в институализированных формах его существования, государственно-властных способах его фиксации и обеспечения. Но эта специфика ни в какой мере не снимает исторически непреходящие связи права и морали, общность их существенных признаков, определяемые единством сфер общественных отношений. Единством их функционального назначения как регуляторов общественных отношений, единством структурных элементов, образующих правовую и нравственную системы, единством должного и сущего, оценочных и ценностных свойств правовых и нравственных норм, единой категорией справедливости, а также категориями свободы и ответственности.

Учитывая своеобразие проявления указанных признаков в праве и морали, тем не менее нельзя не видеть, что право и мораль образуют самую тесную структуру регулирования, без учета нераздельности которой невозможно правильно понять и оценить ни пра-

¹³⁹ Ерасов Б. С. Указ. соч., с. 37.

¹⁴⁰ См.: Там же, с. 33—38.

вовое, ни моральное воздействие на развитие социальных связей и отношений. Представляется правильным положение, высказанное Г. В. Мальцевым: «Социально-историческое и культурное развитие человечества гораздо больше говорят нам о единстве и близости морали и права, чем об их противоположности. Марксистско-ленинская философия и правовая мысль методологически преодолели пресловутую идею дуализма морали и права, выношенную философским и иным позитивизмом. Тем не менее значительная часть наших усилий и донныне уходит на бесплодные попытки резко разграничить мораль и право, установить что-то вроде «ценностного приоритета» одной системы регулирования над другой (чаще всего морали над правом)»¹⁴¹.

6. МОРАЛЬ КАК ЦЕННОСТНЫЙ КРИТЕРИЙ ПРАВА

[Тесная связь права и морали, однородность ряда их свойств дают основания для важных выводов, главным из которых является органическая необходимость *морального измерения права*. Право — категория этическая, нет и не может быть права, к которому неприменимы были бы моральные оценки, прежде всего с позиций добра, зла, честного, бесчестного и др. Моральное измерение права — это не абстрактная мера, одинаковая для всех эпох и народов. Этические критерии оценок, как уже отмечалось, менялись от одной исторической эпохи к другой, они были классово обусловлены, находились либо в гармонии, либо в противоборстве с той или иной системой права. [Моральная критика права всегда выступала катализатором его исторического движения, приближала идеи справедливости к нуждам и потребностям класса, борющегося за обладание политической властью.]

Право и мораль — это социальные регуляторы, которые не могут быть выстроены «по ранжиру»; они не должны рассматриваться с точки зрения приоритета одной формы регулирования перед другой.]

Марксизм-ленинизм неизменно подчеркивает неразрывную связь права и морали. Наиболее убедительным проявлением такой связи является то, что *мораль выступает в качестве ценностного критерия права*. С этических позиций исторически прогрессивные классы отвергали действующие системы права как несправедливые, выдвигали свои моральные критерии оценки права. Эти критерии не были абстрактными, они всегда выражали экономически детерминированные позиции классов относительно справедливости, социально определенные представления о добре и зле, которые воплощались в системе правовых отношений.

Негативное моральное отношение к правовым предписаниям может значительно снизить их социальное действие. Право, «декларирующее безнравственность», окажется лишенным престижа,

¹⁴¹ Мальцев Г. В. Соотношение нравственности, морали и права в «философии права» Гегеля. — В кн.: Философия права Гегеля и современность. М., 1977, с. 143.

вызывает противодействие, отрицательно скажется на состоянии общественного сознания. Единство и противоположность права и морали, интерпретируемые в классово-историческом ключе, выступают мощным импульсом этико-правового развития человечества с древних времен до наших дней.

Философская, этическая и правовая мысль, исследуя природу права и морали, неизбежно наталкивалась на вопрос о соотношении этих явлений. Проследить социальную обусловленность различных толкований характера соотношения права и морали — обширная и интересная задача, которая, однако, не является предметом данного исследования. Здесь следует указать лишь на основные тенденции, наметившиеся в решении этих вопросов: сближение права и морали; противопоставление права и морали.

В исследовании проблем соотношения права и морали в домарксистской философии наиболее важное место принадлежит Канту и Гегелю, оставившим яркий след в этической и правовой мысли. Последующее развитие этико-правового мышления проходило под огромным влиянием их учений.

Великий философ и этик Кант, исследуя специфичность нравственности, не мог не рассмотреть вопрос о ее соотношении с правом. Позицию Канта иногда трактуют как полное устранение связи права и нравственности¹⁴². С таким подходом согласиться нельзя. В «Метафизике нравов» Кант определяет свою позицию разграничения права и морали и вместе с тем объединяет их единым понятием «законов свободы».

Исходная позиция Канта состоит в различении законов природы и законов свободы. «... Законы свободы в отличие от законов природы называются *моральными*. Поскольку они касаются лишь внешних поступков и их законосообразности, они называются *юридическими законами*; если же ими выдвигается требование, чтобы они (законы) сами были определяющими основаниями поступков, они называются *этическими*, и в этом случае говорят: соответствует с первыми есть *легальность*, со вторыми — *моральность* поступка»¹⁴³.

Внешняя ориентация права и внутренняя направленность морали — основной критерий их разграничения. Тем не менее данное разграничение не снимает того важного обстоятельства, что и право и мораль — сфера свободы. Однако свобода, к которой имеют отношение юридические законы, может быть лишь свободой во внешнем применении; свобода моральных поступков охватывает и внешние, и внутренние ее свойства. Подлинная внутренняя свобода личности определяется ее способностью устанавливать всеобщее законодательство (категорический императив), строящееся на единственном принципе морали — принципе автономии воли¹⁴⁴.

¹⁴² См.: Новгородцев П. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: Два типических построения в области философии права. М., 1901, с. 113; Коржунов Н. М. Лекции по общей теории права. 8-е изд. СПб., 1909, с. 42.

¹⁴³ Кант И. Соч., т. 4, ч. 2, с. 120—121.

¹⁴⁴ См.: Там же, ч. 1, с. 284.

Внутренняя свобода личности, вытекающая из автономии воли, создает условия для формулирования таких всеобщих законов (нравственных законов), которые имеют объективную значимость, делающую их независимыми от естественных законов, от законов причинности. «Такая независимость называется *свободой* в самом строгом, т. е. трансцендентальном, смысле»¹⁴⁵. Объективная реальность морального закона не может быть доказана никакой дедукцией и никакими усилиями теоретического, спекулятивного или эмпирически поддерживаемого разума¹⁴⁶.

Право, так же как и мораль, располагается в сфере свободы, определяющей категорический императив. Если категорический императив применительно к морали выражается в правиле: *«поступай только согласно такой максиме; руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»*¹⁴⁷, то применительно к праву категорический императив выражен в формуле: *«поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом»*¹⁴⁸.

Мир права и морали скрепляется у Канта не только идеей свободы, но и идеей долженствования. Категорический императив порожден «умопостигаемым», а не чувственно воспринимаемым миром. Поэтому, с одной стороны, человек как *явление* принадлежит последнему и подчиняется законам необходимости, с другой, — как «вещь в себе», он обретает себя в сфере свободы. Этот дуализм человеческого бытия и порождает должное. «Итак, — пишет Кант, — категорические императивы возможны благодаря тому, что идея свободы делает меня членом умопостигаемого мира; поэтому, если бы я был только таким членом, все мои поступки всегда *были бы* (würden) сообразны с автономией воли, но так как я в то же время рассматриваю себя как члена чувственно воспринимаемого мира, то мои поступки *должны быть* (sollen) с ней сообразны»¹⁴⁹.

Долженствование, обязательность — это проявление необходимости свободного поступка, вытекающего из категорического императива. Вся сфера свободы рассматривается Кантом через категорию обязанностей. Он подчеркивает, что понятие свободы, общее для права и морали, делает необходимым деление на обязанности *внешней и внутренней* свободы; из них лишь последние — этические. Внешние обязанности вытекают из правового законодательства; этическое законодательство делает обязанностями и внутренние поступки, «не исключая при этом, однако, и внешние поступки: это законодательство касается вообще всего, что есть долг»¹⁵⁰. Долг в самом себе содержит понятие принуждения (внешнего — для права и «самопринуждения» в морали). В характере принуж-

¹⁴⁵ Там же, с. 344.

¹⁴⁶ См.: Там же, с. 367.

¹⁴⁷ Там же, с. 260.

¹⁴⁸ Там же, ч. 2, с. 140.

¹⁴⁹ Там же, ч. 1, с. 299.

¹⁵⁰ Там же, ч. 2, с. 126—127.

дения, применяемого в сфере права и морали, Кант вновь подчеркивает различие этих явлений.

«*Этический долг* содержит такое принуждение, для которого возможно только внутреннее законодательство; *правовой* же долг содержит такое принуждение, для которого возможно также и внешнее законодательство»¹⁵¹. Как видно, в сфере принуждения Кант менее резко разграничивает этический и правовой долг, поскольку для правового долга он не исключает внутреннего законодательства. Тем не менее основная разграничительная линия между правом и моралью отделяет внешние действия (*поступки*) от внутренних (*намерений*).

Различный характер долга в праве и морали определяет различие их бытия в сфере свободы. Это позволяет отделить учение о добродетели (*морали*) от учения о праве. Учение о добродетели есть общее учение о долге в той его части, которая подводит под законы не внешнюю, а внутреннюю свободу; учение о праве имеет дело только с *формальными* условиями внешней свободы, т. е. с правом¹⁵².

Кант акцентирует внимание на «твердости максимы»¹⁵³ человека при соблюдении своего долга, характере мотивов, которые определяют этическое и юридическое законодательство. Только законодательство, делающее долг мотивом поступка, может считаться моральным законодательством. Оно абстрагируется от каких-либо влияний внешнего мира и ориентируется на совершение моральных действий только во имя самой идеи долга. Юридическое законодательство может допускать и иной мотив, кроме идеи долга.

Как видно из приведенных положений, разграничение права и морали проводится Кантом в пределах единой сферы их действия — сферы свободы. Такое разграничение не несет в себе их противопоставления, а раскрывает их ориентацию на различные стороны свободы как неотъемлемого условия существования личности. Нельзя не оценить глубочайшего по своему смыслу и прогрессивному звучанию положения Канта о природном праве человека на свободу, присущем каждому человеку в силу его принадлежности к человеческому роду¹⁵⁴.

Но дело не только в отнесении права и морали к сфере свободы. Важно и рассмотрение права как проявление моральности. В этом заложен огромный социальный смысл концепции Канта, состоящий в *моральном обосновании права* как одного из проявлений законов свободы. С ним связано и требование «самообязывания» личности, которая призвана подчинять себя нравственным законам. По мнению Канта, именно *долг формирует личность*¹⁵⁵. Способность человека создавать для себя закон и подчиняться ему

¹⁵¹ Там же, с. 329.

¹⁵² См.: Там же, с. 315—314.

¹⁵³ Там же, с. 329.

¹⁵⁴ См.: Там же, с. 147.

¹⁵⁵ См.: Там же, ч. 1, с. 414.

есть проявление автономии его воли, неотделимой от свободы. Внешняя свобода требует законодательного оформления. Но это законодательство должно опираться на долг и самообязывание личности. Анализируя подходы Канта к пониманию права, Э. Ю. Соловьев очень точно подчеркивает, что для Канта «правопорядок есть поэтому социальное пространство человеческой моральности, и лишь там, где он принимается в этом значении, борьба за него и безусловное уважение к нему перестают зависеть от ситуационно переменчивых представлений об условиях достижения счастья, благополучия и успехов»¹⁵⁶. Следует добавить к этому, что легальность предстает как сфера человеческой свободы.

В моральном обосновании права и его интерпретации как сферы свободы содержится позитивный заряд кантовского учения о праве и морали. Тем не менее при этом нельзя забывать об идеалистической трактовке Кантом законов свободы, независимых от реально существующих социальных условий, порождаемых только «чистым практическим разумом», об априорности «категорического императива», независимого от законов причинности. Эти положения Канта всесторонне рассмотрены и подвергнуты критическому анализу в философской литературе. Применительно к данной работе хотелось подчеркнуть, что при всех издержках идеалистического характера учения Канта, нельзя не видеть гуманистического смысла его трактовки права и морали, в сфере которых человек выступает не как существо зависимое и подчиненное, а как личность, способная к «самообязыванию», к выполнению своего долга, к собственной ориентации в сфере свободы.

✓ Следует также добавить, что Кант уловил такой важный признак, «разводящий право и мораль», как ориентация права на внешние стороны свободы, а морали — на внутренние. } Конечно, этот признак нельзя абсолютизировать. Хотя внутренние мотивы действий в праве менее значимы для характеристики правового поведения, чем для морального, однако, как уже отмечалось, не всегда эти мотивы безразличны для права и не подлежат оценке. } Это было отмечено еще Н. М. Коркуновым, который, критикуя Канта, подчеркнул, что «право не ограничивает своих определений одной только внешней стороной человеческих действий, а всегда более или менее принимает в соображение и внутренние их стимулы. И современное право в этом отношении идет даже дальше права некультурных обществ»¹⁵⁷. Действительно, право ориентировано прежде всего на внешние действия людей (что не исключает психологическую мотивационную обусловленность поступка), а мораль — на глубокое внутреннее осознание своего долга. Однако эти грани условны, и чем выше социально-культурное развитие человечества, тем больше право учитывает внутреннюю мотивацию, определяющую поступки в правовой сфере. } В условиях социализ-

¹⁵⁶ Философия Канта и современность. М., 1974, с. 208.

¹⁵⁷ Коркунов Н. М. Указ. соч., с. 44; см. также: Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве. М., 1911, с. 79.

ма уже становится возможной постановка задачи — превращение требований права во внутреннее убеждение, т. е. возрастание моральности права не только в ее объективном, но и в субъективном проявлении.

2 В истории этико-правовой мысли глубочайшая интерпретация тесного взаимодействия права и морали принадлежит Гегелю. «Этика Гегеля была крупным шагом вперед, сделанным философией в области научного объяснения нравственного развития человечества»¹⁵⁸. Единство права и морали раскрывается Гегелем через характеристику нравственности, которая выступает в качестве социально-практической реальности, объективируемой в семье, гражданском обществе, государстве.

— Право и мораль, по Гегелю, это проявления свободной воли человека в ее объективности и субъективности. «Право состоит в том, что наличное бытие вообще есть наличное бытие свободной воли. Право есть, следовательно, вообще свобода как идея»¹⁵⁹. Точка зрения морали есть «для себя сущая свобода»¹⁶⁰.

Гегель раскрывает специфические свойства морали и права прежде всего через отношение каждого из этих регуляторов к воле других: через запреты (право) и положительные предписания (мораль). В такой интерпретации также просматривается разграничение права и морали по принципу их внешней и внутренней ориентации. «При рассмотрении формального права мы сказали, что оно содержит лишь запреты, что строго правовой поступок имеет, следовательно, лишь строго отрицательное определение по отношению к воле других. Напротив, в области морали определение моей воли по отношению к воле других положительно, т. е. субъективная воля обладает в реализуемом ею в себе сущей волей как некоторым внутренним»¹⁶¹.

Далее разграничение права и морали разворачивается через объяснение значимости внутренней мотивации. В «строгом праве» намерения человека не имеют значения. Вопрос о самоопределении и мотиве воли, как и вопрос об умысле, возникает лишь в сфере морали. Объективная действительность права состоит в том, что оно предстает перед человеком как «знаемое», как имеющее всеобщую силу, обладающее «мощью действительности»¹⁶². В то время как в моральные убеждения человека невозможно вторгнуться и моральная воля недоступна. Но именно моральностью воли, внутренним поведением определяется ценность человека, его внутренняя свобода¹⁶³.

— Гегель анализирует характер соотношения прав и обязанностей в сфере права и сфере морали. В абстрактном праве человек обладает правом, которому соответствует обязанность другого лица; в области морали у человека есть право на определенное поведе-

¹⁵⁸ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. М., 1957, т. 3, с. 650.

¹⁵⁹ Гегель. Соч., т. 7, с. 53.

¹⁶⁰ Там же, с. 128.

¹⁶¹ Там же, с. 131.

¹⁶² См.: Там же, с. 128.

¹⁶³ См.: Там же, с. 128.

ние, на определенное благо, продиктованное его волей, но оно лишь *должно* находиться в единении с обязанностями и быть объективным¹⁶⁴. В объяснении природы обязанностей Гегель проявляет глубокое понимание этих категорий не как априорных построений разума, а как причинно обусловленных теми обстоятельствами, в которых находится индивид. Обязанности — это проявление должного, освобождение индивида к субстанциональной свободе¹⁶⁵.

В гегелевском различении понятий права и морали нет их противопоставления. Как правильно отмечает В. С. Нерсисянц, мораль означает, по Гегелю, дальнейшее развитие свободы: «подготовку субъективной стороны свободы на пути подлинной реализации свободы в объективном мире»¹⁶⁶. Сферой практической реализации свободы у Гегеля выступает нравственность, которая становится «наличным миром и природой самосознания», объективируемом в законах и учреждениях¹⁶⁷. В нравственности Гегель видит тождество всеобщей и особенной воли, и именно это тождество определяет единство обязанностей и прав: «...Человек обладает посредством нравственности правами постольку, поскольку у него есть обязанности, и у него есть обязанности постольку, поскольку он обладает правами»¹⁶⁸. Таким путем он непосредственно включает-ся в сферу политико-практических и социальных отношений, в которой располагаются семья, общество и государство.

Отмечая особенности права и морали как абстрактных форм свободы, Гегель переводит их в сферу реального бытия нравственности, выступающей «носителем» правового и морального, которые не могут существовать сами по себе¹⁶⁹. Такая позиция Гегеля была высоко оценена К. Марксом: «Гегеля неоднократно порицали за его концепцию морали. Но он лишь изобразил мораль современного государства и современного частного права. Критики Гегеля хотели большего отделения морали от государства, ее большей эмансипации. Что они этим доказали? Только то, что отделение современного государства от морали является моральным, что мораль негосударственна, а государство неморально. Можно, напротив, считать большой, хотя в известном смысле бессознательной заслугой Гегеля (именно в том смысле, что Гегель выдает государство, имеющее такую мораль своей предпосылкой, за реальную идею нравственности), то, что он современной морали указал ее реальное место»¹⁷⁰.

В Реально-практическая значимость нравственного мира, где тесно взаимодействуют право и мораль, позволяет правильно понять взаимосвязь этих явлений. При различии внешних и внутренних ме-

¹⁶⁴ См.: Там же, с. 188—189.

¹⁶⁵ См.: Там же, с. 184.

¹⁶⁶ См.: Нерсисянц В. С. Гегель. М., 1979, с. 34.

¹⁶⁷ Гегель. Соч., т. 7, с. 181.

¹⁶⁸ Там же, с. 188—189.

¹⁶⁹ См.: Там же, с. 177.

¹⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 345.

ханизмов их действия право и мораль не могут существовать раздельно в государственно-организованном обществе.

Взятая в полном объеме, идея Гегеля состоит в определении нравственной природы не только права, но и государства, общества, институтов и общественных установлений. Объективно-идеалистическая трактовка социальных институтов определяла его подход к государству как движущей силе общества, стоящей над частной собственностью. Эта позиция Гегеля была подвергнута критике К. Марксом, отмечавшим, что государство призвано «дать существование *воле частной собственности...* и признать это существование высшим существованием политического государства, высшим *нравственным* существованием»¹⁷¹. И если для Гегеля существование государства есть действительность нравственной идеи, то *действительность* нравственной идеи выступает здесь как *религия частной собственности*»¹⁷².

Ф. Энгельс отмечал, что идеалистическая форма трактовки Гегелем мира нравственности не снижает его реалистического содержания, включающего в себя наряду с моралью всю область права, экономики, политики¹⁷³.

Идея близости права к морали, их взаимовлияния и взаимодействия была воспринята юридической мыслью XIX в. Подчас такая связь и взаимодействие представлялись как подчинение права морали. Указанная тенденция была ярко выражена Еллинеком, который рассматривал право как «этический минимум», т. е. совокупность тех нравственных требований, соблюдение которых на данной стадии общественного развития признается безусловно необходимым. Эта позиция определялась широкой трактовкой морали как норм, вытекающих из условий возникновения, существования и развития общества и обращенных к воле человека. Общественная мораль, по мнению Еллинека, охватывает и внешнее отношение человека к другим людям, и требования более высокого порядка к внутренним его состояниям¹⁷⁴.

Среди этих норм он выделял нормы, обеспечивающие продолжительное существование определенного общественного исторического строя. К таким нормам он относил нормы права, объективно выступающие как условия сохранения общества, «поскольку они зависят от человеческой воли» и представляют собой «минимум нравственной жизнедеятельности и нравственного настроения, требующийся от членов общества»¹⁷⁵.

Данная позиция имела много сторонников. Например, В. Соловьев писал: «Право (то, что требуется юридическим законом) есть низший предел или некоторый минимум нравственности, равно для всех обязательный»¹⁷⁶.

¹⁷¹ Там же, с. 335.

¹⁷² Там же, с. 338.

¹⁷³ См.: Там же, т. 21, с. 295.

¹⁷⁴ См.: Еллинек Г. Указ. соч., с. 25—33.

¹⁷⁵ Там же, с. 49.

¹⁷⁶ Соловьев В. Право и нравственность: Очерки по прикладной этике. СПб., 1890, с. 26.

В таком подходе проявлялось стремление к сближению права и нравственности как норм, воздействующих на поведение человека, понимание «однопорядковости» их назначения. Однако рассмотрение права в качестве этического минимума неоправданно, поскольку сферы действия права и морали в значительной мере совпадают, но каждый из этих регуляторов воздействует на различные стороны общественных отношений своими специфическими способами. Содержание права и морали конкретно-исторично, причем в процессе социального развития происходило «перемещение» этических и правовых норм из одной сферы в другую. Следует отметить, что в широкой сфере правовых отношений (хозяйственных, финансовых и др.) право безразлично к внутренним стимулам юридически значимого поведения, в то время как для оценки подлинного характера морального поведения его мотивы играют первостепенную роль. Кроме того, следует учитывать, что право подчас содержит весьма высокий уровень моральных требований. Так, социалистическое право формирует не только «минимум нравственности», но и включает требования высокого морального значения.

Важно отметить, что тенденция к сближению права и нравственности в правовом мышлении выступала значительно более широко, чем стремление к их противопоставлению. Такая тенденция ярко наблюдается в субъективно-идеалистических построениях Л. И. Петражицкого, который относил право и мораль к области этических явлений, различая их лишь по характеру «нормативных переживаний» (чисто императивных для нравственности; императивно-атрибутивных для морали). «К нравственным относятся только те и все те этические переживания, эмоции коих имеют чисто императивный характер, к праву только те и все те этические переживания, эмоции коих имеют императивно-атрибутивный характер»¹⁷⁷.

В русской дореволюционной правовой мысли четко обозначена тенденция к рассмотрению тесной связи правовых и моральных феноменов. При различных подходах к пониманию права такие известные ученые, как Н. М. Коркунов, Г. Ф. Шершеневич, А. Рождественский, П. Г. Виноградов, В. Соловьев, неизменно отмечали близость правовых и моральных регуляторов человеческого поведения¹⁷⁸.

Исследование этих проблем указанными учеными носило печать внеклассовой трактовки категорий права и морали, поэтому оно не давало анализа противоречивости классовых типов права и морали, их единства и противоположности. Но важны были идеи о возможности применения моральных критериев к оценке права, плодотворность сближения этих явлений социальной жизни.

¹⁷⁷ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1909, т. 1, с. 107.

¹⁷⁸ См.: Коркунов Н. М. Указ. соч., с. 41—48; Шершеневич Г. Ф. Указ. соч., с. 61—81; Рождественский А. Основы общей теории права. М., 1912, с. 33—37; Виноградов П. Г. Очерки по теории права. М., 1915, с. 10—16; Соловьев В. Указ. соч.

Тенденция противопоставления права морали ведет свое начало от теорий буржуазного индивидуализма, наиболее четко выраженных в учении Христиана Томазия (начало XVIII в.), который к праву относил правила, запрещающие какие-либо поступки, устанавливающие обязанность человека по отношению к другим. Нравственность, по его мнению, — положительные предписания, определяющие обязанность человека по отношению к самому себе.

Противопоставление права и морали, обособленность правового мира от влияния морали и других социальных явлений характерны для позитивистской юриспруденции. Взгляды И. Бентама и Д. Остина, заложившие основы позитивистской традиции, были направлены против попыток рассмотрения и оценки права с точки зрения моральных категорий. Такая позиция наиболее резко выражена в дальнейшем в «чистой теории права» Кельзена.

Кельзен отрицает взаимовлияние права и морали, возможность применения нравственных критериев оценки права. В своей полемике с А. Волонтемом, отстаивавшим божественное происхождение права, Кельзен уточняет свою позицию относительно ценности в праве. Он считает, что его теория освобождает право от «метаюридических ценностей», но она не безразлична к ценности. «Моя теория, — писал Кельзен, — исходит из того, что правовая норма создает специфическую ценность — правовую ценность. И то, что эта правовая ценность должна отличаться от других ценностей, а это значит от моральных ценностей, т. е. от ценностей, создаваемых моральными нормами, является лишь выводом теории позитивного права, которая не смешивает право и мораль»¹⁷⁹.

Анализируя «социальное безразличие» теории Кельзена, В. А. Туманов отмечает, что в вопросе о возможности применения моральных ценностных критериев к праву намечается расхождение Кельзена с юридическим позитивизмом XX в., который для подкрепления авторитета буржуазного права указывает на его тесное переплетение с моралью. «В европейской юридической литературе сложилось даже течение „морального позитивизма“, представленное, в частности, А. Гудхартом в Англии и Ж. Риппером во Франции. Кельзен отсекает эту линию. Категория должного в его системе лишена нравственно-оценочного содержания»¹⁸⁰.

Позиции различных направлений буржуазной юриспруденции по вопросам взаимосвязи права и морали были рассмотрены М. Голдингом. Большое внимание он уделяет анализу позиции Г. Харта, выступающего против «правового морализирования и предлагающего отличать «действия, совершенные в обществе» от «действий, совершенных в частной жизни». В качестве разновидности позитивистского подхода к вопросу о применимости моральных оценок к праву Голдинг приводит взгляды Холмса, считавшего, что для понимания права к нему надо подойти с позиции плохого человека,

¹⁷⁹ Kelsen H. Rechtswissenschaft oder Rechtstheologie: Österreichische Zeitschrift für öffentliches Recht. 1966, Wien, Bd. XVI, H. 3—4, S. 234.

¹⁸⁰ Туманов В. А. Современная буржуазная идеология. М., 1971, с. 217.

для которого мораль не стоит ломаного гроша, и он лишь желает знать, как власть наказывает за то или иное противоправное действие.

М. Голдинг критикует учение Фомы Аквинского за смешение права и морали, но вместе с тем он отстаивает понятие «естественной справедливости»¹⁸¹, способствующее юридическому разрешению споров.

Отказ от морально-ценностных критериев права характерен и для прагматической юриспруденции, выраженной в теории Паунда¹⁸².

Противоположную позицию относительно связи права и морали, применимости моральных критериев к оценке права занимают представители естественно-правовой и социологической школ современной буржуазной юриспруденции. Так, в концепциях «возрожденного естественного права» определяется стремление выдвинуть аксиологические критерии «идеального права», «правильного права», противостоящие позитивному праву. Система таких критериев ориентирует не только на трансцендентные принципы, но и на принципы морали¹⁸³.

В ряде работ представителей естественно-правовой школы принципы естественного права выдвигаются в качестве моральных критериев оценки позитивного права. Так, испанский правовед Родригес Панагуа отмечает, что доктрина естественного права с этических позиций критикует несовершенство правовой реальности и в то же время дает анализ этой реальности на базе познания человеческой природы. Содержание естественного права определяется моральными нормами. Жизнеспособность позитивных систем права в конечном счете всегда зависит от того, насколько полно они соответствуют принципам естественного права. Нарушение этих принципов ведет к снижению эффективности позитивного права, предписания которого исполняются в таком случае лишь при помощи насилия.

По мнению Родригеса Панагуа, нормы естественного права представляют собой кодекс поведения, регулирующий отношения между людьми. Эти нормы действуют и в том обществе, официальное право которого не учитывает требований естественно-правовых принципов.

Подчиняться нормам естественного права человека заставляет совесть, моральный долг. Нарушение этих норм Панагуа считает тяжким проступком, влекущим за собой не только внешние санкции, но и самоосуждение.

Естественное право выдвигает идеи справедливости, и эта справедливость, возведенная в ранг закона, способна обеспечить благо-

¹⁸¹ Golding M. Ph. Philosophy of law. Englewood Cliffs (N.J.), 1975.

¹⁸² См.: Туманов В. А. Указ. соч., с. 291.

¹⁸³ См.: Петери В. О некоторых чертах доктрины «возрожденного естественного права». — В кн.: Критика современной буржуазной теории права. М., 1969, с. 145—158.

состояние общества и его членов во всех сферах жизни, регулируемых правом¹⁸⁴.

Профессор Мельбурнского университета П. Бретт подчеркивает противоположность позитивизма и естественно-правовой доктрины в их отношении к моральным оценкам права. Он критикует позиции Остина, Кельзена, Харта как выразителей наиболее распространенных версий юридического позитивизма. Основной порок позитивистской школы Бретт видит в отказе рассматривать систему права с позиций морали и справедливости. Позитивизм превращает право в закрытую систему, лишенную возможности реагировать на сдвиги и перемены, происходящие в обществе или в отдельных областях социальной жизни. По мнению Бретта, естественное право в настоящее время играет иную роль, чем в предыдущие периоды. Однако оно может быть использовано как основание для отказа в подчинении или применении действующего права, которое отвергается как несправедливое, аморальное¹⁸⁵.

Идеи естественно-правовой доктрины были восприняты и некоторыми представителями современного буржуазного реализма, утверждающими, что эти идеи близки реализму своим критическим отношением к позитивному праву. Представитель реалистической школы Г. Джонс считает приемлемым «моральное измерение права». Однако его следует искать не в правовых нормах и принципах, а в процессе ответственных решений, которые претворяют право в жизнь. Таким образом, «моральное измерение права» с позиций реализма охватывает лишь сферу применения права, оставляя вне моральных оценок его нормы и принципы¹⁸⁶.

Положительно оценивая критический пафос естественно-правовой доктрины по отношению к современному буржуазному праву, применение ею моральных критериев оценки правовых систем, нельзя не обратить внимание на «размытость», неопределенность самих критериев морали и справедливости. Абстрактная, внеклассовая трактовка принципов естественного права, идей морали и справедливости приводит к тому, что «моральное измерение права» лишается конкретно-исторического содержания.

Марксистская материалистическая традиция в рассмотрении взаимодействия права и морали состоит прежде всего в выявлении социально-экономической детерминации этих взаимосвязанных явлений. Оценка правовых систем в категориях морали — один из важнейших аксиологических критериев права. Однако, как уже отмечалось, категории морали как критерии оценки права всегда конкретно-исторически и классово обусловлены. Мораль неизменно подключена ко всем этапам формирования и социального действия права, и оценка права в моральных категориях, «нравственное измерение права» — необходимое условие совершенствования правовых систем.

¹⁸⁴ См.: *Paniagua R. Derecho natural o axiologia juridica?* Madrid; Tecnos, 1981.

¹⁸⁵ См.: *Brett P. An essay on a contemporary jurisprudence.* Sydney; Butterworths, 1975.

¹⁸⁶ См.: *Туманов В. А. Указ. соч., с. 310—311.*

ПРАВО, МОРАЛЬ, ЛИЧНОСТЬ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Глава I

УСИЛЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕНАРОДНОГО ПРАВА И МОРАЛИ

1. МОРАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС И ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ ОБЩЕНАРОДНОГО ПРАВА В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

В центре марксистско-ленинского учения всегда находится человек, его потребности, интересы, цели. Исследуя естественноисторические закономерности общественного развития, экономические, политические, духовные структуры общества, марксизм-ленинизм неизменно исходил из ценности человеческой личности, во имя которой велась и ведется борьба за социальное освобождение и справедливость. Цель социального прогресса основоположники марксизма видели в том, чтобы каждый член общества получил возможность «свободно развивать свою человеческую природу, жить со своими ближними в человеческих отношениях и не бояться насильственного разрушения своего благосостояния... Мы вовсе не хотим разрушить подлинно человеческую жизнь со всеми ее условиями и потребностями, наоборот, мы всячески стремимся создать ее»¹. «Вся история общественного развития предстает как реальный процесс практической деятельности людей, в котором они преобразуют общество и самих себя. Поэтому связь общественных отношений с жизнедеятельностью людей, с индивидуальным человеческим содержанием социальных процессов — одна из основополагающих идей марксистской доктрины, которую всячески пытаются извратить и принизить буржуазные идеологи, утверждающие, что марксизм игнорирует личность, сводит все общественное развитие к движениям экономических структур.

Личностный подход к анализу общественных явлений позволяет рассмотреть человека и как непосредственного участника всех социальных преобразований, и как главную цель этих преобразований. «История, — подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, — не делает ничего, она „не обладает никаким необъятным богатством“, она „не сражается ни в каких битвах“! Не „история“, а именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем об-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 554.

ладает и за все борется. „История“ не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения *своих* целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»²

Личностное измерение всех социальных процессов и явлений приобретает особое значение в социалистическом обществе, создавшем предпосылки и условия для подлинного расцвета личности, для ее творческого участия в построении коммунизма, для активизации человеческого фактора.

✓ Качества социальной системы проявляются в том, какой способ жизни обеспечивает эта система, каким объемом прав и свобод обладает личность, каковы возможности развития и совершенствования как системы в целом, так и человека как универсального компонента системы. Все эти факторы являются показателем жизнестойкости общественной системы и ее способности развиваться в соответствии с требованиями социального прогресса.

Социальный прогресс предполагает совершенствование всех компонентов общественной жизни — не только экономических, но и социально-политических, правовых, нравственных. Проблема социального прогресса — это комплексная проблема, связанная с поиском оптимальных условий функционирования общества, с выявлением всех факторов воспроизводства общественной жизни.

Разумеется, социальный прогресс предполагает неуклонный рост производительности труда, совершенствование технологии производства, использование всех достижений научно-технической революции. Однако эти факторы должны быть неотделимы от гуманизации общественной жизни, возрастания ценности личности, нравственных основ образа жизни. Без развития духовных сфер общественной жизни, без нравственного совершенствования членов общества не может быть подлинного социального прогресса.

✓ В современных условиях в ряде капиталистических государств происходит бурный рост промышленного производства. Однако данные процессы сопровождаются дегуманизацией общественных отношений, ростом безработицы, попранием элементарных прав человека. Эти процессы подтверждают необходимость комплексного подхода к понятию социального прогресса, всестороннего учета не только производственных, экономических факторов, но и политических, правовых, социально-культурных, нравственных элементов социального прогресса. Диалектические взаимосвязи между экономическими, социально-политическими и духовными процессами, происходящими в обществе, раскрывают сущность социального прогресса в образе жизни, в социальном бытии.

✓ Жизнеспособность социальной системы определяется гармоническим сочетанием экономического и духовного развития общества, нравственным совершенствованием личности, во имя которой должны происходить все преобразования в обществе.

Формирование нового человека — это не только важнейшая

² Там же, с. 102.

цель и конечный результат, но и необходимое условие, фактор коммунистического строительства, в процессе которого происходит и преобразование общества, и коренная перестройка психологии и морали людей. Новая редакция Программы КПСС указывает, что на этапе всестороннего совершенствования социализма, когда решаются задачи существенного ускорения социально-экономического развития для достижения нового качественного состояния общества, на передний план выдвигаются человеческий фактор, нравственное развитие и совершенствование человека. Строить новый мир — это значит неустанно заботиться о формировании человека нового мира, о его идейно-нравственном росте.

Формирование нового человека требует воспитания высокого политического и правового сознания, культуры, нравственности. Нравственный прогресс приобретает особое значение, поскольку мораль проникает во все сферы экономических и духовных отношений; взгляды, представления, убеждения о добре, зле, совести, чести, справедливости должны пронизывать всю систему социалистических общественных отношений, создавать новые этические ориентиры. *Нравственная развитость личности, нравственные основы социалистических общественных отношений являются одним из важнейших критериев социального прогресса.*

Нравственный прогресс социалистического общества означает гуманизацию всех сфер общественной жизни. Реальный гуманизм — это подлинно этическое мировоззрение, осуществление моральных идеалов, утверждающих высшую ценность человека³. Уровень нравственного прогресса определяется тем, насколько полно реализуется принцип ценности человека во всех сферах общественных отношений. «Все — для человека, все — во имя человека!» — это важнейший принцип и программное положение социалистического общества, воплощающие представления рабочего класса и всех трудящихся о гуманизме и социальной справедливости.

Марксизм-ленинизм отрицает внеклассовую либо надклассовую мораль. Коммунистическая нравственность неотделима от борьбы трудящихся за построение коммунизма. В. И. Ленин подчеркнул, что «нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов. Коммунистическая нравственность эта та, которая служит этой борьбе, которая объединяет трудящихся против всякой эксплуатации, против всякой мелкой собственности, ибо мелкая собственность дает в руки одного лица то, что создано трудом всего общества»⁴. «Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда»⁵.

Эти положения были высказаны В. И. Лениным в 1920 г., когда перед первым в мире социалистическим государством стояла

³ См.: Чиквадзе В. М. Социалистический гуманизм и права человека. М., 1978, с. 17—39.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 311.

⁵ Там же, с. 313.

задача уничтожения эксплуатации и упрочения власти рабочего класса. С тех пор прошло более 65 лет. Эксплуататорские классы полностью ликвидированы, безраздельно господствует социалистическая общественность, развивается социалистическое самоуправление, общество вступило в этап развитого социализма. «В условиях постепенного продвижения к коммунизму, — отмечается в новой редакции Программы КПСС, — все полнее раскрывается творческий потенциал коммунистический морали — самой человеческой, справедливой, благородной, основанной на верности целям революционной борьбы, идеалам коммунизма»⁶.

И сегодня актуальны слова В. И. Ленина: «В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма»⁷.

Направления нравственного прогресса весьма многообразны. При их анализе следует учитывать, что нравственные отношения существуют только в личностной форме, а это «в значительной мере определяет их особую роль в системе общественных отношений и позволяет характеризовать как непосредственное выражение образа жизни людей»⁸.

В политических, правовых отношениях субъектами могут выступать не только личности, но и социальные общности, органы, организации. Субъектом моральных отношений всегда выступает личность; даже в тех случаях, когда речь идет о взаимоотношениях иных субъектов социального общения, нравственная оценка, моральная позиция имеют личностный характер. Поэтому моральный прогресс не только способствует совершенствованию личности, но и создает условия для ее воздействия на все общественные процессы посредством нравственных отношений, моральных взглядов, суждений, оценок.

Выше отмечалась такая черта морали, как ее универсальность, способность проникать во все сферы общественных отношений, подвергать их моральным оценкам. Моральные нормы выражают типичные ситуации во взаимоотношениях людей; в моральных принципах фиксируются наиболее общие параметры взаимоотношений личности и общества. Нормы и принципы морали являются основанием оценок любых жизненных ситуаций, всего многообразия отношений, возникающих между людьми. Специфика морального регулирования в процессе воспроизводства общественной жизни состоит в том, что ее механизмы нацелены на формирование самого человека⁹. Поэтому проникновение морали во все сферы жизни общества повышает их нравственный потенциал и, в свою очередь, способствует обогащению духовного мира личности, позволяет морали выполнять оценочную, социально-критическую роль.]

⁶ Правда, 1986, 7 марта.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 313.

⁸ Нравственная жизнь человека: Искания, позиции, поступки. М., 1982, с. 33—34.

⁹ См.: Там же, с. 37.

У По проблемам морального прогресса написано значительное количество работ, в которых выдвигаются различные критерии такого прогресса. Однако универсальным критерием морального прогресса большинство этиков справедливо называют степень гуманизации общественных отношений. А. И. Титаренко правильно подчеркивает, что «общим критерием нравственного прогресса является уровень гуманизации взаимодействия, столкновения и разрешения противоположностей добра и зла, взаимоотношения индивида и общества, степень расширения объективных возможностей для нравственно-положительного выбора в поведении, рост морального самосознания и эмоционально-нравственного богатства личности, действенность норм и добровольность следования им, правильность оценки моралью общественного бытия»¹⁰.

Моральный прогресс рассматривается и как совершенствование отношений между людьми в направлении утверждения в них всего подлинно человеческого¹¹, и как разрешение проблемы личного и общественного¹², и как степень развития коллективизма¹³. Однако все эти критерии, на наш взгляд, являются слагаемыми общего критерия — гуманизации общественных отношений.]

Р. В. Петропавловский подвергает критике данный критерий, считая его абстрактным, взятым вне определенного социального контекста, и выдвигает свой критерий — подъем морали на более высокий уровень¹⁴. Однако с такими утверждениями трудно согласиться. Прежде всего необходимо отметить, что моральный прогресс и его критерии рассматриваются указанными выше авторами при всей его относительной самостоятельности как неотделимая сторона социального прогресса, развития социально-экономических и классовых условий общества. Кроме того, выделяемый Р. В. Петропавловским общий критерий — подъем морали на более высокий уровень — с необходимостью требует конкретизации; а такая конкретизация может быть дана только через критерий гуманизации общественных отношений, без которой невозможен моральный прогресс.

У Моральный прогресс как степень гуманизации общественных отношений, отвечающая конкретно-историческому этапу развития человечества, характерен для каждой общественно-экономической формации. Смена одного типа производственных отношений другим является проявлением социального прогресса, неотделимого от нравственного прогресса общества] при этом носителями морально-

¹⁰ Титаренко А. И. Критерий нравственного прогресса. М., 1967, с. 157.

¹¹ См.: Камышин А. И. Октябрьская революция и нравственный прогресс человечества. — В кн.: Актуальные проблемы марксистской этики. Тбилиси, 1967, с. 479.

¹² См.: Куликова Н. Н. Содержание и критерий нравственного прогресса. М., 1966, с. 34.

¹³ См.: Киселев В. П. К вопросу об основном содержании нравственного прогресса и о некоторых его особенностях при социализме. — В кн.: Тез. докл. к III регион. науч. сес. Секция философии. Горький, 1967, с. 55.

¹⁴ См.: Петропавловский Р. В. Диалектика прогресса и ее проявления в нравственности. М., 1978, с. 103—139.

го прогресса были классы, интересы которых соответствовали объективным закономерностям развития общества, его поступательному движению. Противоречивость моральных систем различных классов эксплуататорского общества не исключала наличия в морали общечеловеческих норм, формировавшихся в мышлении и социальной практике различных социальных общностей. Оценивая с исторических позиций развитие морали, Ф. Энгельс справедливо отметил, что в морали «в общем и целом наблюдается прогресс»¹⁵.

У Однако подлинный моральный прогресс и развитие общечеловеческих норм и принципов морали возможны только в социалистическом обществе, впервые в истории создавшем условия для свободного развития личности, для реального воплощения идей гуманизма. Новая редакция Программы КПСС раскрывает гуманистический смысл нашей морали, которая «возвышает человека труда, проникнута глубоким уважением к нему, нетерпима к посягательствам на его достоинство. Она утверждает подлинно человеческие отношения между людьми — отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, доброжелательность, честность, простоту и скромность в личной и общественной жизни»¹⁶. Мораль социалистического общества на современном этапе его развития отразила все социальные преобразования, произошедшие в нем, — высокий уровень развития производительных сил и производственных отношений, сближение всех классов и социальных групп общества, рост политического сознания и культуры, развитие демократии, укрепление законности, сложные процессы, связанные с научно-технической революцией. Передовым носителем социалистической морали является рабочий класс. Возрастает моральная однородность социалистического общества, исчезают существенные различия между моральными воззрениями рабочего класса; колхозного крестьянства, интеллигенции. Идеи гуманизма как высшего проявления морального прогресса все шире проникают в экономические и духовные сферы жизни общества. Раскрывая содержание гуманизма, академик А. Д. Александров четко определил основные параметры этого явления: «Гуманизм означает попросту человечность, уважение к человеческой личности, признание равенства людей как в материальной, так и в духовной жизни, их способности к творчеству и саморазвитию и, соответственно, их стремление к свободе»¹⁷.

Социалистический образ жизни, рассматриваемый с позиций морального прогресса, предполагает соблюдение норм социалистической морали, а также прогрессивных норм общечеловеческих нравственных традиций, вошедших в повседневную жизнь людей; он создает реальные условия для нравственного роста человека и, в свою очередь, испытывает на себе растущее влияние моральных факторов; повышает требования к нравственным качествам людей и оп-

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 96.

¹⁶ Правда, 1986, 7 марта.

¹⁷ Наука и нравственность. М., 1971, с. 71.

ределяет необходимость решительной борьбы против антисоциальных явлений, несовместимых с социалистическим образом жизни¹⁸.

Социалистический образ жизни определяет возрастание моральных факторов в различных сферах общественной жизни; моральный прогресс общества способствует гуманизации всех социальных явлений, оказывает влияние на политику, культуру, формы и методы государственной деятельности, право, законность, т. е. на все компоненты социалистического образа жизни. Разумеется, было бы упрощенно и прямолинейно считать, что основная линия развития морали — ее гуманизация, возрастание роли в жизни общества — протекает гладко и бесконфликтно. В различных сферах жизни социалистического общества возможны противоречия между нормами социалистической морали и ее антиподами, порождающими бюрократизм, неуважение к личности, противопоставление личных интересов общественным, нарушения социалистической законности и т. д.

И такое положение вполне естественно для нынешнего этапа развития советского общества, которому предстоит пройти длительный путь для достижения высшей цели — коммунизма.

XXVII съезд КПСС рассматривает решительную борьбу с антиподами социалистической морали, искоренение формализма, бюрократизма, застойности и консерватизма как необходимые условия всестороннего совершенствования нашего общества¹⁹. Поэтому очень важно знание реального состояния всех процессов и явлений социалистического общества, изучение их взаимодействия и взаимовлияния, реальной оценки как позитивных, так и негативных факторов.

В этой связи серьезные проблемы стоят перед социалистическим правоведением, которое призвано не только изучать специфические юридические свойства права, законодательства, законности, правоотношений, правосознания и т. д., но и выявлять их взаимодействие с другими факторами социального развития. Только знание механизмов взаимодействия правовых процессов с иными процессами и явлениями, происходящими в экономической и духовной сферах, позволяет прогнозировать закономерности правового воздействия на сознание и поведение людей, четко координировать «работу» всех социальных регуляторов, оказывающих влияние на социально-психологическое состояние общества.

Жизнеспособность социальной системы зависит от слаженности действий всех включенных в нее компонентов. Дисфункция в любом звене этой системы — в праве, морали, культуре, работе государственных или хозяйственных органов — неизбежно ведет к потерям не только экономическим, но и социально-психологическим, нравственным.

Для правового развития социалистического общества характерно усиление его взаимодействия с моральными факторами. Этот про-

¹⁸ См.: Социалистический образ жизни. М., 1980, с. 135.

¹⁹ См.: Правда, 1986, 26 февр.

цесс сложный, противоречивый и недостаточно исследованный юридической наукой. Изучение такого взаимодействия во всей его многогранности и неоднозначности чрезвычайно важно.

Моральный прогресс оказывает большое влияние на характер правового развития, однако в обществе существуют и негативные моральные факторы, в значительной мере снижающие эффективность действия общеправового права и тем самым отрицательно воздействующие на социально-психологическое состояние общества.

При оценке взаимодействия права и морали следует прежде всего выделить главную его тенденцию, состоящую в возрастании этической обоснованности права, значимости моральных оценок правовой действительности, в преобразовании определенных свойств права под воздействием моральных факторов. Моральный прогресс и общеправовое право неотделимы, так как возрастание гуманизма как принципа всего социалистического образа жизни находит самое непосредственное выражение в праве.

Как уже отмечалось, нравственность позволяет определить личностное отношение ко всем проблемам общественного развития, в том числе и правового. Она дает особое видение права в его непосредственной связи с человеком, его потребностями. Советское общеправовое право непосредственно включено в массовую практическую деятельность людей, связанную с совершенствованием социалистических общественных отношений. Нравственная оценка реальных жизненных ситуаций, регулируемых правом, разрешение возможных правовых коллизий и конфликтов с позиций добра, чести, справедливости и т. д. — важный критерий повышения правового сознания и культуры членов социалистического общества.

И теория, и практика убедительно показывают тесную связь правового и нравственного воспитания, причем подлинная нравственность является необходимой основой, фундаментом правового формирования личности²⁰. Без понятий о совести и чести нет и не может быть стойких правовых убеждений, понимания необходимости правомерного поведения не только для себя, но и для всего общества. Таким образом, исследование взаимодействия права и морали имеет важное значение для решения важнейшей задачи — коммунистического воспитания, формирования нового человека.

Задача формирования нового человека состоит в воспитании таких убеждений личности, которые определяли бы ее активную жизненную позицию. В этом первостепенная роль принадлежит нравственному развитию, поэтому не случайно проблемы нравственного воспитания выдвинуты на уровень общепартийной, государственной политики в материалах съездов КПСС, пленумов Центрального Комитета КПСС. «Ничто так не возвышает личность, — отмечалось на XXV съезде КПСС, — как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, когда единст-

²⁰ См.: Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973, с. 75—89.

во слова и дела становятся повседневной нормой поведения. Выработать такую позицию — задача нравственного воспитания»²¹. XXVI съезд КПСС подчеркнул «растущее внимание нашего общества к вопросам морали»²².

Вопросы нравственного воспитания личности с особой силой прозвучали на XXVII съезде КПСС. Курс Коммунистической партии на ускорение социально-экономического прогресса, качественные преобразования советского общества требует устранения из нашей жизни антиподов социалистической морали. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду КПСС отмечается: «Необходимо поднимать активность трудящихся, всех и каждого, в созидательной работе, в преодолении недостатков, злоупотреблений, любых болезненных явлений, отклонений от норм нашего права и морали»²³.

Новая редакция Программы КПСС подчеркивает неоспоримые моральные преимущества социалистического общественного строя и выдвигает важные задачи в области формирования коммунистической морали²⁴. В современных условиях особое значение приобретают такие идейно-нравственные качества личности, как коммунистическая убежденность, социальная активность, трудолюбие и самодисциплина, ответственность за общее дело, культура и благородство в отношении семьи, коллектива, общества, уважительное отношение к закону, умение преодолевать возникающие трудности.

Неизменное внимание Коммунистической партии к моральному совершенствованию личности, нравственному прогрессу общества определяет необходимость исследования взаимодействия права и морали на современном этапе развития социалистического общества, которое позволяет глубоко раскрыть социальное положение и ценность личности, пути формирования стойких нравственных и правовых убеждений и ее активной жизненной позиции, социально-психологический климат общества, методы и пределы воздействия социального регулирования на преобразование общественной жизни.

Следует подчеркнуть, что воздействие морального прогресса на правовое развитие находит прямое выражение в формировании тех особенностей социалистического права, которые определили его перерастание в общенародное. Разумеется, формирование советского общенародного права органически связано с экономическими, социально-политическими, идеологическими преобразованиями социалистического общества. Однако большую роль в этом процессе сыграли и моральные факторы. Наряду с этим четко прослеживается и другой аспект — воздействие социалистического права на формирование социалистической морали, преодоление при помощи правовых

²¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 77.

²² Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 62.

²³ Правда, 1986, 26 февр.

²⁴ См.: Там же, 7 марта.

средств чуждых социализму форм морали, оставшихся от старого общества.

Тесное взаимодействие права и морали проявилось с первых лет существования Советской власти. В. И. Ленин подчеркивал значимость нового революционного права для организации социалистического государственного порядка, включающего трудовую и общественную дисциплину, добровольное выполнение предписаний и распоряжений Советской власти²⁵.

Для социалистического права с первых дней его существования чрезвычайно важна установка на сознательное выполнение его норм и принципов. Это коренное отличие социалистического права от всех предшествовавших эксплуататорских типов права определило и новый характер соотношения права и морали в социалистическом обществе, сближение правовых и нравственных регуляторов поведения.

Перед Советским государством стояла важная задача — не только преодолеть ненависть и недоверие масс к государству и праву, но и сформировать новое, сознательное отношение к ним, основанное на понимании их подлинно народного характера и гуманистической направленности. Такая задача была бы невыполнима без воспитания новой социалистической морали, нового понимания этической значимости государственно-правовых механизмов. Моральные категории добра и зла получают социально-классовую интерпретацию, в основе которой лежат интересы и воля рабочего класса и руководимых им трудящихся масс. Социалистическое право — новый высший тип права не только потому, что оно закрепило принципы и основы социалистических общественных отношений, но и потому, что оно явилось выражением новых моральных ценностей, обладающих огромной притягательной силой для трудящихся масс. Законодательное выражение моральных ценностей — гуманизма, справедливости, достоинства личности, свободы от эксплуатации, равенства — явилось мощным средством преобразования морали, внедрения новых социалистических нравственных воззрений и принципов в сознание трудящихся классов.

Социалистическое право способствовало искоренению, преодолению моральных представлений эксплуататорских классов; новая социалистическая мораль, в свою очередь, явилась важным фактором повышения престижа права, уважения к закону и законности. Тесное взаимодействие права и морали — это одна из закономерностей общества, уничтожившего частную собственность, эксплуатацию, утвердившего подлинное народовластие.

Советское общенародное право, вырастающее из права диктатуры пролетариата, является углублением и развитием его сущностных характеристик, его принципов и ценностных свойств, убедительным свидетельством объективной необходимости правовой формы на весьма длительные исторические сроки становления коммунистиче-

²⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 153, 156, 202—203, 361—362; т. 37, с. 16, 72 и др.

ской формации. Было бы ошибочно видеть в общенародном праве нечто принципиально отличное от права диктатуры пролетариата. Вместе с тем новый этап развития социалистического права связан с определенной трансформацией его свойств, которая в значительной мере произошла под воздействием морального прогресса, достигнутого советским обществом в процессе его развития, и которая определила возрастание роли права в жизни общества²⁶. Возрастание роли права проявляется и в расширении сфер его действия, и в повышении эффективности правовых норм, и в укреплении правовых основ государственной и общественной жизни, и в его воспитательном воздействии на сознание и поведение людей. Тенденция к возрастанию роли права развивается под влиянием объективных (экономических) и субъективных (политических, идеологических, моральных, социокультурных) факторов. В аспекте исследуемой проблемы интерес представляет значимость моральных факторов, определяющих повышение роли права. В этой связи следует рассмотреть влияние морального прогресса на особенности права социалистического общества (его социально-волевое содержание, демократизм, научную обоснованность, трансформацию юридических форм воздействия права на общественные отношения).

Прежде всего следует отметить расширение и углубление классово-волевой сущности общенародного права, определяемые объективным процессом сближения всех классов и социальных групп общества.

Как известно, сущностью права являются классовый интерес и обусловленная им государственная воля, посредством которой законодательно выражаются объективно формирующиеся способы взаимодействия людей, эталоны, масштабы поведения приобретают официальное выражение и общеобязательное значение.

Социалистическое право еще на первом этапе своего развития объективно выражало интересы всех трудящихся классов. Однако эти интересы, субъективно осознаваемые и выражаемые в законодательстве, не были еще сознательным выражением воли всего народа. Не все члены нового общества могли сразу подняться до осознания правовых интересов, поэтому государственная воля, выраженная в законодательстве, на определенном этапе развития могла не совпадать с волей всех членов общества. По мере развития социалистического права выраженные в нем интересы осознаются все более широкими слоями членов социалистического общества. В результате происходит сближение государственной и общенародной воли.

На современном этапе можно говорить о том, что общенародное право выражает интересы всего народа и волю всех членов социа-

²⁶ См.: Керимов Д. А., Туманов В. А. Право и развитое социалистическое общество.— В кн.: XXV съезд и вопросы теории государства и права. М., 1977, с. 236—245; Явич С. Л. Право развитого социалистического общества: Сущность и принципы. М., 1978, с. 105; Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981, т. 1, с. 148—149.

листического общества, в то время как в период диктатуры пролетариата оно выражало интересы всех трудящихся и волю передовой, наиболее сознательной их части — прежде всего авангарда рабочего класса. Разумеется, и в общенародном праве не исключается возможность расхождения между государственной волей и волей отдельных членов общества или групп. Но такие расхождения становятся все более редким явлением.

В. И. Ленин, подчеркивая тесную связь интересов и воли, писал: «Если политическая власть в государстве находится в руках такого класса, интересы коего совпадают с интересами большинства, тогда управление государством действительно согласно воле большинства возможно»²⁷. Это положение в полной мере применимо к общенародному праву.

Единая общенародная воля имеет своей основой прежде всего высокое политическое сознание членов социалистического общества, которое явилось идеологической основой развития всех других форм общественного сознания, в том числе и нравственного. Под влиянием изменений в экономических, политических, социальных отношениях происходят преобразования в социалистической морали, которые обусловлены прежде всего тем, что интересы трудящихся совпадают с перспективами и направлениями исторического развития в целом²⁸. Это определяет возрастание роли морали, ее воздействие на формирование социальной однородности общества, единой общенародной воли. Государственная воля, воплощаемая в советском общенародном праве, является одной из форм выражения этой единой воли, имеющей глубокое этическое обоснование. Социалистическая мораль не только оценочно, но и содержательно связана с сущностью общенародного права. Без воспитания массовых социалистических нравственных убеждений было бы невозможно образование единых общенародных интересов. М. Н. Руткевич, отмечая повышение уровня социальной интеграции общества развитого социализма, указывает на *сближение интересов* всех классов, социальных групп и слоев общества в сфере социально-экономической, социально-политической, идеологической и социально-психологической²⁹. Это сближение интересов является основой формирования единой государственной воли как сущности общенародного права.

Однако ошибочно считать, что единство интересов и воли в общенародном праве исключает какие-либо морально-психологические особенности в отражении классовых интересов. Рабочий класс как ведущий класс социалистического общества является носителем высших форм морали, проявляющихся в организованности, дисциплине, политической активности, развитом правовом сознании.

Рост производительных сил сельского хозяйства, постепенное превращение сельскохозяйственного труда в разновидность труда

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 38.

²⁸ См.: Титаренко А. И. Указ. соч., с. 154.

²⁹ См.: Руткевич М. Н. Становление социальной однородности. М., 1982, с. 101.

индустриального, совершенствование бытовых условий сыграли важную роль в изменении социального облика, психологии и морали колхозного крестьянства. Однако по определенным позициям (отношение к труду, к коллективной материальной заинтересованности, некоторым формам моральных стимулов труда) моральное сознание определенной части крестьянства отстает от морали рабочего класса. Такие различия в морали неизбежны при сохранении различий в социально-классовой структуре общества, специфике в трудовой деятельности, условиях жизни людей, уровне их культуры³⁰. Процесс стирания межклассовых различий — длительный, сложный и противоречивый. До его завершения общенародное право остается классовым явлением. И это понятно, так как различные позиции классов по отношению к собственности, наличие двух форм собственности (государственной и колхозно-кооперативной) предопределяют некоторые различия внутриклассовых интересов, проявляющиеся в правовых связях, отношениях и нормах. Существующие в социалистическом обществе формы собственности получают свое «юридическое выражение» в праве, которое наряду с общностью и единством интересов всех членов общества с объективной необходимостью фиксирует сохранившиеся различия классовых интересов. И с этой точки зрения можно говорить о классовом характере общенародного права.

Но не эти классовые задачи определяют основное назначение социалистического общенародного права. Единство главных интересов классов общества развитого социализма, их моральных убеждений проявляется в тех особенностях права, которые раскрываются в его общесоциальной регулятивной роли. Эта способность общенародного права выполнять не только функции классово-нормативного, но и общесоциального регулятора³¹ — важная тенденция его дальнейшего развития. «Впервые за всю историю на первое место выдвигается, становится своего рода доминантой та сторона сущности права, которая характеризует его как общесоциальный регулятор»³².

В ходе строительства нового общества обогащается содержание социалистической демократии, отпадают исторически сложившиеся ограничения, создаются объективные условия для того, чтобы право выступало в роли общесоциального регулятора. В обществе развитого социализма сложились зрелые социалистические общественные отношения. Сближение всех классов и социальных слоев, юридическое и фактическое равенство всех наций и народностей привели к формированию новой исторической общности — советского народа. В этих условиях на первый план выступает общесоциальная функция права, которая и является одной из основных его характеристик

³⁰ См.: Красин А. Н. Социально-философские проблемы становления коммунистического типа личности. М., 1981, с. 19.

³¹ См.: Алексеев С. С. Общая теория права, т. 1, с. 145; Явич Л. С. К разработке концепции права развитого социализма. — Правоведение, 1981, № 6, с. 22; Бабаев В. К. Советское общенародное право: сущность и тенденции развития. — Сов. государство и право, 1980, № 6, с. 4.

³² Алексеев С. С. Общая теория права, т. 1, с. 145.

как права общенародного. Приоритет общесоциальной функции общенародного права определяется развитием его сущности, выражающей единые интересы и волю советского народа.

Общенародное право характеризуется возрастанием демократизма. Эта его особенность связана со стратегической линией развития политической системы советского общества, которая состоит в совершенствовании социалистической демократии, все более полном осуществлении социалистического самоуправления народа.

Подлинная социалистическая демократия — явление многоаспектное. Моральные аспекты социалистической демократии получают широкое развитие в современных условиях. Гуманизация общественных отношений, мировоззренческие установки личности на общественно полезную деятельность во имя общего блага, ее активная жизненная позиция — неотъемлемые черты социалистической демократии, выражающие возрастание морального сознания, высокую степень его развитости. Все стороны политической жизни, различные институты социалистической демократии связаны с моральными оценками в категориях добра, чести, совести, справедливости. Эти оценки очень значимы как для расширения демократического содержания общенародного права, так и для эффективного участия трудящихся в обсуждении законодательных актов. В процессе обсуждений наиболее ярко проявляется связь правового и морального сознания членов социалистического общества.

Наиболее существенные изменения в экономической, социальной и духовной жизни советского общества, глубокий демократизм общенародного государства нашли концентрированное выражение в Конституции СССР. Конституция СССР — это подлинно научный документ, юридически закрепивший те глубинные процессы морального прогресса, которые происходят во всех сферах правового развития. Важнейшие моральные принципы социалистического образа жизни, политических и правовых отношений советского общества выражены в преамбуле Конституции, в ряде глав — «Государство и личность», «Социальное развитие и культура», «Внешняя политика», «Защита социалистического Отечества» и др.

Последовательная демократизация правового развития социалистического общества — одна из основных его закономерностей. Она осуществляется в нескольких направлениях, в которых ярко проявляется активная роль социалистической морали.

Демократизация охватывает прежде всего *само содержание права, все шире проникает в его сущность*. Приняты новые законодательные акты, отражающие процесс демократизации советского права, — о Советах народных депутатов всех ступеней, об организации работы с наказами избирателей; внесены изменения и дополнения в законы СССР, союзных и автономных республик о порядке отзыва депутатов и т. д. После принятия Конституции СССР процесс демократизации права получил еще более широкое развитие. В этой связи следует подчеркнуть роль Закона о гражданстве СССР, Закона СССР «О трудовых коллективах и их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями», законов, четко опреде-

ляющих статус органов, осуществляющих защиту прав и интересов советских граждан, — о Верховном Суде СССР, о Прокуратуре СССР, о народном контроле в СССР, об адвокатуре СССР.

Демократизация все шире проникает и в процесс создания права, *нормативно-правовых актов*. Массовое участие трудящихся в правотворчестве — одна из замечательных традиций социалистической демократии. Всемирное развертывание социалистической демократии как главное направление развития социалистической политической системы включает постоянно расширяющееся участие масс в создании советских законов. Новая редакция Программы КПСС отмечает, что наиболее важные законопроекты и решения будут выноситься на всенародное обсуждение и голосование. Процесс правотворчества в собственном смысле слова — это деятельность компетентных государственных органов, построенная на специализированном познании и оценке объективных процессов общественного развития. На современном этапе социалистического общества эта деятельность все больше опирается на опыт масс, на познание массами правовых явлений в процессе непосредственной практической деятельности, на их моральные оценки.

Важнейшие законодательные акты последних лет. (Примерный Устав колхоза, Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье, Основы земельного законодательства Союза ССР и союзных республик, Основы жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик, Закон о трудовых коллективах и др.) были всесторонне обсуждены миллионами трудящихся. На обсуждение трудящихся выносятся не только нормативно-правовые акты общегосударственного значения, но и проекты решений местных Советов депутатов трудящихся, органов отраслевого управления.

Возрастает роль общественных организаций в правотворчестве, расширяется круг общественных организаций, наделенных правом законодательной инициативы (профсоюзы, комсомол). Общественные организации издают нормативно-правовые акты совместно с государственными органами, по согласованию с государственными органами, а также по способу «предварительного санкционирования». В процессе участия масс в правотворчестве важное значение приобретают моральные позиции трудящихся, которые неизменно отражаются в принимаемых законодательных актах.

Демократизация правового развития общенародного государства проявляется и в массовом участии трудящихся в реализации правовых норм, в массовом контроле за законностью. Участие граждан в управлении социалистическим производством, в охране общественного порядка, в работе органов народного контроля, в осуществлении социалистического правосудия, в контроле за мерой труда и мерой потребления невозможны без моральной развитости, стойких моральных убеждений и оценок, которые неизбежно привносятся во все области правоприменительной деятельности. Массовое практическое участие граждан в правоприменительной деятельности, в свою

очередь, укрепляет их нравственные позиции, вырабатывает непримиримость к антиподам социалистической морали.

Таким образом, *моральный прогресс оказывает самое непосредственное воздействие на формирование такой особенности права зрелого социализма, как развитие его общественной сущности, выражающей единство интересов и воли советского народа и опирающейся на последовательную демократизацию всего правового развития.*

Самое непосредственное отношение моральный прогресс имеет и к повышению научной обоснованности общенародного права в период развитого социализма, все более адекватному отражению в нем реальных правовых связей и диалектики их взаимодействия.

В современных условиях возрастают познавательные возможности социалистического общественного сознания, всех его форм. Усиление взаимодействия политического, правового, морального сознания позволяет глубже выявлять общественные потребности, давать им оценку с различных позиций, что углубляет нормативно-оценочное познание объективной реальности.

Правовая оценка объективных потребностей социального развития всегда должна быть сопряжена с их нравственной оценкой, чтобы принимаемый нормативно-юридический акт не противоречил моральным ценностям общества, а, напротив, способствовал их упрочению, стабилизации. В реальном человеческом бытии правовые и нравственные отношения самым тесным образом связаны между собой; эти связи не должны разрываться и на уровне законодательства, когда субъективно осознаваемые правовые отношения и взаимодействия людей получают всеобщую форму, законодательное признание и выражение. Без преувеличения можно сказать, что без моральной оценки невозможно точное научное отражение в законодательстве объективных потребностей общественного развития.

Одним из выражений морального прогресса в современных условиях являются расширение и углубление познавательных свойств морали, а также усиление влияния моральных оценок в социальных отношениях. «В этом отношении восходящее развитие нравственности схоже с основным смыслом и специфическим критерием прогресса науки — углублением, совершенствованием познания объективной реальности»³³.

Как уже отмечалось, моральные формы деятельности, как правило, не являются самостоятельными формами, а существуют как аспект иных форм деятельности — политических, правовых; обычно моральная практика в чистом виде не существует³⁴. Поэтому моральное познание — неотъемлемое условие адекватного, научного познания политической и правовой реальности. Чем выше уровень этического познания действительности, тем точнее отражаются в

³³ Титаренко А. И. Указ. соч., с. 154; см. также: Даниелян М. С. Некоторые вопросы марксистско-ленинской этики. Ереван, 1962, с. 415.

³⁴ См.: Фаркаш Э. Мораль и революционность: Размышления об этическом наследии К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1979, с. 82.

нравственных оценках реальные общественные отношения. Р. В. Петропавловский считает проявлением морального прогресса сокращение неадекватного отражения общественных отношений, своевременное осознание в морали уходящего вперед развития общественных потребностей (необходимости) в новых формах поведения³⁵.

Познавательный элемент морали, разумеется, не полностью тождествен познавательным возможностям науки³⁶, однако моральное познание и оценки помогают освоению социальной действительности с позиций необходимых, желательных форм поведения.

Для права моральное познание и оценка играют особую роль, поскольку оно затрагивает важнейшие общественные отношения, имеющие первостепенное значение для удовлетворения потребностей общества и личности. Игнорирование либо недостаточный учет моральных оценок неизбежно могут привести не только к снижению эффективности законодательного акта, но и к большим нравственным потерям. Это положение относится к нормативно-юридическим актам всех уровней.

Высшие критерии нравственности выражены в Конституции СССР. Законность издаваемых нормативно-юридических актов включает и их этическую обоснованность, соответствие моральным принципам, зафиксированным в Конституции и выражающим нравственный прогресс общества, законом жизни которого является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех (преамбула Конституции СССР), в котором «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» (ст. 20 Конституции СССР). Конституционное закрепление этих нравственных принципов является реализацией марксистско-ленинских идей: «Мы будем работать,— писал В. И. Ленин,— чтобы вытравить проклятое правило: „каждый за себя, один бог за всех“... чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: „все за одного и один за всех“»³⁷.

Проблема моральной обоснованности общенародного права, значимости в нем моральных оценок имеет непосредственное отношение к этическим аспектам правового познания, юридической науки в целом. Соотношение науки и нравственности — важнейшая философско-этическая проблема³⁸, которая еще не привлекла внимания правоведов.

Сферы действия права всегда находятся в центре интересов общества, классов, личности. Социальные преобразования неизбежно проводятся в юридической форме, обеспечивающей всеобщность и обязательность правовых мер, осуществляемых государством. В этой связи важно прежде всего своевременное выражение в праве достигнутого уровня общественного развития, его объективных тенден-

³⁵ См.: Петропавловский Р. В. Указ. соч., с. 136.

³⁶ См.: Шишкин А. Ф., Шварцман К. Ф. XX век и моральные ценности человека. М., 1968, с. 18—20; Ганжин В. Т. Нравственность и наука: К истории исследования проблемы в европейской философии. М., 1978, с. 104—113.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 108.

³⁸ См.: Ганжин В. Т. Указ. соч., с. 80.

ций. Субъективная деформация в процессе нормативно-оценочного отражения правовой реальности таит в себе большие опасности — может быть издан нормативно-юридический акт, противоречащий потребностям общественного развития или неполно их отражающий. В таком случае он либо останется благим пожеланием, либо, опираясь на возможность применения специфических государственных механизмов, может какое-то время действовать, однако его эффективность будет весьма низкой. Вместе с тем возникают и негативные социальные последствия действия подобных законодательных актов, подрывающих престиж права и встречающих критическое отношение со стороны граждан. В результате принятия нормативно-юридических актов, не имеющих должного научного обоснования, возможны противоречия между правом и моралью, возникновение антиподов социалистической морали, негативные состояния правового сознания личности либо какой-то социальной группы.

Поэтому большая ответственность за принятие научно обоснованных правовых актов ложится на юридическую науку, которая должна опираться на социалистическую нравственность, неизменно руководствоваться принципом социалистического гуманизма, интересами человека. Формирование нравственности может осуществляться только на основе познания истины; нравственность должна присутствовать в научных выводах и рекомендациях³⁹. Правильно отмечается, что нравственность начинается с вопроса: что нужно людям? А в развитом виде он выступает в форме: что нужно не только «ближним», но и «дальним» — обществу в целом — и не только теперь, но и в будущем? «Становится очевидным, во-первых, что нравственность требует попытки посмотреть на людей с позиций объективности, предполагаемой нормами научности (стремиться увидеть не то, что „хочется“ или „кажется“, а стараться понять, „как дело обстоит на самом деле“); во-вторых, что серьезный ответ на вопрос о людских нуждах требует определенного исследования. Если человек не стремится понять, что нужно людям, его притязания на нравственность пусты»⁴⁰.

Юридическая наука призвана давать ответ на вопросы о том, какие социальные отношения должны получить законодательное оформление, каковы пределы вторжения закона в социальную действительность. При этом она не только руководствуется ближайшими задачами, но и исходит из долговременных, стратегических перспектив совершенствования общественных отношений, соотносит их с конечной целью — построением коммунизма. Исходной позицией при решении всех этих проблем должны быть потребности и интересы личности, во имя которой совершаются все социальные преобразования в обществе. Ориентация юридической науки на человека, на личность раскрывает ее гуманизм, ее этическую основу. «Этические проблемы... составляют внутренний стержень любой науки, касающейся человеческой личности... Актуальность этических

³⁹ См.: Дробницкий О. Г. Проблемы нравственности. М., 1977, с. 71—96.

⁴⁰ Наука и нравственность, с. 64—65.

проблем тем более выше, чем глубже проникновение науки в пласты социальной жизни, в самую сущность человека, его внутренний мир»⁴¹. В этой связи следует отметить возросший интерес правоведов к человеку, личности. Появились интересные исследования по проблемам личности как в общей теории права, так и в отраслевых юридических науках. В этих работах вносятся конкретные предложения, направленные на совершенствование правового положения личности, причем эти предложения продиктованы и этическими позициями ученых⁴².

Связь морали и юридической науки имеет еще одну важную сторону. Нравственность, как и наука, есть определенный способ понимания человеком своего бытия. Однако в морали подчас возникают идеалы, которые еще не стали реальностью, и это порождает социально-критическое отношение морали к действительности, стремление изменить отношения, противоречащие принципам нравственности. «Сколь бы ни был далек путь от формулирования нравственного требования до формирования его практического осуществления, само это противопоставление долженствования и действительности указывает путь прогрессивного движения истории, такого ее движения, которое является самоутверждением человека. Иногда при этом предугадываются и черты будущего»⁴³.

Эта способность морали к формулированию идеала оказывает существенное воздействие на юридическую науку, на юридические способы осознания действительности, на выражение в праве еще только зарождающихся тенденций общественного развития.

Совершенствование юридических и моральных методов познания объективных процессов развития создает условия для отражения в законодательстве не только уже сформировавшихся объективных связей и отношений, но и тех, которые проступают лишь как зарождающаяся потребность, тенденция. В этом случае законодатель, используя творческий потенциал советского законодательства, может создавать нормы, ускоряющие реальные процессы становления объективных правовых норм. Ф. Энгельс предвидел, что наступит время, когда люди будут заранее знать о необходимости тех или иных изменений в праве, вызванных изменениями общест-

⁴¹ Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика, поведение, ответственность. М., 1982, с. 91–92.

⁴² См.: Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности. М., 1968; Матузов Н. И. Личность, право, демократия. Саратов, 1972; Патюлин В. А. Государство и личность в СССР. М., 1974; Орзих М. Ф. Личность и право. М., 1975; Кузнецов А. В. Уголовное право и личность. М., 1977; Чхиквадзе В. М. Указ. соч.; Кучинский В. А. Личность, свобода, право. М., 1978; Гражданин и аппарат управления в СССР. М., 1982; Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979; Малейн Н. С. Охрана прав личности советским законодательством. М., 1985; Иванов С. А., Лившиц Р. З. Личность в советском трудовом праве. М., 1982; Азарова Е. Г., Козлов А. Е. Личность и социальное обеспечение в СССР. М., 1983; Реализация прав граждан в условиях развитого социализма. М., 1983.

⁴³ Дробницкий О. Г. Указ. соч., с. 94.

венных отношений, и сознательно производить такие изменения⁴⁴.

Творческая роль законодательства не означает, разумеется, возможности создания нормы, появление которой не было бы заложено в объективных потребностях⁴⁵. Создание такой идеальной нормы не смогло бы повлиять на развитие общественных отношений, так как любые попытки внедрить норму, не опирающуюся на реалии, были бы бесплодными⁴⁶. Но характер научных способов познания объективной реальности таков, что позволяет «видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению»⁴⁷. В этом случае особенно эффективно воздействие права на дальнейшее развитие морального прогресса, так как право обладает способностью в четких, общеобязательных правилах выразить внутренние закономерности общественного развития и тем самым создать условия для реализации тех этических идеалов, которые осознаются как способы дальнейшего совершенствования личности и общества в целом.

Таким образом, возрастание познавательных возможностей морали и роли нравственных оценок способствует более глубокому отражению в праве объективных связей и зависимостей в человеческой деятельности, всестороннему учету факторов, воздействующих на сознание и поведение людей, и тем самым повышению роли общественного права в жизни общества.

Моральный прогресс общества способствует и динамическому развитию, и обогащению юридических форм воздействия на общественные отношения. Этот процесс имеет различные проявления.

Прежде всего следует отметить неуклонное *возрастание* не только политико-юридической, но и *моральной роли закона* во всех сферах общественных отношений — политических, социально-культурных, экономических. Особое нравственное значение имело принятие Конституции СССР, обобщившей огромную законодательную деятельность Советского государства и ставшей основой дальнейшего совершенствования советского законодательства, повышения его этической обоснованности.

Возрастание роли закона проявляется не только и даже не столько в увеличении количества законов. Социальная роль закона состоит в определении глобальных направлений правового развития и установлении общих принципов развития общественных отношений. Поэтому повышение роли закона должно выражаться в его главенстве в иерархии правовых актов, в строгом соответствии закону нормативно-правовых актов государственных органов и общественных организаций.

К сожалению, в правотворческой деятельности, в особенности во внутриведомственном нормотворчестве, не всегда выдерживается

⁴⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 639.

⁴⁵ См.: Козюбра Н. И. Право и общественное сознание. Киев, 1979, с. 163—166; Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология, с. 18.

⁴⁶ См.: Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972, с. 362—363.

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 343.

важнейший принцип — непротиворечивость издаваемого нормативно-правового акта закону. Такое положение не соответствует не только принципу законности, но и идейно-правственным принципам нашего общества. Необходимо обеспечить строгое соответствие подзаконных юридических актов Закону, обладающему высшей юридической и моральной силой и закрепляющему принципы регулирования наиболее значимых общественных отношений.

Следует отметить, что наряду с централизованной законодательной регламентацией общественных отношений получает распространение «локальное» нормотворчество, цель которого заключается в конкретизации требований общей нормы применительно к местным условиям производства⁴⁸. «Локальное» нормотворчество призвано отразить особенности распределительных отношений, обеспечить контроль за мерой труда и мерой потребления в трудовых коллективах⁴⁹. Такая юридическая форма, по всей вероятности, будет получать все более широкое применение по мере дальнейшего расширения самостоятельности и инициативы хозяйственных подразделений, совершенствования морали, роста правосознания и культуры. Она порождена необходимостью обеспечить принцип социальной справедливости, моральные требования членов коллектива, выражающие непримиримость к нечестному, недобросовестному труду, стремление обеспечить оплату труда в соответствии с реальным вкладом каждого работника.

Для современного этапа общественного развития характерно более широкое использование *диспозитивной формы* юридического регулирования. Расширение использования такой формы объясняется усложнением задач экономического строительства, при котором все труднее становится жестко нормировать действия, предписывать строго конкретное поведение, необходимое для выполнения хозяйственных задач. Вместе с тем оно определяется ростом социалистической морали и правовой культуры, глубокой заинтересованности трудящихся в предельно точном достижении целей, поставленных в норме. Применяя диспозитивные формы регулирования, законодатель рассчитывает на то, что поведение в рамках этих форм будет осуществляться на основе социалистической законности и соответствовать моральным принципам.

С развитием диспозитивной формы связано возрастание роли договора в регулировании хозяйственных отношений. Сама природа хозяйственных договоров такова, что они могут быть применены лишь на основе диспозитивной правовой нормы, предоставляющей сторонам определенный простор для выбора варианта поведения на

⁴⁸ См.: Кондрагеев Р. И. Локальные нормы трудового права и материальное стимулирование. Львов, 1973, с. 20.

⁴⁹ См.: Левиант Ф. М. О юридической природе локальных норм права, регулирующих трудовые отношения на промышленных предприятиях. — Правоведение, 1970, № 5; Каширин И. Н. О природе и значении локальных норм трудового права. — Правоведение, 1970, № 3; Беляева З. С., Козырь М. И. Новое в развитии колхозной демократии. — Сов. государство и право, 1974, № 6.

основе оценки обстановки, учета реальных возможностей и т. д.

Развитие диспозитивной формы осуществляется прежде всего в экономической области, т. е. в той сфере, в которой государство стремится к децентрализации управления, так как в настоящее время более свободное поведение в рамках юридических норм вызвано объективной необходимостью, а жесткая регламентированность поведения участников общественных отношений противоречит закономерностям взаимодействия участников экономического общения, возрастанию роли договора в регулировании хозяйственных отношений.

Коммунистическая партия и Советское государство провели важные меры, направленные на расширение самостоятельности объединений и предприятий, прав и ответственности хозяйственных руководителей, выработку такого стиля работы, в котором органически сочеталась бы исполнительность, дисциплинированность со смелой инициативой и предприимчивостью. Все эти качества требуют высокой моральной культуры руководителя, так как соблюдение договорных обязательств — это важнейшая не только политико-экономическая, но и социально-этическая проблема. Поэтому дальнейшее развитие диспозитивной формы правового регулирования определяет необходимость повысить эффективность морального и правового воспитания граждан, которое должно препятствовать правонарушениям, злоупотреблениям, расхлябанности и недисциплинированности в сфере договорных отношений.

Законодатель на нынешнем этапе развития советского общества все чаще использует юридическую форму так называемых *поощрительных норм*. Использование данной формы — выражение внутренней трансформации общеправового права, повышения его этической обоснованности, при которой оно не сводится к запрету, каре, а выполняет важную социальную задачу — государственного поощрения социальной и трудовой активности советских людей. Поощрительные нормы советского права — это обеспечиваемые социалистическим государством указания общего характера о возможном или должном предоставлении определенной меры поощрения за полезный для социалистического государства вариант поведения, состоящий в добросовестном выполнении юридических или общественных обязанностей либо в достижении результатов, превосходящих обычные требования, в целях повышения социальной активности отдельных граждан и их коллективов в различных сферах жизни общества⁵⁰.

Развитие юридических форм государственного поощрения социальной и трудовой активности трудовых коллективов, советских граждан отвечает задаче создания условий, благоприятствующих всестороннему развитию творческой активности всех советских людей, их моральному совершенствованию.

⁵⁰ См.: Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978, с. 40.

Поощрительные нормы получают распространение в различных отраслях советского общенародного права — трудовом, колхозном, гражданском, исправительно-трудовом и др. Причем нормами права предусматривается поощрение не только отдельных граждан, но и трудовых коллективов в целом. Значение государственного поощрения еще больше возросло в связи с постановкой оплаты труда работников в прямую зависимость не только от результатов их личного вклада в развитие производства, но и от общих конечных результатов работы предприятия.

Юридические формы поощрения, разумеется, не сводятся только к материальному поощрению, а включают и моральные, общественные виды поощрений, что свидетельствует о возрастании этических основ правового регулирования.

Юридические формы, используемые Советским государством, все чаще закрепляют технические и экономические нормативы, технические нормы, стандарты, экономические нормативы. И это понятно, так как по мере усложнения производства, роста техники технические правила из просто целесообразных становятся объективно необходимыми, поскольку их нарушение может привести к чрезвычайно вредным не только техническим, но и социальным последствиям, как ближайшим, так и отдаленным. Важность строгого соблюдения технических норм особенно возрастает в эпоху научно-технической революции в связи с бурным развитием техники, невиданным усложнением общественного производства, его интенсификацией. Отсюда вытекает *расширение комплекса так называемых технико-юридических норм*, т. е. тех технических правил, которым государство, облекая их в юридическую форму, придает общеобязательное значение. Законодатель учитывает, что дальнейшее повышение эффективности общественного производства может быть достигнуто путем внедрения новой техники и технологии, неуклонного соблюдения технических и экономических нормативов, совершенствования процесса труда. *С этим связано возрастание не только юридической, но и моральной обязанности соблюдения всех технических норм и стандартов*, которые созданы и разработаны на основе новейших достижений науки и техники. Отступление от требований технико-юридических норм рассматривается в социальном плане и как правонарушение, и как аморальный проступок.

Включение технических правил в нормативно-юридический акт ставит их соблюдение под государственную охрану и способствует их внедрению в производство, обеспечивая тем самым дальнейшее развитие научно-технического прогресса. Вместе с тем оно содействует моральному воспитанию граждан, убеждая их в значимости соблюдения технико-юридических норм, поскольку их нарушение в условиях НТР может иметь тяжкие последствия.

Моральный прогресс общества оказывает воздействие на динамику форм юридической ответственности, применение *сочетания юридической ответственности с общественно-моральной*. Переход от одного вида ответственности к другому находится лишь в начальной стадии и охватывает сравнительно узкий круг правонарушений.

Но уже в этих начальных стадиях можно усмотреть процесс, который имеет значительные перспективы, характеризующие трансформацию юридической ответственности, ее тесную связь с моральными факторами.

Возрастание нравственных начал жизни общества, морального сознания граждан сделало возможным замену уголовно-правовой формы ответственности — административно-правовой или дисциплинарной; уголовно-правовой, административно-правовой и дисциплинарной — общественной. Этот процесс характеризуется смягчением ответственности за малозначительные противоправные деяния. Государство считает наиболее целесообразным воздействовать на лиц, допустивших малозначительные по своей общественной вредности поступки, применением смягченных мер государственно-правового либо общественного воздействия. Такая позиция уголовной политики Президиума Верховного Совета СССР о внесении изменений и дополнений в Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 13 августа 1981 г., 26 июля 1982 г., 15 октября 1982 г.⁵¹, а также в Указе Президиума Верховного Совета РСФСР «О внесении изменений и дополнений в уголовный кодекс РСФСР» от 3 декабря 1982 г.⁵² Эти изменения обеспечивают последовательное проведение в жизнь принципов смягчения мер уголовного наказания по отношению к лицам, совершившим преступления, не представляющие большой общественной опасности.

Изменения, устанавливающие отсрочку исполнения приговора, направлены на повышение эффективности таких мер, как условное осуждение и условно-досрочное освобождение, исправительно-трудовые работы без лишения свободы и штрафы, т. е. на сужение сферы лишения свободы.

Сужение сферы лишения свободы ни в какой мере не означает либерализма по отношению к лицам, совершившим тяжкие преступления. Указы внесли ряд новелл, подтверждающих неизменность уголовной политики Советского государства, направленной на применение строгих мер к лицам, совершившим тяжкие преступления, а также к лицам, к которым ранее уже применялись меры, не связанные с лишением свободы, но не оправдавшим оказанного им доверия. Эти новеллы предусматривают: сокращение круга лиц, к которым может быть применено условно-досрочное освобождение; расширение оснований для отмены условного осуждения и условного освобождения с обязательным привлечением к труду; расширение сферы применения такого дополнительного наказания, как конфискация имущества; выделение в Особой части УК квалифицированных составов кражи и спекуляции; и др.

Последовательное проведение двух отмеченных выше тенденций политики Советского государства свидетельствует о сочетании ди-

⁵¹ См.: Ведомости Верхов. Совета СССР, 1981, № 33, ст. 965; 1982, № 30, ст. 572; № 42, ст. 794.

⁵² См.: Ведомости Верхов. Совета РСФСР, 1982, № 49, ст. 1822.

намизма и стабильности в применении юридических мер ответственности. Общепризнанное государство весьма дифференцированно подходит к вопросу о методах борьбы с различными правонарушениями. Всесторонне оценивая объективную общественную опасность различного рода правонарушений, оно стремится диалектически гибко, научно точно, *опираясь на моральные принципы*, определять оптимальные формы юридического воздействия, направленные на искоренение правонарушений. Такие направления политики Советского государства в сфере борьбы с правонарушениями свидетельствуют о моральной ориентации советского законодательства и оказывают воспитательное воздействие на нравственное состояние общества.

Возрастание моральных факторов ни в какой мере не означает отпадения необходимости в юридической ответственности и государственном принуждении. Указания В. И. Ленина о том, что право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права, полностью остается в силе. Оценивая виды и меру юридической ответственности в современных условиях, тенденции и перспективы ее развития, необходимо учитывать характер защищаемых государством общественных отношений, их значимость в общем социальном развитии социалистического общества. Однозначный ответ на вопросы, возрастают или сужаются меры юридической ответственности, смягчаются или ужесточаются санкции юридических норм, невозможен. Тенденция государственно-правового воздействия на общественные отношения посредством юридической ответственности состоит в гибком учете характера правонарушения и степени его общественной опасности, в смягчении одних видов ответственности (в частности, путем их перераспределения, перехода от более тяжких форм к менее тяжким), усилении других. Эта динамика в значительной мере определяется нравственно-психологическим климатом общества на конкретном этапе его развития.

Следует отметить весьма перспективный путь замены юридической ответственности моральной. По всей вероятности, в дальнейшем по этому пути пойдет развитие социальной ответственности, на нем будут создаваться предпосылки для перерастания правового регулирования в социальное регулирование будущего, коммунистического общества.

Все больше расширяя круг правонарушений, подлежащих общественно-моральной ответственности, общепризнанное государство приучает общественность самостоятельно (на основе и в рамках закона) реагировать на отступления от социалистического порядка. Это создает условия для такого состояния общества, когда *«люди постепенно привыкнут к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях, правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, без особого аппарата для принуждения, который называется государством»*⁵³.

⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 89.

Таким образом, моральный прогресс социалистического общества, воздействуя на расширение социальной основы советского права, развертывание его демократической сущности, возрастание научной обоснованности, определяет и динамичное развитие юридических форм воздействия на общественные отношения, что способствует дальнейшему повышению роли общенародного права в жизни общества.

2. МОРАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕНАРОДНОГО ПРАВА

Проблема ценности социалистического права в последние годы привлекает внимание юристов. В качестве наиболее емкой характеристики социальной ценности права рассматривается его способность противостоять произволу и беззаконию, выражать исторически определенную и объективно обусловленную меру свободы⁵⁴. Ценностная характеристика права как способа обеспечения свободы получает широкое распространение в юридических исследованиях. Так, по мнению Д. А. Керимова, социальная ценность права состоит в том, что оно является средством прогресса, развития демократии и достижения свободы общества и его членов⁵⁵. Л. С. Явич одной из ценностных характеристик права считает комплекс наличных, юридически гарантированных возможностей свободного выбора решений и действий субъектов общественных отношений, систему закрепленных законом субъективных прав граждан и организаций, обеспечивающую их творческую самостоятельность⁵⁶. С. С. Алексеев отмечает, что «в условиях зрелого социализма возрастает собственная ценность права, которое наиболее полно проявляет себя как олицетворение и носитель социальной свободы, социальной активности, единых с социальной ответственностью, и вместе с тем такого порядка в общественных отношениях, который направлен на исключение из жизни людей произвола, бесконтрольности отдельных индивидов и групп»⁵⁷.

Аксиологическая характеристика права как меры свободы может быть конкретизирована через различные аспекты его реального бытия. Так, право может рассматриваться как система ценностных ориентиров, способствующих обеспечению интересов господствующего класса (всего народа), как выражение принципа социальной справедливости. Эти аксиологические характеристики общенародного права раскрывают его социальное назначение как явления, противостоящего произволу, беззаконию, несправедливости, попранию идеалов трудящихся классов.

Они могут быть конкретизированы путем раскрытия особенностей, вытекающих из специфически юридической формы, позво-

⁵⁴ См.: *Персесянц В. С.* Право и закон. М., 1983, с. 342—343.

⁵⁵ См.: *Керимов Д. А.* Конституция СССР и развитие политико-правовой теории. М., 1979, с. 175.

⁵⁶ См.: *Явич Л. С.* Право развитого социалистического общества, с. 83.

⁵⁷ *Алексеев С. С.* Общая теория права, т. 1, с. 149.

ляющей официально закреплять и выражать ценности права в системе общеобязательных правил, эталонов поведения, объективно необходимых для успешного развития социалистического общества, обеспечивать их в случае необходимости принудительной силой государства. Эти специфические свойства законодательства — нормативность, формальная определенность, принуждение⁵⁸ — могут быть рассмотрены в качестве ценностей формы, которая имеет большое значение для успешного решения задач, стоящих перед общественным правом. Именно поэтому в современных условиях такое значение придается совершенствованию советского законодательства, проводимому на основе Конституции СССР. Совершенствование законодательства охватывает не только его содержание, но и его форму⁵⁹. Специфические свойства формы права, выражаемые в законодательстве, оказывают огромное воздействие на обеспечение процессов правового развития, на укрепление правовой основы государственной и общественной жизни советского общества.

Наряду с *«собственной ценностью»*⁶⁰ социалистического права существует его *моральная ценность, раскрывающая гуманизм социалистического права, его способность обеспечивать интересы и цели личности, ее творческое развитие*. Моральная ценность права тесно связана с *моральными оценками*, которые отвечают на вопрос — насколько полно удовлетворяет и обеспечивает право интересы личности, насколько эффективно воздействует на преобразование социалистических общественных отношений, в какой мере соответствует этическим идеалам и ценностям.

Моральная ценность права — это не его абстрактное измерение. Марксистская доктрина отвергает абстрактные моральные критерии оценки права, характерные для естественно-правовой школы. Вместе с тем моральные характеристики права являются важной составной частью марксистско-ленинского учения о праве, его социально-классовой интерпретации. Вопрос о ценностях марксизм связывает с практическим отношением человека к действительности. Моральные ценности — это специфическое отражение объективной реальности, в котором все социальные явления оцениваются с позиций классовых интересов. Л. М. Архангельский справедливо подчеркивает объективную обусловленность моральных ценностей: «Основанием (критерием) объективности (истинности) моральных ценностей, обобщенно представленных категорией добра, является общественный интерес, выражающий потребности прогрессивного развития общества, совпадающие в конечном счете с потребностями развития каждого отдельного человека»⁶¹.

⁵⁸ См.: Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971, с. 73—125.

⁵⁹ См.: Самощенко И. С. Развитие советского законодательства. — В кн.: XXVI съезд КПСС и развитие советского государства и права. М., 1982, с. 199.

⁶⁰ Алексеев С. С. Общая теория права, т. 1, с. 149.

⁶¹ Архангельский Л. М. Марксистско-ленинская этика как система. М., 1976, с. 23.

Для марксистского правоведения мораль — это не «метаюридическая ценность», а органичное свойство права, без которого оно утрачивает свою собственную ценность как меры, пространства свободы, превращается в формально-юридическую категорию, лишенную личностной гуманистической ориентации.

Собственная ценность социалистического права должна опираться на нравственные начала, так как сама по себе исторически определенная мера свободы без «наполнения» этическим ценностным содержанием еще не раскрывает ее социальной направленности, ее ответственности подлинному гуманизму и социальной справедливости. Не случайно в буржуазной юридической науке раздаются голоса, отвергающие «правовое морализирование». Такая позиция характерна для прагматической и позитивистской юриспруденции; наиболее завершенное выражение она нашла в теориях Кельзена. Это «социальное безразличие» к морали связано со стремлением уйти от вопроса о положении личности в буржуазном праве, исключить критерии, дающие возможность показать его подлинную сущность, антигуманную узкоклассовую направленность, противоречащую социальной справедливости.

Сегодня даже некоторые буржуазные ученые видят глубокие противоречия между буржуазным правом и моралью, что в значительной мере объясняет провозглашаемый ими разрыв права и морали. Так, австрийский профессор Ф. Крафт пишет: «То, что мораль независима от права, не нуждается в специальных разъяснениях. Но и право теоретически независимо по отношению к морали. Обязанность следовать нормам права является не моральной, а чисто правовой. Всеобщее требование следовать нормам права могло бы выводиться из морали только тогда, когда право было бы сферой морали, если бы следование его нормам было бы в интересах морали. Такое положение возможно лишь при условии непротиворечивости права и морали. Но в действительности это не так. Рабство или расовая и религиозная дискриминация, которые противоречат моральным требованиям свободы самоопределения, возводились в нормы права. Поэтому из морали нельзя вывести обязанность следовать нормам права. Эта обязанность в значительной мере возникает из самого права, и ее выполнение определяется угрозой применения наказания в случае его несоблюдения»⁶².

«Моральное измерение» права — это оценочное отношение к действующей системе права, к ее отдельным институтам и нормам. Оно позволяет видеть подлинную сущность права, которая не только выражается в провозглашаемых правах и свободах, но и раскрывается в нравственных аспектах правового положения личности, ее взаимоотношениях с государством и обществом. Именно поэтому в буржуазных учениях либо отвергается возможность моральных оценок права, либо эти оценки выводятся из абстрактных категорий вечной справедливости, естественного или божественного права и т. д.

⁶² Kraft V. Recht und Moral.— Juristische Bläten, 1970, Н. 21/22, S. 543—544.

Марксистская традиция исследования природы и сущности права неотделима от этических оценок, позволяющих раскрыть его *моральную ценность — ориентацию на личность, справедливое обеспечение ее интересов и потребностей*. К такому оценочному отношению подключаются и элементы общечеловеческой морали, которые в конечном счете всегда определялись тем, деятельность какого класса в наибольшей степени способствует созданию условий, обеспечивающих всестороннее развитие личности⁶³.

С этих позиций коммунистическая нравственность является итогом нравственного развития человечества, вобравшим лучшие его традиции. Марксизм не только не отрицает, но и утверждает связь новой коммунистической нравственности с лучшими, выработанными веками традициями человечества. Новая редакция Программы КПСС подчеркивает, что наша мораль впитала в себя простые, общечеловеческие нравственные ценности⁶⁴. Эти ценности являются необходимой нравственной основой, без которой человек не может воспринять моральных требований, связанных с утверждением народовластия, социалистической собственности, социальной справедливости и законности. Предписания советского права не могут быть интериоризированы без опоры на эти элементарные общечеловеческие ценности, равно как и моральные оценки всегда должны иметь в своей основе такие представления о правилах поведения в обществе.

Разумеется, общечеловеческое в морали не может абсолютизироваться. Оно всегда подвергается классовой интерпретации, выступает в контексте определенной классовой морали и реализуется через исторические типы нравственности. В процессе общественного развития и смены одних типов нравственности другими происходило наращивание общечеловеческого потенциала морали. Социалистическая мораль, опираясь на лучшие нравственные традиции прошлого, сохраняя классовую сущность, углубляет и расширяет свою общечеловеческую природу⁶⁵. Это связано с совершенствованием личности, необходимостью в полной мере овладеть теми элементарными, веками известными, тысячелетиями повторяющимися во всех прописях⁶⁶ нормами поведения, без которых невозможно нормальное функционирование общества.

Поэтому моральная ценность социалистического права выражает его классовые и общечеловеческие характеристики как явления, впервые в истории создающего условия для всестороннего развития личности, воплотившего идеалы лучших представителей человечества. Поскольку механизмы морального воздействия ориентированы на личность, то моральная ценность права всегда имеет личностные аспекты, раскрывающие оценку права личностью и его воздействие на личность. Усвоение личностью элементарных норм челове-

⁶³ См.: Пазенок В. С. Апология аморализма: Критический очерк буржуазного этического релятивизма. М., 1982, с. 200.

⁶⁴ См.: Правда, 1986, 7 марта.

⁶⁵ См.: Мораль развитого социализма: Актуальные проблемы теории. М., 1976, с. 96.

⁶⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 89.

ческой морали является условием практической реализации правовых норм. Вместе с тем такое усвоение происходит в значительной мере под воздействием права. Можно полностью согласиться с А. Ципко в том, что если рассматривать социалистический образ жизни с точки зрения содержащихся в нем нравственных требований и норм, «то можно сказать, что он должен содержать в себе (как в определенном образце нравственного поведения) как минимум все ценности общечеловеческой морали. Честность, трудолюбие, отзывчивость, справедливость, сознание ответственности за свое поведение и выполнение взятых на себя обязательств, деловитость — это, так сказать, программа-минимум для человека, живущего в социалистическом обществе»⁶⁷.

Моральная ценность социалистического права определяется тем, что оно ориентируется на такие качества личности, которые выражают как общечеловеческие ценности, впервые в истории получившие реальную основу для своего осуществления, так и новые моральные идеалы и принципы. Как отмечается в новой редакции Программы КПСС, социалистическая мораль наряду с общечеловеческими нравственными ценностями впитала те нормы поведения людей и отношений между ними, которые рождены народными массами в многовековой борьбе против эксплуатации, за свободу и социальное равенство, за счастье и мир.

Этим определяется возрастание моральной ценности социалистического права, дальнейшее развитие его гуманизма, неотделимого от социальной справедливости. Обобщающая моральная категория *добра* самым тесным образом связана с гуманизмом и справедливостью; любые отступления от этих принципов оборачиваются социальным злом, несовместимым с нормами и идеалами социалистической морали. Рассмотрение развития общенародного права с позиций гуманизма и социальной справедливости убедительно показывает этическую сущность этого процесса, его личностную ориентацию, «человеческое» наполнение.

Социальное действие права связано с практической реализацией нравственных идей и принципов. Моральная ценность права определяется, с одной стороны, тем, насколько полно раскрываются этические идеи и принципы в самом содержании права и в процессе его реализации, с другой — насколько эффективно «обратное» воздействие права на улучшение нравственно-психологического климата общества. Обе эти стороны моральной ценности права показывают его органическую включенность в духовный мир общества, вне которого право утрачивает не только нравственную, но и свою собственную ценность как специфически юридического явления. И право и мораль — важнейшие компоненты духовной жизни общества, органично входящие в общественное сознание, в социальную психологию, в структуру личности. В данной связи вызывает возражение позиция С. С. Алексеева, который одно из наиболее существенных различий между правом и моралью видит в том, что «моральные нормы

⁶⁷ Ципко А. Социализм: жизнь общества и человека. М., 1980, с. 232.

по сравнению с правовыми непосредственно связаны с духовной жизнью людей», что юридические нормы «живут» не в сознании людей, а в официальных актах — источниках права; «мораль же представляет собой такую систему общих правил (принципов), которая выполняет функции по духовному воздействию», «в морали функции регулирования и ее роль как духовного фактора нераздельны»⁶⁸.

Представляется бесспорным, что право, как и мораль, непосредственно связано с духовной жизнью общества, что в праве, как и в морали, функция духовного воздействия на личность неотделима от регулятивной функции. Выражение правовых норм в официальных юридических актах ни в какой мере не исключает бытия правовых норм в сознании людей, без которого невозможна их социальная деятельность. Реальная жизнь права — это не выражение правовых норм в источниках права, а их «освоение» сознанием людей, их значимость в духовной жизни общества. При ином подходе специфическая официальная форма выражения правовых норм снижает значимость права в духовной жизни общества, ставит его в неблагоприятное положение по сравнению с моралью.

Правовое развитие социалистического общества убедительно свидетельствует о том, что совершенствование законодательства и правоприменительной деятельности, укрепление правовых основ государственной и общественной жизни возможны только при условии тесного взаимодействия правовых и нравственных начал, образующих особую духовную атмосферу уважения к правилам и эталонам поведения, ценностным ориентирам. Ориентация на моральные ценности важна во всех сферах жизни общества — в политической, юридической, эстетической, культурной. Отступление от моральных принципов в любой области общественных отношений ведет к снижению роли иных социальных регуляторов, к дисфункции социального регулирования. Следует согласиться с Л. М. Архангельским, что регулятивные функции, присущие другим видам сознания, реализуются в поведении, деятельности людей не иначе, как через посредство морального сознания⁶⁹.

Исходя из этого трудно переоценить значение моральных критериев для укрепления правовых основ жизни общества. Эффективность самого совершенного закона может быть снижена в результате действия негативных моральных явлений. И напротив, одним из важных условий повышения эффективности закона является его опора на нравственные ценности общества.

В свою очередь, право как духовный фактор активно воздействует на формирование морали. Общеправовое право, воплощая принципы демократизма, интернационализма, законности, равноправия, справедливости, оказывает огромное воздействие на нравственное

⁶⁸ Алексеев С. С. Проблемы теории права: Курс лекций. В 2-х т. Свердловск, 1972, т. 1, с. 71.

⁶⁹ См.: Архангельский Л. М. Социально-этические проблемы теории личности. М., 1974, с. 23.

сознание общества; общеобязательность правовых норм способствует росту организованности и дисциплины граждан. То внимание, которое уделяет Коммунистическая партия укреплению социалистической законности, искоренению правонарушений, не только способствует правовому воспитанию советских людей, но и самым непосредственным образом влияет на нравственную атмосферу общества.

В настоящее время есть все основания говорить о сближении правовых и нравственных принципов. Без массового осознания нравственных категорий долга, чести, совести не может быть подлинной законности в обществе; равно как и нравственный климат общества должен прочно опираться на правовые категории демократизма, равноправия, законности, справедливости. Можно с полным основанием оценивать общенародное право не только как политико-юридический, но и как социально-этический фактор.

В социалистическом обществе право не является «минимумом» нравственности, ее «нижним этажом»; оно воплощает высокие нравственные идеалы, которые закреплены прежде всего в конституциях социалистических государств. В Конституции СССР провозглашены принципы гуманизма и справедливости, уважения личности, заботы о благе общества и своих сограждан, свободного развития каждого как условия свободного развития всех и др. Эти принципы развиваются и конкретизируются в текущем законодательстве.

Гуманизм как моральный ценностный критерий права является одним из важнейших направлений правового развития зрелого социалистического общества. Последовательное «становление практического гуманизма»⁷⁰ раскрывается в ориентации социалистического права на личность, на обеспечение ее возрастающих материальных и духовных потребностей, которое является закономерностью развития социалистического общества. В новой редакции Программы КПСС подчеркивается, что в социалистическом обществе идеи свободы, прав человека и достоинства личности наполнены реальным жизненным содержанием⁷¹.

Признание достоинства и ценности человека, воспитание людей в духе взаимного уважения — ведущие принципы социалистического права, раскрывающие его моральную ценность, нравственную сущность правовой жизни социалистического общества, его связь с возвышением потребностей личности.

Закон возвышения потребностей нашел отражение в расширении конституционных прав граждан, которые предоставляют личности новые возможности для участия в политической, экономической, социально-культурной сферах жизни общества.

Конституция закрепила новые права граждан: право на жилище, право на пользование достижениями культуры, право на участие в управлении государственными и общественными делами, право на обращение, право на обжалование незаконных действий должност-

⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 637.

⁷¹ См.: Правда, 1986, 7 марта.

ных лиц; значительно расширила социальные возможности личности в сфере ранее провозглашенных конституционных прав — права на труд, права на образование, на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни, полной или частичной утраты трудоспособности, в случае потери кормильца.

Закон возвышения потребностей определяет не только расширение прав, но и характер новых конституционных обязанностей граждан, выражающих упрочение нравственных начал жизни общества, органическую потребность личности соотносить свои интересы с интересами общества и государства. Вся система конституционных обязанностей ориентирована на морально развитую личность; вместе с тем эти обязанности имеют огромную нравственную ценность и способствуют дальнейшему моральному совершенствованию личности. Обязанности соблюдать законы и правила социалистического общежития, с достоинством нести высокое звание гражданина СССР (ст. 59), честно и добросовестно трудиться и соблюдать трудовую дисциплину (ст. 60), беречь и укреплять социалистическую собственность (ст. 61), оберегать интересы Советского государства, способствовать укреплению его могущества и авторитета, защищать социалистическое Отечество (ст. 62), уважать национальное достоинство других граждан, укреплять дружбу наций и народностей Советского многонационального государства (ст. 64), уважать права и законные интересы других лиц, быть непримиримым к антиобщественным поступкам, всемерно содействовать охране общественного порядка (ст. 65) выражают отношение к правовым и нравственным ценностям социалистического общества, раскрывают не только юридическую, но и нравственную природу ответственности личности перед обществом. Особо следует отметить конституционное закрепление тех обязанностей, которые ранее полностью относились к сфере нравственной жизни общества: обязанности заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, обязанности заботиться о родителях и оказывать им помощь (ст. 66), беречь природу, охранять ее богатства (ст. 67), заботиться о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей (ст. 68), содействовать развитию дружбы и сотрудничества с народами других стран, поддерживать и укреплять всеобщий мир (ст. 69). Закрепление этих обязанностей свидетельствует о возрастании нравственных начал общеправового права, его моральной ценности, об усилении взаимодействия правовых и нравственных регуляторов социалистических общественных отношений.

Процесс гуманизации права охватывает практически все сферы его действия; в нем раскрываются нравственные аксиологические критерии права, его ориентация на удовлетворение возрастающих материальных и духовных потребностей личности. Данный процесс можно проследить на примере правового регулирования трудовых отношений, охватывающих важнейшие интересы и потребности личности в социалистическом обществе. Право на труд — одно из основных конституционных прав личности. Статья 40 Конституции СССР формулирует это право широко, учитывая в нем и личные

интересы гражданина, и общественные потребности: «Граждане СССР имеют право на труд,— то есть на получение гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством и не ниже установленного государством минимального размера,— включая право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и учетом общественных потребностей.

Это право обеспечивается социалистической системой хозяйства, неуклонным ростом производительных сил, бесплатным профессиональным обучением, повышением трудовой квалификации и обучением новым специальностям, развитием систем профессиональной ориентации и трудоустройства».

После принятия Конституции СССР были внесены соответствующие изменения в Основы законодательства о труде и республиканские КЗоТ, которые вытекали из фундаментальных характеристик права на труд, содержащихся в ст. 40. Право на труд, на оплату труда, на профессиональную подготовку получили новое, более глубокое наполнение. Конституция закрепила и право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей. Основы и КЗоТ конкретизировали конституционное право в перечне основных трудовых прав, раскрывающем их гуманную направленность, связанную с удовлетворением интересов личности, их гармоничным сочетанием с общественными интересами и потребностями.

Этой цели служит и развитие таких институтов и принципов, как материальное и моральное стимулирование труда, расширение прав предприятий в области регулирования трудовых отношений, укрепление законности в этой области, расширение прав трудовых коллективов и прав профсоюзов, расширение области регулирования условий труда по соглашению сторон трудового договора⁷².

По мере дальнейшего укрепления экономического потенциала, увеличения материальных ресурсов общества уровень трудовых прав рабочих и служащих будет возрастать. В современных условиях одной из важных тенденций развития советского трудового законодательства является недопустимость снижения достигнутого уровня трудовых прав⁷³. Динамика трудовых прав может осуществляться лишь в направлении расширения их объема, повышения их уровня. Данный процесс будет сопровождаться возрастанием ответственности за честное и добросовестное отношение к своим трудовым обязанностям, дисциплину труда, повышение его производительности. В таком развитии трудовых прав и обязанностей личности выражается признание не только экономической и социальной, но и моральной ценности труда. Отсюда следует вывод о том, что дальнейшее развитие трудовых прав и обязанностей личности в своей основе имеет не только социально-экономические, но и нрав-

⁷² См.: Иванов С. А., Лифшиц Р. З. Указ. соч., с. 68.

⁷³ См.: Там же, с. 123—131.

ственные критерии, связанные с усилением охраны труда, улучшением условий труда, т. е. с дальнейшей гуманизацией трудовых отношений. Таким образом, нравственность активно включена в развитие трудового законодательства, а нравственные критерии и оценки — важное условие его совершенствования.

Труд является основной формой человеческой жизнедеятельности, одной из важнейших моральных ценностей человечества. Ст. 14 Конституции СССР провозглашает труд источником общественного богатства, благосостояния народа и каждого советского человека, определителем положения человека в обществе. Государство, сочетая материальные и моральные стимулы, поощряя новаторство, творческое отношение к работе, способствует превращению труда в первую жизненную потребность.

Превращение труда в первую жизненную потребность человека тесно связано с возвышением его потребностей, с нравственным воспитанием личности, а также с дальнейшим совершенствованием мер морального и материального стимулирования. Превращение труда в первостепенную жизненную потребность человека — важнейшая составная часть общего процесса формирования нового человека. Оно требует длительного времени, применения взвешенных и продуманных форм воздействия на сознание и поведение людей. Поэтому такое значение приобретают нравственные критерии развития трудового законодательства, повышение его воспитательного воздействия, его роли в обеспечении интересов личности.

От труда человека зависит и объем тех благ, которые получает он в сфере социального обеспечения. Законодательное регулирование сферы социального обеспечения — один из показателей социальной справедливости в обществе, эквивалентности распределительных отношений. Правовое регулирование социального обеспечения затрагивает интересы каждого гражданина, поэтому сфера социального обеспечения всегда находится в поле моральных отношений, суждений, оценок, построенных на категориях добра, справедливости, гуманизма. Развитие правового регулирования социального обеспечения в социалистическом обществе имеет глубокую нравственную основу, удовлетворяя психологическую потребность личности в ощущении социальной защищенности задолго до наступления нетрудоспособности⁷⁴. Уверенность человека в завтрашнем дне благоприятно влияет на нравственный климат в семье, коллективе, обществе. Право граждан на материальное обеспечение в старости, в случае болезни, полной или частичной утраты трудоспособности, а также потери кормильца зафиксировано в ст. 43 Конституции СССР. Особое место в сфере социального обеспечения занимают обеспечение и охрана материнства и детства. Статья 35 Конституции СССР предусматривает: создание условий, позволяющих женщинам сочетать труд с материнством; правовую защиту, материальную и моральную поддержку материнства и детства, включая предоставление оплачиваемых отпусков и других льгот беременным женщи-

⁷⁴ См.: Социальная политика. М., 1977, с. 19.

нам и матерям; постепенное сокращение рабочего времени женщин, имеющих малолетних детей. Государство проявляет заботу о семье путем создания и развития широкой сети детских учреждений, организации и совершенствования службы быта и общественного питания, выплаты пособий по случаю рождения ребенка, предоставления льгот и пособий многодетным семьям, а также других видов пособий и помощи семье (ст. 53 Конституции СССР).

Правовое регулирование социального обеспечения в развитом социалистическом обществе выражает присущие нашей общественной системе тенденции к *равновесию, выравниванию, равенству*⁷⁵, способствующей все более полной практической реализации принципа социальной справедливости. Оценивая развитие правового регулирования социального обеспечения в современных условиях с позиций нравственности, можно четко проследить его основную линию, направленную на обеспечение интересов личности, гуманизацию общественных отношений. Расширение прав граждан в области социального обеспечения идет как путем распространения сферы социального обеспечения на те группы населения, которые ранее находились за ее пределами, так и путем повышения уровня обеспечения, увеличения объема благ, предоставляемых нетрудоспособным⁷⁶.

Следует отметить прежде всего распространение системы пенсионного обеспечения на колхозников. После принятия Закона о пенсиях и пособиях членам колхоза от 15 июля 1964 г.⁷⁷ были внесены существенные изменения в законодательство, направленные на выравнивание, сближение пенсионного обеспечения колхозников, рабочих и служащих; установлены единый возраст для назначения пенсий рабочим, колхозникам и служащим, одинаковые условия для назначения пенсий по возрасту и инвалидности, т. е. сформировалась единая государственная система социального обеспечения; повышены минимальные размеры пенсий членам колхозов — инвалидам I и II групп; возросли минимальные размеры пенсий колхозникам по старости, а также в случае потери кормильца. Правовые меры социального обеспечения колхозников — важный шаг в утверждении принципа социальной справедливости. Отсутствие таких мер на предшествующих этапах было связано с недостаточным уровнем экономического развития колхозного производства. Необходимо было приведение пенсионного обеспечения колхозников в соответствие с принципами равноправия и справедливости. Вполне естественно, что с позиций нравственности трудно было оправдать отсутствие системы социального обеспечения колхозников; с повышением уровня экономического развития колхозов появились источники финансирования, способные устранить неравенство, вытекающее из особенностей форм собственности и классовых различий рабочего класса и крестьянства.

⁷⁵ См.: *Мальцев Г. В.* Социальная справедливость и право. М., 1977, с. 160.

⁷⁶ См.: *Азарова Е. Г., Козлов А. Е.* Указ. соч., с. 128.

⁷⁷ См.: Вестник Верхов. Совета СССР, 1964, № 29, ст. 340.

После принятия Конституции СССР 1977 г. идет процесс дальнейшего расширения прав граждан в сфере социального обеспечения, цель которого состоит в постепенной ликвидации существенных различий между отдельными категориями населения, всестороннем учете особенностей их положения (социального, семейного, физического и т. д.).

Были введены новые виды социального обеспечения (частичная оплата отпуска по уходу за ребенком в возрасте до одного года⁷⁸, установление пенсионного обеспечения для бывших членов колхозов и их семей⁷⁹; распространение пенсионного обеспечения на жен военнослужащих, погибших на фронте, если они находились на иждивении своих мужей⁸⁰, назначение государственных пенсий по старости при неполном стаже для матерей, имеющих пять и более детей, а также для матерей инвалидов с детства⁸¹ и др.).

С 1 января 1980 г. повышены минимальные размеры пенсии для колхозников, а с 1 ноября 1981 г. установлены новые минимальные размеры всех видов государственных пенсий; увеличены размеры государственных пособий инвалидам с детства; с 1 января 1981 г. увеличены размеры пособий для одиноких матерей.

Нравственные критерии лежат в основе юридических мер, обеспечивающих дополнительные льготы и преимущества участникам Великой Отечественной войны. Такие льготы предусмотрены постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 ноября 1978 г. «О мерах по дальнейшему улучшению материально-бытовых условий участников Великой Отечественной войны»⁸², а также постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 21 февраля 1980 г. «О дополнительных мерах по улучшению материально-бытовых условий участников Великой Отечественной войны»⁸³, постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 26 июля 1984 г. «О мерах по дальнейшему улучшению материально-бытовых условий участников Великой Отечественной войны и семей погибших военнослужащих»⁸⁴.

Осуществляется система мер по улучшению жизни женщин-матерей и подрастающего поколения, увеличению в этих целях государственной помощи семьям с детьми и молодоженам. Это способствует повышению доходов семей с детьми, улучшению их жилищно-бытовых условий, дальнейшему развитию сети дошкольных учреждений, увеличению свободного времени женщин-матерей, созданию лучших условий для воспитания детей. Такое направление деятельности Коммунистической партии имеет особое нравственное звучание, так как забота о детях, о женщине-матери является в нашей стране поистине делом государственной важности.

⁷⁸ См.: СП СССР, 1981, № 13, ст. 75; № 24, ст. 139, 141.

⁷⁹ См.: Ведомости Верхов. Совета СССР, 1978, № 28, ст. 445.

⁸⁰ См.: Там же, 1980, № 23, ст. 439.

⁸¹ См.: СП СССР, 1981, № 13, ст. 75; № 24, ст. 140.

⁸² См.: Там же, 1978, № 27, ст. 164.

⁸³ См.: Там же, 1980, № 9, ст. 62.

⁸⁴ См.: Там же, 1985, № 9, ст. 34.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 января 1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей»⁸⁵ подчеркивается, что семья является одной из высших моральных ценностей социалистического общества. Постановление предусматривает назначение пособий женщинам, занятым уходом за детьми в возрасте до одного года, в твердом размере, наиболее полное удовлетворение потребности в дошкольных учреждениях, повышение расходов на питание в дошкольных учреждениях на 10—15%, освобождение от платы за содержание детей в яслях, садах и школах-интернатах семей, в которых средний доход на члена семьи не превышает 60 руб. в месяц.

Основные направления экономического и социального развития СССР на 1985—1990 годы и на период до 2000 года предусматривают расширение помощи семьям, имеющим детей, усиление заботы о ветеранах войны и труда, нетрудоспособных гражданах и семьях погибших воинов. Намечаются меры по улучшению пенсионного обеспечения, дальнейшему повышению минимальных размеров пенсий по возрасту и инвалидности рабочим и служащим, ранее назначенных пенсий колхозникам.

Дальнейшее повышение объема и уровня прав личности в сфере труда и социального обеспечения связано с упрочением и развитием социалистической экономики, ростом общественных фондов потребления, занимающих все более важное место в удовлетворении потребностей личности.

Расширение прав граждан будет способствовать устранению все еще имеющихся несоответствий отдельных законодательных положений задаче справедливого удовлетворения потребностей всех членов общества, поднятию их на уровень моральных ценностей социалистического общества. Речь идет прежде всего о дальнейшем выравнивании правового положения колхозников и работников государственных предприятий. Представляется необходимым распространить пенсионное обеспечение на членов колхозов — инвалидов III группы от общего заболевания, а также на колхозников, имеющих неполный трудовой стаж; расширить круг лиц, имеющих право на пенсию по случаю потери кормильца — колхозника. Есть и другие несоответствия, которые необходимо постепенно преодолевать. Так, минимальные пенсии колхозников ниже, чем у рабочих и служащих; стаж работы свыше установленного для приобретения права на пенсию у колхозников не учитывается: надбавки к пенсиям им не назначаются⁸⁶. Нет необходимости говорить о социальной важности нелегкого труда колхозников. Поэтому дальнейшее выравнивание условий социального обеспечения окажет благотворное воздействие на нравственно-психологическое настроение колхозного крестьянства, повысит уверенность в завтрашнем дне, заинтересованность в работе в сфере сельскохозяйственного производства. Такие мероприятия

⁸⁵ См.: Там же, 1981, № 13, ст. 75.

⁸⁶ См.: Азарова А. Г., Козлов А. Е. Указ. соч., с. 132—133, 175—177.

являются дальнейшей практической реализацией принципа социальной справедливости и гуманизма, повысят моральную ценность права.

Заслуживают внимания и другие предложения, связанные с утверждением юридического равноправия между отдельными категориями граждан в сфере социального обеспечения. А. Г. Азарова и А. Е. Козлов на основе всестороннего исследования права социального обеспечения привлекли внимание и к другим нерешенным проблемам в этой области, которые самым непосредственным образом затрагивают нравственные воззрения, убеждения, представления граждан о добре и справедливости. В этой связи следует указать на несоответствия между нормами права социального обеспечения и нормами семейного права⁸⁷. Например, круг лиц, обладающих правом на пенсию, уже круга членов семьи, на которых семейное право возлагает обязанность по взаимному содержанию. В случае смерти реального или потенциального кормильца нетрудоспособные члены его семьи остаются за пределами пенсионного обеспечения. Это касается, в частности, жены в период беременности, нуждающейся в материальной помощи. Согласно ст. 13 Основ законодательства о браке и семье, она имеет право на содержание мужа; пенсия же за него ей назначена быть не может.

Внутренняя непротиворечивость системы права — необходимое условие ее правильного восприятия и оценки с позиций правового и морального сознания. Для личности авторитет, престиж права в значительной степени зависят от его безупречности, согласованности всех его позиций, *социальной оправданности* возможных и неизбежных в условиях социализма различий правового положения отдельных категорий населения. Если же различия не имеют такого обоснования, то они получают негативную нравственную оценку как несправедливые, противоречащие идее равноправия. Поэтому устранение противоречий, несогласованностей между отраслями права, юридическими институтами и нормами благотворно влияет на моральное состояние общества. Это особенно важно в тех случаях, когда указанные несоответствия затрагивают личные интересы граждан, имеющие первостепенное жизненное значение.

Следует поддержать и предложение, связанное с распространением пенсионного обеспечения на лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью⁸⁸. Статья 17 Конституции СССР допускает индивидуальную трудовую деятельность в сфере кустарно-ремесленных промыслов, сельского хозяйства, бытового обслуживания населения, а также другие виды деятельности, основанные исключительно на личном труде граждан и членов их семей. В данной статье отмечается, что государство регулирует индивидуальную трудовую деятельность, обеспечивая ее использование в интересах общества.

Если индивидуальная трудовая деятельность используется в *интересах общества*, то не вызывает сомнений ее социальная

⁸⁷ См.: Там же, с. 126—127.

⁸⁸ См.: Там же, с. 133.

полезность. Отсюда следует вывод о том, что было бы справедливо и морально оправданно распространить пенсионное обеспечение и на эту категорию населения.

По мере выполнения социально-экономических программ у Советского государства появятся реальные материальные возможности для устранения указанных выше несоответствий. В двенадцатой пятилетке только за счет общегосударственных мер по повышению заработной платы, пенсий и пособий доходы возрастут более чем у половины всего населения⁸⁹. Линия на расширение прав личности в сфере социального обеспечения получит дальнейшее развитие и законодательное закрепление. В этом проявляется реальная забота об удовлетворении потребностей личности. Данный процесс окажет воздействие на дальнейшую гуманизацию права, повышение его моральной ценности.

Личностную ориентацию права, повышение его гуманистической направленности можно проследить не только на примерах конституционного и трудового права, права социального обеспечения. Такая направленность характеризует развитие всех отраслей советского права, отражая процесс расширения прав граждан, усиления их охраны. В данной связи большой интерес представляют тенденции развития уголовного права, выражающие общую линию на сужение и смягчение уголовной репрессии, которая проводится со времени принятия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (1958 г.).

Новые тенденции в развитии уголовного законодательства определяются рядом факторов: укреплением экономической мощи Советского государства, демократизацией всей политической и общественной жизни, повышением внимания к вопросам укрепления законности и усиления охраны прав граждан, более взвешенными оценками эффективности сроков и форм лишения свободы. Наряду с этим важное значение имеет возрастание моральных факторов в жизни общества, возможность использования нравственных форм воздействия на лиц, совершивших правонарушения.

Указанная выше тенденция получила развитие в уголовных кодексах союзных республик, принятых в 1959—1961 гг. Так, УК РСФСР 1960 г. устанавливает возможность применения к лицу, совершившему преступление, мер общественного воздействия, а не уголовного наказания; по ряду деяний уголовная ответственность может наступить лишь после применения мер административного воздействия (ст. 162, 166, 197 и др.); малозначительные правонарушения признаются преступными лишь при повторности или неоднократности их совершения (ст. 122, 152, 157, ч. 3 ст. 206). Декриминализация была распространена на 20 деяний, не представляющих большой общественной опасности⁹⁰.

Следует отметить и смягчение ответственности за многие обще-

⁸⁹ См.: Правда, 1986, 4 марта.

⁹⁰ См.: Основания уголовно-правового запрета. М., 1982, с. 104—105.

ственно опасные действия. 60% всех санкций, предусматривающих лишение свободы, устанавливали максимальный предел до трех лет, расширялось применение мер наказания, не связанных с лишением свободы.

Вместе с тем УК РСФСР признал преступными десять общественно опасных деяний, которые ранее не были криминализированы. Криминализация этих деяний продиктована необходимостью решительной борьбы с такими антиобщественными явлениями, которые вступают в явное противоречие с принципами и нормами социалистического образа жизни, его основными ценностями — обязанностью заниматься общественно полезным трудом, уважением к правам и интересам других лиц, необходимостью заботиться об охране природы, беречь ее богатства. В соответствии с этим была предусмотрена уголовная ответственность за систематическое занятие бродяжничеством и попрошайничеством; создание групп, деятельность которых связана с причинением вреда гражданам; нарушение правил охраны рыбных запасов; загрязнение водоемов и воздуха; уничтожение памятников⁹¹.

Формы уголовно-правового воздействия не остаются неизменными, они учитывают реальное состояние общественных отношений, уровень культуры, правового и морального сознания общества. Уголовный закон должен динамично реагировать на изменения, происходящие в обществе, всесторонне изучать причины, определяющие необходимость смягчения или усиления мер уголовной репрессии на каждом данном этапе развития общества. Как уже отмечалось, такая линия была развита законодателем в Указах Президиума Верховного Совета СССР, принятых в 1981—1982 гг., вносящих изменения в Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик.

Эти глубоко гуманные, нравственные основы уголовной политики Советского государства полностью соответствуют положениям К. Маркса о нравственной ответственности законодателя за правильность признания тех или иных действий преступными. «Разве каждый из граждан не связан с государством тысячью жизненных нервов, и разве оно вправе разрезать все эти нервы только потому, что этот гражданин самовольно разрезал *какой-нибудь один* нерв? Государство должно видеть и в нарушителе лесных правил человека, живую частицу государства, в которой бьется кровь его сердца, солдата, который должен защищать родину, свидетеля, к голосу которого должен прислушиваться суд, члена общины, исполняющего общественные функции, главу семьи, существование которого священо, и, наконец, самое главное — гражданина государства. Государство не может легкомысленно отстранить одного из своих членов от всех этих функций, ибо государство отсекает от себя свои живые части всякий раз, когда оно делает из гражданина преступника. И *нравственный* законодатель прежде всего будет считать самым серьезным, самым болезненным и опасным делом, когда к области

⁹¹ См.: Там же, с. 107—108.

преступлений относят такое действие, которое до сих пор не считалось преступным»⁹².

Целесообразность и справедливость мер уголовной ответственности чрезвычайно важны для нравственно-психологического климата общества. Эта проблема имеет два аспекта.

Во-первых, уголовное преступление — это всегда посягательство на чьи-либо интересы — личности, социальной группы, общества, государства. Поэтому каждый член общества проявляет глубокую заинтересованность в пресечении и искоренении подобных действий. Формы и методы государственного воздействия на преступные проявления вызывают самую острую и непосредственную реакцию, подвергаются моральным оценкам (подчас весьма разноречивым) с позиций справедливости, добра, пользы и т. д. Моральные оценки оказывают существенное влияние на степень социальной активности граждан в их борьбе с преступностью. Поэтому законодатель призван неизменно учитывать, что моральное сознание масс никогда не бывает нейтральным к избранным мерам уголовного наказания. Разумеется, моральные оценки на уровне обыденного сознания отличаются подчас от тех выводов, к которым приходят наука и законодатель относительно мер уголовного наказания (например, в обыденном сознании прочно укрепилось представление о том, что только ужесточение наказания может обеспечить эффективную борьбу с преступностью). В этих случаях нужна большая воспитательная работа, направленная на разъяснение правильности и справедливости мер уголовного наказания, избранных законодателем.

Во-вторых, целесообразность и справедливость мер уголовной ответственности призваны оказывать воспитательное воздействие на лицо, совершившее преступление. Соразмерность наказания характеру совершенного противоправного действия — необходимое условие восприятия его как справедливого и, стало быть, условие преобразования, переделки сознания, психологии, морали правонарушителя. Любое преступление аморально. Разумеется, оценка преступления как аморального не должна абстрагироваться от социально-экономических и классовых условий общества. В антагонистических общественно-экономических формациях борьба прогрессивных, революционных элементов общества против существующего режима оценивалась как преступная и аморальная только с позиций господствующих классов. С позиций классов угнетенных, с точки зрения норм общечеловеческой морали такая борьба была образцом высокой нравственности и социальной справедливости.

В условиях социалистического общества возможна лишь однозначная моральная оценка преступного. И очень важно, чтобы не только преступность, но и аморальность совершенного деяния осознали и лица, к которым применяется наказание, и окружающие. Поэтому советское уголовное право предусматривает возможность всестороннего учета обстоятельств дела и личности преступника, с тем чтобы мера наказания была справедливой и нравственно оправдан-

⁹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 132.

ной. Эту мысль прекрасно сформулировал М. С. Строгович: «Нравственное содержание вкладывается в само понятие уголовного наказания: наказание — мера, предназначенная для достижения нравственно справедливых целей с помощью нравственно допустимых средств. Уголовное наказание применяется тогда, когда именно оно необходимо для охраны важных социальных ценностей, и применяется оно соразмерно общественной опасности содеянного, т. е. в таком виде и в такой мере, в каких является справедливым, юридически и этически оправданным в каждом конкретном случае»⁹³.

Оба эти аспекта связаны очень тесно. Справедливость уголовного закона и неотвратимость его применения к лицу, совершившему преступление, способствуют формированию правильных ценностных ориентиров (правовых и этических), помогают осознанию социального смысла юридической ответственности и наказания, созданию морально-психологической атмосферы нетерпимости к любым правонарушениям. Справедливость уголовного закона и его применения с учетом обстоятельств конкретного дела и личности преступника неотделимы от гуманизма, от понимания ценности человека, необходимости его исправления, а не только наказания. В этой связи правильно отвергается как противоречащая принципам и нормам социалистической морали трактовка наказания как возмездия совершившему преступление за содеянное им⁹⁴.

Именно с позиций гуманизма следует оценивать тенденции уголовной политики Советского государства, направленной на максимальную индивидуализацию наказания, устранение формализма при оценке каждой конкретной ситуации. Поэтому уголовное законодательство не остается неизменным, оно совершенствуется с учетом тех изменений, которые происходят в общественных отношениях и моральном климате общества. Однако основная тенденция его развития остается стабильной — дифференцированный подход к оценке различных по степени общественной опасности преступлений; сохранение суровых мер ответственности за тяжкие преступления и смягчение ответственности за преступления, не представляющие большой общественной опасности. Данная тенденция раскрывает ценностное назначение уголовного права — охрану общественных отношений от преступных посягательств. Эта функция уголовного права носит глубоко гуманный характер, так как в сфере уголовно-правового воздействия личность выступает не только как субъект уголовно-правовой ответственности, но и как субъект уголовно-правовой охраны⁹⁵. Данным критерием должен прежде всего руковод-

⁹³ Судебная этика. М., 1974, с. 35.

⁹⁴ См.: Там же, с. 35.

⁹⁵ По нашему мнению, не вполне корректно рассмотрение личности как объекта уголовно-правовой охраны (см.: Кузнецов А. В. Указ. соч., с. 51—64). Личность обладает субъективным правом на охрану всех условий своей нормальной жизнедеятельности и является активным субъектом, который может рассчитывать на государственную защиту своих прав и законных интересов. Рассмотрение личности как объекта защиты создает впечатление ее пассивности, полной зависимости охраны ее прав и интересов от инициативы государственных органов.

ствовать законодатель для определения оптимальности криминализации. На процесс криминализации и декриминализации влияют самые различные объективные и субъективные факторы, в том числе и общественное самосознание. В этой связи подчас возникают существенные трудности, поскольку в силу его относительной самостоятельности «возможны и негативные явления в общественном сознании, возможно появление, а подчас и довольно широкое распространение неверных, ненаучных представлений, с которыми необходимо вести борьбу»⁹⁶.

Примером таких социально неоправданных представлений о характере уголовной политики, как уже отмечалось, является весьма распространенное мнение о необходимости усиления наказаний по мере поступательного развития общества. В основе таких суждений лежит неправильное представление о характере наказания, об оптимальности его меры для позитивного воздействия на сознание людей, их перевоспитание. Вместе с тем их возникновение не является случайным; оно может быть неадекватной реакцией на те или иные упущения и просчеты в уголовной политике, неоправданные колебания в определении мер наказания (то в сторону смягчения, то в сторону ужесточения), имевшие место в развитии уголовного законодательства на предшествующих этапах, неоправданно широкое применение амнистий. Эти меры не всегда способствовали перевоспитанию правонарушителей, что породило стремление определенных социальных групп к большей «защищенности» от преступных посягательств, которую они усматривают в повышении наказания, его ужесточении.

Любые упущения и просчеты уголовной политики — чрезмерная строгость либо чрезмерная мягкость наказания, социально неоправданная криминализация либо декриминализация определенных деяний — своим неизбежным последствием имеют негативные морально-психологические состояния, которые формируются значительно быстрее, чем преодолеваются. Принцип гуманизма в уголовном праве должен распространяться не только на лиц, совершивших преступления, но и на всех, кто находится в сфере его охранительной функции. Важно умелое, научно обоснованное, социально взвешенное сочетание этих двух аспектов гуманизма с учетом первостепенной значимости общественных интересов и потребностей. Они составляют нравственную основу уголовно-правового запрета, обеспечивают его оптимальную эффективность, которая может быть достигнута только в том случае, если уголовное право «в целом и каждая из его норм специфическим способом воплощают прогрессивный характер, демократизм, гуманизм и исторически высшую справедливость общества развитого социализма»⁹⁷.

Эти позиции неизменно учитываются законодателем в процессе дальнейшего совершенствования уголовного права.

Возрастание нравственной ценности социалистического общена-

⁹⁶ Основания уголовно-правового запрета, с. 149.

⁹⁷ Там же, с. 226.

родного права — это закономерность его развития, проявляющаяся во всей системе права, во всех его отраслях (материальных и процессуальных). Исследование возрастания нравственных начал различных отраслей права — очень интересное и перспективное направление социалистического правоведения⁹⁸, к сожалению не получившее еще должного развития.

Реальная жизнь убеждает нас в том, что моральность в сфере правового регулирования — неотъемлемый элемент, определяющий его эффективность, способствующий упрочению законности и правопорядка. Вся сфера правового регулирования — это «пространство моральности», и любое вторжение в данную сферу, противоречащее этическим нормам и принципам, имеет подчас весьма отрицательные последствия не только для морального состояния общества, но и для эффективности самого права, для укрепления законности.

Моральная ценность права, выражающаяся в развитии его гуманистических начал, — это практическая реализация идей социальной справедливости, являющейся сферой пересечения и взаимодействия всех социальных факторов — экономических, политических, правовых и моральных. Выше отмечалось, что справедливость — категория и правовая, и моральная. Однако справедливость «приходит» в право из морали, ибо она неотделима от представлений о добре, чести, достоинстве, равенстве. Понятие моральной справедливости содержит в снятом виде все аспекты, связанные с отношениями личности и общества, отношениями между людьми, — и социально-экономические, и политические, и моральные. Моральная справедливость выступает: с одной стороны, как ценностная категория, которая применительно к праву раскрывает его значимость для установления социально оправданного и правильного масштаба, соизмеряющего взаимоотношения личности с государством, обществом и другими людьми; с другой — как оценочная категория, позволяющая установить, насколько юридический масштаб, мера измерения этих взаимоотношений полезны, целесообразны, необходимы и как они должны развиваться, чтобы соответствовать нравственным идеалам и ценностям на каждом этапе развития общества. Моральная справедливость как ценностное свойство общенародного права находит свое концентрированное выражение в системе прав, свобод, обязанностей личности, которые очерчивают ее взаимоотношения с государством. Принципы этих взаимоотношений не только имеют политико-юридический характер, но и выражают этические основы взаимоотношений государства и личности, раскрывающие их гуманизм и социальную ценность.

⁹⁸ См., например: Проблемы судебной этики. М., 1974; Кузнецова Н. Ф. Уголовное право и мораль. М., 1964.

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

1. СВЯЗ ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКИХ И НРАВСТВЕННЫХ СВОЙСТВ ПРАВ, СВОБОД И ОБЯЗАННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

Взаимоотношения государства и личности в социалистическом обществе являются одной из центральных проблем марксистско-ленинской концепции построения социализма, так как в этих отношениях смыкаются важнейшие параметры свободы личности, ее активной созидательной деятельности, связанной с осуществлением политической власти, хозяйствования, социально-культурного строительства. Эти отношения раскрывают практическую реализацию идеи социальной справедливости как выражения морального прогресса общества, оказывающего самое непосредственное воздействие на политико-юридическую сферу социальной жизни.

Взаимоотношения государства и личности опосредствуются системой юридических прав, свобод, обязанностей, которые очерчивают личности определенную сферу свободы, границы этой свободы. Будучи категорией политико-юридической, права, свободы и обязанности в социалистическом обществе — это и этическая категория, поскольку в ней воплощены идеи гуманизма, справедливости, представления о добре, чести, достоинстве.

В своих отношениях с государством личность выступает в качестве гражданина. Понятие «гражданин» раскрывает специфические политико-юридические свойства личности, занимающие важное место в ее общей структуре, в ее социальных характеристиках. Как известно, личность есть субстрат тех общественных отношений, в которых протекает ее жизнедеятельность. Государство, разумеется, не сможет абстрагироваться от потребностей человека как природного существа, от моральных и культурных характеристик личности, ее психологической структуры. И несмотря на то что во взаимоотношениях с государством на передний план выступают политико-юридические свойства личности, в них трансформируются и преломляются также все ее иные качества и структурные особенности, и прежде всего ее моральная направленность.

Как известно, структура личности представляет собой единство социально-типичных и индивидуально-своеобразных качеств. В отношениях с личностью государство ориентируется прежде всего на социально-типичные качества, характеризующие ее как представителя определенного класса, социальной общности и т. д. Эти качества формируются под воздействием всех элементов социальной системы — экономических отношений, политической организации общества, права, морали, культуры, духовного климата, образа жизни — и выражают те сложные и многообразные общественные связи, в ко-

торые включена личность. Характерно, что Конституция СССР в разделе II — «Государство и личность» — дает перечень прав, свобод, обязанностей, свидетельствующий о всестороннем учете не только ее политико-юридических свойств, но и моральных, культурных и других социальных особенностей.

Взаимосвязи государства и личности требуют четкой урегулированности и упорядоченности, что определяется особой важностью такого рода отношений для поддержания существующего строя, его нормального функционирования. Предпосылкой обладания правами и обязанностями является гражданство, выражающее юридическую принадлежность индивида к государству. Данная предпосылка «выступает в юридической форме, получает политико-правовое выражение в институте гражданства, нормы которого определяют условия и порядок приобретения, утраты гражданства и т. д.»¹ Гражданство является юридическим основанием² для личности пользоваться юридическими правами и свободами и выполнять установленные законом обязанности, т. е. основанием правового статуса личности.

Гражданство и вытекающие из него правовые последствия неотделимы от классовой природы государства, от его социальной направленности. Принципиально новый характер отношений между государством и гражданином возникает в обществе, в котором ликвидируется частная собственность и эксплуатация человека человеком, устанавливается подлинное народовластие, создаются условия для свободного и всестороннего развития всех его членов.

Права и обязанности фиксируют сложную систему взаимосвязей социалистического государства и личности. Эти взаимосвязи и отношения формируются на основе объективных закономерностей общественного развития, обуславливающих объем и характер прав и обязанностей граждан. Юридические права и обязанности определяют важнейшие параметры поведения личности в структуре общественных связей классового общества. В условиях социалистического общества права, свободы и обязанности личности — это «система координат», социальных ориентиров, регулирующих отношения личности с государством, обществом, своими согражданами в соответствии с целями построения социализма и коммунизма. Эталоны поведения, сформулированные в виде прав и обязанностей, — это ценности, в которых выражены представления рабочего класса (всего советского народа) о должном, необходимом, целесообразном, справедливом, законном и т. д. Ценностный смысл юридических прав и обязанностей значительно усиливается благодаря их включенности в единую систему ценностей социалистического общества (политическую, этическую). Поэтому при аксиологической характеристике прав и обязанностей следует неизменно учи-

¹ Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979, с. 38.

² Отношения личности и государства могут иметь и иные основания, когда речь идет об иностранцах и лицах без гражданства. Однако в данной главе речь пойдет о взаимоотношениях государства и личности как гражданина.

тивать их политическую и этическую насыщенность, взаимодействие и взаимопроникновение всех форм социалистического общественно-го сознания и соответствующих им видов социальных норм.

Вместе с тем нельзя забывать и о специфике юридических прав и обязанностей, особенностях их воздействия на психологию личности. Эта специфика состоит в том, что, формируясь в общей системе социальных связей, социальных отношений, они официально закрепляются государством и обеспечиваются государственно-правовыми методами воздействия. Права и обязанности органично включены в общественные связи, в различные виды социальной деятельности людей; они помогают личности осознавать свое место в общей системе социальных связей и оказывать воздействие на их дальнейшее развитие. Права и обязанности опосредуют и регулируют правовые связи, которые представляют особую форму социальных связей, выражающую практические, субъективно-мотивированные зависимости между личностью, обществом, государством, между различными людьми.

С социально-психологических позиций права и обязанности включаются в психологию личностей, социальных групп и классов. Преломляясь через психологию личности, права и обязанности опосредуют объективную действительность и индивидуальный опыт личности, тем самым способствуя переводу социального в индивидуальное. Специфика опосредования объективной действительности в системе прав и обязанностей состоит в том, что оно осуществляется в результате действия нормативных предписаний и выбора личностью отношения к правам и обязанностям, реализуемым в практической деятельности. Права и обязанности — это неотъемлемый компонент правового общения людей, в процессе которого происходит трансформация социального, выступающего как система нормативов, адресуемых поведению людей, в индивидуальное, т. е. психологическое осмысление и переработка социального коллективного опыта в личностную плоскость.

Личностное отношение к правам и обязанностям — это проявление степени усвоения социального, выражаемого в характере принимаемых решений, мотивах, способах и средствах реализации юридических нормативов. Перевод юридических прав и обязанностей в личностную сферу, их усвоение — одна из важнейших форм социализации личности.

Однако права и обязанности входят в структуру личности не механически, а в преобразованном виде в форме психологических феноменов. Интериоризация прав и обязанностей показывает сложность взаимодействия общественных отношений и личности, раскрывает «не только связь, но и нетождественность объективного и субъективного в структуре личности и на этой основе — систему взаимосвязанных компонентов внутренней структуры личности; через которую проявляют себя общественные отношения»³.

³ Архангельский Л. М. Социально-этические проблемы личности. М., 1974, с. 72.

Трансформация социального в компоненты внутренней структуры осуществляется посредством определенного механизма, элементами которого выступают потребности, интересы, цели, мотивы, воля, установка, ценностные ориентации. Особенности трансформации прав и обязанностей в структуре личности, ее психологии состоят прежде всего в том, что эти права и обязанности четко сформулированы и зафиксированы в правовых нормах. Если для регуляции морального поведения, как правило, достаточно принципа (трудолюбие, честность, порядочность и т. д.), то в правовой сфере общие принципы раскрываются и конкретизируются в юридически значимых и определенных правах и обязанностях. Например, честное отношение к труду — общий принцип морали. В сфере права он разворачивается в целой системе юридических прав и обязанностей, начиная от наиболее общих (ст. 40 и ст. 60 Конституции СССР) и кончая конкретными правами и обязанностями, зафиксированными в трудовом законодательстве. Четкость и формальная определенность прав и обязанностей — это специфический способ перевода требований социально целого в психологию личности, который предопределяется самой структурой правовых связей, развивающихся по своим закономерностям, связанным с установлением четких границ правового общения, границ саморегуляции и свободы выбора. Если в сфере политических и моральных отношений личности предоставляется широкий простор для саморегуляции, свободы выбора, то в правовой сфере саморегуляция и свобода выбора осуществляются в рамках юридической нормы.

Вместе с тем личностное усвоение прав и обязанностей не может осуществляться без моральной основы. Известно, что нравственные отношения существуют только в личностной форме⁴, являющейся тем фоном, на котором происходит интериоризация политических, юридических и иных норм на базе нравственных оценок и суждений. Поэтому моральные факторы включены не только в само содержание юридических прав, свобод и обязанностей, но и в процесс их осознания и усвоения личностью, определяющий ее социальную активность. От активной жизненной позиции личности зависит совершенствование всех сторон социалистического образа жизни. В формирование такой жизненной позиции, основанной на социалистическом мировоззрении, включены все социальные регуляторы, все формы общественного сознания — политические, правовые, моральные. Для формирования гармонически развитой личности необходимы соответствие политических, правовых и нравственных свойств личности, сочетание политической зрелости, юридической культуры и высокой идейно-нравственной убежденности.

Все эти факторы особенно важны для нормального функционирования сложных связей между государством и личностью, выступающих сторонами общественных отношений, каждая из которых

⁴ См.: Нравственная жизнь человека. М., 1982, с. 33.

имеет права и несет обязанности, зафиксированные в законе⁵. В основе данных отношений лежит система принципов, фиксирующих наиболее общие параметры связей государства и личности и раскрывающих их политико-юридические и этические характеристики. Этическая обоснованность основных принципов таких взаимоотношений способствует их превращению во внутренние убеждения личности, формированию ее активной жизненной позиции, реализации тех социальных возможностей, которые заложены в системе прав и обязанностей.

Основные принципы взаимоотношений общенародного государства и личности — взаимная ответственность государства и личности, гармоническое сочетание интересов государства и личности, социалистическая законность — опираются на важнейшие категории морали — социальную справедливость, долг, ответственность, свободу, честь, совесть, гуманизм. Эти принципы выступают и как основания оценок любых конкретных ситуаций, объективирующих взаимосвязи государства и личности.

2. ПРИНЦИП ВЗАИМНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ

Данный принцип раскрывает сложные зависимости между государством и личностью. Их специфика состоит в том, что государство выступает как носитель власти, а гражданин — как субъект, подчиненный политическому авторитету (власти) государства⁶. Из этой специфики вытекает и своеобразие прав и обязанностей каждой из сторон, которые не являются однопорядковыми субъектами правовых отношений.

Государство как носитель политической власти обладает особыми полномочиями, направленными на упорядочение своих отношений с гражданами.

1. Прежде всего, государство на основе познания объективных потребностей общественного развития определяет объем и характер прав и обязанностей, составляющих правовой статус личности. Государство не может произвольно закреплять объем прав и обязанностей граждан, так как они детерминированы экономическими и иными условиями жизни общества. Поэтому государство должно взвешенно определять такой объем и характер этих прав, который реален для данного этапа исторического развития. Изменение общественных отношений, успехи социалистического строительства сопровождаются расширением круга прав и обязанностей граждан. Основные параметры связей государства и личности обозначены в

⁵ См.: *Патюлин В. А.* Всемерное расширение и охрана прав граждан — важнейшая задача социалистического государства. — В кн.: *Право и коммунизм*. М., 1965, с. 66; *Он же.* Государство и личность в СССР. М., 1974, с. 127; *Мальцев Г. В.* Социалистическое право и свобода личности. М., 1968, с. 27—28; *Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Социалистическое государство*. М., 1972, с. 400.

⁶ См.: *Марксистско-ленинская общая теория государства и права*, с. 397—398.

системе конституционных прав граждан. Однако набор прав и обязанностей личности не исчерпывается ее конституционным статусом, а развивается и конкретизируется в текущем законодательстве.

Определение объема и характера прав и свобод граждан является важным направлением законотворческой деятельности государства. При этом общенародное государство неизменно учитывает в числе других факторов нравственно-психологическое состояние общества; оно *морально ответственно* за точное и правильное отражение в системе прав и свобод достигнутого уровня общественного развития, за законодательное обеспечение возвышения материальных и духовных потребностей личности.

2. Во взаимоотношениях с гражданином государство не ограничивается юридической фиксацией прав граждан. Провозглашая права и свободы личности, государство берет на себя юридические и моральные обязательства гарантировать эти права не только правовыми, но и экономическими, политическими, идеологическими, культурными средствами. Поэтому законодательное закрепление прав и свобод граждан влечет за собой систему организационно-хозяйственных, политико-идеологических, социально-культурных и этических мероприятий, направленных на их обеспечение. А поскольку человек с его интересами и потребностями является главной ценностью социалистического общества, то обеспечению его прав и свобод подчинены общественное производство, культурно-воспитательная и идеологическая деятельность социалистического государства, всех звеньев государственного аппарата, всех должностных лиц. Правильно отмечает В. М. Чхиквадзе: «Очень важно, чтобы каждый работник государственного аппарата был воспитан в духе ясно-го понимания, что усилия, направленные на удовлетворение духовных и материальных потребностей граждан, не являются результатом его благотворительности, а выступают как обязанность, как проявление долга перед каждым отдельным человеком и обществом в целом, вытекают из самой политической структуры социализма, из его гуманных целей»⁷.

3. Принимая на себя разносторонние обязательства по обеспечению правового статуса личности, государство имеет право требовать от граждан правомерного поведения, соответствующего эталонам, зафиксированным в юридических нормах. Без организованности и дисциплины, без согласования поведения граждан с юридическими предписаниями, выражающими государственную волю, невозможно решение важнейших исторических задач социалистического государства. Поэтому государство формулирует свои требования к гражданам в системе обязанностей, которые выражают объективно необходимое поведение, и устанавливает меры юридической и моральной ответственности за невыполнение обязанностей. Государство как носитель политической власти располагает специальными механизмами обеспечения прав граждан и выполнения ими своих обязанностей. Возможность в необходимых случаях применить

⁷ Чхиквадзе В. М. Социалистический гуманизм и права человека, с. 271.

принудительные меры для обеспечения права, выполнения обязанности — важная гарантия их реальности. Государство имеет также право требовать, чтобы использование прав и свобод осуществлялось в соответствии с их назначением и не наносило ущерба интересам общества и государства, правам других лиц.

Для общенародного государства характерно постоянное расширение применения общественно-моральных средств обеспечения обязанностей, зафиксированных в законодательстве. Правильное, диалектически гибкое сочетание мер убеждения и принуждения убедительно показывает неизменную ориентацию социалистического государства на возрастание моральных факторов в жизни общества.

4. Раскрывая права и обязанности социалистического государства в его взаимоотношениях с гражданином, следует подчеркнуть, что оно не является субъектом правового общения, свободным от каких-либо ограничений. Выше уже говорилось об экономической детерминированности законодательного провозглашения прав и свобод. Наряду с этим существует система политических, юридических и ценностных ограничений полномочий государства в отношении с гражданином. Правильно отмечается, что «посредством политики и права государство налагает на себя различные обязательства, обеспечивает разумные, научно обоснованные, стабильные принципы своих отношений с гражданами, создает гарантии против злоупотреблений отдельных официальных представителей государства, которые своими действиями искажают характер данных отношений»⁸.

Однако следует учитывать еще один «ограничительный» фактор — ориентацию общенародного государства на моральные ценности социалистического общества. Подлинный гуманизм социалистического государства как высшее проявление морального прогресса общества служит все более полному обеспечению всестороннего и гармоничного развития личности, во имя которой совершаются все социальные преобразования.

Этические основы лежат и в системе прав и обязанностей, характеризующих отношения личности к государству.

1. В системе прав граждан закреплены их социальные возможности в экономической, политической, социально-культурной и личной жизни. Это означает, что гражданин имеет право требовать у государства обеспечения реальности своих конституционных и иных прав и свобод. Он имеет право обратиться за помощью к государству в лице его органов для восстановления нарушенного права и требовать наказания лиц, виновных в подобных нарушениях. Статья 58 Конституции СССР закрепляет право граждан обжаловать действия должностных лиц, государственных и общественных органов. Действия должностных лиц, совершенные с нарушением закона, с превышением полномочий, ущемляющие права граждан, могут быть в установленном законом порядке обжалованы в суде. Граждане СССР имеют право на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями государственных и общест-

⁸ Марксистско-ленинская общая теория государства и права, с. 402.

венных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей.

Огромный моральный потенциал заложен в ст. 57 Конституции СССР, которая предусматривает право граждан на судебную защиту от посягательства на честь, достоинство, жизнь и здоровье, личную свободу и имущество. В соответствии со ст. 7 Основ гражданского законодательства, гражданин вправе требовать по суду опровержения не соответствующих действительности и порочащих его честь и достоинство сведений. Аналогичные положения содержатся в кодексах союзных республик. Характерно, что закон уделяет большое внимание защите моральных качеств личности, связанных с ее самооценкой, осознанием своей собственной социальной ценности, — чести и достоинству⁹. Н. С. Малейн правильно подчеркивает значимость моральных качеств личности для ее социальной оценки, охватываемой понятием чести. Совокупностью этих качеств «определяется общественная значимость, ценность конкретной личности в целом или в какой-то области общественных отношений с точки зрения духовных, моральных, этических требований и воззрений социалистического строя»¹⁰.

2. Гражданин несет юридическую ответственность перед государством за выполнение возложенных на него обязанностей, соблюдение запретов и ограничений, указанных в законе. Причем юридическая ответственность гражданина неотделима от его моральной ответственности.

Отношения «государство — гражданин» построены на системе *взаимной ответственности*, при которой конкретному праву, группе прав или всей системе прав одной стороны соответствуют обязанности другой и, наоборот, обязанности одной стороны соответствует право другой стороны. Именно *система* прав и обязанностей субъектов данного отношения образует взаимную ответственность государства и гражданина, которая возможна лишь в социалистическом обществе, где ликвидировано отчуждение личности от общества и государства, где обе стороны глубоко заинтересованы в выполнении своих прав и обязанностей, где эта взаимная ответственность имеет глубокую этическую основу.

Ответственность, пронизывающая все сферы взаимоотношений государства и личности, неотделима от свободы. Государство в юридической форме определяет формы и меры социальной свободы. Однако оно не может произвольно определять ее границы; только научное познание объективных закономерностей движения общества, всесторонний анализ и оценка состояния экономических, политических, нравственных, культурных условий жизни общества позволяют определять подлинные границы социальной свободы для конкретного этапа развития общества.

Вместе с тем известно, что свобода и ответственность — категории не только юридические, но и этические. Поэтому при определе-

⁹ См.: Придворов Н. А. Достоинство личности и социалистическое право. М., 1977; Чхиквадзе В. М. Указ. соч., с. 255.

¹⁰ Малейн Н. С. Гражданский закон и права личности в СССР. М., 1981, с. 150.

нии границ и меры свободы государство должно неизменно учитывать и нравственное состояние общества. Границы и меры моральной свободы шире, чем границы правовой свободы, поскольку они включают такие сферы отношений, на которые право не распространяется; однако мораль всегда подключена к правовому регулированию свободы, к оценочному отношению ответственности.

Свобода и ответственность, рассматриваемые с позиций взаимодействия государства и личности, имеют два аспекта.

Прежде всего речь идет о социальной, моральной ответственности государства за правильность принимаемых решений, точность определения меры свободы, которая очерчена в системе прав и обязанностей граждан.

Социалистическое государство, опираясь на подлинно научное знание объективных законов общественного развития, стремится к точному и всестороннему выявлению как объективных, так и субъективных, в частности морально-психологических; факторов, с тем чтобы права и обязанности граждан соответствовали достигнутому этапу развития. Свобода личности — это важнейший элемент и движущая сила социалистической демократии, основа массового практического участия граждан в управлении делами государства и общества. Поэтому социалистическое государство может успешно решать свои задачи, лишь опираясь на социальную активность своих членов. Именно эта заинтересованность определяет стремление государства дать в правах и свободах оптимальную меру свободы.

Важное значение для познания объективных закономерностей развития свободы личности имеет деятельность Коммунистической партии, которая выступает инициатором расширения методов и форм социалистической демократии на основе марксистско-ленинской науки об управлении обществом и государством, неуклонного совершенствования правового статуса личности. Партийный контроль за правильностью принимаемых государственных решений является важным фактором обеспечения свободы личности в социалистическом обществе.

В условиях подлинного народовластия социальная ответственность государства за правильность принимаемых решений, за их соответствие объективным закономерностям общественного развития — это не пустой звук, а реальная гарантия полноты и жизненности прав граждан. Об этом убедительно свидетельствует всенародное обсуждение важнейших законодательных актов, непосредственно регулирующих права и обязанности граждан. Прежде всего следует отметить всенародное обсуждение Конституции СССР, в котором приняли участие миллионы граждан. Их конкретные замечания и предложения, относившиеся, в частности, к правам и свободам, помогли глубже учесть реальные жизненные отношения, моральные позиции, социально-психологическое состояние общества, интересы и потребности его членов. Каждый новый этап развития социалистического общества сопровождается расширением каталога прав и свобод граждан. Расширение конституционного статуса граждан СССР сопровождается усилением его гарантий.

В новой редакции Программы КПСС указывается: «Партия будет и дальше способствовать тому, чтобы расширялись и обогащались социально-экономические, политические и личные права и свободы граждан, создавались все более благоприятные условия и гарантии для их полной реализации».

Конституция СССР 1977 г. явилась новым этапом в развитии прав и свобод советских граждан.

Характер новых прав и обязанностей, включенных в Конституцию, определяется не только возрастанием экономических возможностей социалистического государства, но и более высоким нравственным уровнем общества, его моральным прогрессом.

В западной печати раздавались обвинения в адрес Советского государства, состоящие в том, что новая Конституция СССР расширила круг обязанностей советских граждан. Однако характер этих обязанностей убедительно показывает, что их цель заключается в создании наиболее благоприятных условий жизни общества, охране ее экономических ресурсов, ее исторических памятников, сохранении их для грядущих поколений, воспитании интернационализма, упрочении государства. Высоко гуманное содержание этих обязанностей состоит в том, что они способствуют возрастанию социальной ответственности личности, формируют чувство причастности к решению важных исторических задач Советского общенародного государства, воспитывают личность в духе высоких моральных принципов, заботы о других людях не только нынешнего, но и грядущих поколений.

Социализм — динамичное общество, развивающееся по пути социального прогресса. Переход от одного этапа развития социалистического общества и государства к другому сопровождается расширением прав и свобод граждан, совершенствованием гарантий их наиболее полного осуществления и эффективной защиты. В этом проявляется одна из наиболее важных закономерностей строительства социализма и коммунизма. Социальная, моральная ответственность государства за своевременное и научно точное выражение в законодательстве социальных возможностей членов социалистического общества, расширение и углубление средств и методов их обеспечения являются гарантией успешного развития данной закономерности, в которой ярко раскрывается основная цель социалистического общества — обеспечение свободы и расцвета личности, принципов гуманизма и социальной справедливости.

Свобода и ответственность применительно к отношениям государства и личности имеют еще один аспект, раскрывающий позицию индивида к тому кругу прав и обязанностей, в которых выражены объем и содержание его свободы. Известно, что ответственность человека неотделима от его свободы. Детерминированность человеческих поступков реальными экономическими, социально-классовыми, политическими, нравственно-психологическими, культурными условиями жизни общества убедительно показывает, что «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»¹¹. Поэтому

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 104.

му общество и дает личности свои представления о необходимом в системе социального регулирования — политических нормах, нормах права, морали, обычаях, традициях и т. д. В системе этих ценностных ориентиров права и обязанности граждан выполняют особую роль, поскольку в них границы свободы выбора обозначены наиболее четко, формально определены, что обязывает к правильности выбора в пределах юридически обозначенной сферы свободы. Права и обязанности неотделимы от моральных оценок, моральной позиции личности, которые оказывают существенное влияние на их реализацию личностью.

Содержащиеся в правах и обязанностях ориентиры желательного или объективно необходимого поведения имеют глубокое этическое обоснование. Это не только юридически, но и морально необходимое поведение, так как отступление от ценностных эталонов, содержащихся в системе юридических прав и обязанностей, неизбежно ведет и к моральным потерям, нарушает нравственные устои социалистического общества.

Четкое правовое регулирование возможно лишь в результате тесного взаимодействия прав и обязанностей, их своевременного осуществления. Поэтому свобода распространяется не только на сферу прав, но и на сферу обязанностей. Выполнение обязанностей — это тоже сфера свободы, которая детерминирована объективными условиями и сопряжена с социальной ответственностью личности.

Сфера нравственной жизни также предполагает неразрывную связь прав и обязанностей, поскольку моральные нормы и отношения всегда носят двусторонний характер, проявляющийся в активном взаимодействии субъектов этих отношений. Человек как нравственная личность обладает и правами, и обязанностями. «Вне своей противоположности — моральных прав — моральные обязанности в нравственных отношениях не существуют... Взаимообусловленность моральных прав и обязанностей выступает необходимым атрибутом жизни общества как социального организма»¹².

Возрастание социальной ответственности личности в социалистическом обществе определяется расширением ее свободы, ростом социалистического сознания, упрочением моральных принципов, глубокой заинтересованностью в активном участии во всех делах общества и государства. Сознание и чувство ответственности индивида за свои поступки, а коллективов — за существующие в них моральную атмосферу, права — суть активной нравственной позиции личности¹³. Поэтому возрастание социальной ответственности личности является не результатом расширения «тоталитарных начал», о которых говорят наши идеологические противники, а порождением подлинного социалистического народовластия, морального прогресса общества, раскрывающего творческие силы граждан страны, преимущества социалистического образа жизни.

¹² Архангельский Л. М. Указ. соч., с. 65—66.

¹³ См.: Анисимов С. Ф. Мораль и поведение. М., 1979, с. 128—129.

Социальная ответственность личности неотделима от ее социальной активности в целом, и ее можно распространить на отношение личности к своим правам, которое должно основываться на глубоком понимании важности и необходимости их выполнения для нормального развития демократических начал жизни общества, для общего блага. Такая позиция отражена в ряде конституций социалистических государств. Так, п. 3 ст. 21 Конституции ГДР указывает, что осуществление права на участие в жизни общества и государства является одновременно «высоким моральным долгом каждого гражданина». В таком ответственном отношении к правам и обязанностям проявляются подлинная свобода личности, ее нравственная убежденность, сознание моральной ответственности.

В новой редакции Программы КПСС подчеркивается, что осуществление гражданином своих прав неотделимо от исполнения им конституционных обязанностей, что КПСС будет и впредь настойчиво добиваться, чтобы каждый советский человек воспитывался в духе ясного понимания единства его прав, свобод и обязанностей¹⁴.

Юридическая ответственность включается в сложную систему общественных отношений, она тесно связана не только с юридической, но и с моральной оценкой действий личности. Чем выше моральные критерии оценки, тем более позитивную направленность приобретает ответственность, выражая стремление личности к выполнению своего долга.

Таким образом, свобода и ответственность в отношениях «государство — личность» определяются объективной необходимостью установления определенных эталонов поведения и ответственности за их выполнение в соответствии с интересами общества. Именно этими интересами руководствуется социалистическое государство, требуя выполнения обязанностей и определяя запреты, связанные с ненадлежащим использованием прав и свобод, противоречащим интересам общества и государства, правам других лиц. Такие ограничения обозначены, например, в ст. 39 Конституции СССР и конкретизированы в текущем законодательстве. Советское законодательство запрещает пропаганду войны, пропаганду расовой и национальной ненависти, агитацию и пропаганду, направленную на подрыв существующего государственного и общественного строя, распространение клеветнических измышлений, порочащих существующий государственный и общественный строй, распространение клеветнических измышлений, порочащих честь и достоинство гражданина.

Такие правовые запреты полностью соответствуют ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах. Характерно, что одним из критериев возможных ограничений прав является охрана «нравственности населения»; п. 3 данной статьи отмечает, что пользование правами налагает особую обязанность и особую ответственность. «Оно может быть, следовательно, сопряжено с не-

¹⁴ См.: Правда, 1986, 7 марта.

которыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены Законом и являются необходимыми:

а) для уважения прав и репутации других лиц;

б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения».

Международный пакт о гражданских и политических правах предусматривает возможность запрещения действий, являющихся антигуманными, аморальными, — пропаганды войны, всяких выступлений в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющих собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию. Подобные ограничения предусмотрены и Всеобщей Декларацией прав человека. В основе этих ограничений заложено стремление обеспечить гуманное использование прав. Следует заметить, что критерий нравственности является необходимым общепризнанным условием надлежащего использования прав и выполнения обязанностей.

3. ГАРМОНИЧНОЕ СОЧЕТАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Интересы являются важнейшим фактором общественного развития, его движущей силой. Они формируются под воздействием экономических и иных потребностей общественного развития и являются формой осознания этих потребностей, программой деятельности общества, класса, социальной группы. В. И. Ленин отмечал, что марксисты обязаны корни общественных явлений сводить к интересам определенных классов¹⁵.

Наиболее важные классовые интересы принимают правовое выражение. Исследуя зависимость государственно-правовых форм от экономических процессов, основоположники марксизма показали, что «государство есть та форма, в которой индивиды, принадлежащие к господствующему классу, осуществляют свои общие интересы»¹⁶; для этой цели «все общие установления опосредствуются государством, получают политическую форму»¹⁷, т. е. форму закона.

Законодательная форма опосредствования интереса позволяет воздействовать на поведение людей, направляя его в соответствии с потребностями и целями господствующего класса. Однако в обществе никогда не действует какой-то абстрактный, единый интерес. Объективная действительность создает почву для возникновения многообразных, подчас разнонаправленных и противоречивых интересов: противоречивы и многообразны интересы классов (особенно в условиях антагонистических общественно-экономических формаций), интересы социальных групп, бесконечно многообразны и противоречивы индивидуальные интересы. Упорядочение этих инте-

¹⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 532.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 63; см. также: там же, т. 21, с. 311.

¹⁷ Там же, т. 3, с. 63.

ресов, выделение главных, типичных, преобладающих для данного общественного строя — одна из важных задач законодательства.

Социалистическое общество впервые в истории создает реальные условия для такого упорядочения социальных отношений, в которых бы гармонически сочетались интересы общества, государства и личности. В этом деле большая роль принадлежит социалистической морали.

Проблема сочетания общественных и личных интересов чрезвычайно сложна. И в условиях социалистического общества могут существовать интересы, противоречащие нормам и принципам морали и социалистического образа жизни. Такие интересы нельзя назвать случайными, ситуативными. Их существование связано с причинами как объективного, так и субъективного характера. Эти причины должны тщательно изучаться и взвешиваться, ибо только всесторонний учет причин и условий формирования эгоистических, неправильно понятых личных интересов помогает избирать формы и методы их преодоления. Наличие таких интересов сохраняет возможность проявления противоречий между личностью и обществом, препятствует гармонизации личных и общественных интересов.

Марксистско-ленинская концепция строительства коммунистической общественно-экономической формации исходит из того, что этот процесс занимает длительные исторические сроки. Длительность этих сроков определяется как трудностями построения новой социалистической экономики, создания материально-технической базы коммунизма, так и сложнейшей задачей формирования новой коммунистической морали, коренной перестройки складывавшихся веками стереотипов человеческого мышления. Старые формы морали и психологии, порождающие антиобщественные интересы, не перестраиваются автоматически, вслед за созданием новых форм собственности, они сохраняются в первой фазе коммунизма не только как «пережитки», но и как весьма стойкие социальные факторы, вступающие в противоречие с принципами социалистического образа жизни.

Поэтому воспитание нового человека неотделимо от самой энергичной борьбы с такими явлениями, которые порождены извращенными, антиобщественными интересами — пьянством, хулиганством, тунеядством, спекуляцией, хищениями социалистической собственности, взяточничеством и стяжательством — и являются антиподами социалистической морали. XXVII съезд КПСС указал на необходимость усиления воспитания советских людей в духе коммунистических идеалов и нравственных норм, борьбы против их антиподов¹⁸. Советский народ одобряет и поддерживает меры по очищению нашей жизни от всего того, что противоречит принципам и идеалам социализма¹⁹.

Важным фактором формирования у личности социально оправданных интересов, искоренения негативных форм поведения являет-

¹⁸ См.: Права, 1986, 26 февр.

¹⁹ Там же.

ся система юридических прав и обязанностей, позволяющая глубже осознавать общественные и правильно определять свои личные интересы, способствующая упрочению принципов социалистической морали.

Социалистическая мораль — предпосылка и условие использования прав и обязанностей в соответствии с их подлинным смыслом и в интересах общества. Она непримиримо относится к проявлениям узкоэгоистических интересов, противоречащих социалистическому образу жизни. Характерно, что в процессе всенародного обсуждения проекта Конституции СССР большой процент писем трудящихся был связан с критикой таких отрицательных явлений, как тунеядство, нарушение производственной дисциплины, посягательства на социалистическую собственность. В новой редакции Программы КПСС указывается на необходимость принимать все меры по защите социалистической собственности, любых попыток использования ее в корыстных целях, искоренению чуждых социализму форм присвоения благ, обеспечению конституционного права граждан на личную собственность²⁰.

Эффективность юридических прав и обязанностей в значительной мере зависит от их соответствия этическим воззрениям и убеждениям подавляющего большинства членов общества. Поэтому законодатель должен неизменно учитывать морально-психологический климат общества, а издаваемые им юридические акты призваны обеспечивать приоритет подлинных моральных ценностей, объективированных в общественном интересе.

Задача государства в процессе законодательного формулирования прав и обязанностей состоит прежде всего в правильном определении круга общественных интересов, нуждающихся в правовом регламентировании. Вместе с тем необходимо в сложной и противоречивой системе личных индивидуальных интересов выделить такие интересы, которые являются социально типичными для личности как представителя данного класса, общества, социальной группы и соответствуют интересам поступательного развития общества. Такого рода интересы получают воплощение и защиту в системе экономических, политических, социально-культурных прав и обязанностей. Наряду с социально типичными интересами личности существуют интересы, характеризующие ее индивидуальную неповторимость, ее своеобразие. В данной сфере интересов роль прав и обязанностей должна состоять в том, чтобы оставлять простор для развития этих особенностей личности с учетом их социальной ценности, выполнять «оградительные функции», чему соответствует группа личных прав и свобод.

Существующая в социалистическом обществе система прав и обязанностей способствует гармонизации общественных и личных интересов, определяет единство прав и обязанностей. Следует согласиться с Г. В. Мальцевым, что было бы неправильно связывать

²⁰ См.: Там же, 7 марта.

интересы только с содержанием субъективных прав; они находят выражение и в обязанностях личности. «Права и обязанности выражают, опосредствуют интересы субъекта различными, но необходимо и взаимно, дополняющими друг друга средствами. Поэтому право не может иметь большую ценность, чем обязанность. Всякая попытка поставить субъективные права выше юридических обязанностей или наоборот ведет к противопоставлению, отрыву одного от другого»²¹.

Права и обязанности личности, закрепленные в законе, ориентированы на социально полезные интересы, отвечающие как потребностям самой личности, так и потребностям общества. Однако установление в форме юридических прав и обязанностей эталонов поведения, призванных обеспечить сочетание общественных и личных интересов, отнюдь не означает решения этой сложной задачи. Перед личностью стоит проблема выбора, в процессе которого она соотносит свои интересы либо с эталонами поведения, зафиксированными в правах и обязанностях, либо с иными нормами, которые могут противоречить социалистическому праву и морали. В последнем случае побеждает узкоэгоистический интерес, совершаются действия, выражающиеся или в нарушении обязанности, или в ненадлежащем исполнении права. И те и другие действия являются одновременно и противоправными, и аморальными.

Поэтому задача государства состоит не только в том, чтобы при формулировании прав и обязанностей правильно отразить, гармонизировать общественные и личные интересы, но и в том, чтобы добиться этого в процессе реализации прав и обязанностей. Это очень трудная задача, так как наряду с существованием антисоциальных интересов, противоречащих общественным интересам, современный этап общественного развития может породить несовпадение интересов личности и общества, связанное с тем, что социалистическое общество еще не может обеспечить фактического равенства граждан. Такое несовпадение проявляется прежде всего в сфере распределительных отношений. Существующие различия в образовании, квалификации, культуре порождают различия в уровне жизни определенных категорий населения. Возможны несовпадения интересов личности и общества в сфере выбора места и условий труда, получения профессий и т. д. Такие несовпадения имеют как объективные, так и субъективные причины.

Социалистическое государство стремится к решительному искоренению интересов, противоречащих принципам социалистического образа жизни и социалистической морали, и берет под защиту лишь социально полезные интересы. Целенаправленная борьба с правонарушителями — один из способов преодоления негативных, узкоэгоистических интересов, порождающих антиподы социалистической морали.

Наряду с этим государство принимает разносторонние меры, создающие предпосылки для установления фактического равенства

²¹ Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности, с. 111.

всех членов социалистического общества. Совершенствование распределительных отношений — важный фактор, способствующий устранению несовпадения общественных и личных интересов. Следует учитывать всевозрастающую роль общественных фондов потребления в этом деле. В ст. 23 Конституции СССР отмечается, что в целях более полного удовлетворения потребностей советских людей создаются общественные фонды потребления. Государство при широком участии общественных организаций и трудовых коллективов обеспечивает рост и справедливое распределение этих фондов. Коммунистическая партия и государство проявляют постоянную заботу о росте общественного производства и подъеме на этой основе материального и культурного уровня жизни народа, о возвышении материальных и духовных потребностей членов общества. Вместе с тем в социалистических государствах проводится комплекс идеологических, политико-воспитательных мер в сочетании со строго продуманной системой материальных и моральных стимулов, обеспечивающих справедливую и объективную оценку трудового вклада каждого, ибо всякого рода уравниловка, факты начисления заработной платы за явку на работу, а не за ее реальные результаты, выдачи незаслуженных премий — все это крайне вредно сказывается на производственных показателях, на психологии и морали людей, создает почву для возникновения антиобщественных интересов.

Сочетание общественных и личных интересов важно и в других сферах социалистических общественных отношений — политических, национальных, социальных, экологических, демографических и др. И в этих сферах пока еще могут возникать противоречивые интересы. Это определяется наличием различных форм собственности, что ведет подчас к сохранению специфических интересов классов и социальных групп, различий между городом и деревней, особенностей национальных интересов, а также все еще существующих местнических тенденций, идущих вразрез с общественными интересами. Немало противоречивых ситуаций возникает в связи с тем, что некоторые предприятия выдвигают на первый план свой собственный интерес, в погоне за «валом» не заботятся о надлежащем качестве выпускаемой продукции, о техническом перевооружении, внедрении новейших достижений науки и передового опыта, не выполняют договорных обязательств по поставкам продукции, а это ведет к перебоям в работе других предприятий. Нельзя забывать и о стремлении определенной части людей получить побольше от общества, а дать ему поменьше, о пренебрежении общественным долгом, когда на передний план выступают эгоистические интересы, несовместимые с такой важной гранью социальной справедливости, как неукоснительное выполнение каждым гражданином своих обязанностей по отношению к обществу.

Одна из причин отмеченных выше отступлений от норм и принципов социалистического образа жизни определяется, в частности, несовпадением общественного и индивидуального морального сознания по ряду параметров. Было бы неправильно рассматривать инди-

видуальное моральное сознание как аналог общественного и на этой основе отождествлять реальное и нормативное или, тем более, реальность и идеал. Такое несовпадение представляет собой закономерное явление, проявляющееся в различных формах, с большей или меньшей остротой нравственных коллизий²².

Личность обладает способностью относительно самостоятельно усваивать различные ценности и социальные влияния, применяя к ним свои собственные стандарты, приспособлявая их к своим, подчас ограниченным интересам и потребностям. Индивидуальное моральное сознание формируется под воздействием не только общественного сознания, но и личного опыта, группы общения, где возможно преобладание искаженных моральных представлений.

Для преодоления негативных состояний индивидуального морального сознания большую роль играет нравственно-психологический климат в трудовом коллективе, семье, школе, иных социальных группах. Особое значение приобретают идейно-нравственное воспитание личности, целенаправленное формирование материальных и духовных потребностей людей, борьба с рецидивами мещанской, мелкобуржуазной, потребительской психологии.

Следует отметить, что потребительская психология не всегда ведет к противоправным действиям. Однако несовместимость накопительства, приобретательства, вещизма с этическими нормами социализма требует реакции общества на те ситуации, при которых некоторые его члены, не совершая прямых правонарушений, отступают от принципов социалистической морали²³. Такое поведение в конечном итоге создает условия и для прямых отступлений от закона.

Возвышение потребностей личности не должно происходить стихийно. Возникновение потребительской психологии порождается подчас элементами стихийности, принятием стандартов и критериев так называемого потребительского общества. Поэтому важно выработать позитивную программу действий, направленных на формирование интересов и потребностей, отвечающих ценностям социалистического образа жизни, принципам социалистической морали. В новой редакции Программы КПСС предусматривается широкая комплексная система мер, направленных на решение социальных вопросов труда, быта, культуры, на удовлетворение интересов и нужд людей. Намеченные в Программе меры «КПСС считает законом деятельности всех государственных и хозяйственных органов, всех общественных организаций»²⁴.

Осуществление социальной политики КПСС будет способствовать гармонизации общественных и личных интересов. В этом большая роль принадлежит законодательству. Реальное существование противоречивых интересов и потребностей требует выбора юридиче-

²² См.: Крюгов Н. Н. Мораль в действии. М., 1977, с. 179—180.

²³ См.: Копейчиков В. В., Суцук З. И. Реальный социализм, демократия, личность, права человека. Киев, 1983, с. 30—31.

²⁴ Правда, 1986, 7 марта.

ских форм, учитывающих важнейшие стратегические интересы, обеспечение которых является необходимым условием реализации коллективных, групповых, личных интересов. Для этого необходимо глубокое научное познание всего комплекса общественных отношений, определение надлежащих методов воздействия на их развитие, в максимальной степени соответствующих разумному сочетанию общественных и личных интересов. Трудность состоит в том, что общественные отношения весьма подвижны; их динамичность порождает ситуации, требующие новых юридических средств разрешения возможных противоречий между общественными и личными интересами. Отставание законодательных форм от реального развития общественных и личных интересов способно усугубить противоречия между этими интересами, негативно отражаться на решении важных задач, стоящих перед социалистическим обществом. Так, постоянного внимания требуют проблемы: упорядочения заработной платы с учетом реального вклада каждого работника; обеспечения экологического баланса; сохранения природных богатств и ресурсов не только для нынешнего, но и для будущих поколений; создания условий для улучшения демографической ситуации; и др. Важным способом решения этих проблем являются четкое, научно точное формулирование прав и обязанностей государства и личности, конкретизация конституционных прав и обязанностей в текущем законодательстве, их моральная обоснованность.

К сожалению, все еще существуют нормативные акты, в которых не найдено оптимальное сочетание общественных и личных интересов. Н. В. Витрук отмечает, что такая ситуация особенно характерна для норм, содержащихся в подзаконных актах, издаваемых министерствами и ведомствами. В таких актах, затрагивающих непосредственно интересы граждан, на передний план выступают местнические, ведомственные интересы. Особенно много положений, ущемляющих права личности, содержится в ведомственных актах, регулирующих оказание различного рода услуг в торговле, транспортном и бытовом обслуживании и т. д. Высшие и местные органы власти, правительственные органы, суд, прокуратура должны вести решительную борьбу с подобными явлениями²⁵.

Такие акты наносят огромный вред и правовому, и нравственному сознанию личности, порождают недоверие к праву, снижают его престиж. Нравственные потери от действия правовых актов, ущемляющих интересы личности, трудно восполнимы. Поэтому необходима неотвратимость ответственности должностных лиц, издающих противозаконные акты, так как любые попытки обойти закон глубоко аморальны и эта аморальность усиливается ее негативным воздействием на сознание личности, ее моральные устои.

По мере дальнейшего развития социалистического общества происходит все более тесное сближение и взаимопроникновение общественных и личных интересов. Однако каждый этап развития обще-

²⁵ См.: Реализация прав граждан в условиях развитого социализма. М., 1983. с. 63.

ства создает свои противоречия²⁶, поэтому необходимо постоянно совершенствовать правовой статус личности, с тем чтобы гармонизировать ее отношения с обществом и государством.

Общественный интерес — не абстрактная категория; он формируется в процессе социального общения участников общественных отношений, выступает как результат взаимодействия наиболее типичных и значимых интересов личностей. Именно такой характер общественного интереса позволяет говорить о примате, приоритете общественного интереса, поскольку он в конечном счете представляет собой наиболее значимые потребности всех членов общества. И здесь речь идет не о подавлении интересов личности, а о воплощении ее наиболее глубоких, глобальных интересов как члена социальной общности в общественном интересе. Основные задачи социалистического государства — создание материально-технической базы коммунизма, повышение материального и культурного уровня жизни трудящихся, формирование нового человека, обеспечение безопасности страны — выражают важнейшие общественные интересы и являются условием обеспечения личных интересов каждого. Поэтому подлинная гармония общественных и личных интересов неотделима от совершенствования морального сознания индивида, обеспечивающего глубокое понимание природы общественного интереса, своего общественного долга, необходимости последовательного проведения в жизнь принципа единства прав и обязанностей (юридических и нравственных).

По мере дальнейшего развития социалистического общества, укрепления его материально-технической базы, роста социалистической морали, культуры, сознания, совершенствования этических принципов общественные и личные интересы будут все больше сближаться и гармонизироваться.

4. ПРИНЦИП СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

Этот принцип закреплён в ст. 4 Конституции СССР, указывающей, что «Советское государство, все его органы действуют на основе социалистической законности, обеспечивают охрану правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан. Государственные органы и общественные организации обязаны соблюдать Конституцию СССР и советские законы».

Социалистическая законность — это основанный на изучении объективных потребностей общественного развития метод государственного руководства обществом, состоящий в организации социалистических общественных отношений посредством издания и строгого, неуклонного осуществления законов и основанных на законах иных правовых актов, выражающих интересы и волю трудящихся и направленных на выполнение целей социалистического и коммунистического строительства²⁷.

²⁶ См.: Косолапов Р. Социализм и противоречия. — Правда, 1984, 20 июля.

²⁷ См.: Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973, с. 27.

Такое понимание законности охватывает и правотворческую, и правореализующую деятельность социалистического государства. По вопросу о сущности, понятии, назначении, принципах законности имеется обширная литература. Поэтому применительно к теме данного исследования следует рассмотреть лишь те аспекты законности, которые характеризуют моральные начала в отношениях государства и личности, их взаимную ответственность и свободу.

Прежде всего следует учитывать различные аспекты действия законности в отношениях «государство — личность». Законность выступает здесь: а) как один из методов государственного руководства обществом; б) как принцип деятельности государственных органов, общественных организаций и должностных лиц; в) как принцип поведения граждан. Важнейшей функцией законности во всех ее аспектах и проявлениях являются упорядочение, координация отношений государства и личности, создание прочных правовых основ таких отношений.

В правоведении раскрываются юридические и политические аспекты законности. Однако законность — явление не только политико-юридическое, но и социально-этическое. Общество, в котором не соблюдаются законы, не уважается достоинство личности, ущемляются ее права, глубоко безнравственно. Порядок, дисциплина, организованность всех участников социальных отношений — важнейшее условие нормального функционирования общественной жизни. Поэтому следование предписаниям юридических норм — это одна из важнейших моральных обязанностей, а уважение к праву, закону — необходимое свойство нравственно развитой личности.

Социалистическая законность — важнейший элемент социалистической демократии. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии подчеркнута их неразрывная связь: «Демократия была и остается важнейшим рычагом **упрочения социалистической законности**, а прочная законность — неотъемлемой частью нашей демократии»²⁸.

Демократия, как и законность, имеет этическое наполнение, поскольку в основе ее развития находится личность с ее потребностями, интересами, правами, свободами, обязанностями. Дальнейшее развитие демократии сопровождается неуклонным расширением прав и свобод граждан, повышением их социальной ответственности перед обществом. Упрочение и расширение правового статуса личности, определяющие расширение сферы юридически значимого поведения, должны осуществляться на основе социалистической законности, которая опирается на нравственные основы — гуманизм, социальную справедливость, заботу о благе личности, общества, государства.

Каково функциональное назначение законности применительно к деятельности государства в его взаимоотношениях с гражданином?

²⁸ Правда, 1986, 26 февр.

Как уже отмечалось выше, наиболее общая характеристика законности раскрывает ее значение *как метода государственного руководства обществом*. В данном аспекте роль государства состоит в определении правового статуса личности, юридическом закреплении ее прав, свобод и обязанностей, точном соответствии объема и уровня прав и обязанностей достигнутому этапу общественного развития, поскольку любое забегание вперед либо отставание от вновь возникших потребностей и интересов снижают эффективность прав и обязанностей и противоречат принципу законности, нравственно-психологическому состоянию общества. В соответствии с требованиями законности основные права и обязанности граждан закрепляются в конституциях. Законы и иные нормативно-правовые акты, конкретизирующие конституционный статус личности, должны исходить из конституционных норм и принципов, определяющих основные права и обязанности граждан. Любое отступление от конституционных начал правового статуса личности является грубым нарушением социалистической законности, противоречит принципам гуманизма.

Существующая связь между конституционным правовым статусом гражданина, специальными правовыми статусами определенных категорий граждан и правовым положением конкретного лица должна быть строго координирована. Это предъявляет особые требования к законодательным актам, конкретизирующим конституционный статус личности.

Законность выступает *как конституционный принцип деятельности государственных органов, общественных организаций и должностных лиц*, состоящий в неукоснительном исполнении советских законов и иных нормативно-правовых актов. Первостепенное значение имеет неукоснительное исполнение норм, охраняющих права и интересы граждан. Издаваемые государственными органами и должностными лицами правоприменительные акты должны основываться на точном соблюдении законов, ставить своей целью достижение тех социальных благ, которые выражены в правах и свободах граждан. Обеспечение прав и свобод личности — это не только юридическая, но и моральная обязанность всех работников государственного аппарата, поэтому нарушение прав граждан — это и противоправный, и аморальный поступок. В. И. Ремнев справедливо пишет, что «изучение практики нарушений законности в управлении приводит к неизбежному выводу, что какие бы проступки ни допускались, в их основе чаще всего лежит нравственная проблема. Поэтому нравственная оценка проступка имеет первостепенное значение»²⁹.

Коммунистическая партия требует от всех работников государственного аппарата неуклонного соблюдения законности, привлечения к строгой ответственности должностных лиц, допускающих нарушения законности, ущемляющих права и свободы советских

²⁹ Ремнев В. И. Социалистическая законность в государственном управлении. М., 1979, с. 162.

граждан. К сожалению, такого рода недостатки еще далеко не преодолены. Причем зачастую они определяются отнюдь не незнанием закона, а пренебрежительным отношением к нему, низкой культурой и нравственной неразвитостью. Уважение к человеку должно быть важнейшим принципом морального кодекса должностных лиц, в противном случае их действия наносят огромный урон нравственному состоянию общества.

Обеспечению социалистической законности, прав и свобод личности должна быть подчинена деятельность всех звеньев государственного аппарата социалистического государства — представительных и управленческих органов, суда, прокуратуры, народного контроля, внутриведомственных и межведомственных контрольных органов. В советском законодательстве существует развернутая система гарантий, как общих, так и специальных, призванных обеспечивать реализацию прав граждан.

Важнейшим условием соблюдения законности в процессе осуществления прав и свобод граждан является рост правовой и моральной культуры должностных лиц, неотделимой от глубокого уважения к личности, ее интересам, правам, свободам, обязанностям. Рост правовой культуры, нравственного сознания, решительная борьба с бюрократизмом, волокитой, любыми ущемлениями прав и свобод советских граждан всемерно способствуют укреплению социалистической законности и правопорядка, упрочению правового статуса личности, возвышению ее нравственных позиций.

Важной гарантией соблюдения законности в деятельности должностных лиц, связанной с обеспечением прав и свобод граждан, является право граждан обращаться в органы государственной власти и государственного управления с жалобами, заявлениями и предложениями. Такое право закреплено в ст. 58 Конституции СССР, которая предусматривает не только право обжалования действий должностных лиц, государственных органов и общественных организаций, но и возможность обжалования в суд действий должностных лиц, совершенных с нарушением закона, с превышением полномочий, ущемляющих права граждан.

Характерно, что в социалистическом обществе жалобы, заявления и предложения нередко поднимают вопросы государственного и общественного значения, направлены на устранение явлений, несовместимых с природой социалистического строя, противоречащих нравственным устоям социалистического образа жизни. Статья 49 Конституции СССР предусматривает право каждого гражданина вносить в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении их деятельности и критиковать недостатки в работе; должностные лица обязаны в установленные сроки рассматривать предложения и заявления граждан, принимать по ним необходимые меры. Преследование за критику запрещается. Лица, преследующие за критику, привлекаются к ответственности.

Отношение к письмам, жалобам и заявлениям трудящихся — это один из важнейших критериев оценки работы государственного аппарата, его демократичности, правовой и моральной культуры,

политической сознательности. Одновременно это и один из показателей уровня и состояния законности в обществе, задача которой состоит в охране прав и интересов граждан. Не случайно Коммунистическая партия Советского Союза придает особое значение данной сфере деятельности государственного аппарата, постоянно подчеркивает значение чуткого и внимательного отношения к письмам, заявлениям и жалобам трудящихся, ведет решительную борьбу с фактами бюрократизма, волокиты, пренебрежительного отношения к нуждам и интересам трудящихся. Эти вопросы со всей остротой подняты в постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему улучшению работы с письмами и предложениями трудящихся в свете решений XXVI съезда КПСС»³⁰.

Новая редакция Программы КПСС требует решительной борьбы с бюрократизмом и формализмом, обеспечения прав, свобод, достоинства личности³¹.

Большое значение для укрепления социалистической законности, дальнейшего упрочения моральных основ отношений между государством и личностью имеет совершенствование законодательства, конкретизирующего конституционное право гражданина обращаться с заявлениями, предложениями, жалобами в государственный орган и общественные организации, критиковать недостатки в работе. Необходимы предельно четкие и конкретные нормативы, регулирующие порядок разрешения в каждом конкретном государственном органе вопросов, содержащихся в обращениях граждан. Целесообразно четко определить для всех государственных органов детальный порядок разрешения содержащихся в этих заявлениях вопросов не только на уровне данного органа (что должно найти свое отражение в положении о данном органе или в специальном акте, регулирующем его деятельность), но и на уровне каждого подразделения данного органа и конкретных исполнителей³². Это повысит моральную ответственность должностных лиц за точное исполнение законов, будет способствовать повышению их правовой и нравственной культуры, уважению к личности. Установление такого порядка важно и потому, что должностные лица, знающие правовые и моральные требования, но поступающие вопреки им, создают объективные предпосылки к аморальным действиям³³.

Социалистическая законность является одновременно и *принципом поведения граждан* (в их взаимоотношениях с государством). Этот принцип означает: 1) необходимость осуществления прав и свобод в точном соответствии с их целями и назначением, с тем чтобы их использование не наносило вреда обществу или интересам других лиц; 2) необходимость неукоснительно исполнять возложенные на них обязанности; 3) проявление неустанной заботы и активного содействия в укреплении социалистической законности, право-

³⁰ Правда, 1981, 4 апр.

³¹ См.: Правда, 1986, 7 марта.

³² См.: Реализация прав граждан в условиях развитого социализма, с. 193.

³³ См.: Ремнев В. И. Указ. соч., с. 165.

вых основ государственной и общественной жизни, нетерпимости к любым нарушениям законности, кем бы они ни допускались.

Первые два аспекта законности как принципа поведения граждан освещены выше. Более подробно мы остановимся на третьем аспекте — активном участии граждан в укреплении законности, которое является важной особенностью во взаимоотношениях личности с государством и убедительно раскрывает неразрывную связь законности, демократии и нравственности.

Массовое участие трудящихся в укреплении законности — одна из ведущих идей В. И. Ленина, связанных с развитием социалистической государственности. После победы Великой Октябрьской социалистической революции впервые в истории государственно-правового развития укрепление законности стало делом самых широких трудящихся масс. Заботясь об установлении социалистической законности и правопорядка, В. И. Ленин неоднократно обращался непосредственно к трудящимся с призывом вести борьбу против анархии и распушенности, за соблюдение революционной законности. Он разъяснял, что «необходимо соблюдать свято законы и предписания Советской власти и следить за их исполнением всеми»³⁴, ибо свергнутые эксплуататорские классы используют силу «привычки и темноты широких масс, которые хотят жить „по старинке“ и не понимают необходимости соблюдать строго и добросовестно законы Советской власти»³⁵. В. И. Ленин учил, что нужно воспитывать «широкие массы рабочих и крестьян в деле самостоятельного, быстрого, делового участия их в надзоре за соблюдением законности»³⁶.

Ленинские идеи социалистической законности, широкого участия трудящихся масс в ее развитии и укреплении прочно вошли в практику государственно-правового строительства.

Роль законности по мере дальнейшего развития социализма все более возрастает, и это — одна из закономерностей развития социалистического общества, определяемая рядом факторов.

1. Дальнейшее развитие демократии, социальной активности граждан в использовании своих прав и выполнении обязанностей повышает заинтересованность трудящихся в строгом и неуклонном исполнении законов, стремление исключить нарушения законности из жизни социалистического общества. В свою очередь, расширение правового статуса личности, ее участия в государственной, экономической, социально-культурной сферах должно осуществляться лишь на основе социалистической законности. Это важно и для тех форм общественной самодеятельности трудящихся, которые непосредственно связаны с упрочением правопорядка (народных дружин, товарищеских судов, органов народного контроля и др.).

2. Решение сложных задач, стоящих перед социалистическим государством, требует организованности, дисциплины и высокой

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 155.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, т. 44, с. 337.

социальной ответственности всех граждан. Социалистическая законность — важнейший способ упорядочения общественных отношений, исключающий анархию, стихийность, недисциплинированность.

3. В обществе, строящем коммунизм, недопустимы правонарушения и особенно преступные проявления. Поэтому исполнение прав и обязанностей, осознание их значимости для нормального функционирования общества являются важным средством борьбы с правонарушениями, обеспечивающим дальнейшее укрепление социалистической законности.

Действие всех факторов, способствующих возрастанию роли законности в решении задач социалистического государства, неразрывно связано с широким и повседневным участием широких трудящихся масс в ее укреплении и развитии, с точным выполнением каждым гражданином своих прав и обязанностей, с активизацией человеческого фактора.

Факторы, определяющие возрастание социалистической законности, неотделимы от морального прогресса общества. Гуманизация общественной жизни, формирование активной жизненной позиции личности — неотъемлемые качества социалистической морали. Глубокая моральная обоснованность законности, ее социального назначения, значимости в совершенствовании общества развитого социализма способствует дальнейшему укреплению социалистической морали, искоренению ее антиподов, преодолению негативных антиобщественных проявлений.

Решение всех задач, связанных с дальнейшим укреплением социалистической законности, требует воспитания социалистической нравственности, чувства социальной справедливости, несовместимых с неуважением к закону, с равнодушием к фактам нарушения законности.

Коммунистическая партия подчеркивает, что чем выше поднимается наше общество в своем развитии, тем более нетерпимыми становятся любые отклонения от норм нравственности. Стяжательство, частнособственнические тенденции и равнодушие к человеку противоречат самой сути нашего строя. Поэтому необходимо, чтобы рост материальных возможностей сопровождался повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей. Иначе мы можем получить рецидивы мещанской мелкобуржуазной психологии.

Участие граждан в укреплении социалистической законности — одно из проявлений высокого морального долга, социальной активности. За последние годы появилось много работ, посвященных изучению социально-правовой активности личности. На наш взгляд, при характеристике социально-правовой активности большинство авторов впадает в гиперболизацию правового характера этой активности, не учитывая того, что она порождена прежде всего действием иных социальных регуляторов — политических и этических. Исходя из характера правовой нормы (формальная определенность, четко обозначенная нормативность), законодатель рассчитывает прежде всего на правомерное, а не на социально активное поведение. Есть юридические нормы, которые предписывают единственно

возможный вариант поведения; есть нормы, в пределах которых возможны различные варианты. Однако в любом случае свобода выбора и инициатива замыкаются границами, обозначенными в норме. Поэтому-то поведение, именуемое «социально-правовой активностью», самым непосредственным образом связано с политической и этической характеристикой личности, ее активной жизненной позицией в целом. Как правило, в качестве примеров социально-правовой активности называют участие граждан в деятельности народных дружин, товарищеских судов; высшей формой такой активности называют депутатскую работу. Вполне понятно, что для занятия такого рода деятельностью выдвигаются лица, обладающие высоким политическим и моральным сознанием, испытывающие органическую потребность в общественно-полезной деятельности. Поэтому едва ли правильно связывать эти формы деятельности лишь с правовой культурой личности, ее правосознанием — несомненно важными, но не основными компонентами, определяющими социальную активность личности в правовой сфере. Поэтому более правильно, на наш взгляд, говорить о социальной активности личности в целом, вытекающей из высокого уровня ее политического и морального сознания. Именно активная жизненная позиция личности предопределяет возможность ее участия в различных формах социально-политической, культурной и правовой жизни общества. При этом, разумеется, необходимо учитывать тесную взаимосвязь морального и правового сознания, моральной и юридической культуры, которая обеспечивает активное действенное участие граждан в укреплении социалистической законности.

Конституция СССР провозглашает обязанность граждан укреплять социалистическую законность. Статья 59 Конституции указывает, что гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию СССР и советские законы, уважать правила социалистического общежития. Для социалистического образа жизни характерно многообразие форм участия трудящихся в контроле за законностью, в ее упрочении и развитии — участие в осуществлении правосудия в качестве народных заседателей, в работе товарищеских судов на производстве и по месту жительства, в дружинах и иных организациях по охране общественного порядка, в комиссиях по социалистической законности, органах народного контроля.

Таким образом, основные принципы отношений государства и личности в социалистическом обществе — взаимная ответственность государства и личности, сочетание и гармонизация общественных и личных интересов, социалистическая законность — убедительно показывают, что только в обществе, основанном на социалистической собственности и подлинном народовластии, складываются принципиально новые отношения между государством и личностью, при которых они не противостоят друг другу, а действуют в единстве. Глубокая этическая обоснованность политико-юридических принципов, лежащих в основе взаимосвязей государства и личности, проявляется в моральной позиции государственной власти по отношению к личности и личности по отношению к государству;

в моральной направленности социальной деятельности по реализации взаимных прав и обязанностей государства и личности; в обеспечении гармонизации общественных и личных интересов; в дальнейшем укреплении социалистической законности.

Глава III

ПРАВСТВЕННЫЕ КРИТЕРИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

1. ХАРАКТЕР ПРОТИВОРЕЧИЙ МЕЖДУ ПРАВОМ И МОРАЛЬЮ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Дальнейшее развитие социалистической демократии, политической системы общества развитого социализма неотделимо от совершенствования правовой основы государственной и общественной жизни. Коммунистическая партия рассматривает ее укрепление в качестве одного из основных направлений развития политической системы советского общества. Это определяет необходимость четкого и бесперебойного функционирования всех элементов правовой основы государственной и общественной жизни.

В нашем научном и практическом обиходе давно существуют понятия политической основы, экономической основы, социальной основы нашего общества. Введение понятия «правовая основа» в Конституцию СССР, в новую редакцию Программы КПСС — еще одно свидетельство исключительного внимания партии и государства к дальнейшему совершенствованию правовых процессов социалистического общества, укреплению режима социалистической законности. Оно ставит целью охватить два важнейших аспекта правовой жизни общества: во-первых, систему советского законодательства, которая должна быть внутренне согласованной, адекватно отражать объективные процессы общественного развития, интересы и волю народа; во-вторых, точную и неуклонную реализацию всех нормативно-правовых актов, наличие безупречно действующих механизмов, обеспечивающих такую реализацию.

На наш взгляд, было бы неправильно рассматривать правовую основу лишь как систему юридико-нормативных актов либо как важнейший элемент данной системы. Введение этого понятия связано с необходимостью объединить основные аспекты политико-правового режима законности, который развивается как единство правовых норм и их реализации в практической деятельности людей.

Правовая основа государственной и общественной жизни — воплощение важного метода государственного руководства обществом, состоящего в создании научно обоснованной системы законодательства и его строгом и неуклонном проведении в жизнь в соответствии с целями построения социализма и коммунизма. Правовая основа —

это, по сути дела, политико-правовой режим законности, распространяемый на все стороны правового регулирования, объективируемый в общественных отношениях, обеспечивающих нормальное функционирование всей социальной системы.

Правовая основа государственной и общественной жизни органично включена в социалистический образ жизни. В ней закреплены и реализуются общие принципы жизнедеятельности человека социалистического общества в экономической, политической, социально-культурной, трудовой, семейной и иных сферах. Правовое выражение этих принципов придает устойчивость и стабильность различным формам жизнедеятельности людей, создает уверенность в реальности прав и обязанностей, регламентирующих такие формы. Это поднимает роль личности в обществе, создает условия для максимального развития ее способностей, обеспечивает ее активное участие во всех сферах социалистического общества. Ядро правовой основы государственной и общественной жизни составляют права и свободы советских граждан, и забота об укреплении правовой основы означает прежде всего дальнейшее развитие правового статуса советских граждан, совершенствование способов его обеспечения.

Дальнейшее укрепление правовой основы государственной и общественной жизни осуществляется различными способами.

1. Прежде всего следует указать на *неуклонное совершенствование советского законодательства*. XXVII съезд КПСС подчеркнул, что необходимо и дальше улучшать качество советских законов. «Наше законодательство,— гражданское и трудовое, финансовое и административное, хозяйственное и уголовное — должно еще активнее помогать внедрению экономических методов управления, действенному контролю за мерой труда и потребления, проведению в жизнь принципов социальной справедливости»¹.

Президиум Верховного Совета СССР 12 декабря 1977 г. принял Постановление об организации работы по приведению действующего законодательства в соответствие с Конституцией СССР². В соответствии с намеченным планом законотворческих работ к ноябрю 1979 г. были приняты Регламент Верховного Совета СССР, Закон о гражданстве СССР, Закон о народном контроле в СССР, Закон о Совете Министров СССР, Закон о Верховном Суде СССР, Закон о Прокуратуре СССР, Закон об арбитраже СССР, Закон об адвокатуре СССР. Издан в новой редакции Закон о статусе депутатов Советов народных депутатов в СССР.

Большое значение для дальнейшего совершенствования советского законодательства имели: постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 2 сентября 1976 г. «О подготовке и издании Свода законов СССР»³; постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР от 23 марта 1978 г. «Вопросы Свода законов СССР»⁴; постановления Президиума Верховного Совета СССР

¹ Правда, 1986, 26 февр.

² См.: Ведомости Верхов. Совета СССР, 1977, № 51, ст. 764.

³ См.: Там же 1976, № 37, ст. 515.

⁴ См.: Там же, 1978, № 15, ст. 239.

от 25 декабря 1979 г. «О ходе подготовки законопроектов, предусмотренных планом организации работы по приведению законодательства Союза ССР в соответствие с Конституцией СССР»⁵ и от 6 января 1981 г. «О ходе выполнения плана организации работы по приведению законодательства Союза ССР в соответствие с Конституцией СССР и о подготовке Свода законов СССР»⁶.

Дальнейшее совершенствование советского законодательства осуществляется на основе утвержденного в сентябре 1982 г. Президиумом Верховного Совета СССР и Советом Министров СССР плана подготовки законодательных актов СССР и постановлений правительства СССР на 1983—1985 гг.⁷

2. Важным условием укрепления правовой основы государственной и общественной жизни является *усиление взаимодействия и координации государственно-правовых механизмов воздействия на развитие общественных отношений.*

Государство как политическая управляющая система облекает практически все свои решения и программы в нормативно-правовую форму, без которой его властно-организующая деятельность невозможна. Комплексное решение хозяйственных, политических и социально-культурных задач определяет необходимость комплексного государственно-правового воздействия. В современных условиях к деятельности государства по решению этих задач подключены все звенья политической системы социализма, что придает функционированию государственно-правовых механизмов определенные особенности, проявляющиеся в возрастании роли общественных организаций в правотворческой и правореализующей деятельности государства, усилении удельного веса организационных и воспитательных средств в обеспечении требований и предписаний юридических норм. Государственно-правовой механизм как главное средство осуществления политики Коммунистической партии не может в современных условиях успешно функционировать без тесного и органического взаимодействия со всеми звеньями политической системы советского общества.

Вместе с тем следует учитывать специфику государственно-правового механизма воздействия на развитие общественных отношений, с тем чтобы действие права четко обеспечивалось наряду с организационными, воспитательными мерами, особыми средствами, которыми располагает только государство. Важно помнить, что укрепление правовых основ означает: точное соответствие иерархии нормативно-правовых актов структурной иерархии государственных органов, обеспечивающей верховенство Законов СССР, Законов союзных и автономных республик во всех сферах государственной, хозяйственной, социально-культурной, общественной жизни; строгое соответствие актов нижестоящих органов актам вышестоящих органов. Следует еще раз подчеркнуть также, что социалистическое государст-

⁵ См.: Там же, 1980, № 1, ст. 3.

⁶ См.: Там же, 1981, № 2, ст. 49.

⁷ См.: Там же, 1982, № 39, ст. 743.

во использовало и будет использовать для совершенствования правовых основ свои специфические способы охраны общественных отношений, в том числе и государственное принуждение.

3. Укрепление правовой основы государственной и общественной жизни неотделимо от совершенствования системы гарантий (экономических, политических, идеологических, юридических), усиления процедурно-правовой упорядоченности, создания простых, удобных и эффективных процедурно-правовых форм (механизма) реализации правовых норм⁸.

За последние годы Советское государство проделало огромную работу в указанном направлении. Повышение материально-технического и культурного потенциала общества, возрастание идейно-политической зрелости граждан оказывают огромное воздействие на укрепление правовых основ государственной и общественной жизни. Следует подчеркнуть значимость развития специфических юридических гарантий данного процесса: принятие Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях (1981 г.); внесение изменений и дополнений в Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик (1980 г.)⁹; принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении служебных обязанностей»¹⁰; и др.

4. Укрепление правовой основы государственной и общественной жизни требует совершенствования организационных факторов, обеспечивающих проведение в жизнь норм советского права.

Перед общенародным правом стоит сложная задача координации, согласования деятельности различных хозяйственных и административных единиц, производственных, трудовых коллективов, сочетания интересов классов, различных социальных групп, индивидов, взаимоотношений государства и гражданина. Эта цель не может быть достигнута лишь специфически юридическими средствами. Огромная роль в ее достижении принадлежит организации, сопровождающей правовые меры, делающей их осуществление четким и целенаправленным.

5. И наконец, для укрепления правовой основы государственной и общественной жизни огромное значение имеет *возрастание культуры общества*, в частности политической и правовой культуры, которые непосредственно вплетаются в социальное действие права, делают его более результативным, обеспечивают его практическое проведение в жизнь. Осуществление поставленной Коммунистической партией задачи — сделать уважение к праву, закону личным убеждением каждого советского человека — приведет к дальнейшему

⁸ См.: Реализация прав граждан в условиях развитого социализма. М., 1983, с. 111.

⁹ Ведомости Верхов. Совета СССР, 1980, № 545, ст. 544—545.

¹⁰ Ведомости Верхов. Совета СССР, 1981, № 21, ст. 741.

возрастанию эффективности социального действия права, к его постепенной трансформации, сближающей его с неправовыми социальными регуляторами.

✓ Однако существует еще один фактор, без учета которого невозможно совершенствование правовых основ государственной и общественной жизни, — это моральное состояние общества, его этические ценности и принципы. Моральные оценки действующего законодательства, их практическое применение оказывают самое непосредственное воздействие на уровень и состояние законности. Правовые основы государственной и общественной жизни (режим законности) — это не только политико-юридическое, но и социально-этическое явление. Состояние законности в обществе — это одна из характеристик его нравственной атмосферы, нравственного здоровья. Мораль подключена к совершенствованию законодательства и практики его реализации; без нравственных критериев невозможно совершенствование правовых основ государственной и общественной жизни.

Правовая жизнь социалистического общества должна соответствовать нравственным эталонам добра, честности, совестливости, ответственности, справедливости и гуманизма. Именно эти ценностные критерии должны лежать в основе деятельности, направленной на укрепление законности и совершенствование правовой основы государственной и общественной жизни. Такое требование вытекает из принципов социалистического образа жизни, из возрастающего внимания общества к проблемам нравственности и справедливости¹¹.

В этой связи возникает вопрос: возможно ли в условиях социализма несоответствие каких-либо правовых норм и институтов либо практики их применения нравственным критериям? Это вопрос не случаен, поскольку в литературе подчас чрезмерно идеализируется соотношение права, законности и морали, а их несоответствие сводится к единичным фактам¹².

Диалектика связи законности, права и морали весьма сложна, и было бы упрощенно изображать их взаимодействие как гладкий непротиворечивый процесс, который протекает легко и бесконфликтно. Прав М. Т. Баймаханов, отмечая, что «современный этап развития не устраняет различий и противоречий в правовом и моральном регулировании, хотя и существенно меняет их характер (преодоление антагонизма в соотношении этих социальных регуляторов)»¹³. Поэтому следует учитывать и в теории, и в практике правового регулирования возможности противоречий между правом и моралью. Эти противоречия не являются антагонистическими, так как за ними не стоят враждебные друг другу классы, общественные силы, интересы которых непримиримы. Антагонистические противоречия между правом и моралью были преодолены после

¹¹ См.: Правда, 1986, 26 февр.

¹² См.: Мораль развитого социализма. М., 1976, с. 245.

¹³ Баймаханов М. Т. Право и нравственное формирование личности в социалистическом обществе. — Сов. государство и право, 1976, № 10, с. 127.

завершения периода, переходного от капитализма к социализму; в этот период мораль свергнутых эксплуататорских классов противостояла идеям и принципам нового социалистического права, выражавшего интересы и волю рабочего класса и руководимых им трудящихся масс.

Однако возможность противоречий между правом и моралью сохранилась и в современных условиях. XXVII съезд КПСС отметил, что успехи и достижения нашего общества не должны создавать представления о беспроблемности процессов, происходящих в нем. Игнорирование острых жизненных противоречий, отсутствие реализма в оценке действительного положения дел в различных областях общественного развития не проходит бесследно, отрицательно проявляясь в сознании и поведении людей¹⁴.

Право и мораль имеют дело с сознанием людей, которое развивается неравномерно, в нем постоянно противоборствуют взгляды и убеждения, порожденные новыми коллективистскими началами, и эгоистические антиобщественные позиции, установки, стереотипы, неизбежные на первой фазе развития коммунистического общества. И советское общенародное право, и социалистическая мораль ориентированы на преобразование сознания личности, утверждение в нем высоких правовых и нравственных принципов. Правовое воспитание личности, ее нравственное совершенствование — важнейшие компоненты формирования нового человека. Сближение права и морали в условиях развитого социализма, усиление взаимодействия правовых и нравственных начал оказывают огромное воздействие на духовное преобразование общества, формирование норм и принципов социально полезного поведения.

Однако гармоническое сочетание правовых и моральных норм и принципов нельзя понимать упрощенно, как однозначный процесс все большего наращивания морального потенциала права, где нет места противоречиям и негативным проявлениям. В действительности взаимосвязь и взаимодействие права и морали значительно сложнее и объемнее, не всегда лежат на поверхности, потому и противоречия, возникающие между ними, фиксируются не сразу. Период латентных противоречивых морально-правовых ситуаций может быть более или менее длительным. Однако если они не вскрываются своевременно, то это, как правило, приводит к серьезным нарушениям законности, большим нравственным потерям.

Причины подобных противоречий имеют различные истоки. Прежде всего следует отметить, что они заложены в самой социальной реальности, развитие которой невозможно без единства и борьбы противоположностей. Эта борьба в условиях социалистического общества порождает два вида социальных противоречий. Во-первых, между принципами коллективизма, устоями социалистического образа жизни, с одной стороны, и пережитками частнособственнических отношений, «родимыми пятнами» капитализма — с другой. Во-вторых, это противоречия между ростками коммунизма, наиболее

¹⁴ См.: Правда, 1986, 26 февр.

зрелыми формами коллективистских общественных отношений, с одной стороны, и тем, что, хотя и было вызвано когда-то к жизни социализмом, устарев, перестало соответствовать изменившимся условиям и усложнившимся задачам, — с другой ¹⁵.

Динамично развивающиеся общественные отношения содержат в самих себе истоки противоречий, поскольку то новое, что возникает, сознательно распространяется и поддерживается, вступает во взаимодействие с тем, что подлежит замене и вытесняется. Социальные регуляторы возникают в процессе развития общественных отношений, где единство противоречивых тенденций, старое и новое «оказываются сопряженными моментами, сторонами одной и той же практики» ¹⁶. В правовой и в моральной системах социального регулирования действуют свои собственные противоречивые тенденции: это противоречия либо между устаревшими правовыми формами и новым характером общественных отношений, либо между различными правовыми нормами в пределах системы права. Такие же процессы (с учетом своеобразия морального регулирования) происходят и в системе морали.

✓ Эти противоречия способны порождать отдельные противоречия и между нормами права и нормами морали. В их основе лежат причины и объективного, и субъективного характера, которые могут определять как отставание права от морали, так и отставание морали от права. На наш взгляд, вопрос о противоречиях права и морали, о возможности отставания одного социального регулятора от другого или опережение одного другим должен решаться применительно к конкретному этапу развития и конкретной сфере общественных отношений. Однозначного, общего ответа на вопрос, какой социальный регулятор занимает «передовые рубежи», быть не может. ↓

Несоответствия между правом и моралью связываются подчас с формальной определенностью правовых норм, фиксирующих общественные отношения, которая определяет сложную процедуру их изменения и создает возможности опережения права моралью ¹⁷. М. Т. Баймаханов, развивая данное положение, также считает, что, поскольку правовые нормы и институты остаются «застывшими», «неподвижными», пока их не изменит законодатель, а мораль быстрее реагирует на изменение общественных отношений, это создает возможные противоречия в правовом и моральном регулировании ¹⁸.

В изложенных выше позициях четко проступает мысль об опережающей позиции морали по отношению к праву, в формальной определенности которого заложена его меньшая динамичность и подвижность. С этим положением трудно согласиться. Институализирован-

¹⁵ См.: Правда, 1984, 20 июля.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Социалистическое право. М., 1973, с. 197; Пеньков Е. М. Социальные нормы — регуляторы поведения личности. М., 1972, с. 174.

¹⁸ См.: Баймаханов М. Т. Право и нравственное формирование личности в социалистическом обществе, с. 127.

ный характер права, наличие особой «законополагающей» инстанции; формулирующей на основе познания объективных норм и отношений юридические предписания и обеспечивающей их особыми средствами поддержания, определяет не только его «неподвижность»; но и возможность «включения» государственно-правовых механизмов для динамичного отражения нового этапа общественных отношений, их целенаправленного и планомерного преобразования. Мораль как неинституализированный социальный регулятор такими возможностями не располагает, в сфере моральных отношений большее место занимает стихийность. И несмотря на то что в социалистическом обществе мораль также воспитывается целенаправленно, стихийности в ее развитии, несомненно, больше, чем в развитии права. В условиях социализма «в общественном масштабе начинает действовать противоречие, имевшее раньше весьма ограниченное проявление, — противоречие между наступающей широким фронтом сознательностью и стихийностью, которая оказывает упорное сопротивление, опираясь на невежество, ложь, предрассудки как на свои резервы»¹⁹.

Оценивая соотношение стихийного и сознательного в праве и морали, следует констатировать, что в правовой жизни общества сфера стихийного значительно уже, чем в моральной, благодаря институализированному характеру права. Однако необходимо проводить различие между идеологизированными, мировоззренческими элементами морали²⁰ и обыденным моральным сознанием. Именно последнее является «полем» действия стихийности, поскольку для его поднятия на идеологический, мировоззренческий уровень нужны длительные исторические сроки. Мораль не располагает тем арсеналом средств воздействия, который имеется у права; если в обыденном правовом сознании действуют факторы стихийности, которые определяют возможность его отставания от права, оно все же, как правило, ориентировано на знание возможности применения в случае нарушения правовых предписаний принудительных средств воздействия со стороны государства. Поэтому сама по себе специфическая форма права и специфическая форма морали содержит собственные основы противоречий, связанные с динамизмом и застойностью в отражении общественного бытия.

Кроме того, следует учитывать неоднородность морали. При неизбежно возникающих в связи с динамизмом общественных отношений противоречиях в праве — это целостная система, основанная на единых принципах. Социалистическое право стремится к выражению научно точных, отвечающих потребностям общественного развития идей и принципов; в нем получают закрепление нормативные образцы поведения, отвечающие интересам развития общества. В сфере морали и в обществе развитого социализма еще сохраняются как некоторые классовые различия, так и особенности груп-

¹⁹ Правда, 1984, 20 июля.

²⁰ См.: Смирнов Г. Марксистско-ленинское мировоззрение: пути формирования. — Правда, 1984, 24 авг.

повой и индивидуальной морали. В морали отдельных индивидов и социальных групп возможны негативные стандарты, стереотипы, воззрения, которые прямо противоположны и позициям, заложенным в праве, и принципам социалистической морали. Такие негативные состояния обыденного морального сознания являются антиподами социалистической нравственности.

Следует заметить, что наличие в обыденном сознании антиподов социалистической морали отнюдь не означает, что это сознание в целом не содержит правильных социальных ориентаций. Обыденное моральное сознание возникает в повседневной практической деятельности людей, оно в основе своей содержит социальные ориентиры, отвечающие интересам социалистического общества; его оценки справедливого, доброго, злого и т. д. в большинстве случаев соответствуют мировоззренческим принципам социалистической морали. Однако, как уже отмечалось, в его формировании большее место занимает стихийность, и поэтому оно может быть носителем чуждых нашему образу жизни общественных нравов.

Понятие «общественные нравы» используется для описания и оценки как способов поведения, соответствующих моральным ценностям общества, так и отклонений от норм и требований нравственности. «Общественные нравы представляют определенный „срез“ объективных социальных процессов, духовно-практической жизни общества. В реальном состоянии общественных нравов, раскрывающем качественную сторону образа жизни, обнаруживается достигнутая в обществе степень согласования, интегрированности (или расхождения) общественных и личных интересов людей»²¹.

В диалектике общественных нравов проявляются противоречия между интересами личности, социальных групп, общества. Поэтому общественные нравы выражают различные типы морального поведения (и социально полезного и антиобщественного). При исследовании противоречий между правом и моралью важно учитывать не только нормы и принципы нравственности, но и практические нравственные отношения, выступающие в виде многократно повторяющихся форм поведения. Эти социальные нравы как устойчивые формы поведения (как позитивного, так и негативного) выводят нас на реальную моральную практику. Поэтому понятие «общественные нравы» целесообразно использовать для характеристики устойчивых стереотипов поведения в сфере морали.

Общественные нравы, которые являются антиподами социалистической морали, неизбежны на первой фазе коммунизма.

Подчеркивая различия между двумя фазами коммунистического общества, К. Маркс указывал на закономерность серьезных «недостатков», «родимых пятен старого общества», которые неизбежны и в экономических, и в нравственных, и в умственных отношениях²². В. И. Ленин отмечал «громадное» различие между двумя фазами

²¹ *Роговин В. Э. Социальная политика и ее влияние на общественные нравы.* — *Вопр. философии*, 1978, № 8, с. 4.

²² *См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 18—19.*

коммунистической формации. Эти положения подтверждены практикой строительства реального социализма.

Коммунистическая партия, развивая марксистско-ленинские идеи об этапах строительства коммунистической формации, указала на длительность исторических сроков первой фазы коммунизма. Это связано не только с трудностями построения новой, социалистической экономики, создания материально-технической базы коммунизма, но и со сложнейшей задачей формирования новой, коммунистической морали, коренной перестройки стереотипов человеческого мышления, складывавшихся веками. Старые формы морали не перестраиваются автоматически вслед за созданием новых форм собственности; они сохраняются в первой фазе коммунизма как весьма стойкие социальные факторы, которые в ряде случаев вступают в противоречие с новыми формами социалистического образа жизни.

Однако было бы неправильным сводить негативные состояния морали лишь к стереотипам мышления, существовавшим веками. И в условиях реального социализма существуют обстоятельства, определяющие возможность формирования антиподов коммунистической морали, которые резко расходятся с коренными устоями и принципами социализма. В новой редакции Программы КПСС наличие негативных явлений, проявления чуждой идеологии и морали связываются не только с пережитками прошлого, но и с недостатками практической работы в различных областях общественной жизни, с запаздыванием в решении назревших проблем²³. Нельзя также не учитывать трудности и противоречия экономического характера; все еще имеющие место нарушения принципа распределения по труду; недостатки в области организации управления экономикой, в сфере планирования, обмена, распределения; отсутствие высокой политической и правовой культуры у отдельных работников государственного и хозяйственного аппарата, что ведет подчас к злоупотреблениям служебным положением, бюрократизму, формализму, пренебрежительному отношению к правам и законным интересам граждан; несовершенство законодательства; недостатки в правоприменительной практике; и т. д.

Трудности, противоречия, просчеты и упущения в хозяйственной, организационной, воспитательной работе²⁴ не могут не влиять на состояние обыденного морального сознания, на формирование интересов и потребностей граждан, идущих вразрез с принципами социалистического образа жизни. Поэтому при анализе причин противоречий, возникающих между правом и моралью, объективирующихся подчас в правонарушениях, следует учитывать наличие в морали не только устаревших форм, воззрений и стереотипов, но и тех негативных состояний, которые могут возникать в результате трудностей

²³ См.: Правда, 1986, 7 марта.

²⁴ См.: Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., 1971, с. 137—144, 171—174, 195 и др.; Яковлев А. М. Преступность как социально-правовое явление. — Сов. государство и право, 1978, № 1, с. 74—83; Карпец И. И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1976, с. 65—75; и др.

и противоречий общественного развития, неизбежных в процессе построения социализма и коммунизма, но постепенно преодолеваемых в результате целенаправленной деятельности Коммунистической партии и Советского государства.

Противоречия между новыми формами экономической и духовной жизни общества и устойчивостью негативных состояний морали — серьезный социальный фактор, который не сводится лишь к «пережиткам прошлого» в сознании и поведении людей. Когда мы говорим о «пережитках», создается впечатление об остаточности, незначительности этих негативных явлений. Между тем в действительности им присущи высокая сопротивляемость и устойчивость.

Существование антиобщественных моральных воззрений в течение длительных исторических сроков закономерно. Они не преодолеваются столь легко и просто, чтобы через два-три десятилетия после возникновения нового социального строя можно было говорить о «пережитках», свойственных сознанию лишь незначительной части общества. Подобные утверждения упрощают ситуацию, бесосновательно идеализируют реальную жизнь, не позволяют выявить подлинную картину и масштабы тех явлений, преодоление которых возможно лишь в результате четкой постановки стратегических и тактических задач, рассчитанных на длительные сроки.

XXVII съезд КПСС со всей остротой и правдивостью указал на недостатки, явившиеся результатом просчетов и ошибок в области хозяйственного управления, в идеологической работе. «По достоинству оценивая достигнутое, руководство КПСС считает своим долгом честно и прямо сказать партии и народу о наших упущениях в политической и практической деятельности, неблагоприятных тенденциях в экономике и социально-духовной сфере, о причинах таких явлений». В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии были всесторонне проанализированы субъективные и объективные факторы, которые привели к инертности и застойности форм и методов управления, снижению динамизма в работе, нарастающую бюрократизма²⁵.

Оценка ряда негативных явлений только как «пережитков прошлого» представляет собой явное забегание вперед, идеализацию действительности, поскольку противоречит закономерностям становления и развития новой общественной формации.

Такая идеализация проявляется и в расхожем стереотипе, согласно которому граждане делятся на высокосознательных (подавляющее большинство) и несознательных (незначительное меньшинство). В основе данного утверждения лежит представление об однородности, однолинейности развития сознания членов общества. Противоречивость развития сознания — индивидуального, группового, общественного — явление закономерное. Трудно найти индивида, сознание которого в «химически чистом виде» аккумулировало бы лишь положительные качества, либо индивида, сознание которого во всех своих проявлениях и срезам было бы только отрицательным. Сознание личности противоречиво; это постоянная арена борьбы позитив-

²⁵ Правда, 1986, 26 февр.

ных и негативных факторов, что не может не отражаться на качественном состоянии группового и общественного сознания, которому в процессе его развития свойственны не только постоянное наращивание позитивных начал, но и временные спады, возможность нежелательных для новых форм жизни образований, состояний, настроений. Поэтому важно ориентироваться на реальную, а не на идеальную нравственную модель социалистической личности. Здесь уместно привести высказывания Г. Л. Смирнова о том, что некоторые «авторы сосредоточивают свое внимание на конструировании идеальной нравственной модели социалистической личности. Получается, как правило, некоторое забегание вперед, стремление наделить членов социалистического общества всеми хорошими чертами, которые в действительности могут быть свойственны им в разной степени или сформируются в будущем. Это нормативный подход, случай, когда идеал принимается за действительность или часть за целое»²⁶.

Формирование нового человека — процесс длительный и сложный, его нельзя рассматривать как бесконфликтное поступательное наращивание позитивных качеств. В данном процессе в какой-то области общественных отношений могут получить распространение и негативные моральные состояния.

Одна из причин этого коренится в мелкособственнической морали, социальном эгоизме, порождающих антиобщественные интересы и проявляющихся в потребительстве, рвачестве, стремлении обогатиться за счет социалистического государства. В. И. Ленин отмечал, что борьба с теми привычками, которые впитывались столетиями и тысячелетиями, требует долгих лет настойчивой организационной работы²⁷.

Тенденция отставания надстроечных форм от бытия должна неизменно учитываться при анализе реального состояния всех форм общественного сознания. В социалистическом обществе она может быть ограничена системой целенаправленных воспитательных мер, осуществляемых Коммунистической партией и Советским государством, которые сужают сферу стихийности, однако не устраняют ее полностью. Поэтому реальная оценка уровня в состоянии морали со всеми ее позитивными и негативными образованиями является основой правильного определения задач нравственного формирования личности, преодоления антиподов социалистической морали. В этом деле «важно избегать как идеализации уже достигнутого, так и „подгонки“ идеалов под уже существующую действительность, что ведет к из „заземлению“, мешает их способности быть мощной подъемной силой, формирующей и стимулирующей смелое творческое мышление и практическую деятельность людей»²⁸.

При характеристике реальных состояний морального сознания общества, социальных групп, индивидов (без чего нельзя рассчитывать

²⁶ Смирнов Г. Л. Советский человек. М., 1973, с. 212.

²⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 121.

²⁸ Печенев В. А. Социалистический идеал и реальный социализм. М., 1984, с. 52.

на эффективное действие правовых факторов) следует исходить из марксистско-ленинских положений об определяемости любых явлений сознания бытием, а стало быть, социальными факторами. Разумеется, в жизни советского социалистического общества нет таких устоев, которые бы прямо или косвенно, но *объективно, неизбежно* обуславливали антиобщественное поведение, возникновение аморальных воззрений²⁹. Однако есть определенные факторы, способные порождать всякого рода моральные отклонения. Г. Е. Глезерман правильно отмечает, что «антисоциальные явления не порождены социалистическим строем, но это не значит, что они не имеют какой-либо почвы в объективных условиях жизни»³⁰. Если бы такие факторы не были социально обусловлены, то ликвидация антиподов коммунистической морали была бы делом простым и легким; если бы вся проблема сводилась лишь к «пережиткам», то каждое десятилетие давало бы существенную убыль различного рода негативных явлений. К сожалению, в реальной жизни наблюдается подчас оживление мелкособственнической морали, что крайне отрицательно отражается на состоянии законности. Такие явления преодолеваются благодаря совершенствованию социалистического образа жизни, руководящей деятельности Коммунистической партии и Советского государства. Но временный характер их существования не может служить основанием для их игнорирования, для построения выводов и рекомендаций в правовой сфере, которые не учитывают реального уровня морального состояния общества, идеализируют его.

Только с учетом реального состояния морального сознания право может оказывать эффективное воздействие на искоренение антиподов социалистической морали, являющихся одной из причин возможных противоречий права и морали. В преодолении такого рода противоречий праву принадлежит чрезвычайно ответственная роль: она состоит не только в организации и регулировании новых форм жизни, но и в том, чтобы «перекрывать» пути воздействия антиподов коммунистической морали на развитие общественных отношений. Чем эффективнее выполняет право эту задачу, тем больше оно содействует искоренению моральных воззрений и позиций, не совместимых с принципами и устоями социализма, без чего невозможен высокий уровень законности в обществе.

Эффективное действие права, направленное на устранение антиобщественных состояний морального сознания, возможно лишь на основе объективной оценки массового обыденного сознания, всех факторов, тормозящих преодоление противоречий в сфере морали, ликвидацию правонарушений, укрепление законности. И прежде всего следует учитывать высокую сопротивляемость негативных состояний морального сознания, являющихся благоприятным фоном для правонарушений.

²⁹ См.: Настоятельное веление времени.— Коммунист, 1982, № 1, с. 28.

³⁰ Глезерман Г. Е. Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1973, с. 256.

Думается, что в современных условиях важно переосмыслить некоторые оценки и теоретические положения, сложившиеся несколько десятилетий назад и ставшие привычными в научном обиходе. На XXVII съезде КПСС было подчеркнуто, что время ставит вопрос о широком выходе общественных наук на конкретные нужды практики, требует, чтобы ученые-обществоведы чутко реагировали на происходящие перемены в жизни, держали в поле зрения новые явления, делали выводы, способные верно ориентировать практику.

Если обратиться к истории, то в юридической науке можно заметить стойкую тенденцию некоторого забегания вперед в определении исторических судеб права, необходимости государственного принуждения, причин правонарушений. Достаточно вспомнить отношение к праву как к явлению, которое подлежит отмиранию в кратчайшие исторические сроки (20-е годы), утверждение о начавшемся процессе перерастания права в единые нормы коммунистического общежития и отмирания принудительных элементов права (50-е годы), о сужении сферы правового регулирования в связи с возрастанием нравственных начал в жизни общества (60-е годы). Подобные настроения вполне объяснимы, если учесть, что советская юридическая наука не избежала «детской болезни левизны»; к тому же она изучала право нового типа, принципиально отличающееся от предшествующих исторических типов права. Эти настроения были порождены в известной мере и тем, что общественные науки не всегда реально оценивали трудности и противоречия, которые неизбежны в обществе, впервые в истории человечества строящем коммунизм. Не всегда правильно прогнозировались исторические сроки развития первой фазы коммунизма — периода построения социализма и периода развитого социалистического общества.

Вот почему так важно преодолевать идеализацию и забегание вперед, все еще встречающиеся в юридической литературе. Этому подчас мешает не только инерция или леность мысли, но и неумение критически отнестись к собственным, выдвинутым ранее обобщениям, не подтвердившимся жизнью.

Право необходимо социалистическому обществу на длительные исторические сроки. Само существование права — свидетельство объективной потребности в таких нормативных формах упорядочения общественных отношений, которые связаны с несовершенством сознания, противоборством новых коллективистских начал, с социальным эгоизмом и потребительской психологией. Преодоление антиподов социалистической морали, формирование коммунистического сознания сделают возможным упорядочение общественных отношений без права, на основе единых норм коммунистического общежития. Но это — проблема будущего. А в современных условиях необходимость права на длительные исторические сроки со всеми его специфическими атрибутами определяется наличием противоречий между новыми формами собственности, принципами нового образа жизни и привычными, сложившимися веками формами бытия,

стереотипами сознания, мышления, морали, устойчивыми привычками, порождающими противоречия общественных и личных интересов. Между этими формами нового и старого неизбежна конфронтация, нередко приобретающая весьма острый характер. Новые социалистические формы жизни вступают в противоборство с «рефлексами», закрепившимися в стереотипах человеческого поведения и сознания людей. Поэтому социалистическое общество не может рассчитывать на автоматическую перестройку сознания и поведения людей и должно целенаправленно воспитывать их в духе принципов и норм новой жизни. Реальная действительность показывает, что нормам старой морали свойственны высокая сопротивляемость, устойчивость и массовость. Их существование объективно предопределено многовековым человеческим опытом и формами жизни предшествующих общественно-экономических формаций, трудностями и длительными сроками развития и утверждения новых форм социального бытия. Общеправовое способствует целенаправленному, планомерному, *сознательному* формированию социалистических отношений, а «участие сознательности как неотъемлемого атрибута общественного развития в выявлении, изучении и разрешении противоречий при социализме составляет его самобытную черту и является одним из величайших социальных преимуществ»³¹.

Однако противоречивость между правом и моралью может возникать и в связи с несовершенством отдельных правовых норм и институтов. Выше уже отмечалось, что формальная определенность права обуславливает не только его возможности динамично отражать изменения в общественных отношениях, но и возможности отставания от вновь возникающих потребностей. В самой правовой форме заложена противоречивость динамизма и стабильности, неизбежно отражающаяся на состоянии правовой системы. П. С. Давель правильно отмечает, что признание в праве диалектических противоречий означает установление в нем противоположных сторон (тенденций), которые характеризует сущность правового регулирования и без которых право существовать не может. С каждой из этих противоположных сторон, образующих противоречие, могут быть связаны как положительные, так и отрицательные последствия, но каждая из них необходима для существования и противоположной стороны, и права в целом³².

Противоречия между развивающимися общественными отношениями и относительной стабильностью правовой формы могут привести к отставанию права от развития общественных отношений, а это, в свою очередь, способно создать противоречивую морально-правовую ситуацию. Выше уже отмечалась «многослойность» морали, наличие в ней различных уровней — и мировоззренческих, подлинно социалистических, и обыденных с сохранением в них анти-

³¹ Правда, 1984, 20 июля.

³² См.: Давель, П. С. Диалектика правового регулирования общественных отношений. — Правоведение, 1971, № 1, с. 54.

иодов высших уровней морали. В случае отставания норм права от назревших общественных потребностей они могут вступить в противоречия с передовыми моральными воззрениями; преодоление таких противоречий будет способствовать ликвидации отставания норм права от морали, подтягиванию их до идеалов социалистического нравственного мировоззрения.

Есть еще один источник возможных противоречий норм права и морали. Нормативно-юридическое формулирование и закрепление объективных социальных норм — это субъективная деятельность, и, как таковая, она не свободна от возможных просчетов и ошибок, которые могут выразиться в неточном, неадекватном отражении общественных связей и отношений. Такие просчеты и ошибки не только ведут к созданию противоречивых морально-правовых ситуаций, но и способны оказать отрицательное воздействие на моральное состояние общества.

Поэтому противоречия в праве имеют как объективный характер (динамика общественных отношений и относительная стабильность правовой формы, применение «равной меры» к неравным людям), так и субъективный характер (неточность отражения объективных правовых норм, избрание неадекватных юридических форм воздействия на развитие общественных отношений). Эти противоречия преодолеваются благодаря руководящей деятельности Коммунистической партии, совершенствованию научного управления обществом, работы всех звеньев политической системы развитого социализма. Однако они требуют внимательного и всестороннего изучения, которое должно способствовать устранению либо сокращению возможных негативных последствий противоречий в праве. М. С. Строгович справедливо отметил, что «вопрос о противоречиях в праве почти совсем не освещен в советской юридической науке. Предполагалось, что противоречия присущи буржуазному праву, в социалистическом же праве противоречий нет или они имеют несущественный, лишь технико-законодательный характер»³³.

В последние годы появились интересные работы М. Т. Баймаханова и В. С. Жеребина³⁴, однако изучение противоречий правовой жизни социалистического общества должно быть продолжено. Каждый этап общественного развития требует исследования данной проблемы, видов и разновидностей противоречий в праве как развивающейся целостной системы, их связи с совершенствованием социалистических общественных отношений. Это важно и потому, что противоречия в праве имеют выход на все пласты социальной жизни, в том числе и на нравственные отношения. Наличие устаревших юридических норм либо норм, неправильно отражающих объективную реальность, создавая противоречивые морально-право-

³³ Строгович М. С. Методологические вопросы юридической науки. — *Вопр. философии*, 1965, № 12, с. 8.

³⁴ См.: Баймаханов М. Т. Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме. Алма-Ата, 1972; Жеребин В. С. Противоречия при социализме и право. Владимир, 1972.

вые ситуации, может подчас противоречить чувству социальной справедливости, моральным убеждениям людей, что снижает престиж права, его этическую ценность.

Противоречия между правом и моралью возможны и в результате дефектов в правоприменительной деятельности, нарушений законности, которые противоречат нравственным чувствам советских людей и вызывают отрицательную реакцию. Это налагает особую ответственность на должностных лиц, призванных неукоснительно соблюдать законы и моральные предписания и своими действиями способствовать утверждению социальной справедливости во всех сферах нашей жизни.

Когда мы говорим, что возможно издание правовых норм либо актов применения норм права, не соответствующих требованиям нравственности, то речь идет о подлинной социалистической нравственности, построенной на принципах гуманизма и социальной справедливости. Эта нравственность выступает как ценностный критерий права, с ее позиций происходит оценка правовых явлений социалистического общества как справедливых или несправедливых, отвечающих или не отвечающих представлениям людей о добре и достоинстве.

Таким образом, противоречия между нормами права и нормами морали могут возникать в связи с отставанием либо отдельных правовых, либо отдельных моральных норм и институтов от развивающихся потребностей общественного развития. Поэтому общее положение об отставании морали от права либо права от морали не может быть правильным. И в правовой и в моральной системах имеется огромное количество нормативных предписаний, и только исследование конкретных сфер общественных отношений может показать реальную диалектику соотношения и взаимодействия правовых и моральных норм.

Право является инструментом, затрагивающим самые насущные, самые важные интересы личности. Поэтому безупречность правовой системы имеет особую значимость для формирования личности, ее социализации, воспитания активной жизненной позиции. Безупречность правовой системы — это не только ее юридическое совершенство, но и этическая обоснованность, которые необходимы для укрепления правовых основ государственной и общественной жизни, создания благоприятного морально-психологического климата общества.

Правовые основы государственной и общественной жизни как любое социальное явление развиваются в процессе борьбы противоположностей, в ходе преодоления противоречий. Каждый новый этап общественного развития порождает свои противоречия. Возрастание сознательного воздействия на развитие правовых основ будет способствовать преодолению возникающих противоречий между новыми формами регулирования и теми, которые перестали соответствовать изменившимся условиям, обеспечивать точное, адекватное отражение данных условий, предельно сужая элементы стихийности в развитии правовой жизни социалистического общества.

2. ЭТИЧЕСКАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Совершенствование правовых мер обеспечения НТР — одно из важных направлений укрепления правовой основы государственной и общественной жизни. Невиданное по масштабам развитие науки и техники оказывает огромное влияние на весь современный социально-исторический процесс, на все сферы общественной жизни. М. С. Горбачев в докладе на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС подчеркнул, что одним из путей дальнейших изменений и преобразований, достижения нового качественного состояния общества является, прежде всего, «научно-техническое обновление производства и достижение высшего мирового уровня производительности труда»³⁵.

В этой связи возникает объективная потребность в юридической регламентации применения достижений НТР, возможных ограничений или запретов использования этих достижений во вред обществу, в целях физического сохранения человечества, его нравственного здоровья.

Научно-техническая революция ведет к возрастанию масштабов и усложнению не только экономических и научно-технических процессов, но и всех общественных отношений. Деятельность людей, связанная с НТР, требует упорядоченности, скоординированности, установления ответственности. Поэтому она должна получить законодательную форму, вносящую формальную определенность и общеобязательность в сложные комплексы общественных отношений, порожденных НТР. Законодательное регулирование таких комплексов способствует соединению достижений научно-технической революции с преимуществами социализма, социалистической системы хозяйства.

Необходимость юридической регламентации процессов научно-технической революции неуклонно возрастает. В современных условиях наибольшую угрозу для судеб человечества представляют опасность применения термоядерного оружия, нарушение экологического баланса, вытекающее из использования достижений научно-технического прогресса, истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды.

Существует и ряд других аспектов НТР, связанных с изменением характера труда, процессами урбанизации, возможностью психологического перенапряжения человека. Все эти факторы оказывают влияние на моральное состояние общества.

По мере проникновения науки и техники в важнейшие сферы человеческой деятельности возрастает значение личной ответственности каждого человека, моральных связей между людьми, их солидарности. Человек получает огромные блага от НТР — улучшение

³⁵ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 года. М., 1985, с. 7.

условий труда, повышение его производительности, постепенное вытеснение неквалифицированного ручного труда, невиданные ранее средства коммуникации и информации, возрастание общей образованности и культуры. Вместе с тем НТР привела к усложнению производства, человеческих связей, поставила человечество перед угрозой тяжких последствий ее антигуманного использования. «Таким образом, сколь ни парадоксально, остро встает проблема исторической меры, степени, предела, в рамках которых научно-технический прогресс и деятельность ученых служат истинному прогрессу общества»³⁶.

Юридическая регламентация — один из способов определения «меры, степени, предела», обеспечивающих служение достижений науки и техники гуманным целям. Однако в ее основе должны лежать четкие моральные критерии — благо человека и всего человеческого рода, нынешних и грядущих поколений людей, возвышение материальных и духовных потребностей личности.

Значение моральной обоснованности юридической регламентации процессов НТР можно проиллюстрировать на примере такой важнейшей проблемы современности, как охрана окружающей среды. Сущность ее состоит в сохранении, восстановлении и улучшении благоприятных природных условий, необходимых для жизни людей на Земле, для дальнейшего развития производства и культуры³⁷.

Советское государство приняло ряд важных законодательных актов, наметивших комплекс мер, направленных на совершенствование планирования в области охраны природы, повышение ответственности государственных органов за проведение природоохранительных мероприятий, развертывание научно-исследовательских работ по наиболее актуальным проблемам охраны природы. Это — постановление Верховного Совета СССР «О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов» от 20 сентября 1972 г.³⁸, постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов» от 29 декабря 1972 г.³⁹; Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об административной ответственности за нарушение земельного законодательства» от 14 мая 1970 г.⁴⁰; постановление Совета Министров СССР «О порядке и размерах материальной ответственности за ущерб, причиненный лесному хозяйству» от 21 августа 1968 г.⁴¹; постановление Совета Министров СССР от 25 октября 1974 г. «Об усилении охраны запасов ценных видов рыб, морских млекопитающих и водных беспозвоночных в рыбохозяйственных водоемах СССР»⁴²; и др.

³⁶ Наука и нравственность, с. 101.

³⁷ См.: Социализм и охрана окружающей среды. М., 1979, с. 11.

³⁸ Ведомости Верхов. Совета СССР, 1972, № 39, ст. 346.

³⁹ СП СССР, 1973, № 2, ст. 6.

⁴⁰ Ведомости Верхов. Совета СССР, 1970, № 20, ст. 165.

⁴¹ СП СССР, 1968, № 16, ст. 641.

⁴² СП СССР, 1974, № 22, ст. 133.

Комплекс природоохранных мер закреплён в таких фундаментальных отраслевых актах, как Основы земельного законодательства Союза ССР и союзных республик (1968 г.), Основы водного законодательства Союза ССР и союзных республик (1970 г.), Основы законодательства СССР и союзных республик о недрах (1975 г.), Основы лесного законодательства Союза ССР и союзных республик (1977 г.).

Развитием природоохранных мер явилось принятие Закона об охране атмосферного воздуха от 25 июня 1980 г.⁴³; Закона об охране и использовании животного мира⁴⁴.

Охрана окружающей среды — это задача не только сегодняшнего дня; она имеет как ближайшие, так и отдалённые цели, рассчитанные на длительный период. Поэтому большое значение имеет перспективное планирование природоохранных мер. Разработанные на научной основе комплексные природоохранные меры получают правовое оформление, с 1974 г. включаются в перспективные и годовые народнохозяйственные планы, тем самым приобретая силу закона.

Основой дальнейшего развития природоохранительного законодательства является Конституция СССР. В ст. 18 отмечается, что «в интересах настоящего и будущих поколений в СССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли, её недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды». В качестве одной из основных обязанностей граждан СССР Конституция указывает их обязанность беречь природу, охранять её богатства (ст. 67).

Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года в разделе XI «Охрана окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов» намечают повышение эффективности мер по охране природы, последовательное улучшение охраны водных ресурсов, охраны атмосферного воздуха, обеспечение рационального использования земель, охраны недр, комплексного использования минеральных ресурсов. Предусматриваются усиление действенности государственного контроля за состоянием природной среды и источниками загрязнения, расширение форм и методов участия в этой работе общественных организаций и населения, воспитание у советских людей чувства высокой ответственности за сохранение и приумножение природных богатств, бережливое их использование⁴⁵.

Усиление контроля за охраной окружающей среды и привлечение общественности к решению этих жизненно важных задач — необходимое условие их успешного решения. В СССР охрана окру-

⁴³ Ведомости Верхов. Совета СССР, 1980, № 27, ст. 528.

⁴⁴ Там же, ст. 532.

⁴⁵ См.: Правда, 1986, 9 марта.

жающей среды и осуществление контроля за этой деятельностью входят в компетенцию ряда государственных органов — местных Советов и их исполкомов, отделов и управлений, инспекций, наделенных контрольной компетенцией, обязанных осуществлять природоохранительную деятельность в области экономики и природопользования. Советское государство применяет широкую систему юридических и организационных мер; большую помощь в их осуществлении оказывают общественные организации и граждане. Следует отметить, например, важную роль такой организации, как Всесоюзное общество охраны природы, задача которого состоит в содействии государственным, общественным и хозяйственным организациям в проведении мероприятий по охране, рациональному использованию и воспроизводству богатств природы, организации и осуществлению общественного контроля за правильным использованием богатств природы и состоянием охраны природных ресурсов (ст. 2 Устава Общества).

Общественные организации способствуют успешному проведению природоохранительных мер. Государство не только признает и поддерживает такого рода охранительную деятельность, но и считает ее неотъемлемым элементом действующей в стране единой системы обеспечения социалистической законности, юридически закрепляет формы, функции и методы их охранительной деятельности⁴⁶. Так, ст. 10 Основ лесного законодательства СССР и союзных республик указывает, что профессиональные союзы, организации молодежи, общества охраны природы, научные общества и другие общественные организации оказывают содействие государственным органам и колхозам в осуществлении мероприятий по рациональному использованию, воспроизводству, охране и защите лесов; общественные организации в соответствии с их уставами и законодательством Союза ССР и союзных республик принимают участие в деятельности, направленной на обеспечение рационального использования, воспроизводства, охраны и защиты лесов⁴⁷.

Вместе с тем многосторонняя деятельность государственных органов и общественных организаций по охране окружающей среды невозможна без *массового практического участия* в ней граждан. Такое участие может быть эффективно лишь при наличии подлинной моральной заинтересованности в решении этих неотделимых от жизни каждого человека задач. Однако экологическое воспитание граждан как важный элемент их морального сознания значительно отстает от потребностей общества в этой области. И нередко действие законов об охране окружающей среды «блокируется» моральной «глухотой», низкой культурой, узкоэгоистическими интересами некоторой части граждан. В течение многих поколений сознание людей привыкало к мысли о неисчерпаемости природных ресурсов, о возможности свободно использовать блага (и материальные, и эстетические), которые дает природа. Интенсификация всех социальных

⁴³ См.: Общественные организации, право и личность. М., 1981, с. 359.

⁴⁷ См.: Ведомости Верхов. Совета СССР, 1977, № 25, ст. 388.

процессов, ускоренные ритмы жизни подчас отодвигают моральные проблемы на задний план, возникает опасный разрыв между величайшими достижениями науки и техники и этическими ценностями личности. «Научно-техническая революция выявила наше нравственное отставание, — отметил Ч. Айтматов. — Человечество в нравственном отношении не поспевает за теми достижениями, которые оно создает с помощью своего разума и своих рук. Тут возникает разрыв. В наш космический век, когда человек ступил на Луну, когда автоматические станции достигли самых далеких и неисследованных планет, когда мощь человека невероятно выросла, все развивается необычайно быстро. Казалось бы, не должно больше существовать преступлений, своекорыстия, чувства злобы или мести... Но на самом деле во многих странах мира растет число уголовных преступлений, наблюдается падение нравов. Все это рождает немалое беспокойство»⁴⁸.

НТР со всей остротой выдвинула проблему бережного отношения к экологической среде. Однако перелом в сознании, глубокое понимание важности экологической культуры личности может быть достигнуто не сразу. Сознание людей оказалось неподготовленным к такому скачку, оно не поспевает за быстрыми изменениями, вносимыми в нашу жизнь НТР. Поэтому в современных условиях одно из важных направлений нравственного воспитания — формирование нового ценностного отношения к природе⁴⁹. Оно означает выдвижение на передний план таких проблем, которым раньше не уделялось должного внимания: формирование чувства ответственности перед живущими и будущими поколениями за сохранение растительного и животного мира, чистоты рек, озер, морей, океанов, а также воздушного бассейна Земли; нравственное регулирование отношения человека к животным (в связи с систематическим сокращением диких животных, увеличением истребительной мощи охотничьего и браконьерского оружия); использование природы в качестве фактора нравственного становления и развития человека. Правильно отмечается, что «отношение человека к природе ныне становится разновидностью отношения человека к человеку, вернее, современного человека к будущему человечеству»⁵⁰.

Некоторая часть населения не может или не хочет понять, почему нельзя рвать полевые цветы, многие из которых находятся под угрозой полного исчезновения; почему нельзя ловить рыбу или охотиться в любом месте и в любое время года. Низкий уровень общей и экологической культуры является серьезным тормозом в реализации правовых природоохранительных мер. Отсюда вытекает вывод об усилении морального воспитания, формирования ценностного отношения к природе. Поэтому не случайно в юридической ли-

⁴⁸ Айтматов Ч., Плавус Х. Человек и мир. Семидесятые годы. Диалог. — Новый мир, 1977, № 12, с. 255.

⁴⁹ См.: Мораль развитого социализма, с. 154.

⁵⁰ Харчев А. Г. Алексеева В. Г. Образ жизни, мораль, воспитание. М., 1977, с. 23.

температуре ставится вопрос о повышении экологического правосознания населения⁵¹.

Особенно опасны для окружающей среды действия руководителей предприятий, нарушающих установленные законодательством нормы рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды. К сожалению, загрязнение рек и водоемов сточными водами, превышение предельно допустимых норм вредных выбросов, нерациональное использование природных ресурсов — явление достаточно распространенное. Оно противоречит не только правовым предписаниям, но и требованиям социалистической морали, поскольку создает опасность истощения природных ресурсов, угрожает здоровью людей нынешнего поколения и может иметь крайне неблагоприятные последствия для грядущих поколений — повреждение или изменение наследственности (мутацию).

Одной из причин нарушения существующих научно обоснованных нормативов, регулирующих отношение человека к природе, является противоречие между непосредственными интересами того или иного предприятия, связанными с выполнением планов, и необходимостью таких затрат на охрану окружающей среды, которые не дают никакой прибыли данному предприятию, но являются полезными для общества в целом или даже для будущих поколений людей. «Потенциально, по своей внутренней сущности, товаропроизводитель сегодня не заинтересован в охране природы, ибо экономически и технически он может произвести больше товарной продукции и его затраты (издержки производства) будут меньше, если он не будет затрачивать средства на цели охраны природы»⁵².

Данная позиция некоторых хозяйственников противоречит социалистическому гуманизму и нормам морали. «План — любой ценой» — такой девиз неприемлем для социалистического общества, равно как неприемлемо положение: «цель оправдывает средства». Поэтому к подобным нарушителям необходимо применять не только меры воспитания, но и весь арсенал средств юридического воздействия.

В настоящее время законодательство устанавливает различные виды юридической ответственности за нарушение норм об охране окружающей среды — административную, гражданскую, уголовную. Однако оно еще требует дальнейшего совершенствования, разработки таких механизмов, которые обеспечивали бы действенность и эффективность ответственности в указанной сфере⁵³. Предлагается, в частности: установление штрафов в повышенных размерах для должностных лиц строительных организаций, срывающих сроки ввода в эксплуатацию очистных сооружений; повышение ответственности членов приемных комиссий за согласие на ввод в действие

⁵¹ Шемшученко Ю. С., Мунтян В. Л., Розовский Б. Г. Юридическая ответственность в области охраны окружающей среды. Киев, 1978, с. 273.

⁵² Колбасов О. С. Экология, политика, право. М., 1976, с. 246.

⁵³ См.: Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции. М., 1980, с. 248—249.

предприятий без очистных сооружений; нормативное закрепление предельно допустимых выбросов (ПДВ) в качестве обязательного контролируемого показателя деятельности предприятия; повышение ответственности за уничтожение редких и исчезающих видов дикой фауны страны⁵⁴. Особого внимания заслуживает предложение о необходимости учета влияния хозрасчетного положения предприятий на их отношение к охране окружающей среды. «Речь идет о разработке и применении экологических коррективов к системе оценок результатов хозяйственной деятельности предприятий, а также мер материального и морального стимулирования коллективов трудящихся к добросовестному выполнению природоохранительных требований в процессе своей профессиональной деятельности»⁵⁵.

Следует согласиться с предложениями усилить уголовную ответственность за злостное причинение вреда природе, преступный промысел, экологический вандализм. Необходимо восполнить пробелы закона относительно преступных посягательств, связанных с профессиональной деятельностью, применять такие санкции, как увольнение от должности, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, практиковать осуждение виновного без назначения наказания, условное осуждение. Такие меры предусмотрены УК некоторых союзных республик. Например, ст. 158 УК Латвийской ССР предусматривает увольнение от должности, а ст. 161 УК Латвийской ССР — применение мер общественного воздействия⁵⁶.

Представляется целесообразным объединение органов специализированного управления природоохранительной деятельностью в единую систему, которая гарантировала бы осуществление целей охраны окружающей среды в стране⁵⁷, а также издание общесоюзного Закона об охране природы СССР, который имел бы важное значение для нравственного воспитания населения.

Совершенствование природоохранительного законодательства и системы управления охраной окружающей среды — необходимое условие упорядочения этих отношений, выполнения сложных задач, стоящих перед Советским государством в данной области; вместе с тем эти меры оказали бы содействие дальнейшему развитию социалистической морали и повышению экологической культуры населения. Все предложения, направленные на улучшение положения в природоохранительной деятельности, имеют глубокое этическое обоснование, проникнуты заботой о судьбах человечества.

В этой связи следует подчеркнуть этическую, гуманистическую значимость предложения о закреплении в общесоюзном законодательстве принципа, согласно которому сохранение благоприятных

⁵⁴ См.: Шемшученко Ю. С., Мунтян В. Л., Розовский В. Г. Указ. соч., с. 59—67.

⁵⁵ Колбасов О. С. Экология, политика, право, с. 224.

⁵⁶ См.: Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции, с. 254.

⁵⁷ См.: Колбасов О. С. Правовые исследования по охране окружающей среды в СССР. — В кн.: Охрана природы и воспроизводство природных ресурсов. М., 1978, т. 5, с. 88—89; *Он же*. Экология, политика, право, с. 128—134.

для здоровья человека характеристик окружающей среды обладает приоритетом по отношению к любой экономической выгоде, которую можно получить от использования природы. Это поможет преодолению противопоставления узковедомственных хозрасчетных интересов отдельных предприятий и организаций общегосударственным, общечеловеческим интересам охраны окружающей среды⁵⁸.

Н. С. Малеин правильно подчеркивает, что задача охраны окружающей среды перерастает в проблему охраны первостепенных личных благ — здоровья и жизни человека. Поэтому он считает целесообразным: расширение сферы действия правовых норм, предусматривающих ответственность за создание опасности здоровью человека; перенесение центра тяжести с вредного результата на более раннюю ступень, когда действие (бездействие) создает возможность причинения вреда или когда само действие обладает опасными свойствами⁵⁹.

Охрана окружающей среды, права человека на здоровую окружающую среду — важнейшая политическая, юридическая и нравственная проблема современности. Поэтому необходимо дальнейшее совершенствование форм ответственности за нарушение правовых норм, направленных на охрану окружающей среды.

Важное значение для нравственного воспитания населения имеет совершенствование правоприменительной деятельности, связанной с охраной окружающей среды, поскольку она обладает высоким воспитательным потенциалом, который далеко не всегда реализуется в полной мере. И здесь на передний план выступает неотвратимость ответственности за совершение противоправных действий, сочетание юридической и общественно-моральной ответственности, применение санкций к любому лицу — независимо от его должностного положения — в случае нарушения законности. Неотвратимость наказания и его соразмерность содеянному должны воспитывать население в духе глубокого понимания исторической ответственности за сохранение и восстановление природных ресурсов, причастности каждого к решению глобальной проблемы современности. А. В. Сидоренко правильно подчеркивает, что охрана и рациональное использование природных ресурсов — дело всего народа. «Нам нужны не только хорошие законы об охране природы, мы должны воспитывать хорошее отношение к ней»⁶⁰.

Следует отметить, что все страны социалистического содружества проводят комплексные меры по охране природной среды. В основных направлениях охраны и воспроизводства окружающей среды в НРБ, утвержденных решением Государственного Совета НРБ

⁵⁸ См.: Колбасов О. С. Научные основы будущего союзного закона об охране окружающей среды. — В кн.: Окружающая среда и право. М., 1977, с. 11; Литвинова Г. И. Право и демографические процессы в СССР. М., 1981, с. 133—134.

⁵⁹ См.: Малеин Н. С. Гражданский закон и права личности в СССР. М., 1981, с. 180—181.

⁶⁰ Сидоренко А. В. Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов. — В кн.: Общество и природная среда. М., 1980, с. 40.

29 июня 1977 г., подчеркивается, что «охрана окружающей среды является неотъемлемой частью исторической задачи построения развитого социалистического общества, утверждения социалистического образа жизни и формирования всесторонне развитой личности».

Рассмотрение воспитания экологической культуры как неотъемлемой части процесса формирования нового человека характерно для всех социалистических стран. Решению этой задачи способствует их международное сотрудничество в области охраны окружающей среды в рамках Совета Экономической Взаимопомощи.

Как уже отмечалось, проблема НТР связана не только с необходимостью охраны окружающей среды. Важное значение приобретает усиление мер по охране труда в связи с применением новой сложной техники и технологии производства; достижения биологии и медицины порождают беспокойство по поводу возможностей их применения во вред человеку (трансплантация органов, генная инженерия и т. д.). Без четкого законодательного регламентирования отношений, порожденных достижениями НТР, такие достижения могут быть использованы во вред здоровью и нравственности человека. Об этом свидетельствует деятельность некоторых современных буржуазных ученых, которые разрабатывают методы воздействия на психику человека, использования бактериологического оружия против мирного населения и т. д.

Однако при всей значимости указанных проблем, важнейшая проблема современности — это предотвращение термоядерной войны. Советский Союз еще в 1975 г. внес в ООН проект о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия, взял на себя одностороннее обязательство не применять первым ядерное оружие. 29 июня 1984 г. Советское правительство предложило правительству США приступить к переговорам по предотвращению использования космоса в милитаристских целях, недопущению распространения гонки вооружений на новую область. Новым шагом в борьбе за предотвращение ядерной войны явилось Заявление М. С. Горбачева от 15 января 1986 г., в котором выдвинута программа полной и повсеместной ликвидации ядерного оружия к 2000 году, освобождения человечества от угрозы самоуничтожения, обеспечения надежной безопасности нынешним и грядущим поколениям. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии отмечается, что СССР намерен упорно добиваться реализации данной программы, рассматривая это как центральное направление своей внешней политики на предстоящие годы. «Превращать оружие массового уничтожения в предмет политических махинаций по меньшей мере безнравственно, а политически — безответственно», — подчеркнул М. С. Горбачев⁶¹. Правственная позиция каждого мыслящего человека решительно отвергает возможность использования достижений современной науки во вред человечеству. Великий гуманист А. Швейцер подчеркивал двоякую роль культуры: она слагается из господства разума над силами природы и из господства разума над

⁶¹ Правда, 1986, 26 февр.

человеческими убеждениями и помыслами. Однако важнейшим, по его мнению, является господство разума над образом мыслей человека. Это объясняется двумя причинами: «Во-первых, господство, которое мы обеспечиваем себе с помощью разума над силами природы, представляет собой не чистый прогресс, а прогресс, которому присущи наряду с достоинствами и недостатки, способные стимулировать бескультурье. Растлевающее воздействие на культуру экономических условий нашего времени частично объясняется тем, что мы поставили себе на службу природу с помощью машин. Но в этом случае только господство разума над человеческими убеждениями и помыслами дает гарантию, что люди и целые народы не используют друг против друга силу, которую сделает для них доступной природа, что они не втянутся в борьбу за существование, гораздо более страшную, нежели та, какую человеку приходится вести в нецивилизованном состоянии».⁶² Господство разума над человеческими убеждениями и помыслами состоит в том, что индивиды и всевозможные человеческие сообщества соразмеряют свои желания с материальным и духовным благом целого и многих, «то есть в том, что они *этичны*»⁶³. В этом положении А. Швейцера выражен один из важнейших принципов общечеловеческой морали, который отвечал и отвечает интересам всего прогрессивного человечества.

Вся сложность и многоаспектность проблем, выдвигаемых НТР, подчеркивает значение правовых средств их обеспечения, имеющих глубокое этическое обоснование. Моральная обоснованность правового регулирования процессов НТР способствует использованию достижений науки и техники в интересах человечества, в интересах личности. Эта проблема имеет не только внутрисоциальное, но и международное значение, она требует усилий всего человеческого сообщества, принятия международно-правовых актов, запрещающих применение термоядерного оружия и других средств массового уничтожения. Это неотложная задача сегодняшнего дня, отвечающая интересам всего человечества, важнейшим требованиям общечеловеческой морали.

3. ПРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА

Одно из важнейших направлений укрепления правовой основы государственной и общественной жизни — совершенствование правового регулирования хозяйственной деятельности. Его цель состоит не только в упорядочении экономических связей, создании условий для перехода к интенсивным факторам экономического роста, повышению производительности труда, подъему эффективности и качества всей работы, но и в обеспечении расширения гуманистических, нравственных основ экономической политики Коммунисти-

⁶² Швейцер А. Культура и этика. М., 1973, с. 52.

⁶³ Там же, с. 53.

ческой партии. XXVII съезд КПСС подчеркнул, что «в центре внимания нашей партии всегда были вопросы социальной политики, работа о человеке»⁶⁴.

На первый взгляд правовое регулирование экономической деятельности весьма удалено от моральных проблем. Но это лишь на первый взгляд. Экономическая деятельность, ее формы, методы, результаты — это не только сфера материальных интересов общества и личности. Она имеет самые прямые выходы на моральные проблемы — справедливость, честность, долг, совесть, гражданское мужество, неподкупность. И эти проблемы волнуют миллионы людей, вызывают острую реакцию, оказывают весьма ощутимое воздействие на морально-психологический климат общества, требуют приведения действующего законодательства в соответствие с Конституцией СССР, подготовки новых обобщающих нормативно-юридических актов, которые должны внести корректировку с учетом новых условий хозяйствования в правовые акты, принятые в 60-х годах.

Вопросы руководства экономикой — это не только хозяйственные, политические, юридические, но и нравственные вопросы. Связь экономических и духовно-нравственных процессов лежит в основе социального прогресса социалистического общества. И эта связь имеет двусторонний характер, так как невозможно поднимать экономику, совершенствовать хозяйственный механизм, не создавая для этого необходимых идейно-нравственных предпосылок, так же как и невозможно решать назревшие проблемы развития социалистического сознания, не опираясь на прочный фундамент экономической и социальной политики.

В докладе на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев подчеркнул, что в конечном счете все упирается сегодня в необходимость серьезного улучшения управления, хозяйственного механизма в целом. «Развивая и дальше централизованное начало в решении стратегических задач, нужно смелее двигаться вперед по пути расширения прав предприятий, их самостоятельности, внедрять хозяйственный расчет и на этой основе повышать ответственность и заинтересованность трудовых коллективов в конечных результатах работы»⁶⁵. XXVII съезд КПСС отметил: «Решение новых задач в экономике невозможно без глубокой перестройки хозяйственного механизма, создания целостной, эффективной и гибкой системы управления, позволяющей полнее реализовать возможности социализма»⁶⁶.

Перестройка хозяйственного механизма требует дальнейшего совершенствования советского законодательства. И хотя в 1975 г. было издано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию хозяйственного законода-

⁶⁴ Правда, 1986, 26 февр.

⁶⁵ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 года, с. 11.

⁶⁶ Правда, 1986, 26 февр.

тельства», хозяйственное законодательство по-прежнему остается громоздким, противоречивым, не имеет единого стержня, отстает от потребностей развития экономики.

Права предприятий и объединений в области планирования нередко нарушаются вышестоящими плановыми и хозяйственными органами, поскольку отсутствуют четко разработанные гарантии их осуществления.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы»⁶⁷ выполняется медленно и половинчато. По-прежнему хорошо и плохо работающие предприятия ставятся подчас в одинаковые условия, невыполнение плановых заданий прикрывается корректировкой плана в сторону его снижения, срывы в материально-техническом снабжении дезорганизуют работу многих предприятий истроек, ведут к концентрации на складах предприятий сверхнормативных запасов, которые исчисляются миллиардами рублей и, не участвуя в обороте, отягощают нашу экономику⁶⁸. До сих пор в ряде отраслей, на многих предприятиях срываются взаимные поставки выпускаемых изделий, полуфабрикатов, материалов, что нарушает ритмичность работы, снижает сбалансированность планов, не в полной мере удовлетворяет потребности народного хозяйства и населения.

Принятое 11 апреля 1983 г. постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О серьезных недостатках в соблюдении договорных обязательств по поставкам продукции и повышении ответственности ведомств и предприятий в этом деле»⁶⁹ оказало определенное воздействие на укрепление договорной дисциплины. Особенно ощутимо это воздействие на предприятиях, осуществляющих крупномасштабный эксперимент. Однако многие предприятия все еще нарушают договорную дисциплину, не выполняют планы производства и отгрузки, что ведет к дисфункциям экономических связей, в результате чего сотни смежных заводов и фабрик работают с перебоями.

В новой редакции Программы КПСС отмечается, что ускорение социально-экономического развития страны требует постоянного совершенствования руководства народным хозяйством. Вся система управления должна быть нацелена на увеличение вклада каждого звена народного хозяйства в достижение конечной цели — наиболее полное удовлетворение потребностей общества при наименьших затратах всех видов ресурсов⁷⁰.

Несовершенство хозяйственного механизма, невыполнение договорных обязательств, недостатки материально-технического снабжения приводят к большим экономическим потерям, омертвлению

⁶⁷ См.: СП СССР, 1979, № 18, ст. 118.

⁶⁸ См.: Правда, 1984, 28 июля.

⁶⁹ См.: СП-СССР, 1983, № 11, ст. 11.

⁷⁰ См.: Правда, 1986, 7 марта.

материальных ценностей, нарушениям законности. А ограничение инициативы руководителей предприятий, недостатки в организации управления экономикой порождают скрытый механизм взаимоотношений различных хозяйственных подразделений, устанавливаемых помимо плана. Этот механизм, условно названный Т. И. Заславской «теневой экономикой», существенно нарушает установленный законом порядок экономических связей⁷¹. Такое положение вызвано, в частности, тем, что действующие правовые формы регулирования экономики не обеспечивают быстрого и оперативного руководства ею, сковывают инициативу хозяйственных объединений и предприятий, не всегда дают возможность для широкого проявления самостоятельности их руководителей. Несовершенство организации материально-технического снабжения, ставящее под удар выполнение производственных планов, толкает руководителей хозяйственных подразделений на противозаконную «экономическую самостоятельность». Вырабатывается своего рода общий «эквивалент» получения нужных материалов и техники — скот, цемент, кирпич, трубы и т. д., вступает в действие принцип «ты — мне, я — тебе». «Теневая экономика» — своеобразная реакция производства на недостатки регулирования экономических отношений.

Чтобы выполнить план, ликвидировать простои, сделки между заинтересованными хозяйственными единицами иногда заключаются напрямую, помимо плана. Такой прямой обмен, совершаемый различными хозяйственными подразделениями вопреки утвержденным планам, есть не что иное, как нарушение законности, которое совершается подчас из «благородных» побуждений с целью ликвидировать «прорыв» в деятельности предприятия, колхоза, совхоза, устранить несовершенство материально-технического снабжения и т. д. Однако подобная «экономическая самостоятельность» лишь временно выправляет положение конкретного предприятия, одновременно нанося большой ущерб развитию социалистической экономики, создавая значительный фонд неучтенной продукции, предназначенной для прямого обмена, внося элементы стихийности в распределение материальных ценностей. Следует учитывать и то, что наряду с добросовестными руководителями, идущими на прямой обмен исключительно в интересах выполнения производственных планов, есть еще и такие, которые используют подобные ситуации в узкокорыстных целях.

Как видно, несовершенство правового механизма регулирования экономической деятельности невольно толкает на путь нарушения закона честных людей, с которых строго спрашивают за невыполнение плана, и вместе с тем открывает лазейки для лиц недобросовестных, злоупотребляющих подобным положением в целях личного обогащения. Оно приводит к дезорганизации работы многих предприятий и строек страны, к большим экономическим потерям.

⁷¹ См.: Заславская Т. И. Экономическое поведение и экономическое развитие. — Экономика и организация промышленного производства, 1980, № 3, с. 29—30.

Однако наряду с экономическими потерями нельзя забывать и о нравственных издержках, которые неизбежно наступают в силу того, что такого рода «экономическая самодеятельность» осуществляется на глазах тысяч людей, вольно или невольно выступающих участниками незаконных экономических операций. А последние становятся привычными и не вызывают решительного осуждения у окружающих, поскольку совершаются «для пользы дела». Так складываются социальные нормы, «экономические права», которые подчас оказываются более активным регулятором общественных отношений, чем юридические нормы и позитивные моральные принципы. Происходит адаптация морали к нарушениям законности, постепенная ее трансформация в формы, несовместимые с высокими задачами, поставленными в сфере духовной культуры общества.

В советской экономической и юридической литературе много и справедливо критиковались правовые формы регулирования экономической деятельности предприятий, колхозов и других хозяйственных подразделений; указывалось на серьезные отрицательные экономические и правовые последствия несовершенства хозяйственного механизма. Однако, как правило, внимание не акцентировалось на тех нравственных потерях, которые выступают побочным результатом несовершенства правового регулирования, — на снижении престижа права и законности в сознании масс, на деформации морали.

Совершенствование социалистического общества, ускорение его социально-экономического развития требует повышения научного уровня планирования, укрепления плановой дисциплины, обеспечения приоритета общегосударственных интересов, решительной борьбы с любыми проявлениями ведомственности и местничества⁷². Если под этим углом зрения подходить к совершенствованию хозяйственного законодательства и проанализировать реально существующую систему экономических связей хозяйственных объектов, то, видимо, следует дать правовую основу значительной части экономической самодеятельности руководителей, которая сейчас существенно ограничивается. Такое совершенствование, создавая условия для инициативы и предприимчивости хозяйственных руководителей, должно сочетаться со строгим контролем за их деятельностью, с тем чтобы установить заслон авантюризму, злоупотреблению своими правовыми возможностями, использованию их в корыстных целях. Все это будет способствовать не только упрочению законности, но и укреплению нравственного здоровья общества.

Следует глубже изучать и учитывать объективные критерии, вызывающие «экономическую самодеятельность». Ежегодно в народном хозяйстве реализуется около миллиарда хозяйственных связей; номенклатура сырья, материалов, оборудования и других изделий превышает двадцать миллионов наименований. Зачастую ресурсов в целом достаточно, а на конкретных предприятиях их не хватает, поскольку нередко поставщики отгружают не то, в чем нуждается потребитель, а то, что им «выгоднее». Поэтому необходимы сбалан-

⁷² См.: Правда, 1986, 7 марта.

сированность планов производства и снабжения, расширение прямых длительных хозяйственных связей между предприятиями, упрощение системы прикрепления потребителей к поставщикам, повышение ответственности министерств, органов снабжения, транспорта и предприятий за выполнение поставок и перевозок.

Формы и методы хозяйствования должны быть разнообразными и гибкими, соответствовать меняющимся условиям экономического развития и характеру решаемых задач⁷³. Объективные факторы, определяющие необходимость расширения самостоятельности предприятий, дополняются и субъективно-психологическими факторами: в нашей стране сформировались тысячи талантливых хозяйственных руководителей, честных и преданных своему делу. Они хотят и могут работать с полной отдачей и высокой ответственностью. В то же время сложившаяся ситуация служит прикрытием пассивности тех хозяйственных руководителей, которые стремятся жить по старинке. И хотя обновление экономических структур — дело сложное и ответственное, это не оправдывает тех, кто не желает считаться с изменившимися условиями, с новыми требованиями жизни.

Следует отметить, что «самостоятельность предприятий» — явление не просто и не только экономическое, но и социально-политическое, социально-нравственное. Нравственность должна быть одним из тех социальных факторов, которые призваны развязывать инициативу и творчество на основе ответственного и хозяйского подхода к решению экономических задач. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 июля 1983 г. «О дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений (предприятий) промышленности в планировании и хозяйственной деятельности и по усилению их ответственности за результаты работы»⁷⁴ подчеркивает значимость самостоятельности предприятий в экономических связях. Однако все эти меры должны быть органично включены во всю единую систему регулирования планирующей и хозяйственной деятельности народного хозяйства.

Совершенствование управления народным хозяйством — это нравственная необходимость. Нравственные критерии должны постоянно учитываться при решении данных вопросов. Новые условия хозяйствования дадут возможность работать в полную силу умелым и инициативным руководителям и выявить неспособность безынициативных, пассивных работников; подведут юридическую базу под действия руководителей по самостоятельному распоряжению вверенными им ресурсами, снимая «комплекс вины», вызванный вынужденными отступлениями от закона; изменят атмосферу в трудовых коллективах, определяемую простоями, неритмичностью работы предприятий; повысят заинтересованность в материальных и моральных результатах работы; наконец, поднимут уважение к праву, к законности. Все это даст огромный моральный импульс для дальнейшего развития социалистического производства.

⁷³ См.: Там же.

⁷⁴ См.: СП СССР, 1983, № 20, ст. 109.

Сейчас очень нередко нарекания рабочих на плохую организацию производства, перебои и срывы в материально-техническом снабжении, на штурмовщину, результатом которой являются постоянные сверхурочные работы и зачастую низкое качество продукции, выпускаемой в конце месяца, квартала, года.

Необходимо повысить ответственность нарушителей договорной дисциплины; усовершенствовать порядок взыскания ущерба из-за срыва поставок, нарушения договоров; не допускать, чтобы потери, вызванные нерадивостью отдельных работников, покрывались за счет предприятий, а непосредственные виновники оставались в стороне. Значение повышения персональной ответственности работников управления, руководителей, специалистов предприятий за соблюдение дисциплины хозяйственного договора неоднократно подчеркивалось в печати ⁷⁵.

Все это требует дальнейшей работы по совершенствованию законодательства и укреплению законности. В настоящее время имеется огромное количество ведомственных актов, нормы которых противоречат подчас общесоюзному законодательству, необоснованно ограничивают самостоятельность предприятий и объединений. Подобные нарушения законности, противоречия в правовом регулировании хозяйственной деятельности «подрывают авторитет права в глазах хозяйственных руководителей, затрудняют функционирование хозяйственного механизма» ⁷⁶.

В этой связи следует признать правильными предложения об издании обобщающего законодательного акта, единообразно решающего основные вопросы хозяйственной деятельности во всех отраслях экономики; правовое регулирование отраслевых хозяйственных отношений будет осуществляться в других законодательных актах, принимаемых в развитие этого основополагающего закона ⁷⁷. При этом юридическая регламентация хозяйственных отношений должна учитывать важность всех показателей — натуральных (номенклатура продукции), стоимостных и показателей эффективности. Этот аспект хозяйственной деятельности очень важен как в экономическом, так и в нравственном отношениях. Выпускаемая продукция должна оцениваться не только по стоимостным показателям, но и по качеству и ассортименту, так как она призвана удовлетворять потребности людей и коллективов. Погоня за «валом», выпуск недоброкачественной и устаревшей продукции, не отвечающей требованиям современного производства, запросам людей, безнравственны; в их основе лежит узкоэгоистический ведомственный интерес, противоречащий государственным и общенародным интересам. Низкое качество продукции влечет за собой ряд отрицательных по-

⁷⁵ См., например: Правда, 1984, 10 июля.

⁷⁶ Лаптев В. Хозяйственный механизм и хозяйственное право. — Коммунист, 1980, № 16, с. 50.

⁷⁷ См.: Лаптев В. Указ. соч., с. 55; Алексеев В. Хозяйственный механизм и хозяйственное право. — Коммунист, 1982, № 4, с. 50–51.

следствий, одним из которых являются фактическое обесценение труда, искажение нравственного смысла деятельности миллионов людей.

Перемещение центра тяжести на стоимостные, а не на натуральные критерии ведет к смещению акцента в деятельности предприятий и объединений — ослаблению заинтересованности в выполнении плановых заданий по номенклатуре, нарушению пропорций между материально-вещественной и стоимостной сторонами общественного производства. Односторонняя ориентация на стоимостные показатели привела к тому, что предприятия стали прежде всего интересоваться не конечные, а промежуточные результаты. Это заметно ослабило подконтрольность и устойчивость развития в отдельных звеньях экономической системы (в капитальном строительстве — рост незавершенного производства, в товарообороте — относительные диспропорции между денежными доходами населения и их обеспечением товарными услугами)⁷⁸.

Недостаточная ориентация законодательства на такие экономические категории, как натуральный объемный показатель — номенклатура, снижает эффективность социалистического производства в удовлетворении возрастающих потребностей советских людей, повышении благосостояния народа. Поэтому совершенствование экономических и правовых аспектов хозяйственного механизма должно ориентироваться на эту гуманистическую, нравственную цель социалистического производства.

XXVII съезд КПСС отметил, что смысл совершенствования хозяйственного управления состоит в том, чтобы «на деле подчинить все наше производство общественным потребностям, удовлетворению нужд людей, нацелить управление на повышение эффективности и качества, ускорение научно-технического прогресса, развитие заинтересованности работников в результатах труда, инициативы и предприимчивости в каждом звене народного хозяйства, и прежде всего в трудовых коллективах»⁷⁹.

Съезд определил основные направления перестройки хозяйственного механизма: повышение действенности централизованного руководства экономикой; усиление роли центра в реализации основных целей экономической стратегии партии, определении темпов и пропорций развития народного хозяйства, его сбалансированности; решительное расширение самостоятельности объединений и предприятий, повышение их ответственности за достижение наивысших конечных результатов, переводение их на подлинный хозрасчет; переход к экономическим методам руководства на всех уровнях народного хозяйства; обеспечение оптимального сочетания отраслевого и территориального управления хозяйством; осуществление всесторон-

⁷⁸ См.: Шилин И. Хозяйственный механизм: стратегия совершенствования. — Коммунист, 1980, № 14, с. 24; Федоренко Н., Перламутров В., Петраков Н. Взаимосвязь натуральных и стоимостных показателей в хозяйственном механизме. — Коммунист, 1980, № 12, с. 38—49.

⁷⁹ См.: Правда, 1986, 26 февр.

ней демократизации управления, повышение роли трудовых коллективов, усиление контроля снизу, подотчетности и гласности в работе хозяйственных органов, и ряд других мер.

Все перечисленные меры направлены на повышение творческой активности, не только руководителей производства, но и трудовых коллективов в целом, на усиление их заинтересованности в результатах труда, укрепление его нравственной ценности. Именно на уровне хозяйственного механизма практически реализуется связь экономики, права и морали, поэтому при разработке мер его совершенствования чрезвычайно важно учесть те мотивы, те движущие силы, которые побуждают людей к деятельности, к совершенствованию техники и повышению производительности труда, к изменениям в организации производства и управления⁸⁰. Нравственность должна быть постоянным ориентиром совершенствования правового регулирования хозяйственной деятельности, способствовать такому развитию экономических отношений, при котором все, что выгодно обществу, должно быть выгодно предприятию, ставить барьер узковедомственному подходу к оценке экономической выгоды, формировать чувство ответственности руководителей и трудовых коллективов за конечный результат труда. *Нравственность экономических отношений всех уровней — необходимое условие совершенствования социалистического общества, формирования честности, совести, достоинства у личности как участника экономической жизни.*

4. ПРАВСТВЕННОСТЬ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В социалистическом обществе особый нравственный смысл приобретает система распределительных отношений, которая служит удовлетворению постоянно растущих потребностей личности. Распределительные отношения самым тесным образом связаны с развитием производства и повышением его эффективности, поэтому совершенствование хозяйственного механизма — одна из предпосылок действительности распределительных отношений, их влияния на формирование материальной и моральной заинтересованности всех членов общества в развитии социалистического производства.

Распределительные отношения в социалистическом обществе осуществляются на основе принципа справедливости, который выступает как требование соразмерности вклада и получения, «т. е. вклада, который вносит субъект в общественный прогресс, социальное благосостояние, и суммы получения из общественных богатств, выпадающих на долю этого субъекта»⁸¹. Они охватывают и мате-

⁸⁰ См.: *Абалкин Л. И.* Хозяйственный механизм развитого социалистического общества. М., 1973, с. 26.

⁸¹ Политико-правовые проблемы развитого социализма. М., 1984, с. 93.

риальные, и духовные сферы жизни общества. Однако нравственное содержание распределительных отношений в наиболее концентрированной форме выражается в распределении по труду⁸².

Принцип социальной справедливости в сфере распределительных отношений провозглашен в Конституции СССР: в соответствии с принципом социализма «От каждого — по способностям, каждому — по труду» государство осуществляет контроль за мерой труда и потребления; общественно полезный труд и его результаты определяют положение человека в обществе; государство, сочетая материальные и моральные стимулы, поощряя новаторство, творческое отношение к работе, способствует превращению труда в первую жизненную потребность (ст. 14).

В условиях социализма распределительный механизм охватывает распределение по труду и распределение из общественных фондов потребления. Распределение по труду — главная форма обеспечения потребностей личности, которая объединяет интересы общества, предприятия и каждого работника, направляет усилия трудовых коллективов, всех трудящихся на достижение конечных народнохозяйственных результатов. Принцип справедливости, заложенный в распределении по труду, дополняется распределением из общественных фондов потребления, которое способствует выравниванию уровня жизни различных категорий населения, — выплатой пенсий, пособий многодетным семьям, стипендий учащимся, различного вида льготами (бесплатное образование, медицинское обслуживание, льготы по содержанию детей в дошкольных учреждениях и т. д.). Примечательно, что Конституция СССР подчеркивает значение справедливости в распределении этих фондов: «В целях более полного удовлетворения потребностей советских людей создаются общественные фонды потребления. Государство при широком участии общественных организаций и трудовых коллективов обеспечивает рост и справедливое обеспечение этих доходов» (ст. 23).

М. С. Горбачев подчеркнул, что в современных условиях необходимо последовательно проводить линию на укрепление социальной справедливости в распределении материальных и духовных факторов⁸³.

Справедливость распределения должна точно соответствовать достигнутому уровню экономического развития общества. Поэтому в ее основе лежит равенство, суть которого в условиях социализма заключается в том, что измерение вклада производится равной мерой — трудом; общество еще не может обеспечить распределения по потребностям, и такое положение объективно требует установления строгого контроля за мерой труда и мерой потребления.

Равенство распределения при социализме не имеет ничего общего с уравниловкой, игнорированием реального трудового вклада человека в общественное производство. К сожалению, на практике

⁸² См.: Мораль развитого социализма, с. 129.

⁸³ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 года, с. 13.

подчас нарушается основной принцип оплаты по труду, и тенденция к уравниловке пробивает себе дорогу в различных формах и нередко в больших масштабах.

В сферу распределения непосредственно включены интересы миллионов людей; любые отступления от принципа социальной справедливости порождают нежелательные социально-нравственные процессы, свидетельствуют об определенных дисфункциях правового регулирования. Известно, что право — основная форма регулирования производства и распределения, и в этом основоположники марксизма-ленинизма видели одну из главных причин его сохранения при социализме. Поэтому необходимы постоянное совершенствование правового регулирования распределительных отношений, его соответствие достигнутому уровню экономического развития, нравственно-психологическим ценностям социалистического образа жизни.

Распределительные отношения — предмет особого внимания Коммунистической партии, требующей справедливости и объективности в сфере оплаты труда. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии отмечается, что на отчетно-выборных собраниях и конференциях, проходивших накануне съезда, правильно ставился вопрос не только о совершенствовании форм морального поощрения, но и о решительном улучшении материального стимулирования, наведении должного порядка в этом важном деле. Справедливо указывалось на недопустимость так называемой «выводилки», выплаты незаработанных денег, выдачи незаслуженных премий, установления гарантийных ставок зарплаты, не связанных с трудовым вкладом⁸⁴. Отступления от основного распределительного принципа социализма — это проявления элементов стихийности в данной сфере, которые вступают в противоречие с целенаправленным воздействием на процессы сбалансированности вклада и получения. Планомерное, целенаправленное совершенствование правового регулирования распределительных отношений должно соответствовать объективным экономическим требованиям, достигнутому уровню развития производства, понятиям о справедливости миллионов честных тружеников социалистического общества.

В социалистическом обществе широко применяется система мер материального и морального стимулирования, призванная повысить заинтересованность работника в результатах труда, его количестве и качестве. Однако это система, как и практика ее применения, нуждается в дальнейшем совершенствовании.

М. С. Горбачев в докладе на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС указал на необходимость «разработать конкретные, действенные меры по очищению распределительного механизма от уравниловки, нетрудовых доходов, всего того, что противоречит экономическим нормам и нравственным идеалам нашего общества, обеспечить прямую зависимость материального положения каждого

⁸⁴ См.: Правда, 1986, 26 февр.

работника и каждого коллектива от результатов их труда»⁸⁵. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии подчеркивается: «Когда труд хорошего и труд нерадивого работника оплачивается одинаково — это грубое нарушение наших принципов. И прежде всего — это недопустимое искажение основного принципа социализма: „От каждого — по способности, каждому — по труду“, в котором заключена суть социальной справедливости нового общественного строя»⁸⁶.

Вот почему одной из наиболее важных задач является совершенствование правовых форм регулирования оплаты труда. Действующие сегодня системы оплаты труда остаются в основном такими, какими они складывались в условиях экстенсивного хозяйства, когда отдельные ведомства добивались или сами устанавливали льготные условия труда для своих работников. В настоящее время эти системы «далеко не идеально справляются с новыми задачами»⁸⁷, что обуславливает необходимость пересмотра системы распределения фондов заработной платы по отраслям производства. Сложившееся в практике и не всегда обоснованное выделение приоритетных отраслей, множественность систем оплаты труда приводят к деформации принципа равной оплаты за равный труд, посылку работники одинаковой квалификации за равную меру труда при относительно одинаковых условиях получают различную оплату. Ведомственные подходы к распределительным отношениям являются отступлением от принципа оплаты по труду. Так, на разных заводах существует разная оплата одноименных сквозных профессий. «Это обезличивает значимость тарифа и способствует поиску „легких“ заработков. Компрессорщики шестого разряда, токари, фрезеровщики, например, получают у нас на 30—40% меньше, чем на некоторых заводах других отраслей. С огорчением приходится наблюдать, как мы сами провоцируем движение кадров с одного предприятия на другое»⁸⁸.

Назрела необходимость покончить с ведомственным разнообразием в оплате труда, усилить централизацию планирования и регулирования фондов заработной платы, разработать и внедрить научно обоснованные нормативы распределения фондов заработной платы между отраслями и внутри отраслей. Оплата труда должна регулироваться общесоюзными нормативно-юридическими актами⁸⁹.

Одним из основных направлений совершенствования распределительных отношений является установление гибких форм оплаты труда, системы материального и морального стимулирования, диф-

⁸⁵ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 года, с. 13.

⁸⁶ Правда, 1986, 26 февр.

⁸⁷ Мальцев Г. В. Социальная справедливость и распределение по труду в социалистическом обществе. — Сов. государство и право, 1982, № 7, с. 54.

⁸⁸ Зверев С. М. Трудовая дисциплина зависит от местной инициативы. — Экономика и организация промышленного производства, 1984, № 5, с. 46.

⁸⁹ См.: Барабашева Н. С. Совершенствование правового регулирования распределительных отношений. — Сов. государство и право, 1983, № 12, с. 29—30; Политико-правовые проблемы развития социализма, с. 105.

ференцированно и точно учитывающей трудовой вклад каждого, исключающей возможность уравниловки или необоснованных льгот и привилегий, которые оскорбляют нравственные чувства советских людей. Это направление непосредственно вытекает из положений новой редакции Программы КПСС, отмечающей необходимость осуществлять строгий контроль за мерой труда и мерой потребления, усилить заинтересованность коллективов и каждого работника в достижении лучших народнохозяйственных результатов, умело сочетать моральные и материальные стимулы трудовой деятельности⁹⁰.

Советское государство располагает обширными возможностями воздействия на совершенствование распределительных отношений. К ним относятся и экономическое, и моральное стимулирование, и применение мер административного воздействия, и организационные, воспитательные средства. И все же на современном этапе особое значение приобретает система материального стимулирования. Сегодня мы еще не можем сказать, что труд стал первой жизненной потребностью всех членов социалистического общества. В то же время подавляющее большинство советских людей работают честно и добросовестно, не нуждаясь в жестких мерах административного воздействия. Реально оценивая мотивы труда, можно отметить, что они в значительной мере продиктованы *личным интересом*, который не следует игнорировать на нынешнем этапе общественного развития, забегая вперед и объявляя уже сейчас, что труд стал жизненной потребностью всех людей. Такое отношение к труду — высший этап развития нравственного сознания, соответствующий высшей фазе коммунистической общественной формации. Поэтому правовое регулирование должно исходить из реальной, а не идеальной модели труженика, учитывать значимость для него материальных стимулов. Правильно отмечает А. Ципко, что «именно этот старый, проверенный веками стимул, то есть работа на себя, на свою семью, продолжает играть существенную роль в условиях зрелого социализма, где еще не достигнуто такое отношение к труду, которое Карл Маркс называл „всеобщим трудолюбием“ „нового поколения“»⁹¹.

Система материального стимулирования в основном учитывает реальный уровень сознания личности, которое ориентировано на распределение по труду, получение определенных экономических благ за проделанную работу. В современных условиях сфера применения административных форм воздействия значительно сужается. Это в полной мере соответствует реалистическим подходам В. И. Ленина к развитию социалистического производства «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете»⁹². Было бы неправильно счи-

⁹⁰ См.: Правда, 1986, 7 марта.

⁹¹ Ципко А. Социализм: жизнь общества и личности. М., 1980, с. 37.

⁹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 151.

тать, что в условиях социализма нравственным является только отношение к труду как к первой жизненной потребности, а материальная заинтересованность находится вне сферы нравственности. Пока труд является источником существования, человек должен интересоваться материальными результатами своего труда. Иное отношение к труду было бы противоестественно и вызывало бы справедливую тревогу по поводу безразличия к экономическим стимулам труда, основанную на предположении об иных источниках дохода того или иного работника. Поэтому материальная заинтересованность в полной мере соответствует требованиям социалистической морали. Стремление получить справедливое вознаграждение за честный труд — естественное нравственное чувство, которое не умаляет значимости моральной заинтересованности, нравственных стимулов труда.

Система мер материального стимулирования охватывает не только установление различных систем заработной платы, поощряющих интенсификацию труда и высокое качество работы, но и предоставление льгот и преимуществ добросовестным работникам. При этом важно, чтобы меры материального стимулирования были реальными и давали ощутимые материальные выгоды, ибо чисто условные, символические льготы не могут быть эффективным способом стимулирования труда. Закон должен обеспечить такое положение, при котором работник, рассчитывающий получить за хорошую работу соответствующие льготы, реально их получал.

В целом в советском законодательстве сложилась нравственно оправданная система льгот для различных категорий работников или групп, в зависимости от пола, возраста, характера и условий труда. Однако ряд льгот, которыми пользуются некоторые категории работников, не имеет социально-экономических и нравственных оснований и правовой регламентации, нарушают социалистические принципы распределения. Тем более недопустимы различного рода злоупотребления, использование служебного положения для приобретения льгот, противоречащих принципам распределения по труду⁹³, моральным категориям совести и чести.

В целях повышения социального престижа личности, стимулирования ее творческой активности необходимо совершенствовать и дифференцированно применять также меры морального поощрения. Справедливость и объективность должны лежать и в основе нравственных мер стимулирования, поскольку они далеко не безразличны для честных работников.

Совершенствование мер материального и морального стимулирования призвано всемерно содействовать обеспечению справедливости, точного учета реального вклада каждого работника, трудового коллектива в целом, чтобы система распределения не вызвала негативных нравственных процессов, не умаляла высокой социальной значимости добросовестного труда.

⁹³ См.: Венгеров А. Б. Право и распределительные отношения в советском обществе. — Сов. государство и право, 1983, № 10, с. 16.

К сожалению, в юридической литературе имеющимся недостаткам в оплате труда не всегда дается должная оценка. Отмечается необходимость совершенствования премирования рабочих и служащих, усиления зависимости премий от результатов труда, улучшения качества продукции, выполнения производственных заданий, технического обоснованных норм выработки и т. д., и при этом мало пишут о неблагоприятных социально-психологических последствиях несовершенства законодательства о материальном и моральном стимулировании трудовой деятельности. Между тем правовое регулирование системы оплаты труда, премирования и экономического стимулирования призвано способствовать формированию у трудящихся чувства социальной справедливости, нравственного стремления каждого работника и трудового коллектива в целом честным добросовестным трудом заслужить поощрение.

Совершенствование правовых мер материального и морального стимулирования должно опираться на встречный процесс *возрастания сознательного, ответственного отношения к труду, неуклонного повышения дисциплины труда*, поскольку и общественное признание, и материальное благосостояние человека должны определяться прежде всего тем, как он работает. Здесь тесно сочетаются экономическая и идейно-нравственная основа труда. Как отмечалось на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС, современный этап развития нашего общества требует «активизировать человеческий фактор, добиться того, чтобы каждый на своем месте работал добросовестно и с полной отдачей»⁹⁴.

Всемерное укрепление дисциплины труда — важнейшее условие выполнения народнохозяйственных задач, упрочения основ социалистического образа жизни, повышения политической и трудовой активности, формирования стойкой нравственной позиции личности.

Борьба за укрепление трудовой дисциплины — это не временная кампания; она должна быть постоянно в центре внимания общественных организаций, трудовых коллективов. Формирование подлинной социалистической дисциплины труда — дело непростое. Такая работа неотделима от нравственного становления личности, глубокого понимания общественной значимости четкого выполнения своих трудовых функций.

Социализм не может развиваться успешно, если все члены социалистического общества не будут честно и добросовестно трудиться, соблюдать дисциплину труда. Однако эта обязанность не в полной мере осознана всеми членами социалистического общества, о чем свидетельствуют прогулы, внутрисменные потери рабочего времени (как по вине рабочих, так и по вине администрации) и т. д.

В преодолении этих негативных явлений большую роль должно сыграть взаимодействие правовых и нравственных средств воздействия.

⁹⁴ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 года, с. 8.

Для правильного использования правовых и моральных мер воздействия, а также для их дальнейшего совершенствования необходимо выявление причин, ведущих к значительным потерям рабочего времени, создающих атмосферу безнаказанности нарушителей, которая еще встречается на ряде предприятий. Анализируя причины нарушения трудовой дисциплины, нельзя не отметить, что на ряде предприятий,строек, колхозов до сих пор не создано нормальных условий для высокопроизводительной работы. И здесь снова приходится говорить о недостатках материально-технического снабжения, которые ведут к простоям, штурмовщине, аритмии производства, сверхурочным работам, невыполнению плановых заданий и отражаются на состоянии трудовой дисциплины. Некоторые руководители смирились с низкой дисциплиной труда и не принимают должных мер к наведению порядка, «закрывают глаза» на любые нарушения, а организационные сбои, простои, неритмичность «забываются» как только выполнен план. Незаконные сверхурочные работы в выходные дни, штурмовщина ведут к амнистии нарушителей дисциплины. Так, за период 1975—1980 гг. на обследованных предприятиях Новосибирска и Томска число сверхурочных работ возросло на 38%, в 2,5 раза — объем работ в выходные дни. Наряду с этим наметилась тенденция к росту простоев и иных потерь рабочего времени⁹⁵.

Такое положение — результат плохой организации труда, которая разлагающе действует на работников. Поэтому одним из важнейших условий укрепления трудовой дисциплины являются улучшение организации труда на предприятии, совершенствование управления производством.

Этой цели служит постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 23 июля 1983 г. «Об усилении работы по укреплению дисциплины труда», в котором отмечается, что подавляющее большинство советских людей работают честно и добросовестно, проявляют глубокую заинтересованность в обеспечении должного порядка на производстве. Вместе с тем определенная часть рабочих и служащих трудится не с полной отдачей, все еще велики потери рабочего времени, медленно сокращается текучесть кадров. Лодыри, прогульщики и летуны нередко чувствуют себя вольготно, по заработной плате и другим благам оказываются в одном ряду с добросовестными работниками. Постановление наметило систему мер, направленных на устранение нарушений трудовой дисциплины путем применения санкций дисциплинарного, материального и морального характера, которые бы проводили резкое различие между честными добросовестными работниками и теми, кто совершает прогулы, появляется на работе в нетрезвом виде и т. д.

Постановление подчеркнуло важность создания организационных и экономических условий для нормальной высокопроизводительной работы, отметив, что «недостатки в планировании, матери-

⁹⁵ См.: *Джурабаев К. Т.* Нужен комплексный подход. — Экономика и организация промышленного производства, 1984, № 5, с. 8.

ально-техническом снабжении, организации производства приводят к простоям и штурмовщине, сверхурочным работам, к невыполнению плановых заданий и обязательств, отражаются на дисциплине и, в конечном счете, — на темпах роста производительности труда»⁹⁶.

Данное постановление сыграло значительную роль в укреплении трудовой дисциплины и организации ритмичной работы на предприятиях. Так, после принятия Постановления за год количество отработанных сверхурочно часов по Минчермету СССР снизилось на 20%, а по Минцветмету СССР — на 24%. За тот же период в целом по трем отраслям (в автомобильном, тракторном и сельскохозяйственном машиностроении) сверхурочные работы сократились на 3,9 млн. человеко-часов, а работы в выходные дни уменьшились на 418 тыс. человеко-дней. Такие положительные тенденции наметились и в ряде других отраслей⁹⁷.

Тем не менее проблема невысокой организации труда, нарушений трудовой дисциплины, текучести кадров по-прежнему продолжает оставаться весьма актуальной.

Анализируя причины нарушений трудового законодательства, А. Левиков правильно отмечает, что незаконно применяемые сверхурочные работы «сеют иллюзию штопанья хозяйственных дыр, порожденных неумелостью, недисциплинированностью, просчетами в управлении и планировании. Одновременно они несут отнюдь не иллюзорные потери — материальные, нравственные, социальные»⁹⁸.

Плохая организация труда ведет не только к потерям рабочего времени, она порождает примиренческое отношение к расхлябанности, рвачеству, безответственности. По данным исследований, проведенных среди нарушителей трудовой дисциплины, каждый второй нарушитель получает материальное поощрение, каждый четвертый — моральное поощрение⁹⁹.

В современных условиях возрастает роль трудовых коллективов в укреплении дисциплины, в борьбе с расхлябанностью, нечестностью, стремлением получить от государства незаработанные деньги и т. д. Трудовые коллективы систематически рассматривают состояние дисциплины и меры по ее укреплению, случаи прогулов и других нарушений, применяют меры правового, экономического и морального воздействия. Однако эти меры должны применяться взвешенно и продуманно; чтобы не допускать их девальвации, необходимо избирать дифференцированный подход при определении методов воздействия. Сегодня отмечается известная девальвация таких взысканий, как замечания, выговор. Известно, что подобные меры воздействия эффективны лишь для нравственно развитой личности, а для нечестных людей — это своего рода амнистия.

⁹⁶ СП СССР, 1983, № 22, ст. 115.

⁹⁷ См.: Лит. газ., 1984, 6 июня.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ См.: Джурабаев К. Т. Указ. соч., с. 9.

Все еще недостаточно распространены меры общественного воздействия, хотя статистика говорит в их пользу: среди тех, чьи поступки обсуждал коллектив, в полтора раза меньше повторных нарушений, чем у тех, кто был наказан администрацией. В коллективах, где широко используются меры общественного воздействия, уровень трудовой дисциплины значительно выше. Однако такие формы воздействия применяются, как правило, в хороших коллективах, где численность нарушителей и нарушений относительно невысока¹⁰⁰.

В этой связи некоторые хозяйственные руководители считают целесообразным расширить средства административного воздействия на нарушителей дисциплины труда, сделать их строже¹⁰¹.

Трудовое законодательство предоставляет администрации широкие возможности воздействия на правонарушителя — замечания, выговор, строгий выговор, перевод на нижеоплачиваемую работу на срок до трех месяцев или смещение на низшую должность на срок до трех месяцев. Администрация имеет право уволить работника в случае систематического неисполнения им своих служебных обязанностей, а также в случае прогула без уважительных причин. Постановление Совета Министров СССР и ВЦСПС «О дополнительных мерах по укреплению трудовой дисциплины» от 28 июля 1983 г.¹⁰² расширило арсенал мер административного воздействия на нарушителей трудовой дисциплины. Так, рабочим и служащим, совершившим прогул без уважительных причин, очередной отпуск в соответствующем году уменьшается на число дней прогула, при этом отпуск не должен быть меньше двух рабочих недель (12 рабочих дней). К рабочим и служащим, отсутствующим на работе более трех часов в течение рабочего дня без уважительных причин, применяются такие же меры ответственности, какие установлены за прогул. Рабочие и служащие, допускающие нарушения трудовой дисциплины, прогул без уважительной причины или появление на работе в нетрезвом состоянии, могут быть переведены на другую, нижеоплачиваемую работу на срок до трех месяцев или смещены на другую, низшую должность на тот же срок. Увольнение по собственному желанию в этот период не должно производиться, а время выполнения работ, на которое рабочие или служащие переведены за нарушение трудовой дисциплины, в срок предупреждения об увольнении не засчитывается. Рабочим и служащим, уволенным за систематическое нарушение трудовой дисциплины, прогулы без уважительной причины или появление на работе в нетрезвом состоянии, премии по новому месту работы в течение шести месяцев выплачиваются в половинном размере. Если в период первых трех месяцев работник будет добросовестно относиться к выполнению своих трудовых обязанностей, администрация по согласованию с профсоюзным комите-

¹⁰⁰ См.: Там же, с. 15.

¹⁰¹ См.: Шалимов В. В. Бригада — лучший воспитатель. — Экономика и организация промышленного производства, 1984, № 5, с. 38.

¹⁰² См.: СП СССР, 1983, № 21, ст. 116.

том и с учетом мнения коллектива может решить вопрос о полной выплате премий в дальнейшем¹⁰³.

Расширение мер административного воздействия должно происходить на основе совершенствования управления предприятиями и улучшения организации труда¹⁰⁴. Все эти меры окажут эффективное воздействие на укрепление дисциплины труда и обеспечение справедливости распределительных отношений.

Практика убедительно показывает, что чем выше дисциплина труда, чем выше ответственность за выполнение государственных заданий, тем более рационально используются резервы производства, возрастают возможности материального и морального стимулирования работников. Дисциплина труда входит в саму ткань распределительных отношений, справедливость которых во многом зависит от честного добросовестного отношения труженика к строгому соблюдению правил внутреннего трудового распорядка, обеспечения высокого качества выпускаемой продукции, производительного использования рабочего времени.

В современных условиях лучшей формой организации труда, способствующей формированию коллективистских начал, укреплению дисциплины, повышению качества продукции, росту материальной и моральной заинтересованности работников, является бригадный подряд с оплатой по конечному результату. Бригадная организация труда позволяет наиболее эффективно воздействовать на нерадивого работника, ни одно нарушение не остается незамеченным, встречает коллективную реакцию, оказывающую большое воспитательное воздействие. Бригадная форма организации труда формирует нравственные качества работника — трудовую совесть, честность, достоинство, взаимное внимание, человечность, заботу о благе общества, отношение к труду как к первой жизненной потребности.

Справедливость распределительных отношений зависит не только от совершенствования юридических и нравственных методов воздействия на нарушителей дисциплины, но и от практики их применения. Неправильное, недифференцированное применение установленных законодательством мер воздействия грубо нарушает принцип оплаты по труду, оскорбляет чувство социальной справедливости, нравственно дезориентирует личность. Трудно переоценить социально-нравственное зло «уравниловки» и «выводиловки», которые в ряде случаев прикрывают недостатки в организации производства, несовершенство хозяйственных отношений, перебои в материально-техническом снабжении, пассивность некоторых руководителей, а подчас и просто их честолюбивое стремление получить незаслуженные награды, занять лучшее место по результатам социалистического соревнования, представив отчеты и рапорты, искажающие подлинное состояние дел на предприятии.

¹⁰³ См.: Там же.

¹⁰⁴ См.: Иванов С. А., Лифшиц Р. З. Личность в советском трудовом праве, с. 43.

Активная решительная борьба против этих антиобщественных явлений — дело всех государственных органов, должностных лиц, всех граждан. В этом деле не должно быть снисходительности, примиренчества, всепрощения. Александр Гельман очень точно сформулировал одну из причин негативных явлений: «Когда мы наблюдаем что-то плохое, неразумное, вредное, консервативное, можете не сомневаться — оно существует только потому, что кому-то так выгодно. При этом выгода не обязательно экономическая, материальная. Есть еще такая форма выгоды, как покой, бестревожное, беззаботное существование. Покой тоже своеобразный капитал, достояние, удобство, удовольствие жизни. Так сказать, потребительская ценность. Весьма дорогостоящая. Покой одного работника оплачивается, помимо чисто материальных потерь, задержанностью, необязательной тратой сил и нервов десятков и сотен людей»¹⁰⁵.

Совершенствуя распределительные отношения, необходимо учитывать весь комплекс взаимоотношений в процессе труда. Здесь имеется в виду последовательное укрепление во всех сферах народного хозяйства «урегулированности и порядка», которые К. Маркс считал «формами упрочения общественного способа производства»¹⁰⁶. В этом положении четко определена та связь, которая существует между совершенствованием хозяйственного механизма и справедливостью распределительных отношений.

Недостатки в применении принципов социализма в области распределительных отношений порождают многие негативные явления в нашем обществе, начиная от несправедливо полученной премии или зарплаты и кончая приписками, очковтирательством, взяточничеством, хищениями социалистической собственности и иными нетрудовыми доходами. *Распределительные отношения в современных условиях находятся в эпицентре социально-нравственных процессов*, и устранение ряда негативных явлений, порождаемых антиподами социалистической морали, должно начинаться с наведения порядка в сфере распределения, что окажет большое воздействие на упрочение нравственных основ социалистического образа жизни.

Так, одним из проявлений грубейших нарушений распределительных отношений являются приписки, искажения отчетности. Перебои в поставках, простой неизбежно влекут за собой невыполнение планов, которое иные руководители пытаются «исправить» путем искажений отчетности, очковтирательства, приписок. Нарушается важнейший принцип социализма — распределение по труду. Люди получают не только зарплату, но и премии и иные формы материального и морального стимулирования не за сделанную работу, а за мифический, вымышленный результат. Такое положение существенно снижает стимулы к повышению производительности труда, искажает статистические данные о выполнении планов, дает не-

¹⁰⁵ Гельман А. Гарантия победы. — Лит. газ., 1984, 15 авг.

¹⁰⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 356.

правильное представление о подлинном состоянии дел в народном хозяйстве, дезорганизует последующее планирование.

Весьма распространены приписки на транспорте. 7 декабря 1983 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О повышении эффективности использования автотранспортных средств в народном хозяйстве, усилении борьбы с приписками при перевозках грузов автомобильным транспортом и обеспечении сохранности горюче-смазочных материалов»¹⁰⁷, в котором указано на необходимость устранения имеющихся недостатков, совершенствования планирования (Госплан СССР обязан утверждать в годовых планах объемы перевозок автомобилями, а также фонды на топливо и нормы его расхода на перевозки по министерствам и ведомствам), усиления стимулирования за сокращение простоев машин против установленных норм, экономию топлива.

Однако борьба с приписками на автотранспорте требует дальнейшего совершенствования законодательства. «Пример приписок на транспорте,— правильно отмечает Р. Калистратова,— достаточно ярко показывает внутреннюю несогласованность ряда норм различных отраслей права, существующую десятилетиями. Почему же мы терпим такое ненормальное положение?»¹⁰⁸

Еще нередки случаи, когда промышленные объекты и жилые дома сдаются с серьезными недоделками; грубо нарушается порядок приемки промышленных объектов, в результате чего в отчеты включается продукция, которая не может производиться из-за незавершенности объекта¹⁰⁹. Государство терпит огромные убытки, которые выражаются не только в недополученной продукции, но и в незаконно полученных премиях. А что говорить о *нравственных потерях общества* в результате нечестности, продиктованной эгоистическими ведомственными интересами, игнорированием общегосударственных, общенародных интересов.

К сожалению, далеко не всегда и не везде создана атмосфера неотвратимости наказания за приписки и иные искажения отчетности. Например, в Азербайджане во второй половине 1983 г. ревизоры выявили искажения отчетности на 667 объектах. А наказание за обман государства было применено только к 181 человеку¹¹⁰.

Коммунистическая партия требует решительной борьбы со всякого рода нечестностью, неуважительным отношением к закону.

Большая ответственность в борьбе с подобными нарушениями законности ложится на правоохранительные органы. Однако настойчиво и инициативно борются с этим злом далеко не везде. Так, «некоторые прокуроры и следователи проявляют беспринципность в пресечении очковтирательства, поддаются местническим и ведом-

¹⁰⁷ См.: СП СССР, 1984, № 2, ст. 2.

¹⁰⁸ Правда, 1984, 8 июля.

¹⁰⁹ См.: Эпизод к иллюзии.— Правда, 1981, 9 апр.; Отгремели литавры.— Правда, 1982, 18 февр.; В тихом омуте.— Правда, 1984, 19 июля.

¹¹⁰ Правда, 1984, 16 июля.

ственным влияниям, когда встает вопрос об ответственности виновных лиц, нередко сводят к формализму использование правовых средств»¹¹¹.

Серьезные недостатки в деятельности судебных органов, направленной на борьбу с приписками, были отмечены в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 18 апреля 1980 г. «О повышении роли судов в борьбе с приписками и другими искажениями отчетности о выполнении планов»¹¹². В Постановлении отмечается, что приписки и очковитительство продолжают оставаться распространенным хозяйственным преступлением, они допускаются во многих отраслях народного хозяйства, особенно в строительных организациях и колхозах. В ряде случаев нарушения государственной плановой дисциплины сопряжены с хищениями социалистического имущества, взяточничеством и другими опасными преступлениями. Некоторые руководители предприятий, учреждений и организаций идут на обман государства в целях незаконного образования фонда экономического стимулирования, получения премий, заработной платы и других материальных благ. В сферу данного преступления вовлекается значительная часть работников — прорабы, мастера, зоотехники, служащие производственно-технических отделов, бухгалтерий и т. д. Однако отдельные суды еще недооценивают общественную опасность этих деяний, не всегда реагируют на случаи необоснованного отказа в возбуждении либо прекращении уголовного дела следственными органами. В результате некоторые руководители, виновные в приписках, организаторы этих преступлений порой несвоевременно привлекаются либо вовсе не привлекаются к уголовной ответственности.

Пленум отметил недостатки и в практике назначения виновным мер уголовного наказания: суды в ряде случаев без достаточного основания смягчали виновным наказание, предусмотренное ст. 152¹ УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик; к лицам, совершившим приписки, редко применялось дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности; в практике встречались факты, когда руководители предприятий, учреждений и организаций, осужденные за приписки, передавались на поруки и перевоспитание коллективам трудящихся, которыми они руководят; подчас неправильно квалифицируются приписки в отчетности, сопряженные с последующим умышленным незаконным получением премий и других выплат; требует значительного улучшения деятельность судов по возмещению государству, колхозам, другим кооперативным и общественным организациям материального ущерба, причиненного приписками и сопряженными с ними хищениями денежных средств. Пленум обратил особое внимание на необходимость обеспечить полное выявление причин и

¹¹¹ Рекунов А. Решения майского Пленума ЦК КПСС и задачи прокуратуры. — Соп. законность, 1982, № 10, с. 7.

¹¹² См.: Бюл. Верховного Суда СССР, 1981, № 1, с. 35—43.

условий, способствующих припискам, другим искажениям отчетности о выполнении планов.

Учитывая вред, причиняемый приписками *нравственному воспитанию трудящихся*, Пленум рекомендовал рассматривать дела о приписках с привлечением к участию в процессах представителей общественных организаций и трудовых коллективов, широко освещать результаты рассмотрения дел средствами массовой информации, что должно способствовать укреплению государственной дисциплины, созданию обстановки нетерпимости в отношении должностных лиц, пытавшихся путем искажения государственной отчетности скрыть истинное положение с выполнением плановых заданий¹¹³.

В борьбе с приписками важно усиление взаимодействия всех правоохранительных органов, органов народного контроля, внутриведомственного контроля, с тем чтобы их деятельность свидетельствовала о непримиримости к такого рода преступлениям, о стойкой нравственной позиции должностных лиц, способной противостоять любым местным либо ведомственным влияниям. Такая позиция государственных и общественных органов и должностных лиц окажет благотворное воздействие на повышение престижа права, укрепление законности, на нравственное сознание людей.

Однако для искоренения приписок необходимо совершенствование законодательства, направленного на борьбу с этими антиобщественными действиями. Справедливо отмечает Б. В. Коробейников, что в действующем законодательстве отсутствуют четкая регламентация и дифференциация различных видов ответственности за приписки и другие искажения отчетности. В соответствии с действующим законодательством совершение приписок может повлечь за собой три вида ответственности: уголовную, административную, дисциплинарную. Основания уголовной ответственности достаточно четко определены в ст. 152. Такая же четкость нужна при определении оснований дисциплинарной и административной ответственности.

Еще не получили должной регламентации порядок применения *материальной ответственности*, являющейся одной из наиболее эффективных мер борьбы с этими противоправными действиями; вопрос о возмещении материального ущерба, который составляли суммы незаконно полученных премий, заработной платы, а также стоимость незаконно списанных материальных ценностей. Постановление Пленума Верховного Суда СССР подчеркивает необходимость взыскания с виновных сумм, обеспечивающих полное возмещение ущерба, возникающего в результате незаконного получения средств самими виновниками. Однако, учитывая очень значительные суммы ущерба (десятки и сотни тысяч рублей), очевидно, что взыскание их с виновных нереально. Поэтому Б. В. Коробейников предлагает распространить материальную ответственность на лиц, не являющихся субъектами данного преступления, но получивших не-

¹¹³ См.: Там же.

законно начисленные премии и заработную плату и незаконно обогатившихся за счет государства (начальники цехов, мастера, бригадиры, рабочие и т. д.)¹¹⁴.

Необходимо установление таких мер ответственности, которые сделали бы невыгодным обман государства, а незаконное обогащение с неизбежностью влекло за собой наступление негативных материальных и иных последствий. Призывы к совести, честности в этой области мало эффективны. Вряд ли найдется человек, который не понимает безнравственности обмана, получения незаконных сумм; однако происходит адаптация социальных нравов к таким повторяющимся явлениям, возникает защитная реакция: «так поступают все», подрываются устои человеческого достоинства, совести и чести. Эти проблемы остро и бескомпромиссно поставлены в пьесах А. Гельмана «Заседание парткома», «Мы — нижеподписавшиеся», Ю. Маслова «Право на выбор» и ряде других художественных и публицистических произведений. На таких же острых и бескомпромиссных позициях в подходе к припискам должна стоять и юридическая наука, гражданственность которой определяется не только ее политическими, но и нравственными критериями. Это особенно важно, если учесть, что субъектом противоправных действий — приписок, очко-втирательства и других искажений отчетности — являются должностные лица, которые призваны быть примером честности, совестливости, справедливости. Коммунистическая партия требует решительной борьбы с подобными негативными явлениями, со вседозволенностью и безнаказанностью¹¹⁵.

Дальнейшее совершенствование распределительных отношений требует выявления новых форм организации и оплаты труда, которые поставили бы заслон обезличке, уравниловке, незаконному обогащению за счет государства. Как уже отмечалось, одной из таких форм является широкое внедрение бригадной формы труда, организованного по единому наряду с оплатой по конечному результату, с учетом реального трудового вклада каждого работника. Развитие бригадной формы труда должно сопровождаться улучшением его нормирования. Коллективные формы организации и стимулирования труда формируют высокие моральные качества личности, повышают взаимную ответственность членов бригады, укрепляют трудовую дисциплину, способствуют росту квалификации работников. По всей вероятности, по мере развития нашего общества будут возникать новые формы организации труда, основанные на коллективистских началах, на активной социально-нравственной позиции личности.

Неукоснительное проведение в жизнь основного принципа социализма — «каждому по труду» — требует усиления и повышения эффективности охраны социалистической собственности, усиления конт-

¹¹⁴ См.: Коробейников В. В. Задачи совершенствования борьбы с приписками. — Сов. государство и право, 1981, № 3, с. 63—64.

¹¹⁵ См.: Правда, 1986, 26 февр.

роля за мерой труда и мерой потребления, непримиримой борьбы с нетрудовыми доходами. Недопустимо, когда потребительские возможности некоторых людей формируются вне зависимости от их участия в общественном производстве. Это, в свою очередь, способствует действию своеобразного, чаще всего скрытого от глаз общества механизма перераспределения денежных доходов в пользу ограниченных групп населения¹¹⁶, ведет к нарушению основного принципа социализма «от каждого — по способностям, каждому — по труду», отрицательно сказывается на морально-психологическом состоянии людей, ослабляет заинтересованность в результатах труда не только отдельных работников, но и трудовых коллективов, деформирует систему жизненных ориентиров, моральных ценностей.

В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии М. С. Горбачев отметил: «Нужен надежный заслон любым попыткам извлечения нетрудовых доходов. Ведь не перевелись у нас „несуны“, не считающие за преступление тащить с предприятия все, что попадает под руку, да и всякого рода мздоимцы и рвачи, которые не гнушаются использовать свое служебное положение в корыстных целях. По отношению и к тем, и к другим нужно применять всю силу закона, всю силу общественного осуждения»¹¹⁷.

На состоявшемся в ноябре 1981 г. Пленуме Верховного Суда СССР были глубоко проанализированы причины невысокой эффективности действия законов, направленных на борьбу с хищениями социалистической собственности, и принято постановление «О повышении роли судов в борьбе с хищениями государственного и общественного имущества»¹¹⁸. Неотвратимости наказания, предусмотренного законом, подчас препятствуют вовлечение в преступную группу тех, от кого в значительной мере могло бы зависеть ее своевременное разоблачение; откровенный подкуп нравственно нестойких руководителей, закрывающих глаза на незаконную деятельность своих подчиненных; подкуп ревизоров и контролеров, что позволяет долгое время создавать видимость полного благополучия на «вверенном» им участке; «умелая» игра на тщеславии иных администраторов, не желающих «выносить сор из избы» ради благ и поощрений. Таким образом, с помощью денег, «подарков», лести, услуг расхитители получают возможность длительное время оставаться неразоблаченными. А это значит, что новые и новые тысячи принадлежащих государству рублей оседают в карманах преступников, дефицитные товары попадают в руки спекулянтов и т. д.¹¹⁹

Социалистическая собственность существует в исторических отчетах сравнительно короткий срок. Эта форма коллективной, общенародной собственности должна опираться на высокий уровень со-

¹¹⁶ См.: Рутгайзер В. Мера труда — мера потребления. — Правда, 1981, 16 нояб.

¹¹⁷ Правда, 1986, 26 февр.

¹¹⁸ Бюл. Верховного Суда СССР, 1982, № 1, с. 8—11.

¹¹⁹ См.: Ваксберг А. Особо опасен. — Лит. газ, 1981, 13 янв.

знания, высокие нравственные убеждения, которые определяют отношение к ней как к своему, кровному делу. Такое сознание не возникает вместе с утверждением социалистических форм собственности. Для его формирования нужны более или менее длительные исторические сроки. Поэтому важно обеспечить системой правовых и неправовых мер защиту социалистической собственности от любых посягательств. Противоречия между формами собственности и трудно преодолеваемыми стереотипами узкокорыстной морали определяют необходимость установления строжайшего контроля над мерой труда и потребления. Причем такие формы должны быть максимально приближены к условиям социалистического производства, учитывать возможные «прорывы» в сфере индивидуального и группового сознания, с тем чтобы обеспечить быструю и оперативную реакцию на эти негативные явления. Отсутствие оперативных, неотвратимо действующих механизмов защиты социалистической собственности способно породить мелкособственническую психологию и мораль. А это ведет к нарушению коренных принципов социализма в сфере труда и потребления, оказывает отрицательное воздействие на мораль и психологию людей.

По всей вероятности, в сфере охраны социалистической собственности, последовательного проведения принципа распределения по труду допускаются подчас просчеты, способствующие оживлению мелкособственнической морали, нравственным потерям. Это связано и с отсутствием неотвратимости наказания за хищения, с нарушением принципа распределения по труду, что создает примиренческое отношение к хищениям социалистической собственности, настроение «взаимной амнистии» на некоторых предприятиях, стройках, в учреждениях и других организациях, а это, в свою очередь, способствует массовости мелких хищений.

В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии М. С. Горбачев подчеркнул необходимость выработки мер, направленных на формирование подлинно хозяйского отношения к социалистической собственности. При этом он отметил, что «было бы наивно представлять, будто чувство хозяина можно воспитать словами. Отношение к собственности формируется прежде всего теми реальными условиями, в которые поставлен человек, возможностями его влияния на организацию производства, распределение и использование результатов труда»¹²⁰.

Борьба с любыми видами хищений социалистической собственности, нетрудовыми доходами — настоятельное веление времени. Поэтому необходимо выявление тех условий, которые порождают потребительство, иждивенчество, непомерно раздутые потребности, стяжательство, мещанскую психологию и мораль, нарушающие коренные, принципиальные устои социалистического образа жизни, деформирующие справедливость распределительных отношений. Эти явления обладают большой живучестью, способностью втягивать в

¹²⁰ Правда, 1986, 26 февр.

свою орбиту морально неустойчивых людей. Происходит «ценная реакция», стихийное формирование антиобщественных потребностей, создание дефицита. Любые попытки игнорировать реальный уровень социальных нравов оборачиваются большими потерями для общества.

Сегодня со всей остротой встает вопрос о *формировании разумных потребностей людей*. Действующий в условиях социализма закон возвышения потребностей неотделим от высокой духовной культуры личности, от понимания ею необходимости соразмерять свои запросы с реальными жизненными условиями, с интересами других людей, общества в целом. Эгоистическое стремление получить как можно больше благ, отсутствие внутренних ограничителей, бездуховная погоня за «престижностью» — это рецидивы воинствующей мещанской психологии, получившей, к сожалению, достаточно широкое распространение. Отсюда вытекают и неразборчивость в средствах приобретения благ, и нравственная глухота к понятиям совести, чести, справедливости, и деформация подлинно человеческих ценностей. Г. Смирнов, анализируя социально-психологический облик «хапуг», отмечает, что вред их не только в материальном ущербе, но и в аморальном влиянии на окружающих людей. «Порой говорят, что это, мол, пережиток, и испытывают облегчение: прошлое виновато. Конечно, стяжатель — духовный родич кулаку, мироеду. Но думается, сохраняется этот „пережиток“ в первую очередь в силу недостаточности мер, предпринимаемых против него»¹²¹.

Потребительская психология находится в резком противоречии с принципами социалистического образа жизни. Оживление потребительства вызвано рядом причин. Прежде всего следует отметить, что в формировании потребностей еще очень велика доля *стихийности*, вступающей в противоречие с сознательным, целенаправленным формированием разумных потребностей, на которое направлена воспитательная работа Коммунистической партии и Советского государства. Элементы стихийности усиливаются и тем, что существует «противоречие между растущим жизненным уровнем и недостаточным высоким уровнем культуры и социалистической сознательности отдельных людей»¹²².

Поскольку материальное потребление — это сфера повседневной обыденной жизни людей, то в ней активно действуют законы социальной психологии — подражание, заражение, внушение, влияние¹²³. Эти законы проявляются в процессе межличностного общения, они способствуют «передаче» ложно понятых «эталонов» и жизненных ориентаций, формированию мещанских нравов и привычек, суть которых сводится к нехитрой житейской мудрости — «жить не хуже, чем люди». Этой стихийности формирования общественных

¹²¹ Правда, 1984, 24 авг.

¹²² Михайлов Н. Н. Социализм и разумные потребности личности. М., 1982, с. 95.

¹²³ См.: Самсонов Р. Социальная психика и идеология. Ереван, 1970, с. 63.

нравов должны быть противопоставлены подлинные духовные ценности, разумные критерии потребления, определяющиеся не только возможностями, которыми располагает общество, но и внутренней структурой духовно развитой личности.

На оживлении потребительской психологии не могут не сказаться недостатки в оплате труда; факты несправедливого начисления зарплаты, выдачи премий; действия некоторых работников торговли, создающих подчас искусственный дефицит и затрудняющих доступ населения к товарам высокого качества; злоупотребления должностных лиц, использующих свое служебное положение в целях обогащения.

Модель социалистического потребления не должна содержать каких-либо исключений для той или иной социальной группы; это требование является правовым принципом, согласно которому все равны перед законом и закон обязателен для всех.

В формировании потребительской мещанской психологии нельзя не учитывать и личные качества человека, которые воспитываются в семье, в ближайшем социальном окружении. Именно в этой сфере особенно живучи традиции и привычки, складывающиеся веками. Такие привычки «слишком сильны, перевоспитать воспитанный веками в этих привычках народ — дело трудное и требующее большого времени»¹²⁴.

Мещанская, мелкобуржуазная, потребительская психология агрессивна, и «это приводит подчас к тому, что наиболее яростные и беззащитные носители ее вступают в прямое противоречие с законом, со справедливым и гуманным правилом социализма: „Кто хочет жить лучше, тот должен больше и лучше работать“»¹²⁵. Эта потребительская психология порождает хищения социалистической собственности, взяточничество, спекуляцию, казнокрадство. Борьба с этим злом — одно из главных направлений правоохранительной и идейно-воспитательной работы.

Оживление воинствующих мещанских ориентаций вызывает сегодня законную тревогу, что находит отражение в нашей печати, в публицистике, художественной литературе. Ч. Айтматов бескомпромиссно оценил суть таких ориентаций: «...когда материальные блага становятся целью жизни, личность деградирует»¹²⁶. Борис Васильев спрашивает: «Где же мы упустили? Где же прошла та граница между желанием жить нормально и неистребимым стремлением „отличиться“, „блеснуть“ не дарованием, не работоспособностью, не каким-либо толковым предложением — новыми шмотками, личным автомобилем, двухэтажной дачкой»¹²⁷. В. Тендряков подчеркивал, что сегодня, как никогда раньше, важен уровень социально-нравственных отношений между людьми. «Люди — сытые,

¹²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 502.

¹²⁵ Кузнецов Ф. Наши критерии нравственности. — Правда, 1981, 9 нояб.

¹²⁶ Неделя, 1977, № 2, с. 13.

¹²⁷ Лит. газ., 1984, 15 авг.

одетые, обутые все чаще стали не понимать друг друга. А уровень нравственности? Вспомните многочисленные статьи в периодике о засилье „вещизма“, о беспочвенной жестокости, о равнодушии, за которое иной раз приходится расплачиваться жизнью»¹²⁸.

Коммунистическая партия придает первостепенное значение формированию разумных потребностей и интересов личности. В активном целенаправленном воздействии на этот процесс партия видит одну из главных задач социальной политики. Социальная политика Советского общенародного государства направлена на то, чтобы рост материального благосостояния советских людей опирался на принципы социалистической морали, сочетался с укреплением гуманных и коллективистских начал в образе жизни. В современных условиях на передний край выступают те проблемы, которые находятся на пересечении экономических и духовно-нравственных процессов.

XXVII съезд КПСС указал, что отсутствие реализма в оценке действительного положения дел в экономике, социальной области и других сферах не прошло без следа. Наслоения прошлого «дают себя знать, проявляясь в сознании людей, их действиях, поведении. Стиль жизни нельзя изменить сразу, а преодолеть инерцию мышления еще сложнее. Здесь необходимы энергичные усилия».

Забота о формировании разумных потребностей человека неразрывно связана с его культурным, социально-нравственным совершенствованием. Правовые меры борьбы с нетрудовыми доходами, хищениями социалистической собственности, совершенствование социалистических распределительных отношений должны неизменно учитывать реальный уровень общественных нравов. Фактически сложившиеся нравы, негативные социальные нормы могут подчас настолько прочно войти в ткань практических отношений, что способны «блокировать» действие правовых норм, создавать скрытые механизмы общественных связей, идущие вразрез с коренными принципами социализма.

Социально-нравственный смысл правовых мер охраны справедливости распределительных отношений состоит в ориентации на подавляющее большинство честных тружеников и вместе с тем в учете всего многообразия возможных негативных состояний общественного сознания, с тем чтобы избирать гибкие, соответствующие конкретному этапу развития советского общества формы борьбы с антиобщественными действиями, направленными на обход, нарушение правовых требований. При издании нормативно-юридических актов должны оцениваться не только его правовые, но и нравственные последствия, как ближайшие, так и отдаленные.

Нравственная ориентация советского права — его органическое свойство, которое все более раскрывается с углублением научного познания закономерностей развития общественного сознания. Эти закономерности не всегда подчиняются однажды созданной схеме; в развитии сознания бывают свои приливы и отливы, которые пре-

¹²⁸ Там же, 8 авг.

одолеваются благодаря усилиям Коммунистической партии, определяющей важнейшие стратегические и тактические задачи, связанные с совершенствованием социализма. Как отмечалось на XXVII съезде КПСС, у нас существовали облегченные представления о путях и сроках решения задач коммунистического строительства, острота жизненных противоречий нередко игнорировалась¹²⁹.

Такое «облегченное представление» нашло отражение и в правовой жизни общества, в ряде нормативно-юридических актов, которые не всегда учитывали трудности и противоречия экономических отношений, неравномерность и противоречивость развития общественного сознания, социальных нравов. Это не могло не вызвать экономических и нравственных потерь, как это видно на сфере распределительных отношений.

¹²⁹ См.: Правда, 1986, 26 февр.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XXVII съезд КПСС определил программные задачи дальнейшего развития советского общества, пути ускорения его социально-экономического прогресса. В Политическом докладе ЦК КПСС съезду партии, в новой редакции Программы КПСС была подчеркнута неразрывная связь социально-экономических и духовных процессов, роли человеческого фактора, живого творчества масс, утверждения идеалов, принципов и ценностей нашего общества для проведения активной социальной политики, последовательного утверждения справедливости, решительного преодоления инерции, застойности и консерватизма, всего, что сдерживает общественный прогресс.

Необходимым условием достижения нового качественного состояния общества является не только социально-экономическое, но и духовно-нравственное ускорение. Всенародные обсуждения проекта новой редакции Программы КПСС, Устава КПСС, Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду партии, выступления делегатов показали возросшее внимание нашего общества к вопросам морали, которая должна пронизывать все сферы жизни. Подводя итоги обсуждения проекта новой редакции Программы КПСС, М. С. Горбачев сказал: «Заботой о духовном возвышении нашего общества продиктованы пожелания об усилении воспитания советских людей в духе коммунистических идеалов и нравственных норм, борьбы против их антиподов. Программная комиссия сочла целесообразным принять эти предложения, с тем чтобы принципы высокой идейности и морали еще полне пронизывали содержание требований партийной программы».

Все это определяет важность повышения нравственной ориентации советского права, последовательного обеспечения им социальной справедливости, организованности и дисциплины, прав и интересов личности. Укрепление законности, правовой основы государственной и общественной жизни должно осуществляться на основе трезвого и реального учета всех слагаемых общественного развития в законотворческой деятельности. Нельзя недооценивать огромного влияния правовой жизни общества на мораль, которая становится одним из решающих факторов совершенствования социалистического общества, повышения творческой активности и гражданской зрелости советских людей.

Совершенствование законодательства — важный фактор укрепления нравственных начал социалистического образа жизни. Но для упрочения морального сознания не меньшую роль играет и реализация правовых норм. Процесс правореализации оказывает активное

воздействие на состояние морали общества; он призван совершенствовать представления людей о справедливости, долге, чести, социальной ответственности, добре и зле. Поэтому каждый акт право-реализации должен соответствовать моральным нормам и принципам, моральным убеждениям советских людей; он невозможен без моральных оценок, этической обоснованности.

В современных условиях повышается юридическая и моральная ответственность должностных лиц, граждан за точное и неуклонное соблюдение законов. Укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, неуклонное укрепление социалистической законности и правопорядка, улучшение работы народных судов и других органов правосудия, прокурорского надзора, юстиции и милиции — одна из важных задач, выдвинутых Программой КПСС. «Государственные органы обязаны делать все необходимое для обеспечения сохранности социалистической собственности, охраны личного имущества, чести и достоинства граждан, вести решительную борьбу с преступностью, предупреждать любые правонарушения и устранять порождающие их причины»¹.

Общественная мораль обладает высокой реактивностью, четко фиксирует тенденции развития в различных сферах общественной жизни, чутко реагирует на социальные ситуации. Поэтому нельзя недооценивать силу и значимость эмоциональных реакций советских людей на такие нарушения законности, когда игнорируется принцип неотвратимости наказания и виновные уходят от ответственности. О подобных фактах нередко сообщается в печати, дается принципиальная оценка такого рода явлениям. Гражданственно и заинтересованно поднимали вопрос о борьбе с нарушениями социалистической законности делегаты XXVII съезда КПСС.

Современный этап развития общества требует от ученых-юристов всестороннего изучения причин и условий, порождающих нарушения законности, выработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию правовых форм контроля за мерой труда и мерой потребления, обеспечению четкой правоприменительной деятельности, созданию атмосферы нетерпимости к любым нарушениям законности, последовательному проведению в жизнь принципа неотвратимости наказания за любое отступление от закона. Обеспечение строгого осуществления законности, неуклонное совершенствование правовой основы государственной и общественной жизни — необходимое условие воспитания у граждан стойких моральных убеждений, чувства социальной справедливости, ответственности, совести и гражданского мужества.

¹ Правда, 1986, 7 марта.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
----------------	---

Раздел I

ПРАВО И МОРАЛЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ

Глава I. Социальные нормы в системе общественных отношений	7
1. Нормативность, как универсальное свойство общественного бытия	7
2. Модификация объективных социальных норм в идеальные ценностные системы	17
3. Генезис социальных норм и культура	44
Глава II. Общее и специфичное в праве и морали	67
1. Единство сфер действия и функционального назначения права и морали	67
2. Структура правовой и моральной систем	74
3. Основные категории правового и морального регулирования	81
4. Свобода и ответственность	92
5. Специфические свойства бытия права и морали	110
6. Мораль как ценностный критерий права	120

Раздел II ПРАВО, МОРАЛЬ, ЛИЧНОСТЬ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Глава I. Усиление взаимодействия социалистического общенародного права и морали	132
1. Моральный прогресс и возрастание роли общенародного права в жизни общества	132
2. Моральная ценность социалистического общенародного права	157
Глава II. Этические основы взаимоотношений государства и личности в социалистическом обществе	177
1. Связь политико-юридических и нравственных свойств прав, свобод и обязанностей личности	177

2. Принцип взаимной ответственности государства и личности.....	181
3. Гармоничное сочетание общественных и личных интересов.....	189
4. Принцип социалистической законности	196
Глава III. Нравственные критерии совершенствования правовой основы государственной и общественной жизни	
	204
1. Характер противоречий между правом и моралью в социалистическом обществе	204
2. Этическая обоснованность правового обеспечения научно-технической революции	221
3. Нравственные аспекты совершенствования хозяйственного механизма	230
4. Нравственность, справедливость и совершенствование правового регулирования распределительных отношений	238
Заключение.....	260

Елена Андреевна Лукашева
ПРАВО, МОРАЛЬ, ЛИЧНОСТЬ

Утверждено к печати
Институтом государства и права
АН СССР

Редактор издательства О. А. Лапинь
Художник А. В. Савельев
Художественный редактор М. П. Храмцов
Технический редактор Л. Н. Золотухина
Корректоры Р. С. Алимова, Е. Н. Белоусова

ИБ № 31878

Сдано в набор 10.01.86

Подписано к печати 21.03.86. Т-05861.

Формат 60×90^{1/16}. Бумага книжно-журнальная

Гарнитура обыкновенная. Печать высокая

Усл. печ. л. 16,5. Усл. кр. отт. 16,5. Уч.-изд. л. 19,8

Тираж 5300 экз. Тип. зак. 2168

Цена 1 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-485

Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6